Р. Д. ГОЛДИНА

Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье

Р. Д. ГОЛДИНА ЛОМОВАТОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Р. Д. ГОЛДИНА

ЛОМОВАТОВСКАЯ КУЛЬТУРА В ВЕРХНЕМ ПРИКАМЬЕ

ИРКУТСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИРКУТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1985

Печатается по решению ученого совета исторического факультета Удмуртского государственного университета

Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье.— Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с., ил.

В монографии впервые обобщены многочисленные материалы памятников ломоватовской культуры раннего средневековья Верхнего Прикамья. Детально представлены и проанализированы с применением статистической обработки массового материала разнообразные данные о могильниках, поселениях, костищах, кладах, случайных находках; дана хронологическая и этническая интерпретация памятников; определено историческое место племен ломоватовской культуры; выяснены особенности хозяйственной и социальной жизни ломоватовского населения.

Книга предназначена для специалистов-археологов, историков, этнографов, студентов.

Научный редактор: доктор исторических наук *В. Ф. Генинг*
Рецензенты: кандидат исторических наук *М. Г. Иванова*,
кандидат исторических наук *В. Т. Ковалева*

Римма Дмитриевна Голдина

ЛОМОВАТОВСКАЯ КУЛЬТУРА В ВЕРХНЕМ ПРИКАМЬЕ

Редактор *Т. В. Кулик*. Художественный редактор *Е. О. Турунов*. Технический редактор *Л. А. Жернова*. Корректоры *Е. А. Вдовина, А. С. Меркурьев*. Художники *А. И. Лыков, В. А. Карелин*.

ИБ № 236
Сдано в набор 26.04.85. Подписано в печать 5.09.85. НЕ00663. Формат 70×90 1/16. Бумага писчая № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем уч.-изд. л. 19,98+0,09 (вкл.). Усл. печ. л. 20,5+0,07 (вкл.). Усл. кр.-отт. 21,15. Тираж 1500 экз. Заказ № 0153. Цена 2 р. 50 к. Издательство Иркутского университета, 664000, Иркутск—центр, б. Гагарина, 36.
Республиканская типография по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров УАССР 426057, Устинов, ул. Пастухова, 13.

10602—61
М179(03)—85 10.85.0503000000

© Издательство
Иркутского университета, 1985 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ . . . 4
ВВЕДЕНИЕ 5

Глава I. **МОГИЛЬНИКИ ЛОМОВАТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ** 15
1. Погребальный обряд 15
2. Классификация материала 34

Глава II. **ПОСЕЛЕНИЯ ЛОМОВАТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ** 64
1. Городища. Общая характеристика . . . 64
2. Селища. Общая характеристика 79
3. Жилища 86
4. Керамика 94

Глава III. **КОСТИЩА, СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ, КЛАДЫ ЛОМОВАТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ** 99
1. Костища. Общая характеристика 99
2. О назначении и дате костищ . 105
3. Случайные находки и клады . 112

Глава IV. **ДАТИРОВКА, ПЕРИОДИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПАМЯТНИКОВ** 123
1. О дате и периодизации памятников . 123
2. О культурном единстве памятников 133

Глава V. **ВОПРОСЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ** 145
1. Хозяйство . 145
2. Общество . 162
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 170
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ . 172
СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ . 187

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Список памятников ломоватовской культуры 188
Приложение 2. Таблицы 209
Приложение 3. Указатель к таблицам 263
Приложение 4. Алфавитный указатель памятников к рис. 1. 278

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первое тысячелетие н.э.— интереснейший период в древней истории Верхнего Прикамья, характеризующийся богатством и разнообразием археологических памятников.

Это время значительных этнических перемещений, приведших к существенному изменению этнической карты Прикамья и оказавших большое влияние на дальнейший процесс развития финно-угорских народов Приуралья. Развитие производительных сил в исследуемое время обусловило разложение первобытно-общинного строя. Археологические памятники V—IX вв. на Верхней Каме (от устья р. Чусовой) относятся к ломоватовской культуре. В настоящее время основная задача в области исследования ломоватовской культуры заключается в обобщении и систематизации большого и разнопланового материала с целью создания прочной, достаточно полной и всесторонней источниковедческой базы для решения исторических проблем этого времени, чему и посвящена данная книга.

Основой для ее написания явились многочисленные материалы по ломоватовской культуре как дореволюционных исследований, так и советского периода. Изучены археологические коллекции памятников рассматриваемого времени, а также архивные материалы, хранящиеся в фондах кабинета археологии Пермского университета, археологических лабораторий Уральского и Удмуртского университетов, институтов археологии АН СССР Москвы, Ленинграда, Пермского областного, Кунгурского, Чердынского, Кудымкарского, Гайнского музеев, северо-восточной секции отдела первобытной культуры Государственного Эрмитажа.

Значительная часть использованных материалов получена в результате исследований В. Ф. Генинга, В. А. Оборина, Ю. А. Полякова, В. П. Денисова и др. Считаю своим долгом поблагодарить их за предоставленную мне возможность работать с этими источниками. Особую признательность хочу выразить своему научному руководителю В. Ф. Генингу, определившему во многом проблематику работы, подход и методику решения многих задач.

Данная книга во многом проиграла бы без материалов, полученных в 1973—1980 гг. Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского университета. Всем многочисленным сотрудникам этой экспедиции, кто своими руками добывал материал, а также участвовал в его обработке, учащимся школ г. Устинова и республики, выпускникам исторического факультета Удмуртского университета, всем, кто способствовал работе Камско-Вятской экспедиции все эти годы, автор приносит самую сердечную благодарность.

Автор особо благодарит всех сотрудников лаборатории археологических исследований и студентов-археологов Удмуртского университета за неоценимую помощь при подготовке этой книги.

ВВЕДЕНИЕ

Первые сведения о «чудских городках» Верхней Камы встречаются в писцовых книгах Яхонтова, Кайсарова и др. Некоторые из них упоминаются в дневниках путешествий П. С. Палласа, И. И. Лепехина, капитана Н. П. Рычкова. В 1810 г. чиновник Пермской казенной палаты В. Н. Берх обследовал в числе других памятников Урольское селище, а также произвел небольшие раскопки Пянтежского городища [89, с. 92, 93]. Спустя 70 лет А. П. Иванов описал около десяти поселений ломоватовской культуры [164, с. 10—39].

На рубеже XIX—XX вв. активную деятельность по сбору древностей развернули местные краеведы А. Е. и Ф. А. Теплоуховы. Усилиями этих энтузиастов была собрана знаменитая коллекция «чудских изделий», в которой насчитывалось более 400 различных вещей ломоватовского времени. Большая часть предметов происходит из случайных сборов, сделанных местными жителями на разрушающихся памятниках и прежде всего могильниках. Ценными находками явились предметы Плесинского и Георгиевского кладов. Теплоуховы не только коллекционировали древности, но и обследовали памятники, делая их описания в «Археологическом дневнике» [66]. Ими описаны около двух десятков поселений ломоватовской поры, а также Панкрашинское и Останинское костища, которые интенсивно разрушались местными жителями при добыче костей для фосфорного завода. Теплоуховы раскопали уникальные памятники: Гаревское, Ильинское (А. Е. Теплоухов) и Усть-Туйское (Ф. А. Теплоухов) костища.

Коллекция Теплоуховых была подготовлена к изданию известным археологом А. А. Спицыным [302] во время его поездки в Пермскую губернию в 1898 г. Несколько раньше, в 1894 г., он предпринял экскурсию в низовья р. Колвы. По заключению А. А. Спицына эта местность была настолько обильна памятниками, что почти в каждом селении ему удалось приобрести древние вещи [63, л. 28—29]. Последний раз А. А. Спицын был на Верхней Каме в 1901 г. [253, с. 113—115]. В это время обследован могильник VI-VII вв. у д. Грудята на р. Ломоватовке, осмотрены местонахождения у д. Зобачева и Маркова, а также раскопаны 47 погребений на Деменковском могильнике VII—IX вв.

По рекомендации А. А. Спицына в бывшем Чердынском уезде Пермской губернии начал раскопки памятников древности аспирант Казанского университета, а позже инспектор народных училищ этого уезда В. Л. Борисов. В течение 1900—1901 гг. им были проведены исследования на Харинском, Агафоновском, Бурдаковском 1, Пыштайнском, Бельковском курганных могильниках V—VI вв., где было раскопано в общей сложности 68 насыпей с 86 погребениями [252, с. 87—89; 253, с. 115—116; 254, с. 88—89; 2; 49]. Среди работ этого времени следует отметить также разведочные обследования на Верхней Каме Н. Г. Первухина и А. Н. Шатрова [260, с. 116—118; 261, с. 148; 337, с. 78, 86], а также небольшие раскопки С. И. Сергеева на Подбобыкском костище.

Особого внимания заслуживает деятельность И. Я. Кривощекова, который совершил в 1886, 1889 и 1910 г. поездки по Чердынскому и Соликамскому уездам с целью сбора сведений об археологических памятниках [191, с. 103, 108, 110, 117—119; 192, с. 31]. Кроме того, в 1889 г. им были проведены рекогносцировочные раскопки одного кургана на Чазевском I могильнике V—VI вв.

За весь досоветский период было обследовано около 40 поселений ломоватовской культуры и несколько могильников. Абсолютное большинство первых составляли городища, что объясняется несовершенством методики археологического поиска. Характер обследования был примитивен, он заключался преимущественно в осмотре памятника и сборе материала. Исследования культурных остатков велись эпизодически и главным образом траншейным способом, что, естественно, не давало возможности изучить планиграфию поселков, конструкцию жилищ, хозяйственных построек. При таких обследованиях накопление материалов для характеристики и датировки памятников шло очень медленно. Кроме того, результаты исследований этого времени почти не нашли отражения в литературе. Были опубликованы лишь итоги раскопок А. Е. Теплоухова на Гаревском [313, с. 1—22] и С. И. Сергеева — на Подбобыкском костищах [248, с. 37—38; 288, с. 52—54; 321, с. 131—151]. Большие исследования В. Л. Борисова на курганных могильниках известны лишь по кратким заметкам, опубликованным в ОАК, краткому отчету о раскопках в 1900 г., присланному им в археологическую комиссию, и описям предметов из раскопок за 1900 г. [2] и 1901—1902 гг. [49]. Важнейшие сведения о погребальном обряде этих могильников утрачены почти полностью.

Качественно новый этап в изучении памятников ломоватовской культуры начался в советское время. В 1925—1938 гг. много и плодотворно работали А. В. Шмидт, Н. А. Прокошев, М. В. Талицкий. С организацией Камской археологической экспедиции ГАИМК под руководством А. В. Шмидта началось обследование р. Камы и ее притоков на территории Добрянского района [341, с. 290—293; 345, с. 171—174], а также бассейна р. Чусовой [268, с. 181—182, 185, 186]. Работы в последнем районе были продолжены в 1935 г. Н. А. Прокошевым [270, с. 257, 265] совместно с М. В. Талицким и П. И. Борисковским [310, с. 126—130]. Большие исследования в бассейне р. Иньвы были проведены в 1938 г. М. В. Талицким.

Итогом этой деятельности явились данные о 52 поселениях ломоватовской культуры. При этом 41 памятник из них был открыт впервые. В корне изменился характер работ. Обследование велось, как правило, сплошным маршрутом, что давало возможность выявить на небольшой сравнительно территории значительное количество новых памятников. Особенно показательны в этом отношении исследования М. В. Талицкого в бассейне р. Иньвы, где им было осмотрено в 1938 г. 24 поселения изучаемого времени, 17 из которых открыто впервые. Изменение характера работ повлекло за собой и другие качественные перемены — выявлено значительное число селищ. Так, в бассейне р. Чусовой из 18 поселений, открытых в 1932—1935 гг., известно 10 селищ. Изменилась и методика обследования. Помимо осмотра поверхности почти

всегда снимали топографический план, исследовали с помощью шурфов состояние культурного слоя, делали подробные описания. Результаты не замедлили сказаться: появилась возможность на основании разведочных материалов определить хронологические рамки существования памятников, выявить круг поселений, относящихся к ломоватовской культуре. Эта работа была проведена А. В. Шмидтом для памятников Добрянского района [341, с. 290—293; 345, с. 171—174] и М. В. Талицким для памятников рр. Чусовой [310, с. 126—130] и Иньвы [65].

Объективными недостатками исследований этого времени были ограниченность проводимых работ рамками узких регионов (рр. Чусовая, Малый и Большой Туи, Гаревая, Иньва, Кама до с. Таман), а также почти полное отсутствие крупных стационарных работ. Поселения не раскапывались совсем, а из погребальных памятников в это время был раскопан А. В. Збруевой лишь один курган на Полуденном могильнике [312, № 902].

Широкие планомерные исследования археологических памятников в Верхнем Прикамье стали возможны лишь с организацией в 1947 г. Камской археологической экспедиции (руководитель О. Н. Бадер). В результате участия в работе студентов-археологов Пермского университета (В. А. Оборина, В. Ф. Генинга, В. П. Денисова, Ю. А. Полякова, В. Неприной, М. Ланько, И. С. Поносовой, Э. М. Медниковой и др.) удалось охватить сплошными маршрутами значительную часть бассейна Верхней Камы. Тщательному обследованию был подвергнут Добрянский район, бассейны рр. Б. и М. Туя, Гаревой. На базе широких поисковых работ здесь развернулись крупные стационарные исследования. В 1951—1953 гг. В. Ф. Генингом были проведены раскопки на Опутятском городище (IV—VI вв.), Зародятском селище (VI—VIII вв.), Усть-Туйском костище, Бурковском курганном могильнике. Одновременно Ю. А. Поляков исследовал Коновалятское (V—VI вв.) и Патраковское (VI—VIII вв.) селища. Другим районом стационарных работ был бассейн р. Косьвы, где под руководством В. А. Оборина были исследованы Баяновские селище и могильник VIII—IX вв., а также Лаврятское городище VIII—XI вв.

Активизируется деятельность краеведческих музеев. Усилиями Чердынского музея были проведены рекогносцировочные раскопки на Редикарском могильнике VIII—X вв. (И. А. Лунегов), Пермского музея — на Деменковском VII—IX вв. (В. Ф. Генинг) и Б. Висимском V—VIII вв. (В. П. Денисов), Кудымкарского — на Митинском, Чазевском I, II, Пеклаыбском I могильниках V—VI вв., Урьинском, Каневском и Важгортском могильниках VIII—IX вв. (В. Ф. Генинг).

В 70-е гг. работы по изучению памятников ломоватовской культуры проводят Камская экспедиция Пермского университета (В. А. Оборин, Ю. А. Поляков), а также Камско-Вятская Удмуртского университета (Р. Д. Голдина, В. А. Кананин). Широко практикуются сплошные обследования коротких отрезков, позволившие выявить значительное количество новых памятников.

Из стационарных работ следует отметить большие по масштабу раскопки могильников Агафоновского I, Аверинского II (Р. Д. Голдина), Телячий Брод (В. А. Оборин), Щукинского, Русиновского

(В. А. Кананин) и др. Особый интерес представляют раскопки городищ: Саламатовского II (В. А. Оборин), Шудьякар (Р. Д. Голдина, В. А. Кананин), Бутырского, Назаровского (Ю. А. Поляков), а также Русиновских селищ (В. А. Кананин).

Исследования 50—70-х гг. нужно признать наиболее плодотворными. Выявлено большое количество новых объектов, изучены комплексы памятников (Аверинский II могильник и городище Шудьякар; Русиновские селища и могильник), произведены исследования на больших площадях, что дало возможность более ярко представить эволюцию материальной культуры.

Долгое время работа по составлению археологической карты памятников этого времени велась только в рамках систематизации сведений о всех древних объектах Верхнего Прикамья. Начало этой деятельности было положено А. Е. и Ф. А. Теплоуховыми [66]; работа продолжена И. Я. Кривощековым, собравшим сведения об археологических памятниках бывших Чердынского и Соликамского уездов Пермской губернии [191]. Наличие необходимых данных, а также ссылки на источники делают эту книгу пригодной к использованию и в настоящее время. Продолжением подобной деятельности явилась публикация И. Г. Остроумова [243, с. 6—11]. Однако ограниченность сведений о памятниках и использование непроверенных данных (городищами названы Зародятское, Зобачевское, Патраковское селища), а также полное отсутствие указаний на характер источников значительно снижает научную ценность этой работы.

Итогом исследований по составлению карты культуры в дореволюционное и довоенное советское время стала книга И. А. Талицкой «Материалы к археологической карте бассейна р. Камы» [312], где собраны в числе других сведения более чем о 70 ломоватовских поселениях. Это первое полное собрание данных о памятниках Прикамья, что определяет огромную важность исследования.

Широкая поисковая деятельность, совершенствование методических приемов разведки позволили уже в предвоенное время довольно четко выявить среди других памятники ломоватовского времени, определить их вероятную дату и специфические особенности. Эта работа была выполнена для добрянского куста А. В. Шмидтом [341, с. 290—293; 345, с. 171—174], а для памятников рр. Чусовой и Иньвы — М. В. Талицким [65; 310, с. 126—130]. В дальнейшем по памятникам, обследованным в 1949—1953 гг., она была продолжена В. Ф. Генингом, В. А. Обориным, Ю. А. Поляковым.

Первая попытка составить карту памятников ломоватовской культуры была предпринята в дипломной работе В. Ф. Генинга «Археологические памятники ломоватовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье», написанной в 1952 г. Им была составлена карта и список всех памятников этой культуры. Однако приложение к карте со сведениями об административном и топографическом размещениях памятников, об их изучении, результатах исследований не сохранилось. В список В. Ф. Генинга вошло большое количество памятников I тысячелетия н. э., расположенных в бассейнах рр. Сылвы, Средней Камы и ее притоков, не относящихся к ломоватовской культуре.

Таким образом, учет всех сведений о памятниках ломоватовской культуры и составление археологической карты этого времени явилось одной из задач данной работы. Накопленные к настоящему времени материалы как опубликованные, так и отчетного характера сделали ее вполне выполнимой (рис. 1). В карту не включены многочисленные памятники железного века на Верхней Каме, более точная датировка которых невозможна из-за ограниченности материала.

Обобщение археологического материала Верхнего Прикамья было начато А. А. Спицыным, который при обработке коллекции Теплоуховых выделил группу предметов ломоватовского типа, датировав ее VIII—IX вв. [302, с. 23]. Основываясь на известных в то время материалах, А. В. Шмидт говорил о существовании ломоватовской культуры в рамках VI—VIII вв. Он отмечал также существенное сходство культур Верхнего Прикамья и бассейна р. Белой в I тысячелетии н. э. и объединял их в особую камско-бельскую группу финно-угорского происхождения [339; 342, с. 25—26].

Итогом изучения истории народов Среднего Поволжья и Прикамья I тысячелетия н. э. в дореволюционное и довоенное время явилась работа А. П. Смирнова, в которой несколько разделов посвящено ломоватовской культуре [291, с. 80—82, 174—189]. Он считал, что в IV—V вв. (харинское время) в Прикамье появилась значительная группа племен сарматского происхождения. Ломоватовская культура, по мнению этого автора, складывалась на основе пьяноборской, с влиянием сасанидской, византийской, аланской культур, а также Поднепровья и Сибири. А. П. Смирнов совместно с О. Н. Бадером исследовал также вопросы, связанные с использованием восточного серебра прикамскими племенами, временем и путями проникновения его в Прикамье [291, с. 145; 86].

Широкие раскопки, проведенные в 50—70-х гг. на памятниках ломоватовской культуры, дали возможность по-новому осветить основные проблемы истории этого времени. Появился ряд работ, посвященных публикации материалов раскопок отдельных памятников [105; 111; 118; 119; 198; 223; 225; 231; 263], в которых иногда предпринимаются попытки разрешить отдельные вопросы истории культуры. Этому времени посвящены некоторые разделы в сводных работах по истории Прикамья, написанных О. Н. Бадером [81], В. А. Обориным [84] и В. Ф. Генингом [106].

Первоначально в территорию изучаемой культуры включали, кроме бассейна Верхней Камы, бассейны рр. Чусовой и Сылвы [81, с. 70—73; 104, с. 87—98; 106, с. 89, 191; 84, с. 145, 156]. Позже неоднократно высказывались суждения о правомерности выделения памятников бассейна р. Сылвы в самостоятельную неволинскую культуру [229, с. 57; 112, с. 337—342; 124, с. 87—98].

Начало ломоватовской культуры в Прикамье связано с притоком сюда нового населения из степных районов Приуралья [81, с. 74] или Южного Зауралья [84, с. 139; 106, с. 186, 187]. О. Н. Бадер, В. Ф. Генинг и В. А. Оборин датировали ломоватовскую культуру III—VIII вв. и подразделили на два этапа: харинский и неволинский [81, с. 70—78; 104, с. 96—98; 106, с. 182—194; 84, с. 145—165]. Позже В. Ф. Генинг

выделил этап, переходный к родановской культуре, VIII — 1-я половина IX в. [111, с. 118—124].

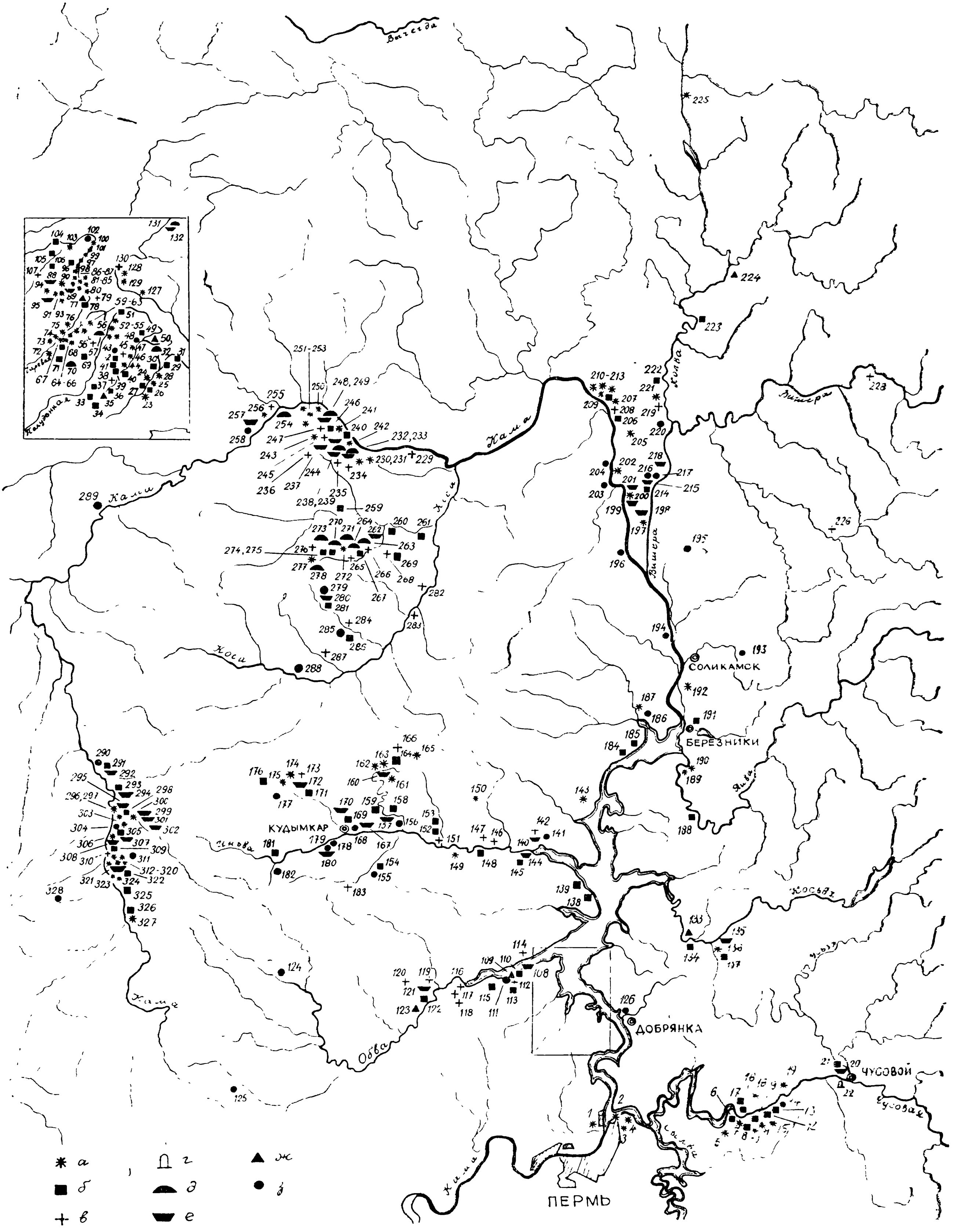
В некоторых работах предприняты попытки анализа отдельных категорий памятников [68; 111] или вещей [36], но задачу сбора и классификации всего материала еще предстояло решить. Вопросы истории хозяйства ломоватовского населения рассматривались М. В. Талицким [311, с. 43], О. Н. Бадером, В. Ф. Генингом и В. А. Обориным [81, с. 73—76; 106, с. 189; 111, с. 101, 122; 228, с. 222—223].

Некоторые аспекты общественных отношений рассмотрены В. Ф. Генингом и В. А. Обориным. Их основные положения сводятся к следующему: в I тысячелетии н. э. в Прикамье происходит замена рода как хозяйственной единицы патриархальной семьей [226, с. 91—92; 106, с. 180—181] при сохранении достаточно прочных родовых традиций; патриархальные отношения в семейном праве длительное время существуют с пережитками матриархата [84, с. 164]; значительного развития достигла военная организация; наблюдается существенная имущественная дифференциация. Перечисленные закономерности отмечены В. Ф. Генингом также на материалах поломской и азелинской культур [108, с. 94—106; 110, с. 61—78].

Несмотря на попытки разрешить многие вопросы истории ломоватовской культуры, в целом этот период остался одним из малоисследованных в древней истории Прикамья. Проблемы этой культуры еще ни разу не рассматривались в специальной монографической работе. Накопленные материалы, и прежде всего погребальные комплексы, делают возможным более дробное хронологическое членение культуры и уточнение датировки отдельных памятников и культуры в целом. На этой основе возможно освещение вопросов самостоятельности, определения специфических особенностей культуры, более четкое выявление ее территории, соотношения с соседними культурами. Новые материалы позволяют с большей полнотой характеризовать хозяйство и общественные отношения населения ломоватовской культуры. Попытку разрешить некоторые из перечисленных задач и представляет настоящая работа.

Объектом исследования явились многочисленные памятники ломоватовской культуры: могильники, поселения, костища, находки, клады. Некрополи этого времени делятся на курганные (V—VI вв.) и бескурганные (VI—IX вв.) К настоящему времени исследовано 12 курганных могильников (табл. 1), на которых раскопано 296 захоронений. Бескурганные памятники представлены 1 076 могилами, обнаруженными на 17 могильниках, где раскопана площадь около 11 тыс. кв. м. (табл. 2). На 15 поселениях исследовано более 15 тыс. кв. м. культурного слоя (табл. 3) и обнаружены различные жилые и хозяйственные сооружения. Интереснейшей категорией памятников являются костища, из которых изучено 4. К ломоватовской культуре отнесены также около 40 пунктов случайных находок различных украшений и предметов вооружения и столько же кладов.

Привлекаемый материал в силу различных обстоятельств неравноценен. В частности, для гайнской группы курганных могильников совсем не сохранились важные сведения о погребальном обряде. Их нет

Вычегда
Кама
Вишера
Колва
Яйва
Косьва
Косa
Иньва
Обва
Чусовая
Сылва
Усьва
Полуденная
СОЛИКАМСК
БЕРЕЗНИКИ
КУДЫМКАР
ДОБРЯНКА
ЧУСОВОЙ
ПЕРМЬ
а
б
в
г
д
е
ж
з

Таблица 1

Сведения о раскопанных курганных могильниках Верхнего Прикамья

Группа	Могильник	Автор раскопок	Год	Кол-во раскопанных курганов	Кол-во раскопанных погребений		Всего
					под курганами	под разрушенными насыпями	
	Харино	В. Л. Борисов	1900	20	32		32
		»	1901	18	31		31
		»	1902	15			
Гайнинская	Бурдаково I	»	1900	10	8		8
	Агафоново I	»	»	2	5		5
		Р. Д. Голдина	1962	1			
	Пыштайн	В. Л. Борисов	1900	3			
		В. А. Оборин	1964			14	14
	Всего в группе			69	76	14	90
Косинская	Митино	В. Ф. Генинг	1956	5	10	41	51
	Чазево I	И. Я. Кривощеков	1889	1			
		В. Ф. Генинг	1956	2	3		3
	Чазево II	»	»	4	7		7
	Пеклаыб I	»	»	1	2		2
	Бельково	В. Л. Борисов	1900		10		10
	Всего в группе			13	32	41	73
Обвинская	Б. Висим	В. П. Денисов	1959	погребения разрушены			
Туйско-Гаревская	Бурково	В. Ф. Генинг	1952				
		»	1953	17	38	94	132
	Полуденка	А. В. Збруева	1936	1	1		1
	Всего в группе			18	39	94	133
	Итого			100	147	149	296

и для Б. Висимского некрополя, размытого Камским морем. Однако широкие раскопки на аналогичных памятниках других групп позволяют восполнить пробел. Наиболее выразительны и хорошо документированы комплексы могильников VII—IX вв.

Исследованные поселения территориально распределяются далеко не равномерно (см. рис. 1). Пять из них — Опутятское и Бутырское городища, Коновалятское, Зародятское, Патраковское селища — находятся в бассейне р. М. Туй, Лаврятское городище и Баяновское селище расположены на р. Косьве, Саламатовское II городище — на р. Чусовой, Назаровское городище — на р. Обве, Лисья Курья селище — на севере, на границе с Коми АССР, городища Шудьякар, Ором, Бисеровское II, Русиновские I и II селища — в верховьях р. Камы. Таким образом, поселения некоторых районов не исследованы или исследова-

Таблица 2

Сведения о раскопанных бескурганных могильниках VI—IX вв. Верхнего Прикамья

Могильник	Дата, вв.	Автор раскопок	Год	Вскрытая площадь, кв. м	Кол-во раскопанных могил
Деменки	VII—IX	А. А. Спицын	1901	?	47
		В. Ф. Генинг	1953	720	153
Редикар	VII—X	И. А. Лунегов	1950	?	6
		В. А. Оборин	1971	?	?
Баяново	VIII—IX	»	1951		
		»	1953	96	17
Урья	VIII—IX	В. Ф. Генинг	1952	780	56
Канево	VIII—IX	»	1953	594	30
Важгорт	VIII—IX	»	1953	170	6
Б. Висим	VII—VIII	В. П. Денисов	1958		
		»	1959	912	2
Плес	VII—X	В. А. Оборин	1960	?	14
Агафоново I	VI—IX	Р. Д. Голдина	1962		
		»	1969—		
		»	1971	3 375	377
		»	1973		
		»	1974		
Телячий Брод	VII—XII	В. А. Оборин	1964	94	4
Мелехино	VIII—XI	Ю. А. Поляков	1962		3
Пешнигорт	VIII—IX	М. В. Талицкий	1938	?	1
		А. Г. Поляков	1971	?	1
		Л. Д. Макаров	1976		4
Тимино	VIII—XI	Н. Г. Первухин	1885	?	2
		Р. Д. Голдина	1974	45	1
Аверино II	VI—IX	»	1975—	2 500	224
		»	1976		35
		В. А. Кананин	1978		
Щукино	VI—IX	»	1977	1 100	82
Русиново	VIII—IX	»	1977—1978	175	10
		»			
Васинево	IX	»	1977	35	1
Итого				10 596	1 706

ны недостаточно, что в значительной мере затрудняет их сопоставление. Кроме того, размещение этих памятников в порядке их относительной хронологии неравномерно. К ранним поселениям относятся 5 из 15 исследованных: Опутятское и Бутырское городища, Коновалятское, Патраковское, Лисья Курья селища. Средний период культуры представлен материалами Бисеровского II, Ором, Шудьякар и Назаровского городищ, Зародятского и Русиновского II селищ. К поздним памятникам, отражающим процесс перехода от ломоватовской к родановской культуре, относятся Баяновское и Русиновское I селища, Лаврятское и Саламатовское II городища.

Отсутствуют важные данные о костищах Верхней Камы, так как исследование большинства их велось в досоветское время несовершенными способами (за исключением Усть-Туйского).

Таблица 3

Сведения об исследованных поселениях ломоватовской культуры

Памятник	Дата, вв.	Автор раскопок	Год	Вскрытая площадь, кв. м
Опутятское городище	V—VI	В. Ф. Генинг	1951—	
		»	1952	5 552
Лаврятское городище	VIII—IX	В. А. Оборин	1953	208
Коновалятское селище	V—VI	Ю. А. Поляков	1952	1 792
Зародятское селище	VII—VIII	В. Ф. Генинг	»	
		»	1953	3 927
Патраковское селище	VI—VII	Ю. А. Поляков	»	36
Баяновское селище	VIII—IX	В. А. Оборин	1953	140
Лисья Курья селище	V—VI	»	1965	184
Саламатовское II городище		»	1964	?
Бутырское городище	V—VI	Ю. А. Поляков	1972	604
		»	1973	412
Шудьякар городище	VI—XIV	Р. Д. Голдина	1974—	
		»	1975	794
		В. А. Канашин	1976	
Ором городище	VII—IX	»	1978	225
Бисеровское II городище	VII—IX	»	»	100
Русиновское I селище	VIII—IX	»	1977	37
Русиновское II селище	VI, XII—XIV	»	1978	270
Назаровское городище	VI—IX	Ю. А. Поляков	1977	508
			1979	692
Итого				15 471

Необходимо отметить, что далеко не все результаты раскопок опубликованы. Почти полностью изданы доступные материалы харинских могильников [105, с. 115—116; 291, с. 80—81, табл. XVII—10—11; 234, с. 25—26; 120]. Неплохо обстоят дела с публикацией материалов могильников VI —IX вв. [111; 223; 225; 198; 119, с. 30—56]. Подробно опубликованы итоги раскопок на Коновалятском селище [263, с. 207—218], Опутятском [118] и Лаврятском городищах [223, с. 158—159; 225, с. 107—110], а также Баяновском селище [225, с. 110—111]. Фрагментарно известен материал городища Шудьякар [174], Саламатовского II [241] и др. Часть материалов как поселений, так и могильников привлекалась при характеристике общеисторических проблем Верхнего Прикамья [81; 84; 106].

Результаты раскопок Подбобыкского костища были изданы С. И Сергеевым и Ф. А. Теплоуховым. Фрагменты материалов других костищ известны по различного рода статьям и публикациям разных авторов [302; 304; 154, с. 36; 164, с. 24, 35—36, 39; 349, № 578]. Итоги работ на Усть-Туйском костище, проведенных В. Ф. Генингом, кратко изложены в различных статьях [81; 82, с. 123; 105, с. 120—123]. Вместе с тем многие материалы, особенно из раскопок 50—70 гг., пока еще не нашли отражения в литературе.

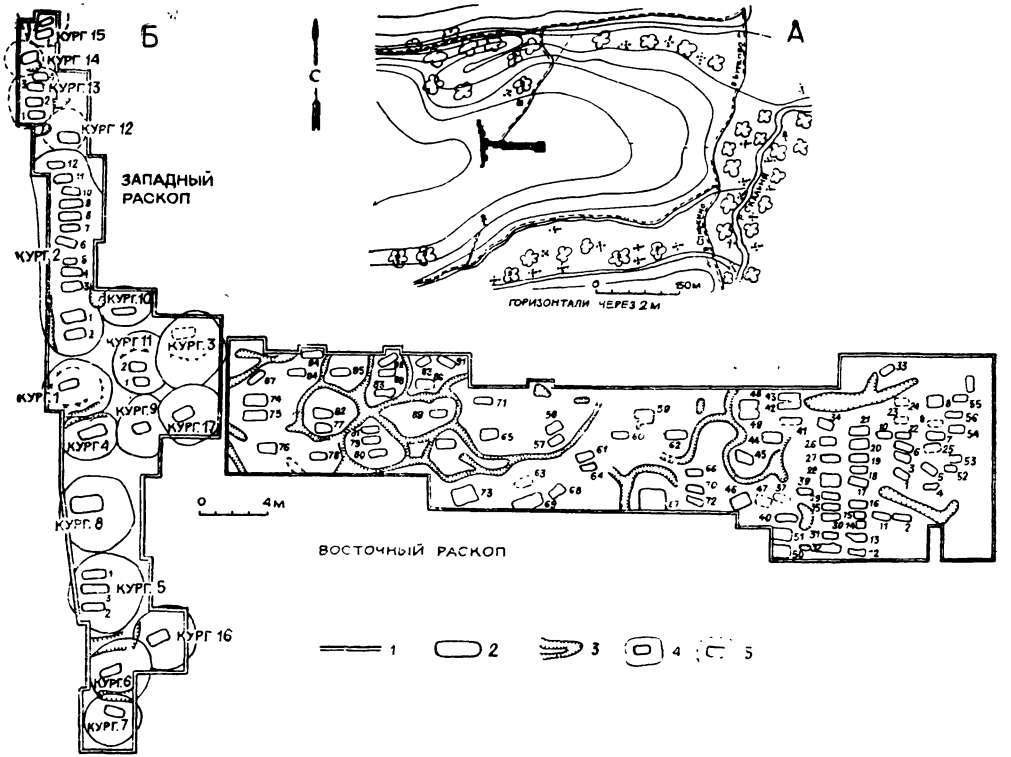

Рис. 2. Бурковский могильник: А — топографический план; Б — план раскопа; 1 — граница раскопа; 2 — очертания могильных ям; 3 — границы канавок и ям; 4—5 — очертания курганов

ГЛАВА I. МОГИЛЬНИКИ ЛОМОВАТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Погребальные памятники эпохи раннего средневековья Верхнего Прикамья довольно многочисленны и делятся на две группы: курганные и бескурганные. Необходимо отметить, что это деление в значительной мере условно, так как исследования 70 — начала 80-х гг. показали, что многие могильники Верхнего Прикамья имеют как курганную, так и бескурганную части. Традиция сооружать насыпь над могилами существовала в V—VI вв., в конце VI — начале VII в. она исчезает, и могильники становятся бескурганными. Но поскольку курганы в Верхнем Прикамье — весьма своеобразное, необычное явление, характерное лишь для определенного периода, представляется целесообразным рассмотрение погребального обряда в отдельности для курганных и бескурганных могильников.

Курганные могильники в Верхнем Прикамье располагаются четырьмя группами. Наиболее многочисленны они в гайнинском и косинском районах. Говорить о количестве курганов можно лишь приблизительно, так как они разрушены распашкой. Количество сохранившихся курганов варьируется от 76 (Чазево II), 53 (Харино), 40 (Чазево I) и 30 (Бельково) до 6—8 (Митино, Пеклаыб I, II). При раскопках следы курганов обнаружены и на распаханных площадях (Бурково — рис. 2-Б, Митино — рис. 3).

Могильники расположены, как правило, в топографически невыделяющихся местах: на невысоких коренных террасах мелких речек, стариц р. Камы (Агафоново, Митино, Чазево I, II, Пеклаыб II, Бурково — рис. 2-А) или на ровных водоразделах (Пеклаыб I). Курганы вытянуты рядами в направлении СЗ-ЮВ (Митино — рис. 3) или С-Ю (Бурково — рис. 2-Б, Чазево I). Высота насыпей невелика — от 10 до 90 см.

Курганы в плане имеют обычно округлую форму диаметром от 4 до 9 м. Изредка встречаются вытянутые овальные насыпи (6×26 м). Под расплывшимися насыпями иногда обнаруживаются канавки — кольцевые (Чазево II, к. 3) или полукольцевые (Митино, к. 2, 5: Чазево II, к. 1), из которых, вероятно, брался грунт для сооружения насыпи. В большинстве случаев такие канавки заменены вытянутыми ямами глубиной 40—70 см (Митино, к. 1, 4; Чазево II, к. 2, 4), по одной (Бурково, к. 14, 15) или по две, располагающиеся с различных сторон кургана (Бурково, к. 2, 6, 13, 17; Пыштайн). Такие ямы-канавки обнаружены в большинстве на распаханных частях Бурковского и Митинского могильников. На окраине восточного раскопа Бурковского могильника отсутствуют и канавки и ямы, что объясняется, по-видимому, полным исчезновением обычая насыпать курган. Место погребения лишь отмечалось, вероятно, небольшим холмиком. В некоторых случаях в заполнении канавок (Бурково, восточный раскоп) встречаются немногочис-

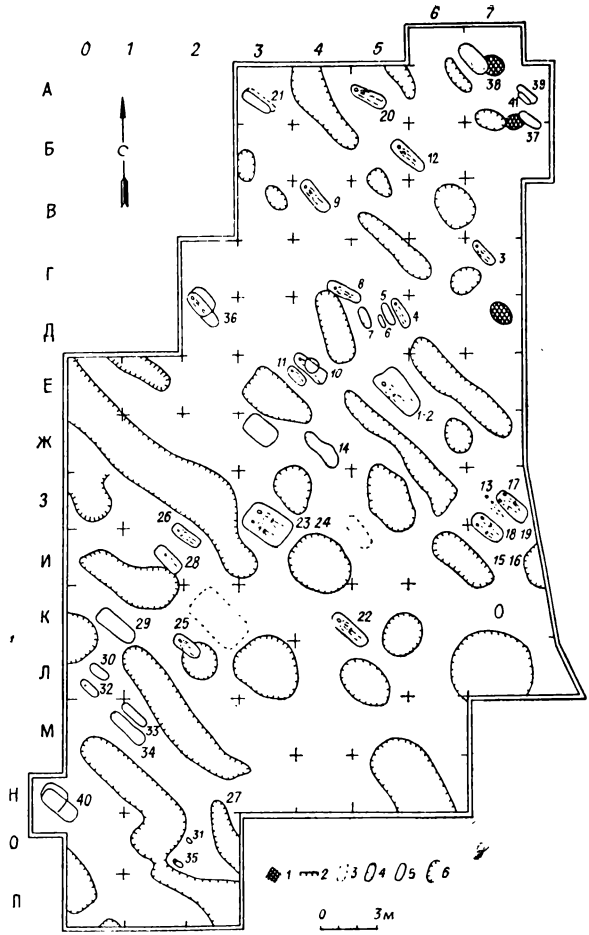

Рис. 3. Митинский могильник. План раскопа: 1 — кострище; 2, 6 — границы ям и канавок; 3 — распаханные погребения; 4 — разграбленные погребения; 5 — могильные ямы

ленные кости животных, преимущественно зубы лошади и коровы, угли, фрагменты керамики.

На Пыштайнском могильнике также обнаружены жертвенные ямы. Одна из них, располагавшаяся в непосредственной близости от кургана, имела овальную форму 3×1,4 м и глубину до 1,4 м, была заполнена углисто-зольным слоем с костями животных. Кроме этой, были зафиксированы еще две ямы глубиной 20—60 см, в которых найдены мелкие кости животных и фрагменты неорнаментированных сосудов.

Под насыпями курганов обнаружено от 1 до 12 погребений. Чаще всего встречается по 1 и 2 захоронения, несколько реже — по 3, 4 и 5.

Для могильников северных групп характерно большее число могил под одной насыпью (табл. 4).

Таблица 4

Распределение курганов по количеству погребений под одной курганной насыпью

Группа	Могильник	Количество захоронений								
		1	2	3	4	5	6	7	8	12
Гайнинская	Харино		36	38	12, 19	13, 17, 30	35	6, 16, 37	33	
	Агафоново					1				
	Пыштайн					1				
	Бурдаково I								2	
Косинская	Чазево I	2	1							
	Чазево II	2, 3, 4			1					
	Пеклаыб I		1							
	Митино	2, 3	1, 4		5					
Туйская	Бурково	1, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 16, 17, 20*, 21	3, 7 9, 11, 15, 18	5, 19,	13					2
Всего курганов		17	11	3	5	5	1	3	2	1

* № 18—21 курганы Бурковского могильника, выявленные на распаханной площади.

Иногда удается проследить разновременность захоронений (Митино, погр. 17, 18, 19), когда с каждым новым погребением производилась дополнительная подсыпка кургана.

Под насыпями курганов изредка встречаются фрагменты разбитых сосудов (Бурково, к. 4, 6), отдельные вещи (Бурково, к. 13, 16 — наконечники копий, к. 17 — медная пряжка, железный нож) или кости, преимущественно челюсти лошади (Чазево II).

По способу погребения выделяются три типа захоронений [1]: трупоположение, трупосожжение в могильных ямах, трупосожжение, остатки которого расположены на древней поверхности. Последний тип захоронений встречается во всех группах в небольшом количестве (8,2%), увеличиваясь лишь в Бурковских курганах до 20,9%. Погребения с обрядом трупосожжения в могильной яме характерны только для Бурковского могильника, причем больше их в его западной части (табл. 5).

[1] Поскольку данные по гайнинской группе неполны, они при характеристике этого признака не учитываются.

Таблица 5

Распределение исследованных погребений по характеру захоронений

Могильники	Всего погребений	В том числе		
		остатки трупоположения в яме	остатки трупосожжения в яме	остатки трупосожжения на древней поверхности
Косинская группа				
Митино	51	50		1
Чазево I	3	3		
Чазево II	7	5		2
Пеклаыб I	2	2		
Туйская группа				
Бурково (западный раскоп)	38	30	5	3
Бурково (восточный раскоп)	94	89	5	
Итого	195	179	10	6
%	100	91,8	5,1	3,1

Погребения с кремированными остатками часто встречаются под одной насыпью с захоронениями по обряду трупоположения (Митино, к. 5; Чазево II, к. 1; Бурково, к. 2, 7, 9, 13). Иногда под насыпью обнаруживаются только погребения с трупосожжением (Бурково, к. 1, 11). Остатки трупосожжений на дне могилы представляют собой небольшие скопления мелких пережженных костей и золы диаметром 25—30 и мощностью 10—15 см (рис. 4—3). В таких погребениях часто встречаются фрагменты глиняных сосудов, медные пряжки и спекшиеся железные вещи. Погребения по обряду трупосожжения, располагавшиеся на уровне древней поверхности, представляют собой линзы золы, углей, кальцинированных костей, иногда вещей диаметром 50—90 см и мощностью 5—10 см. При этом следы прокала не обнаружены, по-видимому сожжение производилось на стороне. Захоронения этого типа располагаются, как правило, в южных половинах курганных насыпей (Бурково, к. 1, 3, 7, 9, 11). В засыпи могил 30 и 32 Митинского некрополя зафиксированы жженые кости. В погребениях 54 и 56 Бурково рядом с костями встречено скопление углей. Углистым грунтом были заполнены канавки, ограничивающие одну из насыпей Пыштайнского могильника.

Конструкции могильных ям с трупосожжениями и трупоположениями существенно не отличаются. Захоронения произведены в простых прямоугольных ямах, длина которых колеблется от 110 до 340 см, а ширина — от 50 до 165 см (табл. 6). Средние размеры их соответственно 202 и 85 см. Наиболее часто встречаются ямы размером 200—250×105—165 см. Однако в размерах могильных ям по районам можно проследить некоторые различия. Для гайнинского и косинского районов, а также восточного раскопа Бурковского могильника характерна несколько меньшая длина (180—220 см) и ширина (50—80 см) ям. Могильные ямы западной части Бурково имеют в большинстве своем длину 220—300 см, а ширину 100—165 см. Средняя для всех памятни-

Таблица 6

Корреляция длины и ширины могильных ям в курганных могильниках*

Длина, см	Ширина, см				Всего
	до 50	51—80	81—104	105 и более	
До 110	2				2
110—150	9	4			13
151—180	1	5	5	1	12
181—220	5	12	17	27	61
221—250		4	11	29	44
301—340				3	3
Всего	17	25	33	60	135

* Анализируются ямы Митинского, Бурковского, Пыштайнского, Чазевского I, II, Пеклаыбского I могильников.

ков глубина ям 57 см. Однако в косинской группе преобладающая глубина 10—50 см, единично обнаружены захоронения на уровне древней поверхности, а погребения глубже 80 см не встречаются совсем. То же характерно и для восточного раскопа Бурковского могильника. А в западной части того же памятника глубина могильных ям равна 50—100 см, единично обнаружены захоронения на уровне 100—140 см и совсем не встречаются погребения глубиной меньше 30 см.

Размеры ям отражают конструктивные различия внутримогильных сооружений. Наиболее полно сохранились погребальные конструкции в Бурковском могильнике. Они представляли собой сруб в один венец, сделанный из бревен диаметром 22—24 см, длиной продольных стенок 232—234 и поперечных 84—90 см. На концах продольных бревен вырезаны пазы-уступы на 10—20 см, куда вложены торцы поперечных бревен (рис. 4—1,2). Сверху сруб перекрыт тремя-четырьмя толстыми широкими продольными плахами (Бурково, к. 2/3, 6, 11; к. 6; к. 13/1, 2) [2].

В косинских могильниках и восточной части Бурковских курганов, где могильные ямы значительно меньше по размерам, особенно по ширине, древесные остатки сохранились очень плохо (Митино, погр. 1, 2, 4, 9, 18—19, 21, 33, 40, 44, 45; Бурково, погр. 16, 54). Отдельные фрагменты внутримогильных конструкций и повторяющаяся прямоугольная форма могил дают основание предполагать здесь гробовище или раму из досок. Так, в погребении 9 Митинского могильника были зафиксированы остатки нескольких поперечных, а также длинных продольных досок (рис. 4—6).

В могилах встречалась береста, которой были выстланы днища ям (Митино, погр. 11, 40; Бурково, к. 2/2; к. 13/2). На дне некоторых могил в 20—30 см от концов выкопаны канавки длиной 93—110 см, глу-

[2] Здесь и далее при дробном обозначении в числителе — номер кургана, в знаменателе — номер погребения под этим курганом.

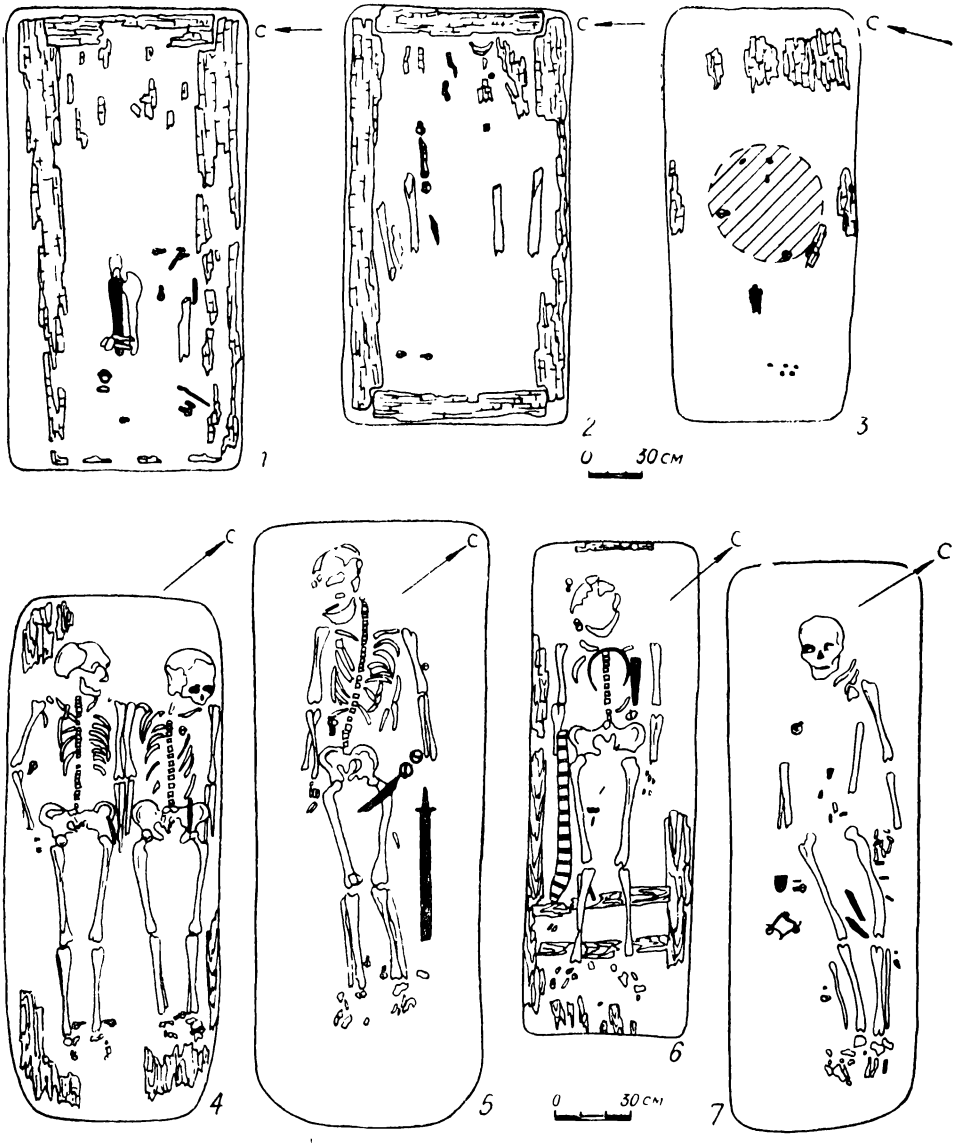

Рис. 4. Планы погребений. Бурковский могильник: 1 — погр. 21; 2 — погр. 2 кургана 13; 3 — погр. 1 кургана 1. Митинский могильник: 4 — погр. 18, 19; 5 — погр. 23; 6 — погр. 9; 7 — погр. 24

биной 5—6 см при такой же ширине (Бурково, к. 2/6, к. 6). В некоторых случаях деревянные остатки обожжены, особенно верхние плахи (Митино, погр. 4, 21; Бурково, к. 2; погр. 5, 21), вследствие того, что остатки погребального костра были ссыпаны на могильное перекрытие.

В отдельных случаях обнаружены интересные детали погребального обряда. В погребении 18 Митино под черепом захороненного найдены кости птицы, могильная яма погребения 4 кургана I Чазевского II могильника была засыпана крупными камнями.

Костные остатки в некоторых могильниках сохранились плохо. Судя по отдельным случаям, погребенные лежали вытянуто на спине руки вдоль тела (рис. 4—4—7). Более разнообразна ориентировка костяков (табл. 7). Интересно отметить, что в каждой из трех групп наблюдается устойчивая ориентировка погребенных в одном направлении (около 75%): в гайнинской — на ЮЗ, в косинской — на СЗ и в туйской — на В. Остальные направления в ориентировке единичны и составляют в каждом случае не более 8—10% от общего количества, причем это, как правило, смежные направления, близкие к основному в данной группе. Можно заметить еще одну не совсем пока ясную особенность: при весьма значительном разнообразии ориентировок погребенных полностью отсутствует ориентировка на С, Ю, и З.

Таблица 7

Ориентировка погребенных в курганных могильниках

Группа	Могильник	Север		Промежуточная		Запад		Восток			Юг	Промежуточная	
		ССЗ	ССВ	СЗ	СВ	ЗСЗ	ЗЮЗ	ВСВ	В	ВЮВ	ЮЮЗ	ЮВ	ЮЗ
Гайнинская	Пыштайн					1					1	1	9
Косинская	Митино	4		32		2							
	Чазево I					2							
	Чазево II		3			1							
	Пеклаыб I	1											
Туйская	Бурково												
	(зап. раскоп)							8	22	3			
	(вост. раскоп)				10			1	65	3		6	
Итого		5	3	32	10	5	1	9	87	6	1	7	9
%		2,9	1,7	18,3	5,7	2,9	0,6	5,1	49,7	3,4	0,6	4,0	5,1
		4,6		24,0		3,5		58,2			0,6	9,1	

При погребенных обнаружены различные украшения, предметы быта, оружие. В женских могилах часто встречаются височные подвески, бусы, зооморфные подвески, кожаные пояса; в мужских — ножи, кин-

жалы, мечи, удила, пряжки. В большинстве случаев украшения обнаружены в том порядке, в каком они использовались в костюме. Наблюдаемое в отдельных случаях их смещение можно объяснить ограблением могильных ям и разрушением площади могильника распашкой.

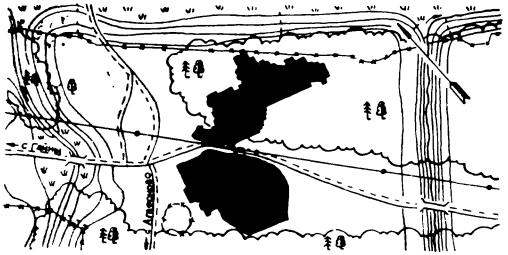
Височные подвески обычно находятся у черепа (Митино, погр. 9 — рис. 4—6; 26, 38; Чазево П, к. 1/1; Пыштайн, погр. 3), на костях груди (Митино, погр. 1, 20, 41), изредка в области таза (Митино, погр. 11) или у правой ноги (Митино, погр. 39). Нагрудным украшением служили низки бус (Бурково, погр. 54) и гривны (Митино, погр. 4, 9 — рис. 4—6; 28). Руки украшены браслетами, один из которых обнаружен на кости левой руки в погребении 11 Митинского могильника.

Оригинальны кожаные пояса, орнаментированные с лицевой стороны медными пластинчатыми накладками и снабженные на концах пряжкой и наконечником. К такому поясу прикрепляли и ножны. Во многих случаях зафиксировано, что пояс при захоронении укладывали справа вдоль тела погребенного так, что наконечник находился у стоп его ног, а пряжка у пояса (Митино, погр. 9 — рис. 4—6; 26, 39; Бурково, погр. 54; Чазево П, к. 1/1, к. 2/1). Иногда наконечник ремня располагался в центре могильной ямы (Бурково, к. 13/2). Судя по положению пряжек во многих погребениях — на груди язычком к черепу — таким же образом лежали пояса и без накладок (Митино, погр. 1, 11, 17, 18 — рис. 4—4; 23, 40; Чазево П, к. 2/1; Пыштайн, погр. 6). Расположение пряжек в области таза обнаружено значительно реже (Бурково, погр. 21 — рис. 4—1; 56, 75).

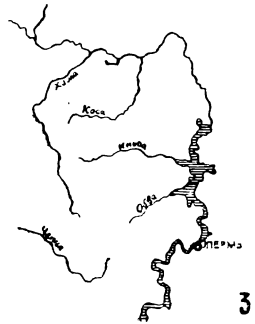
Пряжки от обуви встречаются по 2 или 4 экземпляра возле стоп ног (Митино, погр. 2, 4, 10, 18, 19 — рис. 4—4; 22, 23, 26, 28; Чазево П, к. 1/1; Бурково к. 5/3, к. 6/1, к. 13/3; погр. 21 — рис. 4—1; 54, 56, 75). Интересна находка в могиле 54 Бурковского могильника: возле костей ног — берестяная коробочка с 8—10 височными кольцами и 4 подвесками. На тазовых костях обнаружены низки из бус, спиралек (Митино, погр. 1, 9, 39, 41), зооморфных подвесок-коньков и медведей (Митино, погр. 4, 39, 40, 41). Из оружия чаще всего встречаются ножи и кинжалы, которые располагаются у ног захороненных (Чазево П, к. 2/1), справа (Митино, погр. 9, 28), между ног (Митино, погр. 1, 4, 12, 13, 26, 39, 40; Пыштайн, погр. 6; Бурково, погр. 13), слева (Митино, погр. 17, 18, 19, 22, 23; Бурково, погр. 16) или справа у бедер (Митино, погр. 75) и на костях таза (Бурково, погр. 54). Мечи располагаются слева (Митино, погр. 23 — рис. 4—5; Бурково, к. 5/3, погр. 75) или справа у ног (Бурково, погр. 21 — рис. 4—1; 54). Ножи найдены справа (Митино, погр. 4, 26, 39) или слева на груди (Митино, погр. 9, 40).

Из предметов конского снаряжения найдены удила, иногда вместе с железными пряжками от уздечек (Бурково, к. 4/1, погр. 75). Эти предметы встречаются чаще всего у ног захороненных (Бурково, к. 2/2; к. 2/6; к. 4/1; к. 5/3; к. 6/1; погр. 21, 75) или у бедер (Митино, погр. 23, 24—рис. 4—7). В единичных случаях обнаружены: шило у головы погребенного (Митино, погр. 22) и бронзовая палочка между ног (Митино, погр. 24 — рис. 4—7). Сосуды найдены лишь в двух детских погребениях (Митино, погр. 6, 35), где они стояли в изголовье захороненных.

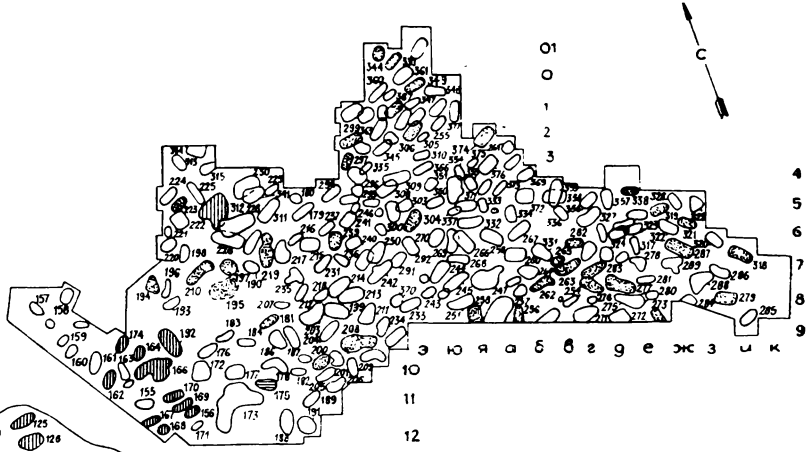
Бескурганные могильники, а также памятники, имеющие как кур-

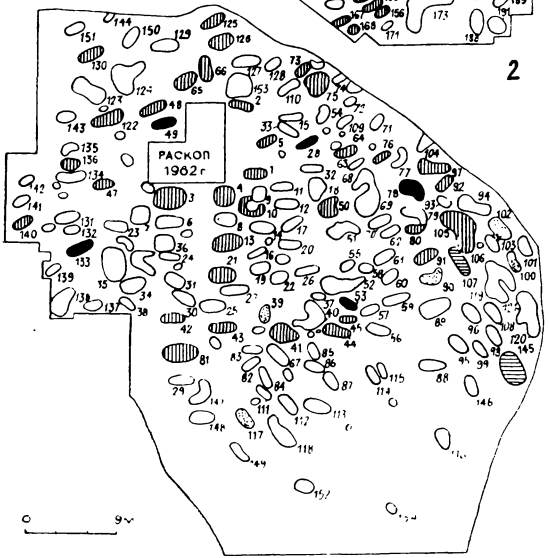
1

3

2

погребения харинской стадии

погребения агафоновской стадии

погребения деменковской стадии

погребения урьинской стадии

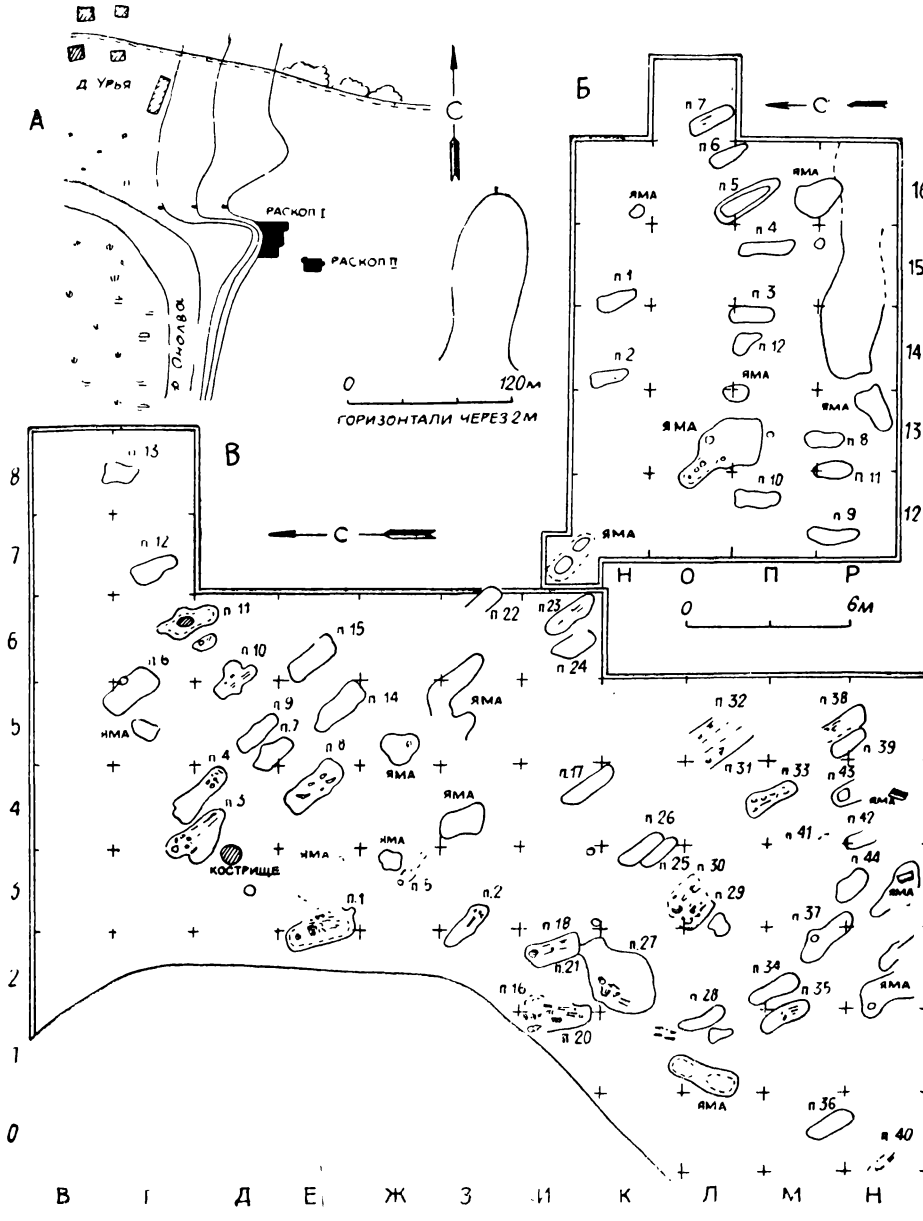

Рис. 6. Урьинский могильник: А — топографический план; Б — план раскопа II; В — план раскопа I

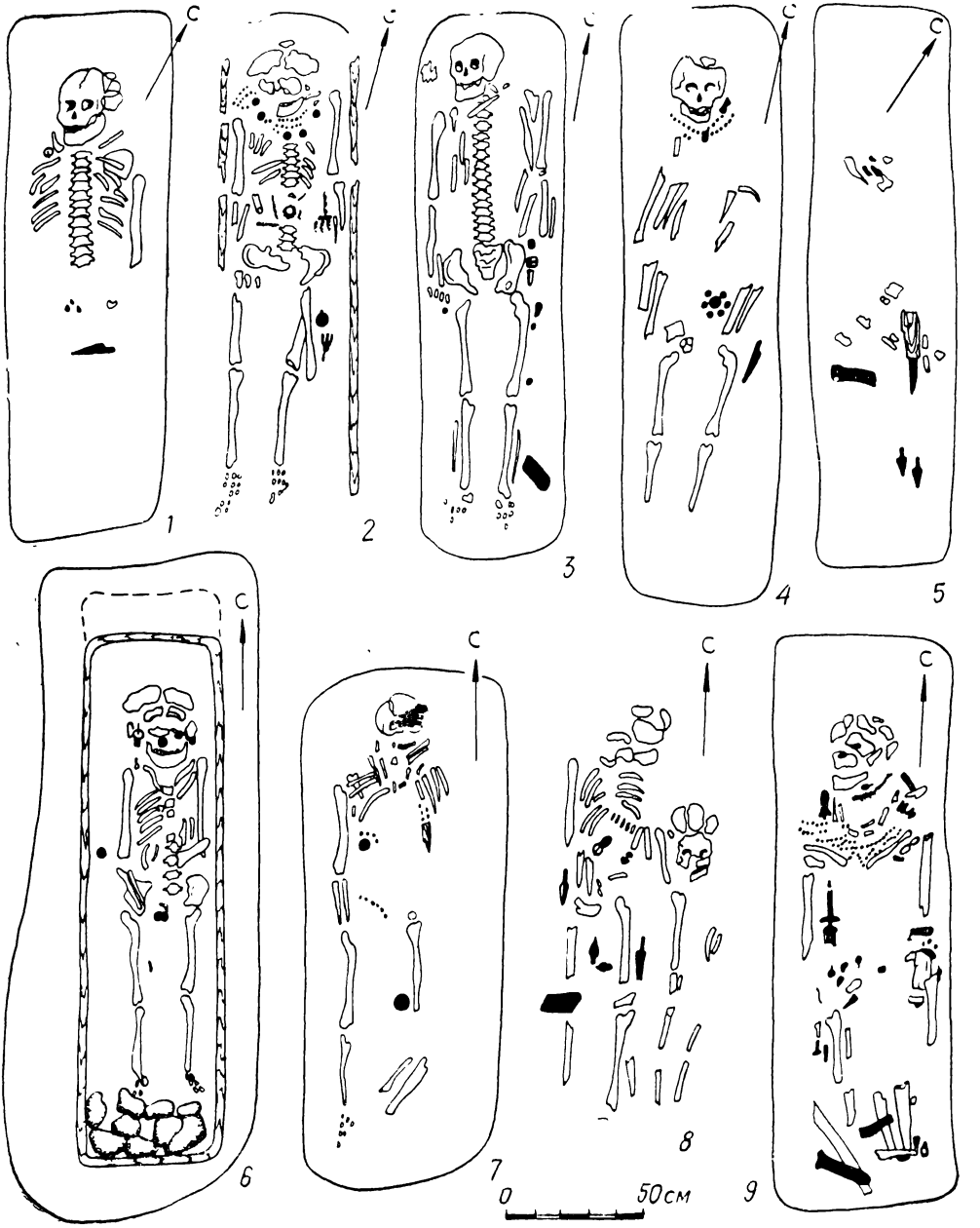

Рис. 7. Каневский могильник. Планы погребений: 1 — погр. 13; 2 — погр. 20; 3 — погр. 27; 4 — погр. 26; 5 — погр. 7; 6 — погр. 1; 7 — погр. 2; 8 — погр. 22, 23; 9 — погр. 6

ганы, так и бескурганные части, располагаются, как правило, на высоких береговых террасах, с которых хорошо просматриваются близлежащие окрестности. Иногда площадка могильника находится на мысу, образованном либо изгибом террасы (Аверино П, Васенево, Тимино, Урья — рис. 6 — А), либо двумя сливающимися реками (Висим, Русиново), либо рекой и оврагом (Деменки). В отдельных случаях памятники располагаются на пологих склонах коренного берега (Горткушет), редко — на невысоких террасах (Агафоново 1 — рис. 5—1) или в пойме (Рагозы). Заполнение площадки могилами начиналось от края террасы и шло либо вглубь ее (Плес, Деменки, Щукино), либо полосой в несколько рядов вдоль террасы (АверинoII). На Агафоновском I могильнике наиболее ранняя часть расположена в глубине террасы и последующий рост памятника шел к ее краю (рис. 5—2). Могильники использовались населением довольно длительное время, от двух (Урья, Канево, Важгорт, Редикар) до трех (Баяново) — четырех (Агафоново I, Деменки, Плес) и более (Аверино II) столетий. Поэтому памятники этого типа занимают, как правило, довольно обширную площадь и содержат большое количество погребений. Наиболее полно исследованы могильники Аверино II (раскопано 259 погребений) и Агафоново I (377 погребений).

Захоронения грунтовые без каких-либо явных следов на современной поверхности. Лишь на могильниках Телячий брод, Силятском и центральной части Агафоновского I могилам соответствовали незначительные углубления. Возможно, в древности место погребений было каким-то образом отмечено, скорее всего небольшим холмиком, и потому нарушения могильных ям редки. В частности, на Агафоновском I могильнике из 377 захоронений лишь 17 случаев взаимонарушений.

На могильниках Канево, Урья (рис. 6), Деменки и других, где раскопана значительная площадь, удается проследить довольно стройные ряды погребений. На Плесинском могильнике рядами располагаются лишь погребения IX—X вв., а захоронения VIII—IX вв. размещены без видимого порядка. Подобная картина наблюдается и на Баяновском могильнике. Противоположное явление зафиксировано на Аверинских могильниках. Если на более раннем (Аверино II) ряды могильных ям четко выдержаны, то на более позднем (Аверино I) — захоронения сильно разрежены и располагаются без системы.

Говорить о точном количестве рядов на всех могильниках не приходится, поскольку не все они исследованы полностью. На Деменковском могильнике обнаружено 15 рядов захоронений, на Агафоновском I — около 17, Аверинском II — 14-15, на Каневском и Урьинском — 8-9, на Баяновском и Щукинском — 4, на Редикарском — 2. Кроме рядов на отдельных памятниках обособляются еще и группы могил. На Аверинском II таких групп насчитывается 2, на Щукинском — 3.

Могильные ямы имеют преимущественно прямоугольную форму (рис. 7 — 1—7, 9; 9—1, 4, 5, 6, 10). На памятниках верхнекамской группы эта форма составляет 96,0%, на Агафоновском I могильнике — 62,6%. Кроме того, известны ямы квадратных (2,4% — рис. 9—3, 9, 11), овальных (7,9% — рис. 9—2, 8) и неправильных (8,26% — рис. 9—7)

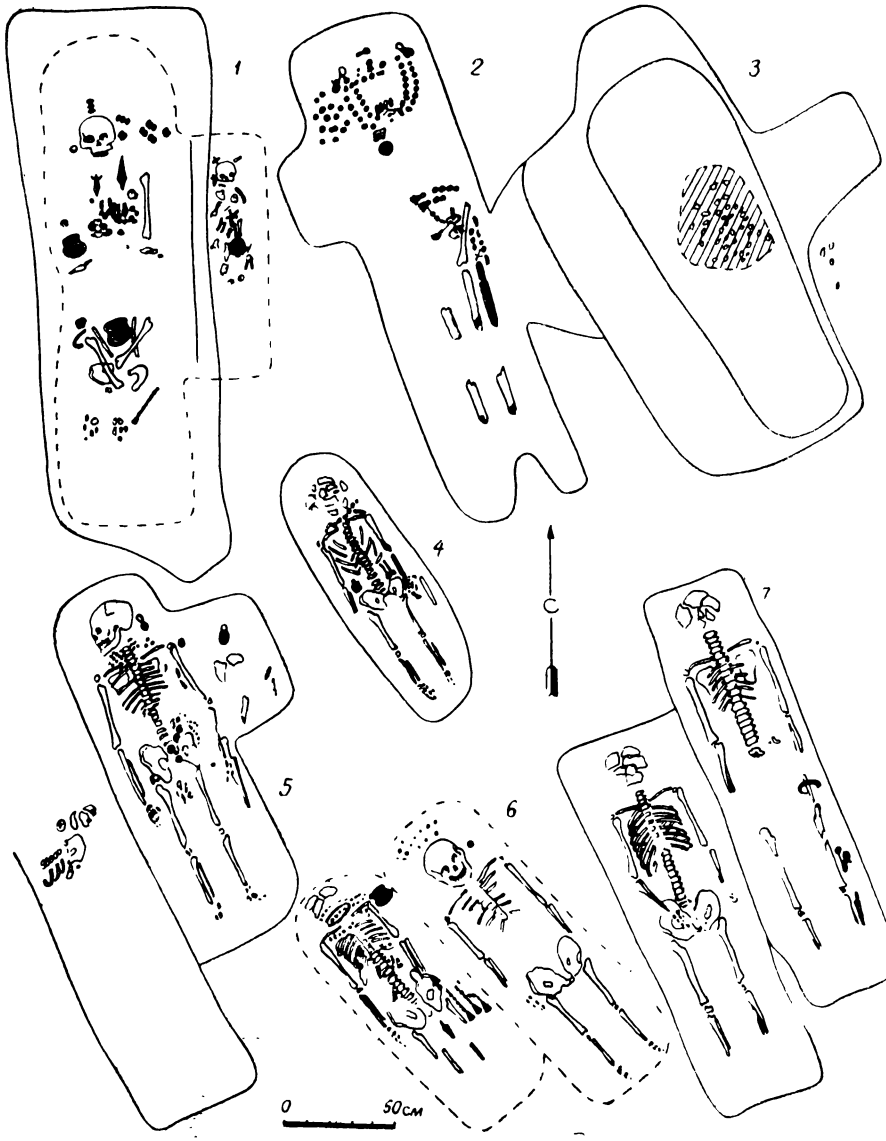

Рис. 8. Урьинский могильник. Планы погребений: 1 — погр. 1, 1а; 2 — погр. 10, 3 — погр. 11; 4 — погр. 5; 5 — погр. 19—21; 6 — погр. 29, 30; 7 — погр. 25, 26

очертаний. Дно могил в основном плоское, реже округлое, неровное или конусовидное. У незначительной части могильных ям зафиксированы выступы-ниши (рис. 8—3, 5). На Агафоновском I могильнике такие выступы наблюдались либо в середине боковой стенки (1,6%), либо в ее конце (2,65%). Чаще всего в таких выступах никаких остатков нет (8 случаев), иногда в них встречаются фрагменты керамики (4 раза), глиняные сосуды, фрагменты железной вещи (по 1 разу) или угли (4 случая). Аналогичные выступы выявлены в верхнекамской группе (12 случаев — Аверино II, 7 — Щукино).

Таблица 8

Размеры могильных ям в памятниках VII—IX вв., см

Могильник	Длина			Ширина			Итого
	100—150	151—250	251—350 и свыше	40—80	81—120	121—160 и свыше	
Аверино II	27 *	144	79	144	88	18	250
	10,8	57,6	31,6	57,6	35,2	7,2	100
Щукино	3	31	33	38	26	3	67
	4,5	46,3	49,2	56,7	38,8	4,5	100
Русиново		9	1	6	3	1	10
		90,0	10,0	60,0	30,0	10,0	100
Агафоново I	33	259	85	54	195	128	377
	8,75	68,71	22,54	14,32	51,72	33,96	100
Урья	10	31	2	37	6		43
	23,3	72,1	4,6	86,0	14,0		100
Канево	1	9	5	15			15
	6,6	60,0	33,4	100			100
Итого	74	483	205	294	318	150	762
%	9,7	63,4	26,9	38,6	41,7	19,7	100

* Верхняя цифра обозначает количество могил, нижняя — процент.

Наиболее многочисленны могильные ямы длиной 151—250 см и шириной 40—80 см (табл. 8). У отдельных памятников эти показатели имеют особенности, в частности, могилы Щукинского могильника отличаются большей длиной, а могильные ямы Агафоновского I могильника несколько большей шириной. Это обстоятельство связано, очевидно, с характером внутримогильных конструкций, а также со способом захоронения. Наиболее часты могилы глубиной 40—60 см. В целом могильные ямы могут быть охарактеризованы как неглубокие, так как могилы глубже 80 см встречаются крайне редко (табл. 9).

Характер погребальных конструкций выяснить трудно, так как в большинстве своем они представляли незначительные куски истлевшего дерева. Лишь в нескольких случаях можно вполне определенно говорить о долбленых колодах, использовавшихся как погребальное сооружение (Канево, погр. 1 — рис. 7—6; Урья [126, с. 62]; Аверино II, погр. 237). Обычай хоронить покойников в колодах «чурка-горт» сохранился

Таблица 9

Глубина могильных ям в памятниках VII—IX вв., см

Могильник	0—40	41—60	61—80	81—100	100 и более	Не определена	Итого
	Количество погребений						
Деменки	55	40	25	9		24	153
Урья	26	12	4	1		13	56
Канево	2	7			2	19	30
Висим	2						2
Важгорт	2					4	6
Плес	13	1					14
Баяново	2	11	4				17
Редикар	4					2	6
Агафоново I	59	255	59	3	1		377
Аверино II	42	119	60	29		9	259
Щукино	3	27	28	9		15	82
Русиново		3	4	3			10
Итого	210	475	184	54	3	86	1012
%	20,75	46,94	18,18	5,34	0,3	8,49	100

Таблица 10

Ориентировка могильных ям в памятниках VII—IX вв.

Могильник	Север			Промежуточная		Запад		Восток	Не определена	Итого
	С—Ю	ССЗ—ЮЮВ	ССВ—ЮЮЗ	СЗ—ЮВ	СВ—ЮЗ	ЗСЗ—ВЮВ	З—В	ВСВ—ЗЮЗ		
Деменки	95	5	5		17	6	1		24	153
Урья	13	23		18	1				1	56
Канево	14	10		2					4	30
Висим				1	1					2
Важгорт					6					6
Плес	3			2	6		3			14
Баяново	6		1	5	2		3			17
Редикар							4		2	6
Агафоново I	26	34	19	35	60	37	66	100		377
Аверино II	64	14	28		84	8	22	39		259
Щукино	1	1	49		30			1		82
Русиново	3	7				-				10
Итого	225	94	102	63	207	51	99	140	31	1012
%	22,2	9,3	10,1	6,2	20,5	5,0	9,8	13,8	3,1	100

в некоторых местах у коми до начала нашего века [88, с. 327]. В некоторых случаях древесные остатки можно реконструировать как дощатые настилы на дне (Аверино II, погр. 45, 65, 135, 205, 230; Щукино,

погр. 14, 32), а так же как перекрытие могильных ям (Аверино II, погр. 165, 211, 256; Щукино, погр. 42). Иногда дно и стенки могил были выстланы берестой (Баяново, погр. 1, 6; Агафоново, погр. 271).

Ориентировка могильных ям довольно разнообразна (табл. 10). Наиболее часто встречаются могилы, вытянутые в направлении С-Ю (22,4%), СВ-ЮЗ (19,5%) и ВСВ-ЗЮЗ (14,2%). На Агафоновском I могильнике наблюдается эволюция ориентировки могильных ям. Для могил конца VI—VII вв. характерна ориентировка З-В (33,3%) и ВСВ-ЗЮЗ (44,4%). В конце VII—VIII вв. первая уменьшается до 10,5%, вторая — до 18,4%, но возрастает доля могил, ориентированных в направлении СВ-ЮЗ (21,1%) и СЗ-ЮВ (26,3%). Именно эти направления ориентировки преобладают в расположенном рядом более позднем Агафоновском II могильнике: СВ-ЮЗ, С-Ю (44,08%). Явно, что в целом ориентировка обоих могильников изменяется от широтной к меридиональной. Очевидно, не случайно на более поздних Урьинском и Каневском могильниках преобладает северная ориентировка.

Захоронения, как правило, одиночные. Расстояние между ними в максимуме достигает 2 м. Известны также могилы с двумя или тремя костяками. Из 9 зафиксированных парных захоронений, 5 принадлежат женщинам и детям.

Особенностью ломоватовских могильников является то, что в засыпи большинства могил встречались угли или углистые пятна. Это говорит о значительной роли культа огня при обряде захоронения.

Обряд погребения удалось выявить далеко не во всех случаях, так как сохранность костей и вещей неудовлетворительна. Для многих ломоватовских могильников VII—IX вв. характерны два обряда: трупосожжение и трупоположение. Впервые трупосожжение было выявлено на Агафоновском I могильнике. Затем оно было зафиксировано на Аверинском II, Щукинском, Васиневском, Тиминском, Носковском, Мелехинском, Урьинском и других преимущественно северных памятниках. Вместе с тем встречаются и могильники, на которых пока выявлен только обряд трупоположения (Деменки, Канево, Важгорт, Баяново). Соотношение двух обрядов на разных памятниках различно. В частности, на Аверинском II трупоположение составляет 27,3, а кремация 72,7%, на Щукинском соответственно 23,3 и 76,7%, на Русиновском 25 и 75%, на Агафоновском I 13,3 и 86,64%.

На материалах Агафоновского I могильника прослежено изменение соотношения обрядов. На харинской стадии (V—VI вв.) преобладают трупоположения, на агафоновской (конец VI—VII вв.) трупосожжение составляет 53,9, а трупоположение 25,53%. В конце VII—VIII вв. соотношение обрядов примерно то же, в конце VIII—IX вв. число могил с трупоположениями незначительно преобладает над могилами с трупосожжениями.

В засыпи некоторых могил (55 случаев в Агафоново I — рис. 9—5, 7, 9, 11; 79 случаев — в Аверино II) обнаружены кости животных, как правило, черепа (сохранились лишь зубы) лошадей (Аверино II — 77,5%), реже — крупного рогатого скота (Аверино II — 22,5%). Подобное соотношение характерно в целом и для других могильников этого же времени Прикамья (табл. 11). Лишь в погребениях и ямах Вар-

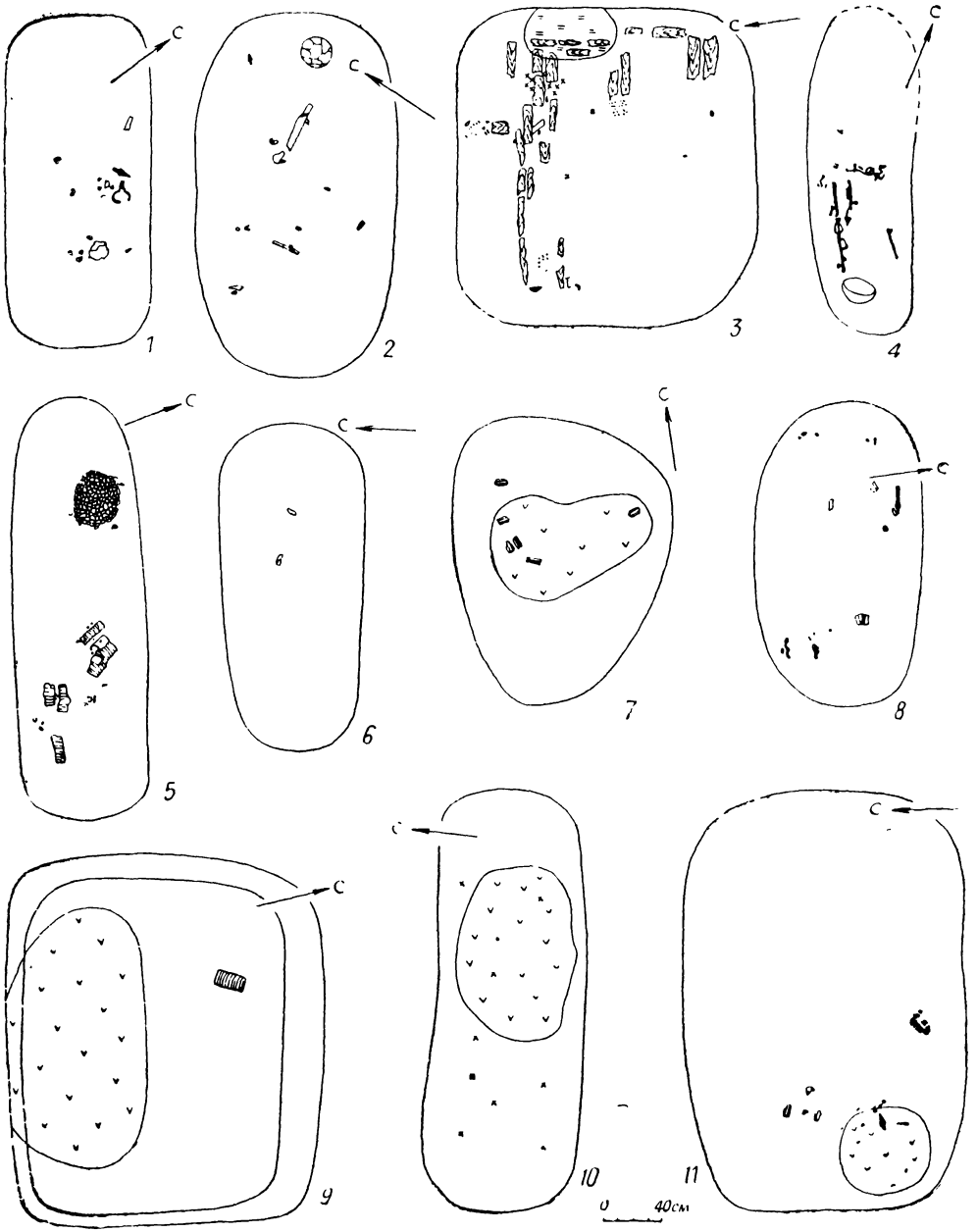

Рис. 9. Агафоновский I могильник. Планы погребений: 1 — погр. 67; 2 — погр. 73; 3 — погр. 4; 4 — погр. 107; 5 — погр. 2; 6 — погр. 11; 7 — погр. 18; 8 — погр. 45; 9 — погр. 7; 10 — погр. 26; 11 — погр. 13

нинского могильника в северной Удмуртии значительна доля костей крупного рогатого скота и в небольшом количестве присутствуют кости мелкого рогатого скота, лося, птицы. Интересно, что использовались в основном молодые, наиболее трудоспособные особи. Основная масса лошадей на Аверинском II могильнике была забита в возрасте 5—7 лет (60,72%), несколько меньше — в возрасте 8—9 лет (35,71%). Кости лошадей старше 9 лет почти не встречаются и в других могильниках этого времени Прикамья. Та же картина наблюдается и относительно крупного рогатого скота. Из 6 особей этого рода, найденных на Аверино II, 5 имели возраст 3 и одна — 4 года.

Таблица 11

Соотношение особей животных в могильниках V—X вв. Верхнего Прикамья *

Памятник	Лошадь	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Лось	Птица	Итого
Броды (V—VI вв.)	7 **	3	1			11
	63,6	27,3	9,1			100
Неволино (VII—IX вв.)	51	6				57
	89,5	10,5				100
Аверино II (VI—IX вв.)	59	20				79
	74,7	25,3				100
Варни (VI—X вв.)	31	37	6	1	5	80
	38,8	46,3	7,5	1,2	6,2	100

* На первых трех памятниках определение костей выполнено А. Г. Петренко из раскопок Р. Д. Голдиной; на четвертом—из раскопок В. А. Семенова [285, с. 25—26].

** Верхняя цифра обозначает количество особей, нижняя — процент.

Анализ соотношения этих остатков и обряда погребения на Агафоново I показал, что чаще всего (70,88%) кости животных в засыпи обнаружены в могилах с трупосожжением, и очень редко (1,85%) — с трупоположением. Для захоронений с обрядом трупосожжения также характерно присутствие в засыпи фрагментов разбитых глиняных сосудов. Этнографами засвидетельствован обычай использования берестяной или глиняной посуды для обмывания покойного и ее последующее разбивание [88, с. 327]. Интересно, что фрагменты сосудов обнаружены в 138 могилах с обрядом кремации Агафоновского I могильника (62,16%) и лишь в 13 случаях (5,86%) с обрядом трупоположения.

Могильные ямы с различными обрядами ни конструкцией, ни составом сопровождающего инвентаря, ни планиграфическим распределением не отличаются. Разница проявляется лишь в присутствии или отсутствии кальцинированных и сырых костей, в размещении погребального инвентаря и некоторых деталях.

При обряде трупосожжения умершего, вероятно, сжигали на стороне без верхней одежды и украшений, так как инвентарь не имеет следов огня. Сожжение производилось за пределами исследованных пло-

щадей могильников. Остатки сожжения — кальцинированные кости, угли, золу — ссыпали в могилу по мере ее заполнения вместе с погребальным инвентарем (рис. 9—1, 2, 8, 11), в редких случаях их располагали на дне кучкой (Агафоново I, погр. 10, 308; Урья, погр. 11 — рис. 8—3) или без какого-либо порядка (Агафоново I, погр. 205). Наряду с кальцинированными, иногда встречаются и сырые кости, очевидно, сожжение было выполнено недостаточно тщательно.

При трупоположениях могильные ямы чаще всего имели прямоугольную форму и плоское дно. В засыпи некоторых могил встречались углистые пятна (рис. 9—7, 9—11) — остатки костра, горевшего, очевидно, рядом с могилой. Посуда с пищей стояла всегда на дне: в мужских захоронениях — в ногах, в женских и детских — у головы, таза и между ног (рис. 8—1, 6). Умершие были уложены на дне могилы вытянуто на спине, украшения и принадлежности костюма располагались так, как использовались при жизни [26, с. 63—65]. Подвески, бусы, гривны в большинстве своем лежали в области головы, шеи, груди (рис. 7—2, 4, 9; 8—12, 4—6). Кожаные пояса, украшенные различными металлическими деталями, были одеты на погребенного (рис. 7—3, 8) или же свернуты и положены рядом. Предметы быта, оружие располагались в различных местах ямы (рис. 7—1, 3—5, 8, 9; 8—1, 2, 6, 7), конская упряжь — в ногах. Более 90% могил содержали вещи или фрагменты посуды. Чаще других встречались металлические украшения костюма (46,7%), бусы (42,9%), железные ножи (34,0%). Несколько реже зафиксированы в могилах оружие (20,3%), орудия труда и предметы быта (17,1%), а также конская упряжь (7,2%).

Ломоватовские могильники имеют еще ряд особенностей. В нескольких случаях лица погребенных были покрыты серебряными масками (Баяново, погр. 14, 15; Плес, погр. 43,45; Деменки, погр. 26, 48а, 141). В основном это захоронения мужчин, лишь костяк из погребения 15 Плесинского могильника принадлежит женщине. Лицо одного покойного (Деменки, погр 141) было обернуто шелковой китайской тканью. В могилах редки остатки мясной сопровождающей пищи (Деменки, погр. 141; Урья, погр. 1а, 19).

На площади могильников известны также оригинальные жертвенные ямы, располагающиеся между могилами. Они зафиксированы на Деменковском, Каневском, Урьинском, Баяновском, Аверинском II, Агафоновском I и других памятниках. В состав некоторых комплексов входят кости животных, преимущественно головы и ноги лошадей и крупного рогатого скота (Деменки, уч. ВД/2, АД/1, ВГ/2, Д/6), а также мелкие фрагметы керамики (Деменки, уч. Д/6, ВГ/5, Ж/1), стеклянные бусы и обломки различных вещей. Следы действия огня в ямах этого времени очень редки. Интересно, что по материалам Аверинского II могильника лошадь в жертвенных ямах встречается несколько реже (28 случаев), чем в засыпи могил (31 случай) и наоборот кости крупного рогатого скота известны чаще в жертвенных ямах (11 случаев), чем в могилах (9 случаев).

В VIII—IX вв. характер жертвенных комплексов несколько изменился. Главным элементом их стали остатки кострищ: угли, зольные прослойки, сильная прокаленность днищ ям (Деменки, Урья). Иногда

ямы заполнены сильно обожженными камнями и крупными фрагментами керамики (Урья). Своеобразной чертой этих остатков является присутствие в них орудий земледельческого труда: пестов-терочников и зернотерок (Урья). В одной из жертвенных ям Урьинского могильника обнаружены остатки обугленных саней и бересты. Кроме того, в засыпи погребения 4 Каневского могильника найдены полозья от саней. Обычай оставлять сани связан, вероятно, с представлениями людей, о том, что до загробной жизни умерший может добраться на санях или коне. Сохранились сведения о том, что у коми-пермяков еще в первой четверти XX в. существовала традиция отвозить покойного на кладбище на санях в любое время года и оставлять их на могиле в качестве памятника [88, с. 328].

2. КЛАССИФИКАЦИЯ МАТЕРИАЛА

Материал ломоватовских могильников необычайно разнообразен. Особенно выразительны украшения костюма. В данной книге предлагается общая классификация ломоватовских вещей, основанная на предшествующих классификационных схемах [126, 120] и дополненная новыми материалами.

При классификации материала категории выделены по назначению, группы по материалу или технике изготовления, отделы, типы и подтипы по форме и ее отдельным деталям. В некоторых случаях обособление отделов производилось по технике изготовления или способу крепления предмета. В тех случаях, когда категории немногочисленны и однообразны, классификация по группам и отделам опущена.

1. УКРАШЕНИЯ [3]

Височные подвески, изготовленные из бронзы или серебра, представляют собой овальные проволочные кольца с привесками и без них. Отделы выделены по общей форме и технике изготовления предмета, типы и подтипы — по форме привески или кольца.

Отдел А. С полой привеской в виде шаров и конусов.

Тип 1 (12 экз.). Привеска — полый шар. Подтип а. Без украшений (табл. 1—1, 2) [4]. Подтип б. С пирамидкой зерни на кольце над шаром (табл. 1—3). Подтип в. С пирамидками зерни на кольце и в нижней части шара (табл. 1—4). Подтип г. С полыми шарами на боковых сторонах кольца, украшенных поясками псевдоскани, или с широким поясом скани в месте соединения шара с кольцом и пирамидкой зерни в нижней части шара (табл. 1—5, 6).

Тип 2 (7 экз.). Привеска — два шара, соединенных последовательно. Подтип а. Без украшений (табл. 1—7, 8) Подтип б. С рядами шариков зерни между привесками (табл. 1—9, 10).

Тип 3 (19 экз.). Привеска — шар и усеченный конус. Подтип а. Без украшений (табл. 1—11, 12). У одного экземпляра кольцо утрачено и заменено цепочкой. Подтип б. Конус украшен поперечными насечка-

[3] Ввиду многочисленности материала аналоги ему в книге не приведены.
[4] Таблицы см. в приложении № 2.

ми, кольцо псевдовитое (табл. 1—13). Подтип в. Между конусом и шаром несколько рядов скани (табл. 1—14—17). Подтип г. Привеска украшена пирамидками зерни и поясками скани, на кольцо нанизаны дополнительные шары (табл. 1—18—21). Подтип д. Грань между шаром и конусом привески плохо выражена, привеска почти сплошь украшена треугольниками зерни (табл. 1—22, 23).

Отдел Б. С литыми привесками.

Тип 1 (5 экз.). Привеска — крупный шар, дополненный мелкими (табл. II—1—5).

Тип 2 (13 экз.). Привеска — пирамидка из трех-пяти шариков средних размеров, отлитых отдельно (табл. II—6—10).

Тип 3 (5 экз.). Привеска — бипирамидальная гроздь. Шарики крупные и лишь намечены (табл. II—11—13).

Тип 4 (16 экз.). Привеска — бипирамидальная гроздь, в которой шарики отлиты отдельно (табл. II — 14—20).

Отдел В. Без привесок.

Тип 1 (31 экз.). Проволочные. Подтип а. Простые, округлые, иногда несколько колец, соединенных друг с другом (табл. III—1, 2). Подтип б. Простые овальные (табл. III—3). Подтип в. Многовитковые (табл. III—4). Подтип г. С насечками, имитирующими витки (табл. III—5, 6). Подтип д. Витые (табл. III—7, 8). Обмотанные проволокой (табл. III—11, 12).

Тип 2 (1 экз.). С 14-гранным утолщением на одном из концов (табл. III—9).

Тип 3 (1 экз.). С петлей в основании (табл. III—10).

Отдел Г. Со свободно вращающейся привеской.

Тип 1 (17 экз.). Привески в виде капли. Подтип а. С несколькими утолщениями или горизонтальными линиями на стержне и выпуклостью на конце (табл. III—13, 14). Подтип б. С привеской в виде трехгранной пирамиды и гроздью шариков на конце (табл. III—15). Подтип в. С привеской в виде многогранной пирамиды и гроздью на конце (табл. III—16). Подтип г. С привеской в виде шара (табл. III—17, 20). Подтип д. С привеской в виде крупного полого шара и гроздью мелких шариков на конце (табл. III—28). Подтип е. С каплевидной привеской и несколькими утолщениями на конце (табл. III—18, 19).

Тип 2 (2 экз.). Привеска в виде плоской фигурной пластины, украшенной зернью и вставками из камня (табл. III—21).

Тип 3 (15 экз.). Привеска в виде стержня с утолщениями и двумя петлями в нижней части для подвешивания. Подтип а. Привески — плоские овальные пластинки (табл. III—22). Подтип б. Привески — два подобных основе стержня с прикрепленными к их петлям литыми шаровидными бубенчиками (табл. III—24). Подтип в. Четыре привески в виде литых капелек, подвешенных на цепочках (табл. III—26).

Тип 4 (1 экз.). Привеска в виде подтреугольной пластины с псевдогроздью на конце (табл. III—23).

Тип 5 (5 экз.). Привеска в виде кольца, украшенного поперечными насечками и псевдогроздью на конце (табл. III—25, 27).

Тип 6 (1 экз.). Привеска-корзиночка (табл. III—29).

Отдел Д. Подвески-лунницы с полой привеской серповидной формы и гроздью в нижней части.

Тип 1 (9 экз.). Без украшений (табл. III—30, 31).

Тип 2 (2 экз.). Украшены зернью, сканью и вставками из камней (табл. III—32, 33).

Отдел Е. Привески-бусины.

Тип 1 (2 экз.). Стеклянная одноцветная бусина, одетая на стержень (табл. III—34).

Тип 2 (1 экз.). Сердоликовая бусина с росписью. Прикреплена с помощью бронзовой петли к проволочному кольцу (табл. III—35).

Перстни. Изготовлены из бронзы или серебра. Деление на типы произведено по технике изготовления и наличию щитков и вставок, на подтипы — по форме и размерам последних, а также орнаментации колец.

Отдел А. Щитковые.

Тип 1 (7 экз.). С припаянным щитком и сердоликовой или янтарной вставкой. Подтип а. Кольцо обмотано тонкой проволокой или украшено нарезками (табл. II—21). Подтип б. Кольцо без украшений (табл. II—22).

Тип 2 (11 экз.). Цельнолитые с сердоликовыми или стеклянными вставками. Подтип а. С крупной, сильно выступающей вставкой и широким ободком (табл. II—23). Подтип б. С крупной вставкой и узким ободком (табл. II—24). Подтип в. Со средней вставкой (табл. II—25). Подтип г. С малой вставкой (табл. II—26) Подтип д. С малой выступающей вставкой, щиток иногда украшен зернью (табл. II—27, 28).

Тип 3 (26 экз.). Цельнолитые с плоскими щитками без вставок. Подтип а. С пуговкообразным щитком. Кольцо иногда украшено елочкообразными насечками (табл. II—29—32). Подтип б. С ромбическим щитком без орнамента (табл. II—33). Подтип в. С ромбическим щитком, украшенным насечками (табл. II—34—38). Подтип г. С ромбическим щитком, украшенным спиралями (табл. II—41). Подтип д. С овальным щитком без орнамента (табл. II—42, 43). Подтип е. С овальным орнаментированным щитком (табл. II—44—46). Подтип ж. С прямоугольным широким орнаментированным щитком и привесками-колокольчиками или лапками (табл. II—39, 40).

Отдел Б. Бесщитковые.

Тип 1 (1 экз.). Кольцеобразные без орнамента (табл. II—47).

Браслеты. Большая часть их сделана из бронзы, меньшая — из серебра. Типы выделены по форме сечения, подтипы — по наличию дополнительных украшений.

Тип 1 (25 экз.). Круглопроволочные, в сечении круглые или овальные. Подтип а. Простые без дополнений (табл. IV—1, 6). Подтип б.

С утолщениями в середине или на концах (табл. IV—2, 5). Подтип в. С граненым утолщением в середине (табл. IV—7). Подтип г. С расплющенными концами без украшений (табл. IV—8). Подтип д. С расплющенными, приостренными концами, украшенными продольными и поперечными линиями (табл. IV—9). Подтип е. С орнаментированными концами (табл. IV—3, 4). Подтип ж. С приостренными концами (табл. IV—13). Подтип з. С гранеными утолщениями на концах (табл. IV—10). Подтип и. С гранеными утолщениями на концах, украшенных продольными и поперечными линиями (табл. IV—11, 12).

Тип 2 (12 экз.). Граненые. Подтип а. Четырехгранные с утолщениями на концах (табл. IV—18). Подтип б. Шестигранные с заходящими концами (табл IV—19). Подтип в. Восьмигранные сплошь орнаментированные (табл. IV—20). Подтип г. Восьмигранные с кружковым узором на концах (табл. IV—21, 22).

Тип 3 (12 экз.). Пластинчатые. Подтип а. Простые, без орнамента (табл. IV—27). Подтип б. С расширенными концами (табл. IV—36). Подтип в. С отогнутыми концами (табл. IV—31). Подтип г. С простым узором в виде продольных, поперечных или зигзагообразных линий, выполненных пуансоном (табл. IV—26, 28, 29, 32—34, 38, 39). Подтип д. С утолщенными концами (табл. IV—23). Подтип е. С концами в виде головы животного и насечками по боковым сторонам (табл. IV—41, 42). Подтип ж. С орнаментом на концах в виде поперечных и крестообразных насечек (табл. IV—25, 37). Подтип з. С гранеными утолщениями на концах (табл. IV—30). Подтип и. Со сложным орнаментом (табл. IV—40).

Тип 4 (5 экз.). Витые. Подтип а. Изготовлены из двух перевитых, округлых в сечении проволок без дополнений (табл. IV—14). Подтип б. С обоймами на концах (табл. IV—15). Подтип в. Выполнены из плоской проволоки, завернутой в спираль (табл. IV—16, 17).

Пряжки изготовлены из бронзы. При классификации предметов этой категории отделы выделены по технике изготовления пряжки и способу соединения ее с ремнем, типы и подтипы — по форме задних пластин, варианты — по размерам пряжек.

Отдел А. Трехсоставные харинские пряжки с округлым, иногда чуть приплюснутым, свободно вращающимся кольцом, как правило, намного превышающим ширину пластины и нависающим язычком.

Тип 1 (34 экз.). С задней пластиной подтреугольной формы. Подтип а. С короткой пластиной средних размеров. Вариант 2. Пряжка средних размеров (табл. V—11). Подтип б. Пластина в виде равнобедренного треугольника. Вариант 2. Пряжки средних размеров (табл. V—1, 7, 8). Вариант 3. Пряжки малые (табл. V—9, 12—14). Подтип в. С вытянутой пластиной. Вариант 2. Пряжки средних размеров (табл. V—2, 3, 10). Вариант 3. Пряжки малые (табл. V—4, 5, 6).

Тип 2 (4 экз.). С ромбической пластиной и выступами по ее углам. Вариант 1. Крупная (табл. V—21). Вариант 2. Средняя (табл. V—25).

Тип 3 (62 экз.) Пряжки с подпрямоугольной пластиной. Подтип а. С укороченной пластиной, несколько сужающейся к заднему концу. Ва-

риант 1. Крупная с насечками по кольцу (табл. VI—18). Вариант 2. Средних размеров с простым кольцом (табл. VI—14, 21). Подтип б. С вытянутой пластиной. Вариант 1. Крупные (табл. VI—4). Вариант 2. Средние (табл. VI—6, 7). Вариант 3. Мелкие (табл. VI—8). Подтип в. С длинной пластиной, сужающейся к концу. Вариант 1. Крупные (табл. VI—9, 12). Вариант 2. Средние (табл. VI—5, 11, 13, 15, 16, 17, 22). Вариант 3. Мелкие (табл. VI—23). Подтип г. С длинной пластиной, суженной в средней части. Вариант 2. Средняя (табл VI—19, 20). Подтип д. С подквадратной пластиной. Вариант 1. Крупные (табл. VI—1, 2). Вариант 2. Средняя (табл. VI—3). У этого экземпляра пластина выполнена из железа. Подтип е. С вытянутой, одинаковой по ширине пластиной и с большой выемкой в месте крепления язычка. Вариант 2. Средняя (табл. VI—10).

Тип 4 (25 экз.). Пряжки с короткими скругленными пластинами. Подтип а. Округлые пластины без украшений. Вариант 1. Крупные (табл. VII—1—3, 17). Вариант 2. Средние (табл. VII—6, 7, 8, 10). Вариант 3. Мелкие (табл. VII—11—15). Подтип б. Пластина украшена вставками и зернью. Вариант 2. Средних размеров (табл. VII—4, 5). Подтип в. Пластина с приостренными углами. Вариант 3. Малая (табл. VII—9).

Отдел Б. Цельнолитые с плоской задней пластиной, прикреплявшейся к рамке при помощи штифтиков. В тех случаях, когда форма кольца не оговаривается, оно простое округлое.

Тип 1 (19 экз.). С округленной задней пластиной. Подтип а. С крупной пластиной (табл. VIII—1, 2). Подтип б. С сужающейся к концу пластиной и с волнистой линией кольца (табл. VIII—3, 4). Подтип в. Небольшая пряжка с овальной пластиной, украшенной малыми прорезями (табл. VIII—5). Подтип г. Задняя пластина с прорезями по средней линии. Конец обломлен (табл. VIII—6). Подтип д. С сильно вытянутой пластиной, оформленной по краю рифленым узором (табл. VIII—7). Подтип е. Узорчатая пряжка с лировидным кольцом, выступами в месте соединения пластины с кольцом и прорезями на задней пластине (табл. VIII—8). Подтип ж. Пластина с тремя скругленными выступами и В-образным кольцом (табл. VIII—10).

Тип 2 (36 экз.). С приостренным концом задней пластины. Подтип а. Пряжки средних размеров, без украшений, иногда с выступами в средней части кольца или В-образным кольцом (табл. VIII—9, 11—17). Подтип б. С украшениями пластины в виде насечек, овальных или прямоугольных прорезей (табл. VIII—18—24). Подтип в. С чешуйчатообразной пластиной (табл. VIII—25). Подтип г. С сильно сжатым кольцом и короткой пластиной, украшенной волнистыми линиями (табл. VIII—26). Подтип д. С В-образным или лировидным кольцом, ложем для иглы, иногда выступами в месте перехода от пластины к кольцу. У некоторых экземпляров язычки длинные (табл. VIII—27—33, 45). Подтип е. Подобный предыдущему с изображением личины на пластине (табл. VIII—34). Подтип ж. С выступами в углах подтреугольной пластины (табл. VIII—35).

Тип 3 (13 экз.). С прямоугольной пластиной. Подтип а. С короткой

пластиной и прямоугольным кольцом (табл. VIII—36). Подтип б. Пряжка с В-образным кольцом, ложем для иглы и выступами в месте соединения его с пластиной (табл. VIII—37, 38). Подтип в. С вытянутой пластиной округлым, чуть сплюснутым кольцом и несколько выступающим за кольцо, нависающим язычком (табл. VIII—39). Подтип г. С вытянутой пластиной коротким язычком выступами в месте соединения пластины с кольцом (табл. VIII—40, 47). Подтип д. Экземпляр скорее всего неудачно исправлен (табл. VIII—41). Подтип е. С фигурными вырезами в заднем конце пластины (табл. VIII—42, 43).

Тип 4 (1 экз.). С роговидной пластиной (табл. VIII—44).

Тип 5 (1 экз.). Трапециевидная с прямоугольным кольцом и насечками по боковым сторонам (табл. VIII—46).

Отдел В. Пряжки с плоской задней пластиной и шарнирным соединением ее с кольцом. Пластина крепится к ремню с помощью штифтов.

Тип 1 (1 экз.). Пластина с приостренным концом и геометрическими прорезями (табл. IX—36).

Тип 2 (1 экз.). С массивным кольцом и фигурно вырезанной пластиной, при соединении кольца, язычка и пластины узлы несколько округлены (табл. IX—39).

Отдел Г. Цельнолитые восьмеркообразные пряжки.

Ремень крепится к пряжке при помощи прямоугольного или овального приемника.

Тип 1 (13 экз.). Пряжка с овальным кольцом и узким прямоугольным приемником (табл. IX—1—7). Иногда кольцо орнаментировано насечками или выпуклинами.

Тип 2 (1 экз.). Фигурная пряжка с овальными выступами по внешней стороне кольца, украшенными прорезями и прямоугольными по углам приемника (табл. IX—8).

Тип 3 (13 экз.). Пряжка с овальным кольцом, плавно переходящим в прямоугольный приемник той же ширины. Иногда ремень крепится к приемнику с помощью пластины (табл. IX—9—16).

Тип 4 (1 экз.). С прямоугольным кольцом и приемником (табл. IX—17).

Тип 5 (7 экз.). Трапециевидные. Подтип а. Без орнамента (табл. IX—18). Подтип б. С псевдовитым орнаментом (табл IX—19—22).

Тип 6 (2 экз.). В виде двух соединенных колец (табл. IX—23, 24).

Отдел Д. Рамчатые. Ремень привязывался прямо к кольцу.

Тип 1 (11 экз.). Овальные. Подтип а. Кольцо в сечении округлое (табл. V—19; VII—16; IX—25, 26). Подтип б. Кольцо в сечении треугольное (табл. V—16; IX—27). Подтип в. Кольцо спереди несколько утолщено (табл. V—15, 22). Подтип г. Кольцо с выпуклинами (табл. IX—28).

Тип 2 (9 экз.). Трапециевидные. Подтип а. С орнаментом в углах пряжки (табл. IX—29). Подтип б. Крупная с поперечными насечками по кольцу и язычку (табл. IX—30). Подтип в. С выпуклинами по коль-

цу и язычку и граненой площадкой у основания язычка (табл. IX—31, 32). Подтип г. С поперечными насечками по кольцу (табл. IX—33). Подтип д. С орнаментом в виде псевдошнура (табл. IX—34).

Тип 3 (1 экз.). Прямоугольная с выступами и орнаментом в виде выемок (табл. IX—37).

Тип 4 (2 экз.). Лировидные. Подтип а. С вытянутыми «губами» и выступом в середине язычка (табл. IX—35). Подтип б. Без «губ». С простым язычком (табл. IX—38).

Пряжки-колечки служили для подвешивания кистей или ножен к ремню и представляли собой кольцо, соединенное с пластиной, которая крепилась к ремню с помощью штифтов. По форме они делятся на два отдела.

Отдел А. Со свободно вращающимся кольцом.

Тип 1 (1 экз.). С овальной пластиной (табл. V—20, 23).

Тип 2 (2 экз.). С прямоугольной пластиной (табл. V—24, 26).

Отдел Б. Цельнолитые.

Тип 1 (2 экз.). С сердцевидной пластиной (табл. IX—41, 42).

Тип 2 (1 экз.). С овальной пластиной (табл. IX—43).

Тип 3 (1 экз.). С прямоугольной орнаментированной пластиной, соединенной шарнирным способом с прямоугольным кольцом (табл. IX—40).

Накладки могильников V—IX вв. отличаются большим разнообразием. Все они изготовлены из бронзы и крепились к поясу с помощью штифтов. Типы выделены по форме, подтипы — по ее отдельным деталям.

Отдел А. Прямоугольные.

Тип 1 (92 экз.). Длинные вытянутые пластины с некоторой вариацией размеров. Иногда украшены насечками или заклепками с полусферическими головками (табл. X—1—15).

Тип 2 (74 экз.). С одним приостренным концом. Подтип а (8 экз.). Без орнамента (табл. X—16—18). Подтип б (12 экз.). С поперечными линиями на противоположном конце (табл. X—19, 20). Подтип в. С прямоугольной тисненой вставкой из золотой фольги (табл. X—32). Подтип г. С узкой продольной прорезью и поперечными насечками у основания (табл. X—33—35). Подтип д. С узкой продольной прорезью несколькими поперечными насечками и одной волнистой линией у основания накладки (табл. X—36). Подтип е. С прямоугольной прорезью поперечными насечками у основания и уступчиками с обеих сторон, оформляющими основание накладки (табл. X—37). Подтип ж. Подобна предыдущей с дополнительными насечками, соединяющими продольную прорезь с отверстиями в основании (табл. X—38). Подтип з. Вместо продольной прорези орнамент в виде концентрических кругов (табл. X—39).

Тип 3 (27 экз.). Мечеобразные. Подтип а. Вытянутые (табл. X—21—23). Подтип б. Короткие узкие без орнамента (табл. X—24—

26). Подтип в. Короткие широкие без орнамента (табл X—27). Подтип г. Короткие с прорезями (табл. X—28, 30).

Тип 4 (9 экз.). Квадратные вырезанные из тонких пластин. Подтип а. С прямоугольным вырезом в основании (табл. X—40). Подтип б. С орнаментом в виде кругов и спиралей (табл. X—46, 50). Подтип в. С фигурным краем и отверстиями по углам и в центре (табл. X—51).

Тип 5 (48 экз.). Квадратные штампованные. Подтип а. С гранеными сторонами и прямоугольной прорезью в основании (табл. X—41, 42, 47). Подтип б. С узорчатой прорезью (табл. X—43). Подтип в. С усеченными верхними углами и узорчатой прорезью (табл. X—44, 45). Подтип г. С выемкой в основании (табл. X—49).

Тип 6 (3 экз.). Квадратные пластины, украшенные в центре и по углам вставками из камня или стекла, край оформлен сканью, а остальное поле заполнено треугольными узорами, выполненными в технике зерни (табл. X—48, 52, 53).

Тип 7 (31 экз.). Полуовальные с расширенным основанием. Подтип а. Без украшений (табл. XI—1). Подтип б. С вертикальным утолщением посередине (табл. XI—2). Подтип в. С двумя вертикальными и одной горизонтальной прорезями (табл. XI—3). Подтип г. С изображением личины (табл. XI—4).

Тип 8 (11 экз.). Калачевидные с разомкнутыми концами. Подтип а. Без орнамента (табл. XI—5). Подтип б. С орнаментом (табл. XI—6—8). Подтип в. Без четко оформленных изгибов на концах и орнаментом (табл. XI—9).

Тип 9 (32 экз.). Круглые литые диаметром 0,7—4,5 см с одной или двумя петлями на обороте. Подтип а. Без орнамента (табл. XI—10—12, 14, 15). Подтип б. С орнаментом в виде концентрических линий (табл. XI—13). Подтип в. С кружковым орнаментом (табл. XI—17).

Тип 10 (12 экз). Круглые литые с петлями на обороте, образующими два или три ряда (табл. XI—16, 56).

Тип 11 (95 экз.). Круглые. Подтип а. С прорезью в центре (табл. XI—18, 19). Подтип б. С выпуклостью посередине (табл. XI—20). Подтип в. Без орнамента (табл. XI—21). Подтип г. Круглые с зернью (табл. XI—22). Подтип д. Овальная с вставкой и зернью (табл. XI—23). Подтип е. Из тонких пластин с фигурным краем (табл. XI—24, 36).

Тип 12 (2 экз.). Розеткоподобные (табл. XI—34, 35).

Тип 13 (68 экз.). Якорьковидные с сердцевидным основанием. Подтип а. С четко выраженной якорьковидной частью (табл. XI—25, 26). Подтип б. С широкой якорьковидной частью и круглыми прорезями (табл. XI—27, 28).

Тип 14 (31 экз.). Псевдопряжки. Подтип а. С якорьковидной верхней частью (табл. XI—29, 30). Подтип б. С сердцевидной верхней частью (табл. XI—31).

Тип 15 (6 экз.). Т-образные. Подтип а. Нижняя часть без выступов (табл. XI—37, 38). Подтип б. С выступами в верхней части основания (табл. XI—39). Подтип в. Выступы сливаются с верхней частью (табл. XI—40).

Тип 16 (4 экз.). Якорьковидные с шипами в основании (табл. XI—41—43).

Тип 17 (39 экз.). Ж-образные. Подтип а. Крупные (табл. XI—45). Подтип б. Средних размеров (табл. XI—46—48).

Тип 18 (6 экз.). Х-образные (табл. XI—50, 51).

Тип 19 (5 экз.). Якорьковидные с выступами в основании (табл. XI—52, 53).

Тип 20 (11 экз.). Тройчатки (табл. XI—54).

Тип 21 (2 экз.). Вытянутые трехчленные (табл. XI—44, 55).

Тип 22 (2 экз.). Роговидные (табл. XI—57).

Тип 23 (1 экз.). Прямоугольные с трилистником в углах (табл. XI—49).

Тип 24 (14 экз.). В виде головы барана. Подтип а. С тремя выпуклостями по боковым сторонам с приостренными «рожками» (табл. XII—1, 2). Подтип б. С двумя выпуклостями по боковым сторонам и приостренными или сглаженными «рожками» (табл. XII—3—5).

Тип 25 (8 экз.). Щитовидные арочные (табл. XII—6—8).

Тип 26 (23 экз.). Полуовальные. Подтип а. С прямоугольной прорезью у основания или в центре (табл. XII—9—12, 67). Подтип б. С изображением животного (табл. XII—13). Подтип в. С овальными выступами по сторонам и прорезью у основания (табл. XII—14—15). Подтип г. С растительным узором (табл. XII—16).

Тип 27 (131 экз.). Сердцевидные. Подтип а. Овальные, иногда с орнаментом (табл. XII—17—23). Подтип б. Подтреугольных очертаний (табл. XII—24). Подтип в. Со схематическим изображением личины (табл. XII—25—31). Подтип г. С небольшим отверстием у основания (табл. XII—32—34).

Тип 28 (60 экз.). С основой и прикрепленным к ней свободно висящим кольцом. Подтип а. Основа — полуовальная пластина, украшенная кружковым или растительным узором (табл. XII—35—46). Подтип б. Основа — подтреугольная пластина, к которой прикреплены две привески (табл. XII—47). Подтип в. Основа — круглая орнаментированная пластина (табл. XII—48—52).

Тип 29 (26 экз.). Коньковидные. Подтип а. В нижней части стилизованное изображение двух голов коней, обращенных в разные стороны, в верхней — два разделенных промежутком полуовала (табл. XII—53, 54, 69). Подтип б. Нижняя часть отдаленно напоминает вышеописанный, верхняя — один или два соединенных вместе овала (табл. XII—55—58).

Тип 30 (2 экз.). В виде двузубца (табл. XII—59).

Тип 31 (2 экз.). Прямоугольная с привеской. Подтип а. С шарнирным соединением привески и основы (табл. XII—60). Подтип б. С двумя отверстиями для привесок (табл. XII—71).

Тип 32 (17 экз.). Серповидные (табл. XII—61—64).

Тип 33 (4 экз.). Ромбические (табл. XII—65, 68).

Тип 34 (37 экз.). В виде головы медведя (табл. XII—66).

Тип 35 (1 экз.). Двучленные (табл. XII—70).

Тип 36 (1 экз.). Крестовидные (табл. XII—72).

Наконечники ремней представляют собой медные или серебряные пластины, скрепленные с ремнем с помощью штифтов.

Отдел I. Наконечники в виде пластин, зажимающих ремень с двух сторон.

Тип 1 (6 экз.). Предметы небольших размеров (табл. XIII—1—4, 9).

Тип 2 (18 экз.). Широкие пластины, украшенные вертикальным рядом шляпок штифтов в виде полугорошин (табл. XIII—5—8). Это одна из характерных вещей харинского времени.

Отдел II. В виде вытянутых пластин с одним округленным концом.

Тип 1 (7 экз.). Длинные узкие пластины со скудным орнаментом или без него (табл. XIII—10—12, 18, 19).

Тип 2 (17 экз.). Широкие пластины со скудной орнаментацией в виде фигурных выемок, линий или без них (табл. XIII—14—16, 20—23, 26—28).

Тип 3 (19 экз.). С геометрическими узорами (табл. XIII—13, 24, 29—38).

Тип 4 (2 экз.). С изображением сцены охоты на лося (табл. XIII—41, 42).

Тип 5 (3 экз.). С растительными узорами (табл. XIII—25, 39, 40).

Отдел III. В виде пластин с петлями на оборотной стороне.

Тип 1 (1 экз.). Украшены зернью и сканью.

Подвески — одна из самых многочисленных категорий — делятся на шумящие и нешумящие.

Группа I. Шумящие. Предствляют собой плоскую или объемную основу с прикрепленными к ней при помощи восьмеркообразных стержней или цепочек привесками-лапками или колокольчиками.

Отдел А. Коньковые[5]. На основе изображены в реалистической манере головы двух коней, обращенных в разные стороны. Как правило, плоская часть основы заполнена короткими насечками, имитирующими гриву коней. В верхней части основы имеется отверстие — ушко для крепления подвески, в нижней — несколько отверстий для подвешивания привесок.

Тип 1 (3 экз.). Морды коней стилизованы, сливаются с нижней частью основы, привески-колокольчики соединены с основой восьмеркообразными стержнями (табл. XIV—1—3).

Тип 2 (3 экз.). Головы коней реалистичны, прорези на основе отсутствуют, число привесок не превышает четырех (табл. XIV—4, 5).

Тип 3 (8 экз.). Головы коней реалистичны, в основе имеются прорези, 4—6 привесок-колокольчиков или лапок соединены с основой восьмеркообразными стержнями или цепочками (табл. XIV—6—11)[6].

Тип 4 (6 экз.). Морда лошади сливается с нижней частью основы, отверстие в центре приобретает подтреугольные очертания, 5—6 при-

[5] В первоначальном варианте [126] классификация этих предметов была более подробной, но работа с хронологией показала одновременность многих типов, поэтому представляется целесообразным объединить некоторые подтипы и типы.

[6] Условно в этот тип включена подвеска со змеиными головками.

весок-колокольчиков, лапок, бубенчиков соединены с основой цепочками или восьмеркообразными стержнями (табл. XIV—12—16).

Тип 5 (1 экз.). Напоминает предыдущий тип, основа украшена рубчатым орнаментом, шумящая часть отсутствует (табл. XIV—17).

Отдел Б. Подвески с подтреугольной основой.

Тип 1 (1 экз.). Основа оформлена в виде поперечных проволочек, к ней подвешены три привески-лапки (табл. XV—1).

Тип 2 (8 экз.). Основа в виде рамки, украшенной насечками и дополнительными фигурами в центре (табл. XV—2—6).

Тип 3 (17 экз.). Плоская основа украшена спиралевидными узорами (табл. XV—8—12, 14—15).

Тип 4 (2 экз.). Плоская пластинчатая основа (табл. XV—7).

Тип 5 (5 экз.). Основа выполнена в технике плетения и зерни (табл. XV—19—22).

Тип 6 (9 экз.). С изображением головы медведя на основе (табл. XV—13, 16—18, 23).

Отдел В. Подвески-коробочки.

Тип 1 (1 экз.). Основа украшена геометрическими прорезями (табл. XVI—1).

Тип 2 (4 экз.). В центре основы — узор из расходящихся лучей, обрамленный кружками (табл. XVI—2, 3).

Тип 3 (2 экз.). Основа орнаментирована подтреугольными фигурами, кружками и изображением колосьев (табл. XVI—4, 5).

Тип 4 (4 экз.). Основа украшена различными вариациями кружков (табл. XVI—6, 7).

Тип 5 (1 экз.). Основа напоминает тип 2, шумящая часть отсутствует (табл. XVI—8).

Отдел Г. Со стержневой основой.

Тип 1 (1 экз.). С четырьмя выступами в нижней и двумя в верхней части (табл. XVII—53).

Тип 2 (1 экз.). С тремя выступами в нижней и узором в виде псевдоплетенки посередине (табл. XVII—54).

Тип 3 (2 экз.). С двумя петлями в нижней части (табл. XVII—44; XVIII—17).

Отдел Д. Арочные. Основа подвески — арочная или округлая с отверстием посередине, 2—4 привески-лапки или овальные пластинки крепятся прямо к основе.

Тип 1 (13 экз.). Крупные (табл. XVII—28, 32, 36, 37, 47, 48).

Тип 2 (13 экз.). Мелкие (табл. XVII—50—52).

Отдел Е. Трубчатые. Полая основа подвески расширяется книзу, и к ее нижней части прикреплены колокольчики, лапки или бубенчики.

Тип 1 (2 экз.). К четырехгранной основе с помощью щитковых стержней или цепочек прикреплены лапки или колокольчики (табл. XVII—42, 43).

Тип 2 (2 экз.). Основа — конусовидная, украшена зернью или насечками (табл. XVII—40, 49).

Тип 3 (1 экз.). Основа — колоколовидная с сильным расширением в нижней части, привески-бубенчики подвешены на цепочках (табл. XVII—41).

Отдел Ж. Шумящие пластинчатые.

Тип 1 (3 экз.). Основа подвески — прямоугольная пластина, украшенная рядами косых поперечных насечек или отверстий, 10 привесок скреплены с основой восьмеркообразными звеньями (табл. XVIII—25, 27).

Тип 2 (3 экз.). К узкой пластинчатой основе, украшенной короткими насечками, подвешены 3—4 овальных привески (табл. XVIII—24, 26).

Тип 3 (1 экз.). Узкая пластинчатая основа украшена S-образными завитками и зернью. Крупные колокольчики соединены с основой S-образными фигурами (табл. XVIII—5).

Отдел 3. Основа подвески — овальная или прямоугольная в сечении трубка.

Тип 1 (4 экз.). Основа украшена поперечными витками проволоки или нарезками и зернью. Привески-лапки присоединены к основе (табл. XVIII—1—3).

Тип 2 (2 экз.). Основа украшена поперечными линиями и треугольными пирамидками зерни. Привески-лапки соединены с помощью восьмеркообразных стержней (табл. XVIII—4).

Отдел И. Подвески с плоской основой, составленной из кругов с вписанными в них спиралями.

Тип 1 (7 экз.). Пенсневидные. Подтип а. Три привески-лапки подвешены к основе (табл. XVIII—6, 12). Подтип б. Шумящая часть отсутствует (табл. XVIII—7—9).

Тип 2 (9 экз.). Основа состоит из нескольких спиралевидных кругов, соединенных в подтреугольные фигуры. Лапки крепятся посредством восьмеркообразных стержней с перевитой проволокой серединой (табл. XVIII—10, 13—16, 22).

Тип 3 (5 экз.). Основа — один круг. Привески-лапки подвешены прямо к основе или с помощью восьмеркообразных стержней (табл. XVIII—11, 19—21, 23).

Многочисленны привески от шумящих подвесок, которые иногда используются как самостоятельное украшение (табл. XVII—27, 55). Среди них встречаются различные вариации бубенчиков (табл. XVII—1—9, 11—14, 22, 23), колокольчиков (табл. XVII—30, 31, 39), лапок (табл. XVII—16—21, 24, 27, 29, 35, 38, 45, 56), овальных пластинок (табл. XVII—10, 15, 46).

Группа П. Плоские подвески.

Тип 1 (53 экз.). Колесовидные — различные варианты литого плоского круга с петлей для подвешивания, украшенного ажурной прорезью и насечками (табл. XIX—1—14).

Тип 2 (8 экз.). Бляшки из тонких жестяных пластинок с ушком для подвешивания иногда с орнаментом (табл. XIX—15—17, 18).

Тип 3 (11 экз.). Крестовидные. Подтип а. С четырьмя плоскими лопастями и отверстием в центре (табл. XX—1). Подтип б. С четырьмя лопастями и округлыми прорезями в них (табл. XX—2,3). Подтип в. С четырьмя плоскими овалами, украшенными спиралями (табл. XX—4, 5).

Тип 4 (4 экз.). Литые круглые бляшки. Подтип а. С орнаментом в виде кругов, прорезей, спиралей (табл. XX—6—8). Подтип б. С изображением свернувшегося в кольцо зверя и личины в центре (табл. XX—9).

Тип 5 (24 экз.). Кольцеобразные. Подтип а. С выпуклинами по краям (табл. XX—12,13). Подтип б. С изображением свернувшегося в кольцо зверя (табл. XX—18). Подтип в. С частично витым кольцом (табл. XX—14). Подтип г. Псевдовитые или с насечками по кольцу (табл. XX—15—16, 19—20). Подтип д. С несомкнутыми концами в виде лапок (табл. XX—11).

Тип 6 (2 экз.). Лунницы. Подтип а. С изображением личины в центре и косых насечек по краям, имитирующих крылья (табл. XX—26). Подтип б. Без орнамента (табл. XX—27).

Тип 7 (6 экз.). Трапециевидные. Подтип а. Имитирующая лапку с ажурной прорезью и насечками (табл. XX—29). Подтип б. С двумя рядами отверстий вдоль боковых сторон (табл. XX—22).

Тип 8 (4 экз.). Якорьковидные. Подтип а. Простые проволочные (табл. XVII—25, 26). Подтип б. Со спиральными концами (табл. XX—17).

Тип 9 (1 экз.). В виде трилистника (табл. XX—10).

Тип 10 (1 экз.). В виде медвежьего клыка (табл. XX—21).

Тип 11 (1 экз.). Бантикообразные (табл. XX—23).

Тип 12 (1 экз.). Птицевидные (табл. XX—24).

Тип 13 (2 экз.). С изображением личин. Подтип а. С изображением мужского лица (табл. XX—25). Подтип б. С изображением женского лица в головном уборе с ожерельем (табл. XX—28).

Тип 14 (13 экз.). Костыльки, представляющие собой стержни с поперечными насечками округлыми или гранеными концами (табл. XXI—1—6).

Тип 15 (1 экз.). Изображение человеколося и личины (табл. XXI—32).

Группа III. Объемные подвески.

Тип 1 (16 экз.). Ложечки. Подтип а. Небольшая без украшений (табл. XXI—25, 28). Подтип б. Небольшая с изображением головы птицы на ручке (табл. XXI—23, 24, 26). Подтип в. Небольшая или средних размеров с изображением головы медведя на ручке (табл. XXI—27, 31). Подтип г. Крупная с расширенным концом ручки (табл. XXI—30). Подтип д. Крупная с изображением личины в середине ручки (табл. XXI—29).

Тип 2 (3 экз.). Уточки. Подтип а. Реалистичное изображение уточки из бронзы, отверстием для подвешивания обозначен глаз (табл.

XXI—21). Подтип б. Фигурка выполнена из кости, перья подчеркнуты насечками (табл. XXIII—17).

Тип 3 (9 экз.). Флакончатые. Подтип а. Без выраженного устья с орнаментом в виде кругов, продольных и поперечных линий (табл. XXII—31, 32). Подтип б. С выраженным устьем без орнамента (табл. XXII—33). Подтип в. С выраженным устьем, геометрическим узором и прорезями (табл. XXII—34, 35).

Тип 4 (35 экз.). Колоколовидные. Украшены продольными или поперечными линиями (табл. XXI—7—13).

Тип 5 (13 экз.) Бубенчики различных размеров. Орнаментированы продольными или поперечными линиями и прорезями в нижней части (табл. XXI—14—20).

Тип 6 (24 экз.). Туалетные коробочки (табл. XXI—22).

Пронизки. К ним относятся предметы, имеющие сквозные отверстия для нанизывания вещи на ремешок. Они являются обычно составным элементом пронизей, на концах которых крепились шумящие подвески. Эти предметы использовались для украшения груди и пояса. Интересно употребление пронизок в качестве составных элементов сложной шумящей подвески, обнаруженной в погребении 13 Агафоновского могильника (табл. XXIII—35). Основа ее состоит из планочки с десятью отверстиями, в которые продеты ремешки с нанизанными на оба их конца различными пронизками.

Классификация пронизок по отделам и типам проводится на основе формы предмета, по подтипам — по отдельным деталям формы или размерам.

Отдел А. Рожковые.

Тип 1 (106 экз.). Прямые. Подтип а. Средних и крупных размеров с поперечными утолщениями на одном или обоих концах, иногда украшенных поперечными насечками (табл. XXII—1—5, 7—9, 11—13, 15, 16). Подтип б. Подобные первым. Верхний конец обмотан проволокой (табл. XXII—6). Подтип в. Подобные первым. С продольным гранением (табл. XXII—10). Подтип г. Подобные первым двум небольших размеров (табл. XXII—18—21).

Тип 2 (10 экз.). Изогнутые. Подтип а. Крупные с поперечными утолщениями на обоих концах (табл. XXII—22, 23). Подтип б. Подобные первым с поперечными насечками по утолщениям (табл. XXII—24).

Отдел Б. Бутыльчатые.

Тип 1 (17 экз.). Без выраженного устья. Подтип а. Без украшений (табл. XXII—17, 26). Подтип б. С утолщением на нижнем конце (табл. XXII—14).

Тип 2 (13 экз.). С выраженным устьем. Подтип а. Без украшений (табл. XXII—25, 28, 30). Подтип б. С утолщениями на концах и в середине (табл. XXII—29).

Отдел В. Пронизки-трубочки.

Тип I (317 экз.). Одна трубочка. Подтип а. С поперечными линиями на обоих концах (табл. XXIV—1—4). Подтип б. С несколькими поперечными линиями на обоих концах (табл. XXIV—5—8). Подтип в. С несколькими поперечными линиями на концах и продольным гранением (табл. XXIV—18). Подтип г. Крупная с несколькими поперечными линиями на обоих концах (табл. XXIV—38).

Тип 2 (1 экз.). Четыре соединенные трубочки (табл. XXIV—40).

Отдел Г. Спиральновитые.

Тип 1 (328 экз.). Цельнолитые с псевдовитками. Подтип а. С широкими витками (табл. XXIV—14, 15, 21, 39). Подтип б. С узкими витками (табл. XXIV—23).

Тип 2 (43 экз.). Витые из узкой иногда граненой проволоки (табл. XXIV—12, 16, 19, 22).

Тип 3 (2 экз.). Мелкие узкие колечки (табл. XXIV—37).

Отдел Д. Со вздутиями.

Тип 1 (134 экз.). С одним вздутием. Подтип а. С небольшим расширением в центральной части (табл. XXIV—11, 20, 35). Подтип б. С заметным вздутием (табл. XXIV—9, 17, 30, 32, 33). Подтип в. С сильным вздутием (табл. XXIV—31, 34). Подтип г. Со вздутием средних размеров и продольными прорезями (табл. XXIV—13). Подтип д. С сильным вздутием и продольными прорезями (табл. XXIV—43—46).

Тип 2 (34 экз.). С двумя вздутиями. Подтип а. С небольшими расширениями (табл. XXIV—41, 42, 49, 52). Подтип б. С заметными вздутиями (табл. XXIV—47, 51).

Тип 3 (31 экз.). С тремя вздутиями. Подтип а. С небольшими короткими вздутиями, иногда разделенными несколькими поперечными линиями (табл. XXIV—48, 53, 55, 56). Подтип б. С заметными вздутиями (табл. XXIV—54).

Отдел Е. Зооморфные.

Тип 1 (65 экз.). Птицеобразные (вид неопределим). Подтип а. Грубой работы без орнамента (табл. XXIII—1, 2). Подтип б. Отчетливо оформлена пасть, крылья подчеркнуты орнаментом (табл. XXIII—3—5, 35). Подтип в. Крупных размеров с раскрытой пастью, оперенье подчеркнуто орнаментом (табл. XXIII—7).

Тип 2. (10 экз.). Уточки. Подтип а. Без орнамента (табл. XXIII—9). Подтип б. С длинным носом без орнамента (табл. XXIII—8). Подтип в. С насечками, имитирующими перья на крыльях, и отверстиями для шумящей части (табл. XXIII—11, 12, 13). Подтип г. С кружковым орнаментом по туловищу (табл. XXIII—14, 15). Подтип д. Крупная с лосиной мордой (табл. XXIII—16). Подтип е. Крупная, напоминающая лебедя (табл. XXIII—10). Обломок (табл. XXII—27).

Тип 3 (1 экз.). Птица, клюющая соболя (табл. XXIII—6).

Тип 4 (8 экз.). Подтип а. Плоские коньки, грива и хвост иногда подчеркнуты насечками (табл. XXIII—18—24). Подтип б. Объемное изображение коня (?) (табл. XXIII—25).

Тип 5 (11 экз.). Реалистическое изображение идущего или стоящего медведя. Подтип а. Уши, глаза, пасть, когти на лапах едва намечены (табл. XXIII—26, 27). Подтип б. Шерсть на туловище обозначена короткими линиями или выпуклостями (табл. XXIII—28—33).

Маски вырезаны из тонких серебряных пластин, имеют узкие прорези для глаз (табл. XXI—33—35). Иногда предполагаемые ресницы намечены орнаментом (табл. XXI—35).

Шейные украшения представлены гривнами и ожерельями.

Гривны в большинстве случаев выполнены из бронзы или серебра, лишь одна сделана из железа.

Тип 1 (6 экз.). Пластинчатые. Представляют собой несколько расширенные в средней части обручи, застегивающиеся с помощью петель. Отдельные экземпляры украшены по краю насечкой. Подтип а. С ромбическим сечением (табл. XXIV—58, 59). Подтип б. С треугольным сечением (табл. XXIV—57, 60).

Тип 2 (2 экз.). Круглопроволочные. Подтип а. Бронзовая (табл. XXIV—27). Подтип б. Железная (табл. XXIV—25).

Тип 3 (5 экз.). Витые из толстой проволоки. Подтип а. С замком в виде крючка и петли (табл. XXIV—26). Подтип б. С замком в виде крючка и колбочки (табл. XXIV—29).

Тип 4 (4 экз.). Ложновитые с замком в виде крючка и колбочки (табл. XXIV—24, 28).

Тип 5 (1 экз.). Серебряная плетеная четырехгранная. На одном конце — маленький цилиндрик, на другом — длинная игла с шишечкой и прямоугольной пластиной, украшенной вставками и зернью (табл. XXIV—36).

Ожерелья известны в нескольких вариантах: несколько шнурков с нанизанными на них бронзовыми мелкими пронизками, разделенными более крупными (табл. XXIV—50); две трапециевидных плоских пластины, соединенных цепочками и дополненных на концах ожерелья бусинами (табл. XXIV—10). Наиболее многочисленны ожерелья из бус: стеклянных, янтарных, сердоликовых, хрустальных. При типологии бус учитывались материал, способ их изготовления, цвет, орнамент и форма[7]. Составлена единая типология для бусинного материала Верхнего Прикамья V—XIV вв., которая насчитывает 169 типов. В этой работе приведены лишь типы V—IX вв., поэтому некоторые порядковые номера типов будут опущены, так как они принадлежат более поздним экземплярам. Многочисленность и разнообразие этой категории находок позволили разработать ее хронологию для памятников Верхнего Прикамья [135]. Даты бытования отдельных типов бус основаны на культурно-стратиграфическом, планиграфическом и сопоставительном анализах.

---

[7] Анализ бусинного материала выполнен совместно с О. П. Королевой.

Основная масса стеклянных бус изготовлена путем членения тянутой трубочки.

Тип 1 (90 экз.). Посеребренные бусы с бесцветным внешним слоем зонные одночастные (табл. XXV—1). Известны в погребениях V—XI вв.

Тип 2 (241 экз.). Посеребренные бусы с бесцветным внешним слоем зонные многочастные (табл. XXV—2). Датируются V—XI вв.

Тип 3 (3 экз.). Крупные боченкообразные одночастные посеребренные бусы с бесцветным внешним слоем (табл. XXV—3). Встречаются преимущественно в VIII в.

Тип 4 (1 экз.). Посеребренная с голубым внешним слоем зонная одночастная (табл. XXV—4). Происходит из погребения 81 Агафоновского 1 могильника, датированного VII в.

Типы 5, 6 (182 и 65 экз.). Посеребренные бусы с коричневым внешним слоем зонные многочастные (тип. 5, табл. XXV—5) и одночастные (тип 6, табл. XXV—6). Основная масса этих бус в Верхнем Прикамье приходится на IX в., где они преобладают над всеми другими типами, хотя отдельные экземпляры их известны и в V—VIII вв. Посеребренные бусы пришли на смену золоченым, но имеют явно худшее качество. В VIII—IX вв. они широко распространены в Западной и Восточной Европе [200, с. 84—85].

Тип 7 (7 экз.). Крупные. Посеребренные с коричневым внешним слоем боченкообразные одночастные (табл. XXV—7). Датируются VIII—IX вв.

Тип 8 (2 экз.). Посеребренный с коричневым внешним слоем бисер (табл. XXV—8). Обнаружен в захоронениях VII в.

Типы 9, 10 (26 и 36 экз.). Посеребренные с зеленым внешним слоем зонные одночастные (тип 9) и многочастные (тип 10, табл. XXV—9, 10). Датируются концом VI—IX вв.

Тип 11 (2 экз.). Крупные посеребренные с зеленым внешним слоем боченкообразные одночастные бусы (табл. XXV—11). Известны в могилах VIII в. Поломского 1 могильника [203, с. 55, 59].

Тип 12 (98 экз.). Синие зонные многочастные бусы (табл. XXV—12). Датируются V—IX вв.

Тип 14 (215 экз.). Синий бисер (табл. XXV—14). Встречается в захоронениях V—IX вв.

Тип 15 (15 экз.). Синие зонные одночастные бусы (табл. XXV—15). Относятся к концу VI—IX вв.

Тип 16 (1 экз.). Бесцветная зонная двухслойная одночастная бусина IX в. (табл. XXV—16).

Тип 17 (3 экз.). Бесцветные зонные одночастные бусы (табл. XXV—17). Обнаружены в комплексах V—IX вв.

Тип 21 (1 экз.) Черная ребристо-зонная многочастная бусина (табл. XXV—21). Дата не определена.

Тип 22 (2 экз.). Черный бисер (табл. XXV—22). Известен в могилах IX в.

Тип 23 (1 экз.). Фиолетовая зонная одночастная бусина VII в. (табл. XXV—23).

Тип 24 (75 экз.). Фиолетовый бисер (табл. XXV—24). Распространен в V—IX вв.

Тип 25 (2 экз.). Фиолетовые ребристо-зонные одночастные бусы (табл. XXV—25). Встречаются в могилах IX в.

Тип 26 (2 экз.). Фиолетовые ребристо-зонные многочастные бусы (табл. XXV—26). Известны также в IX в.

Тип 27 (2 экз.). Красно-печеночные ребристо-зонные одночастные бусы (табл. XXV—27). Относятся к IX в.

Тип 28 (23 экз.). Красно-печеночный бисер (табл. XXV—28). Встречается в комплексах V—VII вв.

Тип 29 (5 экз.). Желтые зонные одночастные бусы (табл. XXV—29). Собраны в захоронениях VII—VIII вв.

Тип 30 (5 экз.). Желтые «лимонки». Однослойные одночастные из заглушенного стекла (табл. XXV—30). Ю. Л. Щапова называет их «классическими» лимонками и считает предметом восточного экспорта X—XI вв. [347, с. 179]. В Верхнем Прикамье такие бусы встречаются в IX—XI вв.

Тип 31 (3 экз.). Желтые «лимонки». Однослойные многочастные из заглушенного стекла (табл. XXV—31). Известны в Прикамье в IX—XI вв.

Тип 32 (177 экз.). Желтый бисер (табл. XXV—32). Датируется V—XI вв.

Тип 33 (1 экз.) Желтая ребристо-цилиндрическая одночастная бусина (табл. XXV—33). Найдена в могиле IX в.

Тип 34 (4 экз.). Желтые ребристо-зонные многочастные бусы (табл. XXV—34). Относятся преимущественно к IX в.

Тип 35 (5 экз.). Желтые ребристо-зонные одночастные бусы (табл. XXV—35). Встречены в комплексах IX в.

Тип 36 (1 экз.). Желтая ребристо-боченкообразная одночастная бусина (табл. XXV—36). Обнаружена в комплексе IX—XI вв.

Тип 40 (7 экз.). Зеленые зонные одночастные бусы (табл. XXV—40). Датируются концом VI—IX вв.

Тип 43 (4 экз.). Зеленые зонные многочастные бусы (табл. XXV—43). Относятся к VIII—IX вв.

Тип 44 (3 экз.). Зеленые ребристо-зонные одночастные бусы (табл. XXV—44). Известны в могилах IX в.

Тип 45 (I экз.). Зеленая ребристо-зонная многочастная бусина (табл. XXV—45). Датируется IX в.

Тип 46 (8 экз.). Голубые зонные многочастные бусы (табл. XXV—46), IX в.

Тип 47 (4 экз.). Голубые зонные одночастные бусы (табл. XXV—47). Характерны для комплексов VIII—XI вв.

Тип 49 (121 экз.). Голубой бисер (табл. XXV—49). Распространен в V—XI вв.

Тип 50 (18 экз.). Голубые ребристо-зонные одночастные бусы (табл. XXV—50). Обнаружены в могилах IX в.

Тип 51 (1 экз.). Голубая ребристо-цилиндрическая бусина (табл. XXV—51). Встречена в захоронении VIII в.

Тип 52 (1 экз.). Голубая боченкообразная одночастная бусина (табл. XXV—52), IX в.

Тип 53 (1 экз.). Голубая бусина в форме трубочки (табл. XXV—53). Дата не определена.

Тип 54 (2 экз.). Голубая эллиптическо-цилиндрическая бусина (табл. XXV—54). Относится в основном к IX в.

Тип 59 (4 экз.). Посеребренный с желтым внешним слоем бисер (табл. XXV—59). Встречается в комплексах V—VII вв.

Тип 60 (13 экз.). Грязножелтые с коричневым оттенком дисковидные одночастные. Сделаны в подражание янтарным (табл. XXV—60). Найдены в Ферганском могильнике I—IV вв. н. э., в погребениях Кара-Булак [203, с. 55], в Верхнем Прикамье являются датирующим признаком для V—VI вв.

Тип 61 (1 экз.). Позолоченная с бесцветным внешним слоем зонная одночастная (табл. XXV—61). Известна в комплексе VII в.

Тип 62 (1 экз.). Позолоченная с бесцветным внешним слоем боченкообразная одночастная (табл. XXV—62). Происходит из погребения VII в. Позолоченные бусы производились в Александрии в III—II вв. до н. э. Именно в это время они появляются в Северном Причерноморье. Возможно, производство их было налажено и в Сирии [150, с. 55, 96]. В I тысячелетии н. э. позолоченные бусы были известны на Северном Кавказе, в Скандинавии, Средней Азии, Индии, Западной и Восточной Европе [199, с. 8]. В Верхнем и Среднем Прикамье позолоченные бусы наиболее часто встречались в конце I тысячелетия до н. э.— первой половине I тысячелетия н. э. В более позднее время они единичны, позже VII в. в Прикамье такие бусы не известны.

Тип 63 (5 экз.). Посеребренный с бесцветным внешним слоем бисер (табл. XXV—63). Обнаружен в комплексах IX в.

Бусы из тянутой палочки.

Тип 64 (19 экз.). Различных оттенков синего цвета и разной степени заглушенности. В форме куба со срезанными углами (табл. XXV—50). Подобные бусы часто встречаются в могильниках ломоватовской и поломской культур, наиболее многочисленны они в захоронениях VI—VIII вв.

Тип 65 (25 экз.). Синие зонные одночастные бусы (табл. XXV—65). Датируются V—IX вв.

Тип 66 (3 экз.). Синие боченкообразные одночастные бусы (табл. XXV—66). Относятся к V—VII вв.

Тип 67 (7 экз.). Синие в форме трубочки (табл. XXV—67). Известны в могилах V—VI вв.

Тип 68 (9 экз.). Зеленые зонные одночастные бусы (табл. XXV—68). Происходят из могил V—VII вв.

Тип 69 (8 экз.). Зеленые в форме куба со срезанными углами бусы (табл. XXV—69). Встречаются в захоронениях V—VII вв.

Тип 70 (5 экз.). Зеленые подквадратно-эллипсоидные бусы (табл. XXV—70). Встречены в могилах V—VI вв.

Тип 71 (8 экз.). Желтые четырехугольно-параллелепипедные бусы (табл. XXV—71). Датируются концом VI—VIII вв.

Тип 72 (16 экз.). Желтые зонные одночастные бусы (табл. XXV—72). Характерны для V—IX вв.

Тип 73 (6 экз.). Желтые бусы в форме куба со срезанными углами (табл. XXV—73). Встречаются в комплексах V—VI вв.

Тип 74 (1 экз.). Бесцветная бусина в форме куба со срезанными углами (табл. XXV—74). Относятся к VII в.

Тип 75 (76 экз.). Голубые бусы в форме куба со срезанными углами (табл. XXV—75). Распространены в V—IX вв.

Тип 76 (2 экз.). Голубые многогранные параллелепипедные бусы (табл. XXV—76). Происходят из могил V—VI вв.

Тип 77 (6 экз.). Голубые зонные одночастные бусы (табл. XXV—77). Датируются V—IX вв.

Тип 78 (2 экз.). Белые зонные одночастные бусы (табл. XXV—64). Распространены в V—IX вв.

Тип 79 (1 экз.). Белая бусина в форме куба со срезанными углами (табл. XXV—65). Относится к V—VI вв.

Тип 80 (12 экз.). Красно-печеночные зонные одночастные бусы (табл. XXV—66). Известны в V—VII вв.

Тип 81 (1 экз.). Фиолетовая зонная одночастная бусина (табл. XXV—67). Встречена в могиле VIII в.

Тип 82 (1 экз.). Коричневая бусина в форме трубочки (табл. XXV—68). Датируется VII в.

Тип 83 (81 экз.). Зонные одночастные бусы бирюзового, а чаще зеленоватого цвета различной степени заглушенности с простым капельным или мозаичным — красноватым, коричневым, белым, серым, синим — глазком (табл. XXV—69). Известны в V—IX вв., но наиболее распространены в VIII в. У ранних экземпляров отверстия проколоты в глазках, к VIII в. эта особенность исчезает. Подобные бусы хорошо представлены в VI—IX вв. на Северном Кавказе. Они многочисленны и в Верхнем Прикамье. З. А. Львова считает, что такие бусы поступали с Кавказа прежде всего на территорию ломоватовской культуры, а уже оттуда распространялись на соседние [202, с. 89].

Тип 84 (1 экз.). Зеленоватого цвета бусина в форме трубочки с глазками (табл. XXV—84). Напоминает тип 83, датируется V—VI вв.

Тип 85 (10 экз.). Зонные одночастные глазчато-полосатые бусы. Сделаны из палочки, состоящей из разноцветных стерженьков таким образом, что срез палочки является глазком бусины (табл. XXV—85). В Прикамье аналогичные бусы известны в Поломских I и II могильниках. З. А. Львова считает временем их распространения VIII—IX вв. (202, с. 86). В ломоватовской культуре такие бусы встречаются в VI—VIII вв.

Тип 86 (23 экз.). Боченкообразные одночастные бусы черного, зеленого, коричневого цвета с четырьмя рельефными капельными бело-черными или бело-синими глазками около отверстий (табл. XXV—72). Такие бусы характерны для ломоватовских памятников VIII—IX вв., известны они и в Поломском 1 могильнике поломской культуры. З. А. Львова пишет, что такие бусы проникали в Прикамье с Северного Кавказа, где они также бытовали в VIII—IX вв. [202, с. 89].

Тип 87 (1 экз.). Подобна предыдущему типу, но отличается двухслойностью: черная основа покрыта слоем красного стекла (табл. XXV—87). Датируется VIII в.

Тип 88 (14 экз.). Зонные одночастные бусы, выполненные по принципу мозаики из срезов полихромной палочки (табл. XXV—88). В памятниках Юго-Восточной Европы подобные бусы характерны для VIII—IX вв. [150, с. 226, 231], в ломоватовской культуре они встречаются преимущественно в VIII в.

Тип 89 (2 экз.). Зонные одночастные бусы черного цвета с пятнистым сглаженным орнаментом (табл. XXV—89). Известны в комплексах VII в.

Тип 90 (1 экз.). Боченкообразная бусина с диагонально-линейным орнаментом, выполненным в красном, белом и зеленом вариантах (табл. XXV—90). Обнаружена в погребении VIII в.

Тип 91 (1 экз.). Усеченно-яйцевидная бусина с диагонально-линейным коричнево-черно-белым орнаментом (табл. XXV—91). Относится к V—VI вв.

Тип 92 (1 экз.). Ковшеобразная бусина с диагонально-линейным орнаментом в виде полос зеленого и светло-зеленого цветов (табл. XXV—92). Датируется концом VIII—IX вв.

Бусы, изготовленные из стекла способом вырезания.

Тип 161 (3 экз.). В форме куба со срезанными углами из синего стекла (табл. XXV—161). Обнаружены в погребениях V—VII вв.

Тип 162 (1 экз.). Боченкообразная бусина из синего стекла (табл. XXV—162). Известна в комплексе IX в.

Тип 163 (1 экз.). Голубая прозрачная бусина в форме куба со срезанными углами (табл. XXV—163). Найдена с вещами VII в.

Тип 191 (1 экз.). Бусина в форме куба со срезанными углами из прозрачного зеленоватого стекла, украшенная красно-желтыми простыми глазками (табл. XXV—191). Датируется VII в.

Каменные бусы. Все они разные. В изготовлении их выделены три стадии: получение заготовки, сверление отверстия, полировка. Среди каменных бус преобладают сердоликовые.

Тип 165 (2 экз.). Шарообразные (табл. XXV—165). Обнаружены в комплексах V—XI вв.

Тип 166 (4 экз.). Бусы в форме куба со срезанными углами (табл. XV—166). В Верхнем Прикамье найдены в погребениях конца VI—VII вв., а также XI в.

Тип 170 (1 экз.). Многогранно-эллипсоидная бусина (табл. XXV—170). Датируется концом VI—VII вв.

Тип 171 (28 экз.). Зонные бусы (табл. XXV—171). Известны в могилах конца VI—IX вв.

Тип 172 (1 экз.). Цилиндрическая бусина (табл. XXV—172). Дата не определена.

Типы 173—175 (2, 17 и 8 экз.). Шарообразные, зонные и дисковидные бусы, на которых белой краской нанесен орнамент (табл. XXV—173—175), напоминают знаки, вырезанные на сасанидских геммах. В Сасанидском Иране подобные изображения встречаются не только на резных камнях, но и в декорациях, на монетах, керамике,

произведениях торевтики [192, с. 38—411]. Расписанные сердоликовые бусы хорошо представлены на памятниках VI—IX вв. Юго-Восточной Европы, в курганах у ст. Ладожской, катакомбах Чми, Балта, в Больше-Дунайских курганах [150, рис. 31], Петропавловском могильнике конца VI—VII вв. в Удмуртии [284, табл. LXI] и других памятниках. В Верхнем Прикамье такие бусы — яркий признак VII в.

Халцедоновые бусы встречаются в захоронениях V—VIII вв.

Тип 176 (17 экз.). Эллипсоидные (табл. XXV—176).

Тип 177 (1 экз.). Шарообразная (табл. XXV—177).

Тип 178 (9 экз.). Боченкообразные (табл. XXV—178).

Хрустальные бусы.

Тип 180 (12 экз.). Эллипсоидные (табл. XXV—180). Обнаружены в могилах VII—VIII вв.

Тип 183 (1 экз.). Бусина неправильной шарообразной формы, как бы состоящая из двух линз разной кривизны (табл. XXV—183). В. Б. Деопик считает их датирующим признаком для IV—V вв. памятников Северного Кавказа и Крыма [149, с. 51]. В Верхнем Прикамье чаще всего встречаются в могилах конца VII—VIII вв.

Янтарные бусы.

Тип 189 (34 экз.). Крупные дисковидные бусы (табл. XXV—189). Аналогичные экземпляры известны в памятниках IV—V вв. на Кавказе, Кубани, в Абхазии, Кабардино-Балкарии [149, с. 49]. По данным Е. И. Алексеевой бусы подобного рода (типы 6, 7, 9, 11) известны в античных колониях Северного Причерноморья с IV в. до н. э. по IV в. н. э. [70, с. 23—24]. В Верхнем Прикамье они наиболее распространены в погребениях харинского этапа ломоватовской культуры, датирующегося V—VI вв.

Гешировая зонная бусина (тип 190) обнаружена в одном экземпляре в Агафоновском I могильнике (табл. XXV—190). Аналогичные вещи известны в Северном Причерноморье в погребениях I—III вв. н. э. [70, с. 11, табл. XX—67].

2. ОРУЖИЕ

Наконечники стрел. Предметы этой категории разделены на группы по материалу, на отделы — по способу крепления с древком, на типы — по форме пера и подтипы — по второстепенным деталям формы.

Группа 1. Железные.

Отдел А. Втульчатые. К ним отнесены наконечники, имеющие коническую втулку, с помощью которой они были закреплены на древке стрелы.

Тип 1 (1 экз.). Стержневые с трехгранным сечением пера (табл. XXVI—1).

Тип 2 (7 экз.). Ромбовидные (табл. XXVI—2—5).

Тип 3 (1 экз.). Ромбовидные с узелком при переходе к втулке (табл. XXVI—6).

Тип 4 (2 экз.). Остролистые (табл. XXVI—7). В Прикамье наконечники этого типа появились в I тысячелетии до н. э. и употреблялись до XI в. включительно [213, с. 57].

Отдел Б. Черешковые с острым шиловидным или плоским узким черешком.

Тип 1 (10 экз.). Трехлопастные. Стороны наконечников слегка выпуклые. Были широко распространены с конца I тысячелетия до н. э. до IX в. н. э., найдены в погребениях Серповского, Деменковского, Уфимского, Неволинского, Бродовского могильников [213, с. 59]. Подтип а. С широкими лопастями без узелка в месте перехода пера в черешок (табл. XXVI—8—11). Подтип б. С узкими лопастями и узелком при переходе в черешок (табл. XXVI—12). Подтип в. С короткими лопастями и утолщением в месте перехода в черешок (табл. XXVI—13, 14).

Тип 2 (8 экз.). Граненые. Подтип а. Стержневые с узелком при переходе к черешку (табл. XXVI—16, 17). Подтип б. Срезни в виде удлиненной узкой лопаточки (табл. XXVI—18). Подтип в. Конические круглые в сечении (табл. XXVI—21). Подтип г. Квадратные в сечении (табл. XXVI—24).

Тип 3 (37 экз.). Ромбические с прямыми сторонами и расширением в нижней половине пера (табл. XXVI—19, 20, 23, 26, 27). В Прикамье они появились на рубеже двух эпох и широко применялись на севере Восточной Европы до конца XIII в.

Тип 4 (7 экз.). Ромбические с прямыми сторонами и расширением в средней части пера (табл. XXVI—15, 29—31). Перо имеет вид правильного ромба с прямыми сторонами. В средневековый период встречаются с VIII по XIV вв. [213, с. 69].

Тип 5 (18 экз.). Ромбические с расширением в верхней части пера и прямыми сторонами (табл. XXVI—32—35).

Тип 6 (11 экз.). Ромбические с выраженным черешком и иногда с утолщением на нем (табл. XXVI—53, 54).

Тип 7 (1 экз.). Остролистный с упором для древка (табл. XXVI—28). Подобные наконечники известны по всей Европейской территории СССР в IX — первой половине XI вв. Аналогичные экземпляры найдены в Петропавловском могильнике VI—VII вв. [284, табл. VI—3], в Пскове, Старой Ладоге, в Лядинском могильнике, на Вакинском селище [213, с. 73].

Тип 8 (13 экз.). Листовидные без упора с плавным переходом к черешку (табл. XXVI—22, 25, 36, 37, 39). Такие наконечники получили широкое распространение в I тысячелетии н. э. в Прикамье и средней полосе Европейской части СССР [213, с. 73].

Тип 9 (1 экз.). Короткий ромбический с выпуклыми сторонами и узелком у основания пера (табл. XXVI—38).

Тип 10 (6 экз.). Листовидные с усеченным основанием (табл. XXVI—40, 42).

Тип 11 (6 экз.). Подтреугольные. Подтип а. С узелком при пере-

ходе к черешку (табл. XXVI—50). Подтип б. Без узелка при переходе к черешку (табл. XXVI—46-49). Подтип в. С длинной шейкой (табл. XXVI—51, 52).

Тип 12 (6 экз.). С коротким треугольным пером. Подтип а. С усеченным основанием (табл. XXVI—41, 56). Подтип б. С шипами в основании (табл. XXVI—55, 57).

Тип 13 (7 экз.). Двурогие. Подтип а. С упором (табл. XXVI—59). Подтип б. Без упора (табл. XXVI—43—45, 58).

Группа П. Костяные. Они многогранны, чаще всего без четко выраженного черешка, имеют длину 9—12 см, ширину 1,3—1,5 см.

Отдел А. Без четко выраженного черешка.

Тип 1 (3 экз.). Наибольшее расширение приходится примерно на середину предмета. Подтип а. В сечении пятигранник (табл. XXXIII—12, 14). Подтип б. В сечении треугольник (табл. XXXIII—7).

Тип 2 (1 экз.). Наибольшее расширение лежит приблизительно в первой трети от его боевого конца. Подтип а. В сечении шестигранник (табл. XXXIII—6).

Тип 3 (5 экз.). Наибольшее расширение располагается в первой трети от основания предмета (табл. XXXIII—8—10).

Отдел Б. Черешковые.

Тип 1 (1 экз.). Наибольшее расширение в основании длинного пера, сечение четырехгранное (табл. XXXIII—11).

Тип 2 (2 экз.). Наибольшее расширение в основании короткого пера, сечение трехгранное (табл. XXXIII—13).

Наконечники копий. Все предметы этой категории сделаны из железа. Отделы выделены по способу насада (втульчатые или черешковые).

Отдел А. Втульчатые.

Тип 1 (9 экз.). Ромбовидные. Подтип а. С коротким пером (табл. XXVII—1—3). Подтип б. С удлиненным пером (табл. XXVII—4, 5). Подобные предметы распространены в Восточной Европе преимущественно в VI—VIII вв. [178, с. 12].

Тип 2 (2 экз.). Ланцетовидные (табл. XXVII—7, 12). Перо плавно переходит во втулку, на лезвии иногда различима грань, поперечное сечение ромбическое.

Тип 3 (2 экз.). Листовидные (табл. XXVII—6). Переход от пера к втулке хорошо выражен.

Тип 4 (11 экз.). Перо в виде четырехгранного стержня. Подтип а. С резким переходом от пера к втулке (табл. XXVII—8, 9, 11). Подтип б. Переход к втулке не оформлен (табл. XXVII—17, 24, 25). Такие копья появились в Прикамье в VII в. и использовались до IX в. включительно.

Тип 5 (10 экз.). Рогатины. Имеют прямоугольное сечение пера, переход от пера к втулке не обозначен (табл. XXVII—10, 18—22, 26—29).

Тип 6 (9 экз.). Копье с треугольным пером и шипами в его основании. Подтип а. С фигурно вырезанными шипами (табл. XXVII—30). Подтип б. С хорошо выраженными глубокими шипами (табл. XXVII—23, 31, 32). Подтип в. Верхняя часть втулки украшена бронзовой обоймой (табл. XXVII—33). Подобные наконечники чаще всего встречаются в муромских могильниках. В Прикамье, как и в других районах двушипные наконечники имели, по-видимому, преимущественно промысловое значение [178, с. 17].

Отдел Б. Черешковые.

Тип 1 (1 экз.). Копье с треугольным пером и шипами в основании. Черешок имет круглое сечение (табл. XXVII—34).

Втоки (5 экз.) представляют собой конические трубки круглые в сечении длиной до 8,1 см диаметром до 2,2 см (табл. XXVII—13—16).

Железные топоры. Группы выделены по назначению: универсальные и боевые, отделы — по форме насада, типы — по форме рабочей части и молотка.

Группа I. Универсальные

Отдел А. Втульчатые.

Тип 1 (5 экз.). Со слегка расширяющимся книзу лезвием (табл. XXVIII—1—3).

Отдел Б. Проушные.

Тип 1 (8 экз.). С округлым обухом, длинным вытянутым расширяющимся книзу лезвием (табл. XXVIII—4—6).

Тип 2 (3 экз.). С округлым обухом, коротким лезвием (колуны) (табл. XXVIII—7, 8).

Тип 3 (2 экз.). С округлым обухом и щековицами (табл. XXVIII—9, 10).

Тип 4 (5 экз.). С прямоугольным обухом и длинным лезвием (табл. XXVIII—11—14).

Тип 5 (9 экз.). С прямоугольным обухом, длинным лезвием и слегка намеченными щековицами (табл. XXVIII—15, 16, 19, 20).

Тип 6 (1 экз.). С прямоугольным обухом и широким коротким лезвием (табл. XXVIII—17).

Тип 7 (1 экз.). С прямоугольным обухом, широким массивным лезвием и острыми щековицами (табл. XXVIII—21).

Группа II. Боевые.

Тип 1 (6 экз.). С узким подтреугольным лезвием, несколько вытянутым прямоугольным обухом и расплющенным концом (табл. XXVIII—22, 23).

Тип 2 (4 экз.). С узким подтреугольным лезвием, сильно вытянутым обухом и маленьким прямоугольным концом (табл. XXVIII—24, 25).

Тип 3 (1 экз.). С узким подтреугольным лезвием вырезом в нем, сильно вытянутым граненым обухом (табл. XXVIII—26).

Железные ножи. Все предметы этой категории имеют прямую спинку и плоский неширокий черешок.

Тип 1 (45 экз.). С резкими уступчиками со стороны спинки и лезвия при переходе к черешку. Подтип а. С гладкой поверхностью (табл. XXX—16, 17, 27, 30). Подтип б. С желобком посередине вдоль предмета (табл. XXX—21). Ножи с желобком — одна из характернейших особенностей харинского времени.

Тип 2 (23 экз.). С уступчиком со стороны спинки при переходе к черешку. Подтип а. С гладкой поверхностью (табл. XXX—18, 22). Подтип б. С желобком посередине вдоль предмета (табл. XXX—19, 32).

Тип 3 (38 экз.). С обоймой при переходе к черешку, ограничивающей рукоятку (табл. XXX—24—26, 28, 29).

Тип 4 (22 экз.). С плавным переходом от черешка к лезвию (табл. XXX—36, 41).

Некоторые ножи имеют длинные деревянные или костяные рукояти (табл. XXIX—23; XXX—37) с железными (табл. XXIX—8—10) или бронзовыми (табл. XXIX—11) обоймами и железными (табл. XXIX—6) или бронзовыми (табл. XXIX—7) навершиями. Особый интерес представляют бронзовые литые навершия кинжалов овальные в сечении несколько расширяющиеся кверху, украшенные продольными и поперечными рельефными полосами и полугорошинами (табл. XXIX—1—4), а также округлые в сечении с шишечкой на конце и продольной огранкой (табл. XXIX—5).

У ломоватовского населения были популярны ножны, которые эволюционируют во времени. В V—VI вв. они представляли собой деревянный или кожаный футляр, обтянутый частично сверху медными пластинками и обоймами. Вдоль одной стороны ножен обычно наложена пластинка и ряд заклепок с полусферической головкой (табл. XXIX—14—16). В VII в. ножны теряют орнамент в виде гвоздей с полусферической головкой, становятся уже и длиннее (табл. XXIX—18, 19). В VIII—IX вв. они украшались многочисленными поперечными обоймами, иногда с узором из зерни и вставками (табл. XXIX—20—22). Ножны подвешивались к поясу с помощью железных (табл. XXIX—12, 13) или бронзовых (табл. XXIX—17) цепочек, а также бронзовых (табл. XXX—12) или железных (табл. XXX—3—5) крючков.

Мечи (7 экз.) представляют прямые вытянутые однолезвийные (табл. XXX—15, 23, 33, 34) или двулезвийные (табл. XXX—14, 35) клинки шириной 3—4 см, длиной до 1 м. У нескольких экземпляров сохранились брусковидные перекрестья (табл. XXX—14, 23, 34, 35), снабженные иногда на концах шарами (табл. XXX—15). В одном случае обнаружены остатки деревянных ножен, сверху покрытых кожей

и тонкими серебряными пластинами (табл. XXX—23). Ножны в двух местах украшены полукруглыми выступами, орнаментированными рельефными розетками.

3. ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КОНСКОЙ СБРУИ

Стремена. Отделы выделены по контуру дужки, типы — по форме подножки и петли для ремня.

Отдел А. Восьмеркообразные с расширенной нижней частью.

Тип 1 (2 экз.). Снабжены прямой плоской подножкой и небольшой верхней петлей для ремня (табл. XXXI—11, 12). Такие стремена произошли от веревочных и ременных и относятся к древнейшим евразийским формам [151, с. 138].

Тип 2 (8 экз.). С плоской несколько вогнутой подножкой (табл. XXXI—6).

Тип 3 (2 экз.). С граненой несколько вогнутой подножкой (табл. XXXI—10).

Отдел Б. Стремена арочной формы.

Тип 1 (2 экз.). С плоской прямой подножкой и пластинчатым ушком (табл. XXXI—1, 2). Относятся к более поздним (IX—XI вв.) и широко распространены.

Тип 2 (4 экз.). С плоской прямой подножкой и отверстиями в ней (табл. XXXI—4).

Тип 3 (10 экз.). С плоской несколько вогнутой подножкой (табл. XXXI—3, 5).

Удила являются наиболее важной частью узды. Их отличает относительная симметричность конструкции и бедность художественной отделки. Отделы выделены по наличию или отсутствию псалиев и способу перегиба стержней, типы — по устройству окончаний, форме псалиев.

Отдел А. Двусоставные без псалиев.

Тип 1 (7 экз.). Двукольчатые, имеющие круглые в сечении стержни с двумя отверстиями. Псалии, очевидно, утрачены (табл. XXXI—20).

Отдел Б. Двусоставные с кольчатыми псалиями.

Тип 1 (58 экз.). С псалиями в виде крупных свободно вращающихся колец. Подтип а. Без дополнений (табл. XXXI—7, 15, 22). Эта форма наиболее универсальна, поэтому удила данного типа были широко распространены в средневековый период. Кроме того, обнаружены отдельные кольца от удил, вероятно, того же типа. Подтип б. С одной или двумя обоймами на кольцах (табл. XXXI—8, 9). Характерны для V—VI вв. Подтип в. С крупными и малыми кольцами, укрепленными в отверстиях на концах стержней (табл. XXXI—16).

Тип 2 (4 экз.). С крупными витыми кольцами (табл. XXXI—13, 14).

Тип 3 (4 экз.). С малыми кольцами на концах и крупными, укрепленными несколько выше (табл. XXXI—19).

Тип 4 (5 экз.). С малыми кольцами (табл. XXXI—17, 21).

Тип 5 (2 экз.). С восьмеркообразными псалиями (табл. XXXI—18).

Отдел В. Двусоставные со стрежневыми псалиями. Почти все они дополнены малыми кольцами на концах.

Тип 1 (3 экз.). Двукольчатые с псалиями в виде изогнутых стержней и изображением лошадей (табл. XXXI—24). Подобные удила в Троицком могильнике отнесены к VII—IX вв. (151, табл. IV), а в могильнике Кудыргэ датированы А. А. Гавриловой VII—VIII вв. [103, с. 81].

Тип 2 (8 экз.). Двукольчатые с псалиями в виде изогнутых стержней (табл. XXXI—25).

Тип 3 (4 экз.). С псалиями в виде прямых стержней (табл. XXXI—26, 28).

Тип 4 (2 экз.). С псалиями в виде костяных несколько изогнутых стержней (табл. XXXI—23, 29).

Тип 5 (1 экз.). С псалиями в виде бронзового изогнутого стержня (табл. XXXI—30).

Отдел Г. Трехсоставные, состоящие из трех соединенных стержней, со стержневыми псалиями.

Тип 1 (2 экз.). С прямыми железными псалиями (табл. XXXI—27).

Железные пряжки употреблялись в конской сбруе как седельные и подпружные. Большинство их не имеют специального приспособления для соединения ремня с пряжкой (отдел А). Ремень охватывает часть рамки. Типы пряжек выделены по форме рамки.

Тип 1 (2 экз.). Прямоугольные (табл. XXX—1, 9).

Тип 2 (4 экз.). Подквадратные (табл. XXX—13).

Тип 3 (1 экз.). Трапециевидные со слегка вогнутыми боковыми сторонами (табл. XXX—10).

Тип 4 (1 экз.). Овальные (табл. XXX—6).

Тип 5 (2 экз.). Овальные слегка вытянутые (табл. XXX—7, 8). Наиболее распространенные прямоугольные и трапециевидные пряжки появились в VII в. и использовались длительное время.

Тип 6 (1 экз.). Полуовальные (табл. XXX—11).

Отдел Б. С короткой прямоугольной задней пластиной.

Тип 1 (1 экз.). С трапециевидным кольцом (табл. XXX—2).

К деталям конской сбруи относится бронзовое кольцо с тремя выступами (табл. XXXII—13), а также бронзовые и серебряные пластины различных форм (табл. XXXII—12, 14—20) с небольшими отверстиями для пришивания. Интересно скопление различных накладок: сердцевидных, круглых, образующих оригинальную орнаментальную композицию (табл. XXXII—15—19).

4. ПРЕДМЕТЫ БЫТА И ОРУДИЯ ТРУДА

Из предметов быта обнаружены туалетные ложечки в виде длинных пластин с одним приостренным концом и отверстием в противоположном (табл. XXXII—1—5). Они сделаны из бронзы или железа, украшены геометрическим узором.

Костяные гребни (3 экз.) однотипны. В верхней части они имеют стилизованные изображения коней, середина их украшена одним или двумя рядами заштрихованных трегугольников (табл. XXXII—7—9). Из кости сделан орнаментированный кружок с отверстием посередине (табл. XXXII—6), назначение которого не ясно.

Пряслица изготовлены из глины хорошего качества.

Тип 1 (3 экз.). Цилиндрические (табл. XXXIII—16, 28—30).

Тип 2 (5 экз.). Биконические (табл. XXXIII—20, 21, 31).

Тип 3 (1 экз.). С округлым профилем и вогнутыми горизонтальными плоскостями (табл. XXXIII—22).

Костяные иглы представляют собой костяные стержни круглые в сечении с приостренным одним концом и отверстием в противоположном (табл. XXXIII—15).

Шилья разделены на 3 типа.

Тип 1 (7 экз.). Четырехгранные или ромбические в сечении (табл. XXXIII—1, 2, 4).

Тип 2 (5 экз.). Прямоугольные в сечении (табл. XXXIII—3, 5).

Тип 3 (1 экз.). Овальные в сечении с рукоятью в виде замкнутого кольца (табл. XXXIII—24).

Железные кресала все калачевидные.

Тип 1 (1 экз.). С округлыми шишечками на концах (табл. XXXIII—36).

Тип 2 (3 экз.). С приостренными концами (табл. XXXIII—41).

В единственном экземпляре обнаружен железный **игольник,** представляющий собой прямоугольную сильно вытянутую коробочку (табл. XXXIII—35).

Точила (2 экз.). Изготовлены из сланца и имеют вид грубо оббитых граненых камней со следами сточенности (табл. XXXIII—34, 39, 40, 43).

Небольшое железное **тесло,** обнаруженное в одном из погребений Деменковского могильника (табл. XXXIII—44), сделано из железной пластины. Рабочий край его направлен перпендикулярно к основанию — обуху. Вместе с теслом найден квадратный в сечении железный стержень (табл. XXXIII—45), назначение которого не ясно.

Из могильников происходят две небольшие железные **мотыжки**, изготовленные из железных пластин с подрезанными и несколько загнутыми боковыми верхними сторонами (табл. XXXIII—17, 37).

В единственном экземпляре обнаружено глиняное грузило цилиндрической формы. Концы его украшены несколькими поперечными утолщениями (табл. XXXIII—32).

На могильниках обнаружены три костяных полых цилиндрика неясного назначения одинакового диаметра, но разной длины (табл. XXXII—10, 11).

Из орудий труда найдены железные **кочедыки** для плетения лаптей и корзин (табл. XXXIII—47, 48), которые имеют четырехгранную ручку и ложковидную рабочую часть. Известен железный **скобель**, который представляет собой пластину с загнутыми концами и острой гранью (табл. XXXIII—42).

Интересной находкой являются **молоток** и **клещи** (табл. XXXIII—38, 49), обнаруженные в одном из погребений Редикарского могильника, а также молоток, найденный в могиле 129 Агафоновского I могильника (табл. XXVIII—18). Все предметы сделаны из железа. Молотки имеют клинообразную форму, обухи несколько утолщены с плоской площадкой на конце. Длина кузнечных клещей — 28 см, рабочая часть их равна 7 см, один конец загнут крючком.

Из инструментария ювелира встречаются бронзовые (табл. XXXIII—23, 25—27) и железные (табл. XXXIII—33) **ювелирные щипчики** и металлические **палочки-заготовки** (табл. XXXIII—18, 19) длиной 12—13,5 см при ширине 1,2—1,5 см.

ГЛАВА II. ПОСЕЛЕНИЯ ЛОМОВАТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Поселения представляют собой самую многочисленную категорию памятников ломоватовской культуры. К настоящему времени их известно 192, что составляет 58,54%. Поселения встречаются во всех территориальных группах (табл. 12). Наиболее многочисленны они в верхокамской (26), чусовской (20), туйско-гаревской (63), иньвенской (22) и вишерско-камской (15) группах.

Оба вида поселений как укрепленные, так и неукрепленные присутствуют во всех локальных группах. Анализ соотношения городищ и селищ в целом по культуре указывает на некоторое преобладание последних (34,5%) по сравнению с первыми (24,1%).

1. ГОРОДИЩА. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В настоящее время известно 79 городищ ломоватовской культуры. Наибольшее число их сосредоточено в туйско-гаревском, иньвенском, чусовском, косинском, верхокамском и обвинском районах. Далеко не все укрепленные поселения могут быть охарактеризованы с достаточной полнотой, так как часть сведений по различным причинам отсутствует.

Почти все городища ломоватовской культуры однотипны и располагаются на мысах, имеющих крутые склоны и являющихся естественными труднодоступными местами. Как правило, мысы расположены под углом к реке, против ее течения. Площадки находятся над поймой на высоте 6—12 м (Сенькинское II, Сибирские I, II, Гилевское, Пармайловское II, Буждог, Ором, Зуйкар) или на уровне 19—26 м (Рагозское, Бутырское, Гарамиха, Чудихинское I, Шудьякар, Бисерово II). Для обеспечения защиты поселения достаточно было соорудить с напольной стороны ров и вал и укрепить склоны. В некоторых случаях валы не сохранились (рис. II—4). Именно одна линия защитных укреплений отделяет мыс от основного массива террасы у большинства памятников: Меркушевское (рис. 10—5), Сибирские I (рис. 11—3) и II (рис. 10—3), Гарамиха, Гилевское (рис. 11—2), Антоновцы, Морочатское, Карчейское (рис. 11—6), Шудьякар, Зуйкар, Рагозское и др. Лишь 6 городищ укреплены со стороны поля двумя валами и рвами: Ямское (рис. 11—1), Лисьи Норы, Саламатовское II, Бовинское II, Левинское, Пармайловское I. Три ряда укреплений обнаружены на Бутырском (рис. 10—2), Устин II (рис. 10—6) и Ручевском городищах. В редких случаях поселение дополнительно ограждено со стороны оконечности мыса одним (Опутятское) или двумя рядами укреплений (Медведица). Наибольший интерес представляет система защиты Опутятского городища, которое имело 6 валов и рвов: 5 — с напольной и 1 — с мысовой стороны. С внутренней стороны первого и пятого валов обнаружены углубления, в которых, по предпо-

Таблица 12

Распределение памятников ломоватовской культуры по территориальным группам

Группа	Городища	Селища	Костища	Могильники		Находки	Клады	Пещеры	Всего	%
				курганные	бескурганные					
Чусовская	8	11			1		1	1	22	6,7
Туйско-гаревская	19	44	3	3	3	6	3		81	24,8
Обвинская	8	3	2	1	3	8	4		29	8,8
Косьвинская	2	1	1		1				5	1,5
Иньвенская	14	8			8	7	8		45	13,8
Яйвинско-камская	4	5					3		12	3,6
Вишерско-камская	5	10	1		5	2	6		29	8,8
Косинская	9	2		5	2	8	3		29	8,8
Гайнинская	2	10		4	6	7	1		30	9,2
Верхо-камская	8	18			9	1	4		40	12,2
Единичные памятники		1				2	2		5	1,5
Место-нахождение не известно							1		1	0,3
Всего	79	113	7	13	38	41	36	1	328	
%	24,1	34,5	2,1	4,0	11,6	12,5	10,9	0,3	100	

ложению В. Ф. Генинга, ставился частокол. Современная высота валов колеблется от 1 до 5 м, а глубина рвов от 0,7 до 2 м.

При раскопках городища Шудьякар выяснено, что боковые склоны площадки были также укреплены рвом и бревенчатой стеной. Ров шел по краю площадки и достигал в ширину 6 м и глубину 1,5 м. На внутренней стороне рва располагалась деревянная стена, выполненная из горизонтально уложенных бревен, укрепленных крупными столбами. Вся загородь поддерживалась наклонными кольями. Судя по многочисленным столбовым ямам, стена неоднократно подновлялась. Очевидно, склоны мысов большинства городищ были укреплены подобным образом. Внешние следы этих укреплений не сохранились до настоящего времени вследствие своеобразного расположения — на склоне поверхности. В результате рвы быстро заплывали грунтом, смываемым с площадки, изгороди и валы интенсивно размывались по склону.

Исключение из общего правила составляют памятники, расположенные на сплошной береговой террасе, площадки которых отделены одной полукольцевой линией укреплений: Сенькинское I (рис. 10—4)

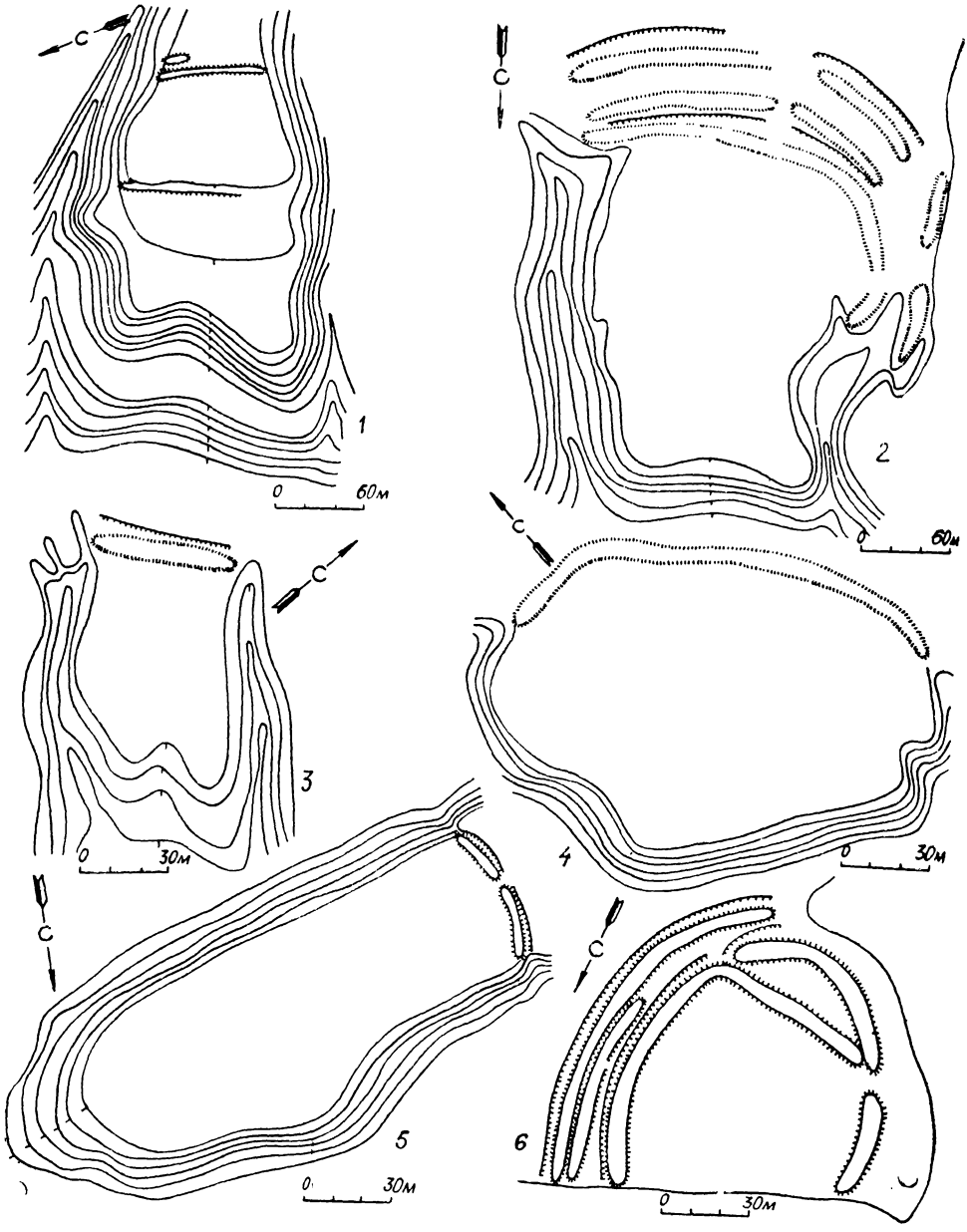

Рис. 10. Городища ломоватовской культуры: 1 — Назаровское; 2 — Бутырское; 3 — Сибирское II (Матренина закладь); 4 — Сеньkинское I; 5 — Меркушевское; 6 — Устин II

и Старо-Гаревское. По-видимому, к ним же следует отнести Чудихинское I городище, валы которого сохранились лишь у края террасы. Необходимо подчеркнуть, что сооружение городищ на сплошной террасе в Верхнем Прикамье не было популярным, потому что береговые террасы изобилуют различными удобными для городков мысами.

Интерес представляют укрепления Бисеровского II городища в Афанасьевском районе Кировской области. Оно сооружено на подпрямоугольном мысу и защищено, как и большинство ломоватовских городищ, валом длиной 70 м, высотой 1,5 м, шириной 5 м. Однако в центральной части памятника выявлены следы кольцевого рва, защищавшего небольшую площадку. Ров имел ширину 10 м и глубину 1,5—1,7 м. По его внутреннему краю зафиксированы столбовые ямы от частокола.

Таким образом, оборонительная система ломоватовских городищ отличалась максимальным использованием топографических особенностей рельефа местности, тщательностью технической разработки, простотой, мощностью, а также надежностью исполнения.

По конструктивным особенностям площадок среди городищ ломоватовской культуры можно выделить две разновидности: а) одноплощадочные и б) двухплощадочные. Чаще встречаются городища разновидности а: Лисьи Норы, Бутырское (см. рис. 10—2), Сенькинские I и II (см. рис. 10—4) и др. Две площадки на поселении образуются при сооружении на значительном расстоянии друг от друга двух линий обороны. К поселениям разновидности б относятся, например, Медведица и Назаровское (рис. 10—1). Скорее всего вторая линия укреплений возникала в результате увеличения населения и естественной необходимости роста площади памятника.

Большинство ломоватовских городищ характеризуются малой мощностью культурных напластований. Во многих случаях культурный слой не обнаружен, у 9 памятников он имеет мощность 20—30 см, у 4 характеризуется как незначительный. Лишь в четырех случаях мощность культурных остатков достигает 50 см и в трех — 100 и более сантиметров, причем 2 из этих городищ — Ильинское и Шудьякар — являются многослойными памятниками. Необходимо отметить, что этот признак — мощность культурного слоя — весьма условен, так как при разведочных обследованиях на городищах большой площади порой трудно с точностью определить толщину слоя. Как правило, редкая шурфовка в центре или по краям не показывает действительного положения. При стационарных исследованиях даже на городищах с незначительным слоем (по данным разведок) открываются жилые и хозяйственные сооружения (Опутятское, Назаровское и др.) и даже на некоторых участках значительная концентрация слоя. Поэтому отнесение некоторых городищ по материалам разведок к типу городищ-убежищ неправомерно.

Размеры городищенских площадок весьма разнообразны: одни незначительны — 240—700 кв. м (Катаевское II, Мощинское), другие поражают своей величиной — 40—42 тыс. кв. м (Антоновцы, Карашор). В. Ф. Генингом неоднократно высказывалось мнение, основанное на наблюдениях над ломоватовскими [105, с. 120] и мазунинскими [113,

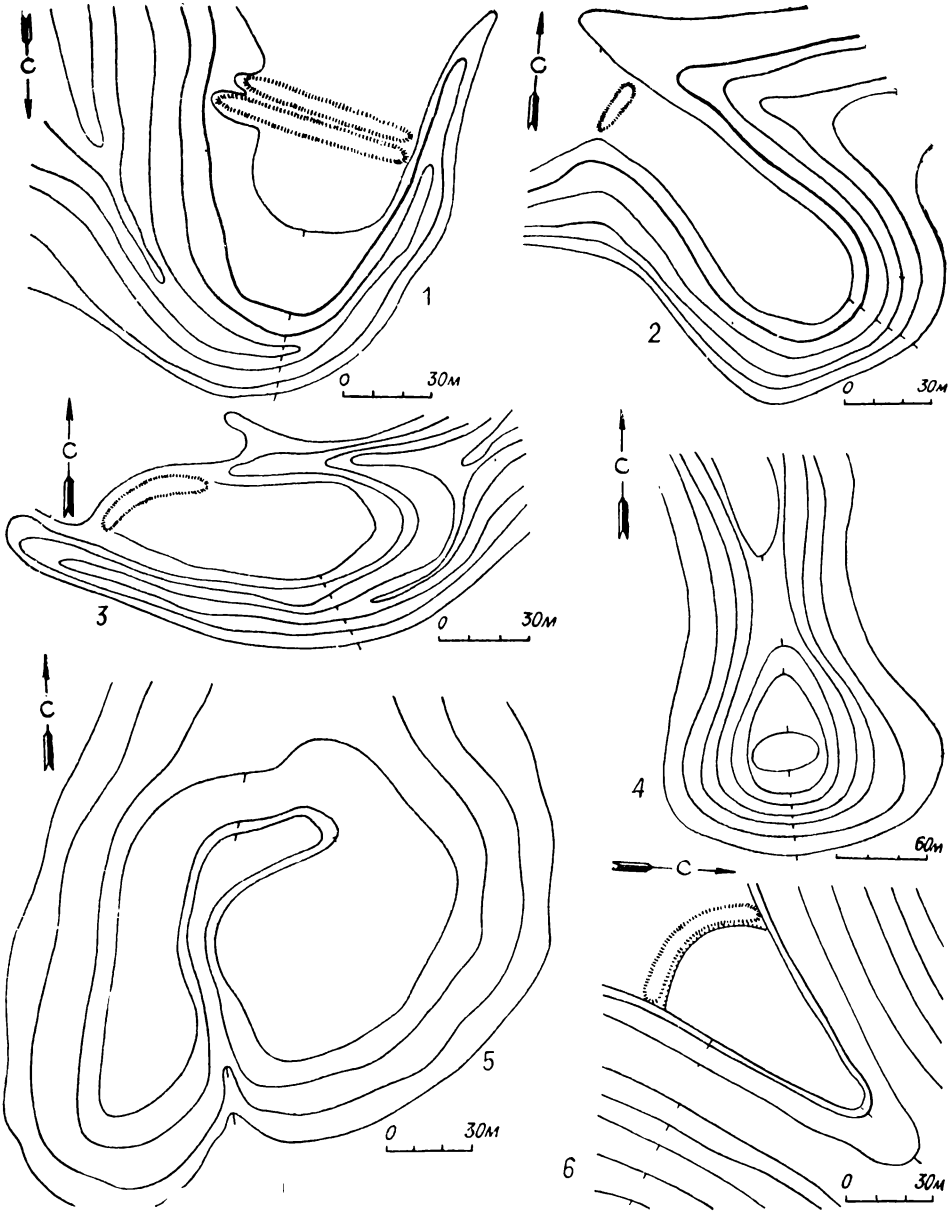

Рис. 11. Поселение ломоватовской культуры: 1 — Ямское; 2 — Гилевское; 3 — Сибирское (Бородинов городок); 4, 6 Пыдосовское, Карчейское городища; 5 — селище Еловая грива

с. 20—22] поселениями, что эволюция размеров площади городищ связана прежде всего с хронологическими изменениями. Следуя классификации, принятой В. Ф. Генингом для поселений мазунинского типа, мы делим все городища, площадь которых известна, на три группы. К первой группе отнесены памятники с площадью 13—42 тыс. кв. м, ко второй — 5—10 тыс. кв. м и к третьей — 240—4000 кв. м.

Городищ первой группы известно 8 (Бутырское, Медведица, Антоновцы, Морочата, Опутятское, Назаровское, Таманское, Карашор). Все они мысовые, 6 одноплощадочных, 2 двухплощадочных (Медведица, Назаровское). Площадку Бутырского поселения ограждали с напольной стороны 3 ряда укреплений, а Опутятского 5. К тому же поселения Медведица и Опутятское защищены дополнительной линией валов и рвов со стороны мыса. Таким образом, половина городищ этой группы имеет сложную систему оборонительных сооружений.

Большая часть, 5 памятников этой группы, сосредоточена в туйско-гаревском районе, 3 (Назаровское, Карашор, Таманское) располагаются по одному в обвинской и косинской группах. Очевидно, характер этих памятников туйско-гаревского района отличается от остальных. В бассейнах рр. Б. и М. Туй и Гаревой большие городища находятся на значительном расстоянии друг от друга — 10—15 км. Каждый такой памятник располагается на отдельной реке: Бутырское — в устье р. Б. Туй, Морочата — на р. Большухе, притоке р. Полуденной, Медведица — на р. Гаревой. Лишь Опутятское и Антоновцы находятся на одной реке — М. Туй, но при этом их отделяет друг от друга расстояние в 10—12 км.

Ведущее положение в этой группе занимает Опутятское городище, на котором В. Ф. Генингом вскрыто 5 552 кв. м, что составляет 1/3 всей площади [118, с. 92—135]. Городище мысовое, площадь его равна 18 тыс. кв. м. Мощность культурных остатков составляет в среднем 18—20 см, достигая в небольшом ложке в центре 50—60 см.

На раскопанной площади памятника обнаружено 46 ям и 16 кострищ, которые группируются в комплексы, располагающиеся вдоль северной и южной сторон городища. На северной стороне обнаружено 4 комплекса, каждый из которых состоял из ям различного размера и столбовых ямок, определяемых В. Ф. Генингом как остатки домниц для варки железа. Характер этих сооружений подтверждается наличием здесь же криц, кусков руды, шлаков, каменных молотов, наковален, обломков тиглей и др. Интерес представляет жертвенная яма № 1, расположенная в северной стороне памятника, в заполнении которой найдены 3 поставленных друг в друга сосуда и череп лошади в одном из них.

На южной стороне памятника, более удобной для жилья, в один ряд вытянуты 8 комплексов — остатков жилых сооружений, представляющих собой наземные очаги кострища, сопровождаемые 1—4 ямами (рис. 12—Б). Иногда в это сочетание входят небольшие углубления или отдельные столбовые ямы. Крупные ямы, относящиеся к жилым комплексам, имеют чаще всего прямоугольную или приближенную к ней форму, реже — круглую и квадратную. Размеры прямоугольных ям варьируют от 50×90 до 180×220 см и в среднем составляют

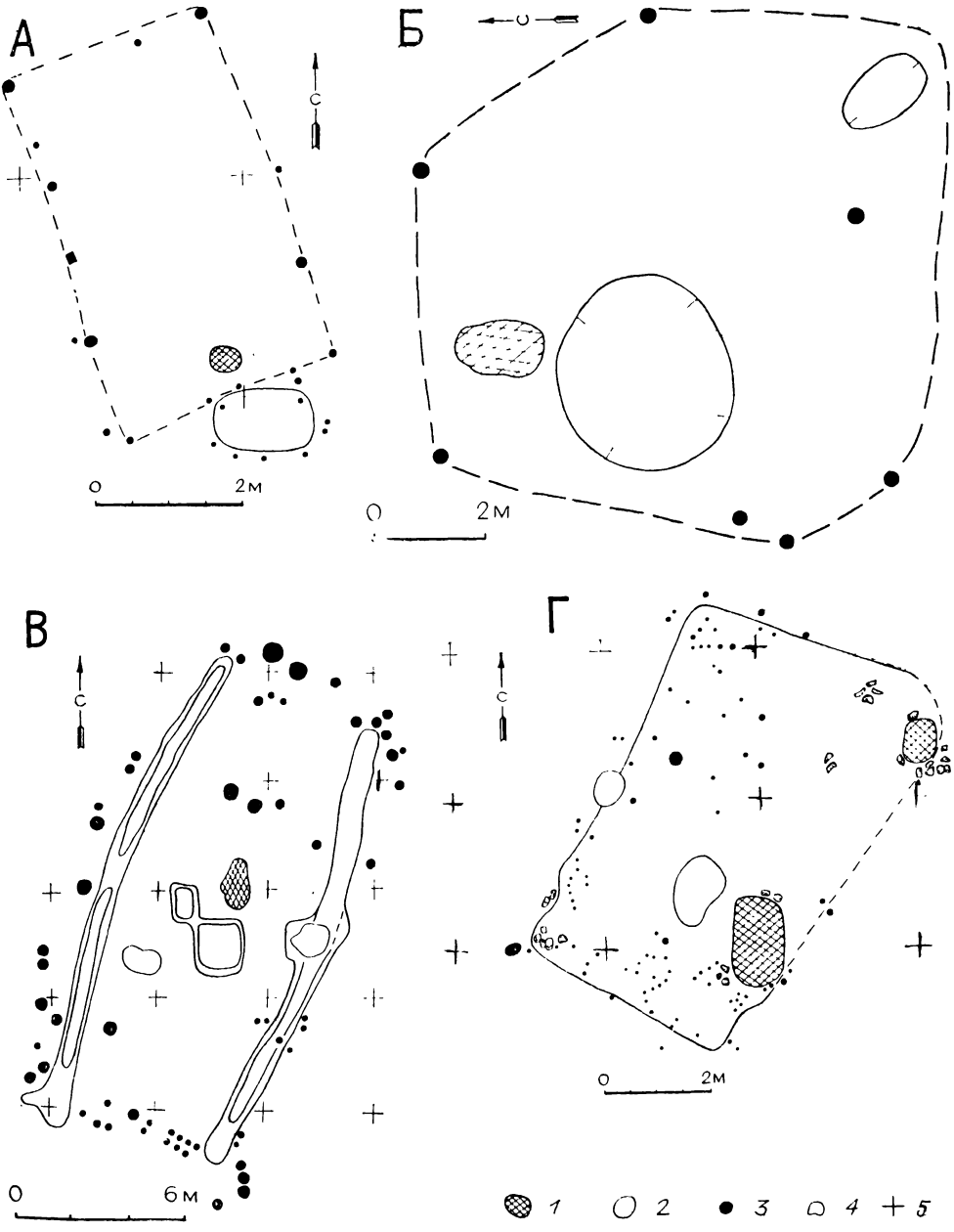

Рис. 12. Жилища ломоватовской культуры: А — Русиновское II; Б — Коюваляtское, В — Зародятское селища; Г — городище Шудьякар, жилище II. 1 — кострища; 2 — хозяйственные ямы; 3 — столбовые ямки; 4 — камни; 5 — границы участков

112×148 см. Средняя глубина их 80 см. В большинстве случаев у ям зафиксировано плоское дно, на котором иногда располагаются пятна прокала размером 80×90 и мощностью 6 см. В заполнении встречены углистые и зольные прослойки; мелкий галечник; перемешанный суглинок; известняковые и песчаниковые, частью обожженные камни; фрагменты керамики, образующие иногда довольно значительные скопления; кости животных; зерна злаков и отдельные вещи (наконечник стрелы, костяные иглы, бусина). Состав находок позволяет считать эти ямы в большинстве своем внутрижилищными хозяйственными.

Интерес представляет яма № 18 диаметром 3 м и глубиной 120 см с овальным дном, заполненная прослойками чернозема, суглинка и желтой глины. Она служила, вероятно, для хранения воды.

Столбовые ямки образуют иногда правильные прямоугольники, расположенные непосредственно возле жилых комплексов и, возможно, связанные с ними. Кроме того, ямки в нескольких случаях располагаются по прямой линии.

Основную массу находок на городище составляют обломки глиняной посуды, из которых удалось выделить 563 сосуда. Кроме того, в слое найдены 3 обломка крупных плит-зернотерок, изготовленных из крупнозернистого камня, 2 плиты-куранты, 4 песта-терочника, 7 каменных шаров диаметром 7—9 см непонятного назначения.

Наиболее многочисленна группа (13 экз.) железных ножей (табл. XL—9, 10). У четырех экземпляров видны продольные желобки, идущие посередине обеих широких граней (табл. XXXIX—34, 37; XL—8, 11). Из бытовых вещей на городище найдены костяные иглы (табл. XXXIX—29), костяное (табл. XXXIX—30) и железное (табл. XXXIX—35) шилья, глиняные пряслица полусферической формы (табл. XXXIX—15, 16, 21, 22). Плоские стороны двух из них украшены тремя концентрическими кругами неглубоких ямок (табл. XXXIX—15, 21). Обнаружены также: круглый костяной стержень с заостренным, сильно сглаженным трехгранным концом (табл. XXXIX—31); железный втульчатый изогнутый крюк (табл. XL—12); железное зубило (табл. XXXIX—14); бронзовая (табл. XL—13) и оловянная (табл. XL—14) палочки; бронзовые ювелирные щипчики (табл. XXXIX—10).

На поселении собраны (14 костяных и 1 железный) наконечники стрел. Последний — черешковый с коротким трехгранным пером и упором при переходе от пера к черешку (табл. XXXIX—13). Костяные наконечники стрел имеют вытянутые пропорции, многогранное сечение и относятся к типу А1а (табл. XL—4, 5) и А3 (табл. XXXIX—27, 28; XL—3) согласно типологии материала могильников. Разновидностью типа А2 являются наконечники с фигурным пером (табл. XXXIX—26; XL—1, 2). Лишь один экземпляр отличается от остальных, так как имеет выраженный черешок (табл. XL—6). На памятнике обнаружена и заготовка костяного наконечника стрелы (табл. XL—7).

Из украшений найдены: бусы — небольшая круглая из матово-красного глухого стекла (табл. XXXIX—6), овальная из синего стекла, трубчатая, полихромная с глазками (табл. XXXIX—1); обломок медного конька (табл. XXXIX—4); небольшой проволочный браслет

с расплющенными концами (табл. XXXIX—7); наконечник ремня из белого сплава (табл. XXXIX—9); небольшая железная пряжка прямоугольной формы (табл. XXXIX—23) и маленькое железное кольцо (табл. XXXIX—5), напоминающее кольчужное.

В коллекции Теплоуховых известны несколько предметов, происходящих из д. Опутята, возможно, найденных на городище. Среди них две сердоликовые таблетковидные бусины с белой росписью (табл. XXXIX—2, 3), круглопроволочный браслет с прямоугольными утолщениями на концах, украшенных продольными и поперечными линиями (табл. XXXIX—12), полая фигурка медведя (табл. XXXIX—8), а также плоская подвеска с изображением личины (табл. XXXIX—11).

В этом же собрании хранилось довольно много вещей, найденных на других городищах этой группы. В частности, с городища Медведица происходит таблетковидная бусина из желтого стекла (табл. XXXIX—18), а также бронзовая пряжка с длинным нависающим язычком и обломанной задней пластиной (табл. XXXIX—17). В д. Морочата были приобретены Теплоуховыми: полая пронизка с изображением медведя (табл. XXXIX—24), сердоликовая сасанидская печатка с изображением животного [302, табл. XVIII—17] и фрагмент керамики с подковообразными оттисками шнура [302, табл. XXIX—13]. На городище Антоновцы были найдены 2 стеклянные бусины: зонная с глазками (табл. XXXIX—19) и мозаичная эллипсоидная (табл. XXXIX—20), пронизка с изображением клюющей птицы (табл. XXXIX—25), коническое пряслице (табл. XXXIX—36), железный черешковый наконечник стрелы с листовидным пером и выступами в его нижней части (табл. XXXIX—33), а также железный наконечник копья с трехгранным коротким пером (табл. XXXIX—32).

Они находят себе многочисленные аналоги в материалах курганных могильников Верхнего Прикамья. Из украшений в последних (Митино, погр. 4, 9; Грудята) широко распространены плоские коньки-подвески типа найденного при раскопках Опутятского городища. Полые медведи, аналогичные экземплярам, найденным на Опутятском и Морочатском городищах, имеются в Бурковском, Харинском, Бельковском курганных могильниках и в числе находок из д. Златиной, Хариной, Плеса, Саргиной (табл. XXIII—27—33). Форма наконечника ремня из Опутятского городища близка накладке Бельковского могильника (табл. XIII—19). Браслет Опутятского городища напоминает предметы этого рода, обнаруженные в Бурковском могильнике (табл. IV—II). Бронзовая пряжка с городища Медведица тождественна пряжке из погребения 40 Митинского могильника (табл. V—16). Бусина из желтого стекла с городища Медведица находит себе ближайшие аналоги в материале погребения 16 Бурковского могильника. Ювелирные щипчики, типа найденных на Опутятах, происходят также из кургана 47 Харинского могильника и д. Зобачевой (табл. XXXIII—27). Железные ножи, подобные опутятским, принадлежат к числу едва ли не самых типичных вещей курганных могильников (табл. XXX—19, 21, 31, 32). Наконечник копья с городища Антоновцы очень похож на экземпляр, происходящий из Бурковского могильника (табл. XXVII—11).

На городищах первой группы найдены и монеты. В частности, с поселения Морочата происходит монета Кавада I (491—531 гг.), а с городища Медведица — монета Пероза (458—485 гг.) [319, с. 271].

Многочисленность предметов с городищ первой группы, аналогичных курганным могильникам Верхнего Прикамья, а также тождество монетного материала позволяют синхронизировать время существования больших городищ туйско-гаревского района и курганных могильников, определяя его в пределах V—VI вв. н. э.

Возникновение столь большого числа крупных городищ в небольшом районе на юге ломоватовской культуры в V—VI вв.— убедительное свидетельство внезапного появления на этой территории значительной группы нового населения, заселившего довольно плотно этот участок. О многочисленности появившегося здесь населения свидетельствуют как большие площади городищ (13—40 тыс. кв. м), так и их мощные оборонительные сооружения. Напомним, что 60% городищ этой группы туйско-гаревского района имеют необычные для ломоватово линии обороны (Опутята — 6 рядов валов и рвов, Бутыры —3, Медведица — 2). Сооружение таких укреплений на городищах большой площади требовало значительных людских ресурсов. Наличие таких сооружений подтверждает, что население этого района испытывало очень серьезную постоянную угрозу со стороны какого-то противника. Городища первой группы, вероятно, представляли собой родовые политические, а также металлообрабатывающие центры.

Интересно, что вещи позже VI в. на туйско-гаревских городищах первой группы встречаются редко. Это сердоликовые бусины с белой росписью, датируемые концом VI—VII вв., происходящие из сборов в окрестностях д. Опутята, а также пронизка в виде клюющей птицы с городища Антоновцы, подобные которой встречаются в комплексах VII в.

Судя по материалу, которым мы располагаем сейчас, большие городища туйско-гаревского района использовались преимущественно на ранней, харинской, стадии ломоватовской культуры — времени освоения новой территории.

Что касается Назаровского, Карашор и Таманского городищ, то поскольку это единственные памятники столь большой площади в своих территориальных группах, их роль в качестве племенного центра неоспорима. Исследования, проведенные Ю. А. Поляковым в 1977 и 1979 г. на Назаровском городище [59, 60], подтвердили это положение и показали, что памятник возник в харинское время и существовал на протяжении всей ломоватовской культуры до IX в.

Таким образом, городища большой площади в туйско-гаревском районе существовали преимущественно в харинское время, а в других группах, где они были единичными, бытовали на протяжении всей культуры.

Вторую группу составляют 15 поселений площадью 5—10 тыс. кв. м (Шудьякар, Ором, Зуйкар, Грибановское, Сенькинские I, II, Гарамиха, Гилевское, Чудихинские I, II, Сучкинское, Филинское, Левинское, Пармайловские I, II). Тринадцать городищ относятся к мысовым, а два сооружены на сплошном массиве террасы. Левинское и Пар-

майловское I укреплены двумя рядами валов и рвов, остальные — одной линией обороны. Городища этих размеров известны почти во всех районах ломоватовской культуры (туйско-гаревском, обвинском, иньвенском, косинском, верхнекамском).

Из памятников этой группы раскапывались городища Шудьякар и Ором, расположенные в Афанасьевском районе Кировской области в верховьях р. Камы. Первое городище изучалось в 1974—1976 гг. Р. Д. Голдиной и В. А. Кананиным [18, 19, 28; 174, с. 92—100]. Памятник занимает прямоугольный мыс высотой около 20 м, площадь его 8,5 тыс. кв. м. С напольной стороны городище защищено валом шириной 15 и высотой 5 м, а также рвом шириной и глубиной 2 м. По склонам мыса шла глубокая канава, на внутреннем краю которой была сооружена бревенчатая стена.

Вскрытая площадь составила 794 кв. м. Мощность слоя колеблется от 0,3 до 1,4 м. Стратиграфически выделены три слоя: темный суглинок, насыщенный зольными включениями толщиной до 1 м — верхний слой; плотный темный суглинок с вкраплениями угля и обожженной глины мощностью 0,1—0,3 м — заполнение придонной части жилищ и ям; темный гумусированный суглинок с вкраплениями угля и находками фрагментов керамики и костей мощностью 0,3—0,5 м, а в пределах оборонительной канавы до 1 м — культурный слой ломоватовского времени.

На раскопанной площади исследованы оборонительные траншеи, 2 жилища, 28 ям, 21 кострище, более 500 столбовых ямок. Основная масса сооружений, в том числе и исследованные жилища, относятся, очевидно, к X—XIV вв. Однако оборонительные сооружения — рвы и бревенчатые стены по краю площадки — возникли, скорее всего, в ломоватовское время.

Вещи ломоватовского времени довольно многочисленны. Среди них — бронзовые подвески — бубенчик (табл. XLI—2), медвежий клык (табл. XLI—15), трапециевидная (табл. XLI—11), лапка (табл. XLI—1), круглые бляшки (табл. XLI—14, 20), височные проволочные кольца (табл. XLI—10), перстень (табл. XLI—13), накладки (табл. 3, 4) и др.

Из предметов быта следует отметить глиняные пряслица (табл. XLII—5—12, 15), обломки костяных ложечек (табл. XLI—25, 31, XLII—13), костяные рукоятки (табл. XLI—38—40), обломки туалетных ложечек (табл. XLI—27, 32), различные костяные поделки (табл. XLI—26, 28, 30, 33, XLII—14, 18), иглы для плетения сетей (табл. XLII—22, 23), обломки бронзовых сосудов (табл. XLII—17, 19). Многочисленны железные ножи (табл. XLII—16, 21).

Известны железные наконечники стрел: стержневые (табл. XLII—4), ромбические разных вариантов (табл. XLII—1, 2), листовидные (табл. XLII—3). Довольно много (41 экз.) костяных наконечников стрел. Все они многогранные, имеют длину 4,5—14 см и ширину 0,5—2,5 см. По отсутствию или наличию черешка выделено два отдела — черешковые и без черешка.

Наконечники стрел без четко выраженного черешка.

Тип 1 (9 экз.). Наибольшее расширение приходится на середину

предмета. Подтип а (1 экз.). В сечении — пяти-или шестигранник. Подтип б (3 экз.). Треугольное сечение пера (табл. XLIII—14). Подтип в (4 экз.). В сечении пера — ромб (табл. XLIII—1). Подтип г (1 экз.). Полусферическое сечение боевой части (табл. XLIII—6).

Тип 2 (2 экз.). Наибольшее расширение лежит в первой трети от его боевого конца. Перо в сечении имеет ромбическую форму (табл. XLIII—8, 9).

Тип 3 (22 экз.). Наибольшее расширение пера приходится на первую треть от его основания. Подтип а (2 экз.). В сечении пера — шестигранник. Подтип б (4 экз.). Перо в сечении треугольной формы (табл. XLIII—11, 12, 19). Подтип в (7 экз.). В сечении перо имеет ромбическую форму (табл. XLIII—3, 4, 7). Подтип г (5 экз.). В сечении — пятигранник (табл. XLIII—13, 17). Подтип д (3 экз.). Сечение прямоугольной формы. Подтип е (1 экз.). Полусферическое сечение пера.

Тип 4 (1 экз.). Наибольшее расширение предмета приходится на одну пятую часть от основания, перо в сечении шестигранной формы (табл. XLIII—18).

В отдельный тип 5 можно выделить наконечник стрелы с одинаковой шириной пера, прямоугольного в сечении (табл. XLIII—16).

Черешковые наконечники (6 экз.) по пропорциям предмета разделены на типы.

Тип 1 (2 экз.). Наибольшее расширение предмета приходится на его середину, перо имеет ромбическое сечение (табл. XLI—34, 37).

Тип 2 (4 экз.). Наибольшее расширение предмета приходится на первую треть от его основания. Подтип а (2 экз.). В сечении пера — шестигранник (табл. XLI—36). Подтип б (1 экз.). Треугольное сечение пера (табл. XLIII—5). Подтип в (1 экз.). В сечении — ромб (табл. XLIII—2).

Кроме того, на городище собрано 14 заготовок и обломков наконечников стрел (табл. XLIII—15). Интерес представляют остатки металлургического производства: шлаки, литейные формы (табл. XLI—35), тигли конической формы (табл. XLII—20), обломок бронзовых ювелирных щипчиков (табл. XLI—29).

Время существования городища Шудьякар определяется присутствием среди материалов бронзовой цельнолитой пряжки с В-образным кольцом и фигурным ложем для иглы (табл. XLI—16), датируемой по погребальным комплексам концом VI—VII вв. [129, рис. 1—76], бронзовых накладок (табл. XLI—3, 4) и обломка колесовидной подвески (табл. XLI—23), несомненно, относящихся к VIII в. [129, рис. 1—185, 196], восьмеркообразной рамчатой пряжки (табл. XLI—17) и обломков браслетов (табл. XLI—5—9), скорее всего, IX в. [129, рис. 1—308], а также колоколовидной бронзовой подвески (табл. XLI—19) и трубчатой пронизки с тройным вздутием (табл. XLI—12) — типов, широко распространенных в комплексах VII—IX вв. в Верхнем Прикамье [129, рис. 1—241, 242].

Таким образом, городище возникает в конце харинского периода, существует в VII—IX вв. и продолжает использоваться в родановское время (X—XIV вв.). Каких-либо перерывов в жизни на поселении пока не зафиксировано.

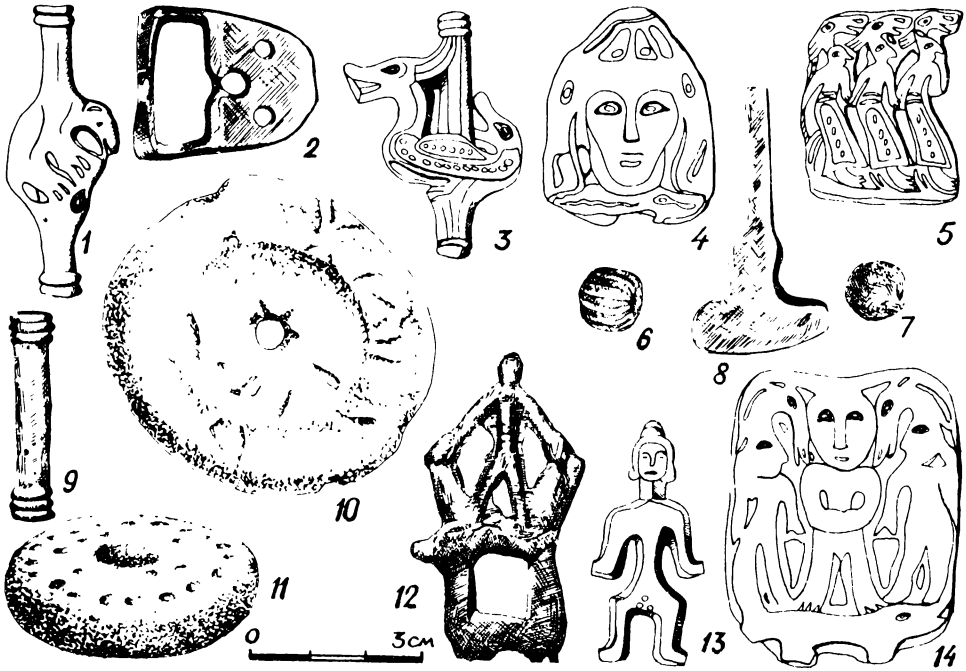

Рис. 13. Городище Гарамиха. Вещи

К этой же группе относится и городище Ором, осмотренное в конце XIX в. Н. Г. Первухиным [260, с. 107—108] и рекогносцировочно исследованное в 1978 г. В. А. Кананиным [30]. Памятник находится на прямоугольном мысу высотой 12 м и площадью 8 тыс. кв. м на северной окраине д. Меркучи. Вал разрушен. Мощность культурного слоя достигает 0,6 м. На раскопе площадью 225 кв. м обнаружены 55 столбовых ямок и 7 хозяйственных ям. С поселения происходит значительное количество фрагментов ломоватовской керамики, а также височная кольцевидная подвеска (табл. XLI—18) и фрагмент трубчатой пронизки. Последний имеет многочисленные аналоги в погребальных комплексах VII в. ломоватовской культуры [129, рис. 1—102]. Очевидно, этим временем и можно предварительно датировать городище Ором.

Для выяснения времени существования городищ второй группы интерес представляют вещи, собранные на городище Гарамиха. Среди них зонные каменная (рис. 13—7) и стеклянная полосатая (рис. 13—6), крупная янтарная дисковидная (рис. 13—10) бусины; литая бронзовая пряжка с прямоугольной рамкой (рис. 13—2); пронизки: трубочка (рис. 13—9), с изображением медведя (рис. 13—1), птицеобразная (рис. 13—3); обломок щипчиков (рис. 13—8); глиняное пряслице (рис. 13—11); бляхи с изображением антропозооморфных (рис. 13—4, 5, 12—14) существ.

Большая часть этих предметов сходна с инвентарем курганных могильников и городищ первой группы. Таковы ювелирные щипчики, известные среди находок Опутятского городища, Харинского могильника и других памятников. Янтарная дисковидная бусина подобна бусинам из Бурковского и Пыштайнского могильников, пряслице и изображение личины — предметам из Опутятского городища.

Вероятно, городище Гарамиха начинает использоваться в харинское время. Однако пронизки и бронзовая пряжка аналогичны вещам памятников конца VI—VII вв. Агафоновского 1 могильника, Плесинских и Георгиевских кладов. По-видимому, временем V—VII вв. и следует определять период существования городища Гарамиха.

Судя по имеющимся материалам, городища второй группы площадью 5—10 тыс. кв. м возникают одновременно с крупными в V—VI вв. Очевидно, они не сменяют городища первой группы, как считал В. Ф. Генинг [113, с. 20—22], а существуют одновременно с ними. Вместе с тем именно этот тип городищ — средней площади, со слоями средней мощности, укреплениями в виде одной линии обороны — был наиболее популярным у населения ломоватовской культуры в развитый и более поздний периоды ее развития. Не случайно на территориях, заселенных в конце харинского периода (верхнекамский район), городищ первой группы нет, а памятники второй группы хорошо известны (Шудьякар, Ором и др.). Именно эти городища используются длительное время не только в пределах ломоватовской культуры, но и в родановский период (Шудьякар, Левинское).

К третьей группе принадлежат 15 городищ площадью 240—3 300 кв. м (Катайское II, Сибирские I, II, Ямское, Кырдымское, Старцевское, Мартинское, Воробьевское, Мощинское, Лаврятское, Карчейское, Пыдосовское, Рагозское, Буждог, Бисеровское II). Большинство их имеют площадь в пределах 2—3,3 тыс. кв. м. Лишь 3 (Катайское II, Мощинское, Старцевское) городища меньше 2 тыс. кв. м. Памятники этой группы известны во многих районах ломоватовской культуры (туйско-гаревском, иньвенском, косинском, косьвинском, верхнекамском), где число их колеблется от 1 (косьвинская) до 5 (иньвенская). Все укрепленные поселения этой группы относятся к типу мысовых и для них характерна лишь одна линия укрепления. Два вала и рва зафиксированы только на Ямском городище. Подъемный материал в большинстве своем состоит из обломков керамики ломоватовского облика. На некоторых поселениях собраны шлаки и обломки тиглей (Мощинское, Рагозское). На Пыдосовском городище местные жители находили кинжалы, топоры и жернова [312, № 1337]. Стационарные исследования были проведены лишь на Лаврятском городище в 1879 г. Ф. А. Теплоуховым, а в 1953 г.— В. А. Обориным [223, с. 158, 159; 225, с. 107—110].

Памятник находится в окрестностях д. Лаврята на левом берегу р. Вильвы на стрелке высотой 11 м. Площадь его 3 тыс. кв. м. С напольной стороны мыс окружен валом высотой 1,5, шириной 9 м и рвом глубиной 0,75 м. Площадь раскопок 1953 г. составила 208 кв. м. Культурные остатки этого памятника подразделяются на два слоя: верхний (датируется X—XI вв.) и нижний мощностью до 30 см (IX в). В рас-

копе обнаружена большая хозяйственная яма-кладовка 2×2,8 и глубиной 1 м со стенками, укрепленными досками. На дне ее найдены кости домашних животных и птиц, несколько раздавленных сосудов, 1 из которых был наполнен ячменем, а 2 других — глиняными обожженными шариками диаметром 2—3 см. Яма, по мнению В. А. Оборина, сооружена в период накопления нижнего слоя, но могла использоваться и позднее.

В восточной части раскопа обнаружены остатки жилища[8] с очагом из прослоек золы и обожженной глины, ямой-кладовой с деревянной обкладкой и столбами по углам, а также канавкой шириной 30—35 см и длиной 4,7 м, ограждающей этот комплекс с северо-западной стороны. В канавке зафиксированы 32 столбовые ямы диаметром 5 см, располагающиеся попарно. Возле очага найдены 5 раздавленных сосудов. Несколько сосудов, один из них с зернами ячменя, стояли в яме-кладовке. В нижнем слое городища были найдены фрагменты крупных сосудов с примесью раковины почти без орнамента с защипами по венчику. В. А. Оборин считает, что эта посуда находит ближайшие аналоги в материалах Зародятского селища, Бродовского и Неволинского могильников [223, с. 108]. В этом же слое обнаружены 2 медные бляхи с изображением животных, глиняная литейная форма для отливки колесовидной подвески типа, часто встречающегося в комплексах ломоватовской культуры конца VII—VIII вв. Эта находка дает основание датировать нижний слой Лаврятского городища временем не позднее VIII—IX вв.

Было проведено обследование еще одного из городищ третьей группы — Бисеровского II, находящегося на юго-восточной окраине д. Бисерово Афанасьевского района Кировской области. Памятник расположен на трапециевидном мысу высотой 20 м. Площадь городища 2,2 тыс. кв. м. С напольной стороны насыпан вал длиной 70 шириной 5 и высотой 1,5 м. При сооружении поселкового тира площадка городища была прорезана бульдозером широкой траншеей. В стенках траншеи, располагавшейся в центральной части памятника, хорошо видны следы кольцевого рва шириной 10 и глубиной 1,5 м. Собранный материал представлен фрагментами лепной посуды и обломком бронзовой трапециевидной привески (табл. XLI—24), напоминающей многочисленные детали шумящих подвесок, столь распространенных на памятниках ломоватовской культуры в VII—IX вв.

В итоге предположительно все городища третьей группы можно отнести к развитому и позднему периодам исследуемой культуры.

Таким образом, укрепленные поселения функционируют на протяжении всей ломоватовской культуры. Территориально они распределены неравномерно. В северных районах (гайнинском, вишерско-камском) преобладают неукрепленные поселения. Все городища однотипны и сооружены на мысах. Исключение составляют лишь три памятни-

[8] В публикации материала не определено, к какому слою относятся остатки этого жилища — к раннему или позднему. Поскольку конструкция хозяйственных ям из нижнего слоя и жилища совпадают в деталях, вполне возможно, что для раннего комплекса также характерны аналогичные сооружения с канавками, ямками от столбов, очагами и кладовками.

ка, располагающиеся на основном массиве террасы. Наиболее типичны однорядовые укрепления — ров и вал, отделяющие площадку памятника с напольной стороны. Иногда площадка поселения дополнительно защищена со стороны мыса. Основная масса городищ одноплощадочные, лишь на двух зафиксировано две площадки, отделенные одна от другой дополнительной линией укреплений. Особенностью большинства ломоватовских городищ является относительно малая мощность культурных остатков (в среднем 25—30 см). По размерам площадок памятники разделяются на три группы. Наиболее крупные городища, площадью 13—42 тыс. кв. м, характерны преимущественно для раннего периода культуры и одного из ее районов — туйско-гаревского. Наиболее типичны для всей культуры поселения средних размеров, площадью 5—10 тыс. кв. м. Памятники малой площади распространены главным образом в VII—IX вв.

Стационарные исследования, проведенные на городищах, показали, что эти памятники служили местами постоянного обитания и являлись металлургическими центрами. На ранних поселениях, типа Опутятского, обнаружены остатки наземных жилищ столбовой конструкции, а на поздних (Лаврятское городище) — наземные бревенчатые дома с канавками, очагами и хозяйственными ямами.

2. СЕЛИЩА. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В настоящее время известно 113 селищ ломоватовской культуры, что составляет 34,45% общего числа памятников. Они представлены в территориальных группах неравномерно, очевидно, потому, что обнаружить памятники этого типа довольно трудно. Число селищ в одной группе колеблется от 8 до 46 (чусовской, туйско-гаревской, иньвенской, гайнинской, верхокамской, вишерско-камской). Внутри локальных районов эти памятники могут располагаться как по одному (Плесовское, Ванейское, Шушпанское, Вакинское, Степаново плотбище, Стариковское и др.), так и группами по два (Озеро Грязное I и II, Сибирские I и II, Ошибские I и II, Мальцевские I и II, Курьинские I и II, Харинские VI и VIII), три (Зобачевские I, II, III) или четыре (Нетяйн I, II, III, Пыштайн II). В некоторых случаях селища находятся поблизости от городищ (Бовинское, Сибирские, Вереинское, Баяновское), но это отнюдь не является непременным условием их существования (Шушпанское, Степаново плотбище, Вакинское, Коновалятское, Зобачевские I, II, III у д. Конец и др.).

Памятники этого рода располагаются, как правило, на невысоких, высотой 2—6 м, террасах. Иногда выбирались места несколько выделенные топографически: мысочки (Бовинское, Сибирские I, II, Еловая грива (см. рис. 11—5), Зародятское, Вакинское, Плесовское, Ошибское II), небольшие возвышенности (Шушпанское), выступы террас (Кататыб, Мелехинское). В некоторых случаях поселения расположены по берегам ручьев в высокой пойме (Русиновские I и II), на останцах террасы в пойме (Вереинское) или посреди ровного поля и ничем топографически не отмечены (Губинское IV, Сибирское II). Селища

находятся как на краю террасы (Кататыб, Усть-Чикурьинское и др.), так и на значительном расстоянии от него, достигающем иногда 800 м (Губинское IV).

В настоящее время поверхность почти всех селищ распахана, и поэтому площадь их определяется со значительным приближением. Размеры ее колеблются от 2—6 тыс. кв. м (Баяновское, Степаново плотбище, Нетяйн II, III, Харинское VI, Губинское IV, Пеклаыбское, Еловая грива, Лисья Курья) до 7—12 тыс. кв. м (Харинское VIII, Нетяйн I, Курьинское I, Кататыб, Сибирское I, Патраковское, Коновалятское). Исключение составляет Сибирское II селище, площадь которого 120 тыс. кв. м.

Мощность культурных напластований известна более чем в 20 случаях. Преобладают селища, толщина культурных слоев которых не превышает 25—30 см. У шести памятников этот признак достигал уровня 60—75 см. Внешних признаков каких-либо сооружений на селищах не обнаружено. Лишь на поверхности Сибирского 1 селища зафиксировано 6 пятен, отличающихся по цвету от основной площади и, возможно, связанных с остатками жилищ.

Основная масса селищ подвергнута лишь разведочному осмотру, и материал с них представлен в большинстве своем фрагментами керамики, костями животных и реже бытовыми вещами, шлаками (Шушпанское), тиглями (Мелехинское) и украшениями (Сибирское I, Кататыб, Зародятское, Коновалятское).

Стационарные исследования проведены на 7 памятниках данной категории: Коновалятском, Лисьей Курье, Патраковском, Зародятском, Баяновском и Русиновском I и II. К наиболее ранним среди них относятся Коновалятское, Лисья Курья, Русиновское II селища.

Коновалятское поселение расположено на окраине д. Коновалята Добрянского района Пермской области, на левом берегу р. М. Туй правого притока р. Камы. Поверхность его ровная и распахивается. Мощность культурных остатков 15—30 см. Исследование памятника проведено в 1952 г. Ю. А. Поляковым [263, с. 207—218]. Было вскрыто 1 792 кв. м, на которых обнаружено 18 ям, 3 кострища и столбовые ямки. Основная масса остатков концентрируется на довольно компактной площади в центральной части раскопа III. Здесь по сочетанию кострищ, нескольких больших ям и столбовых ямок могут быть выделены 2—3 жилых комплекса.

Например, сооружение на уч. К—В/29—39 (рис. 13—Б) состоит из очага, большой и малой, а также 7 столбовых ям. Очаг представляет собой пятно прокала, размерами 1×1 м и мощностью 8—10 см, окруженное со всех сторон глиной. Яма № 7 расположена рядом с очагом. В заполнении подобных ям встречались зольные и углистые, а иногда и прокаленные глинистые прослойки. Яма, обнаруженная в 4—5 м юго-восточнее описанной, имела значительно меньшие размеры и была заполнена обычным культурным слоем. Описанные объекты окружены семью столбовыми ямами, образующими трапециевидные очертания. Размеры этого сооружения около 8×10 м. Поблизости от этого комплекса располагаются ямы № 6, 8, 10, несколько столбовых ямок, которые могли представлять остатки каких-то хозяйственных сооружений.

Жилища Коновалятского селища находят себе прямые аналоги в материалах Опутятского городища, где раскопано восемь подобных объектов.

Основную массу находок на селище составляют фрагменты посуды, среди которых выделено 138 сосудов. Из бытовых предметов и украшений найдены железные ножи (2 целых и несколько сломанных) обычного харинского типа с желобком посередине (табл. XLIV—30), железная мотыжка (табл. XLIV—33), железное четырехгранное шило (табл. XLIV—27), 2 костяных наконечника стрел с ромбовидным сечением (табл. XLIV—28, 29), обломок бронзовых щипчиков (табл. XLIV—34), 2 бронзовые пряжки со свободно вращающимся кольцом, длинным нависающим язычком и пластиной для прикрепления к ремню и 2 хрустальные бусины шаровидной и овальной формы [263, с. 213, 214]. Сюда же следует отнести и обломок бронзовой пластины из собрания Теплоуховых (табл. XLIV—20).

Поселение Лисья Курья расположено на границе Чердынского района Пермской области с Коми АССР. Оно обнаружено в 1965 г. С. Н. Добряковым и В. П. Денисовым, а раскапывалось в 1966 г. В. А. Обориным [45; 234, с. 26]. Памятник находится на невысоком мысу боровой террасы. Площадь его — около 3,5 тыс. кв. м. Исследованная поверхность составила 184 кв. м. Памятник двухслойный: верхний слой датируется ранним средневековьем, нижний — эпохой неолита.

В верхнем слое мощностью 18—20 см обнаружены остатки очага, использовавшегося для плавки меди. Его основание представляло собой кострище, окольцованное глиной, золой и углем. Возле очага найдены железное шило, слиток и капли меди, шлаки, много мелких костей птиц и животных, употреблявшихся, вероятно, в качестве флюсов, и обломки керамики. Размеры очага 3,5×1,5 м, мощность в центре — 30 см, а по краям — 5—6 см. Рядом с очагом обнаружены два скопления обожженной глины: первое размером 0,6×0,4 м и мощностью 0,1 м и второе соответственно 1,6×1,3 и 0,1 м. На соседнем раскопе зафиксированы остатки другого очага размером 0,9×0,6 м и мощностью 8 см, представляющего собой скопление золы, угля, прокаленной глины. Рядом с ним располагалось множество пережженных костей животных и зольно-углистое пятно 1,0×0,5 м толщиной 10 см. В слое собраны фрагменты керамики харинского типа, а также несколько обломков карымского и ванвиздинского облика.

Среди вещевого материала — обломки ошлакованного тигля, железных ювелирных щипчиков (табл. XLIV—18), 2 четырехгранных шила (табл. XLIV—24, 25) и железный нож харинского типа с продольным желобком посредине лезвия (табл. XLIV—26).

Русиновское II селище находится в 0,15 км к югу от д. Русиново Афанасьевского района Кировской области в пойме правого берега р. Камы высотой 2—3 м. Поверхность его распахивается; примерная площадь 2,5 тыс. кв. м. Мощность слоя 20—25 см. Памятник открыт В. А. Кананиным в 1977 г., исследован им же в 1978 г. [29, с. 73—74; 30]. На площади 420 кв. м изучены 7 хозяйственных ям, 3 кострища и жилое сооружение (рис. 12—А). Последнее представляло собой наземное столбовое жилище прямоугольной формы размерами 5,0×2,75 м, ориен-

тированное в направлении СЗ-ЮВ. В углах и вдоль длинных стен зафиксированы остатки столбовых ям диаметром до 20 см — остатки крепления бревенчатых стен. Более крупные столбы вдоль одной из стен (юго-западной) свидетельствуют, очевидно, об односкатном перекрытии крыши. В пределах жилища у выхода зафиксированы остатки кострища размерами 35×50 см. Перед входом с наружной стороны выявлена яма подпрямоугольной формы 80×140 см глубиной 32 см, в которой найдены кости животных и фрагменты раздавленных сосудов. Вокруг ямы обнаружены столбовые ямки — следы крепления крыши или шалашевидного перекрытия.

Рядом с жилищем Русиновского II селища с восточной стороны обнаружены остатки погреба 2,4×1,67 м и глубиной 0,9 м, в нем найдены кости животных и фрагменты керамики. С западной стороны сооружения зафиксирована еще одна яма-кладовка. По контуру ее выявлены следы обугленных жердей, которыми были укреплены стенки ямы, дно выложено плитками песчаника. У одной из стенок, на дне, обнаружено кострище, образовавшееся, вероятно, при просушивании ямы. В кладовке собрано большое количество фрагментов сосудов. Весь жилой комплекс был, возможно, обнесен изгородью. К нему примыкает еще одна огороженная площадка, вероятно, загон для скота. От него к краю площадки прокопаны две отводные канавы.

Материал селища невелик. Помимо фрагментов лепной керамики обнаружена трехсоставная бронзовая пряжка харинского типа (табл. XLIV—II) и железный нож.

Материалы описанных поселений дают достаточно оснований для синхронизации их с городищами первой группы и курганными могильниками харинского типа. Керамический материал Опутятского городища и Коновалятского, Русиновского II селищ почти одинаков и характеристики его совпадают даже в деталях. Остатки жилых сооружений, зафиксированных на Коновалятском и Русиновском II селищах, обнаруживают полное сходство с теми же остатками Опутятского городища. Кроме того, пряжки Коновалятского и Русиновского II селищ аналогичны подобным предметам из Харинского, Митинского, Бурковского могильников. Железные ножи, обнаруженные и в Коновалятском, и Лисьей Курье селищах, с желобками вдоль лезвия — один из характернейших предметов харинского времени. Бронзовые щипцы с Коновалятского селища и железные с Лисьей Курьи подобны предметам этого рода, обнаруженным на Опутятском городище и Харинском могильнике.

Все указанное дает нам основание считать Коновалятское, Лисью Курью и Русиновское II селища одновременными курганными могильникам харинского типа и городищам первой группы и датировать их V—VI вв.

В это же время начинает существовать, вероятно, и Патраковское селище, находившееся возле одноименной деревни Добрянского района Пермской области, на левом берегу р. М. Туй правого притока р. Камы. Площадь его до 10 тыс. кв. м. В 1953 г. здесь проводил рекогносцировочные работы Ю. А. Поляков [50]. В раскопе, площадью 36 кв. м, обнаружена яма 2×1 м и глубиной 45 см. В слое собраны фрагменты керамики, украшенной насечками по венчику и оттисками гребенчатого

штампа по шейке, а также шлаки. С этого памятника происходят монеты Ормузда III (457 г.) [319, с. 271]; плоская подвеска-конек (табл. XLIV—7); бусы: дисковидная из желтого стекла (табл. XLIV—1), сердоликовые с белой росписью (табл. XLIV—3,5), стеклянные из глухого стекла, рифленая (табл. XLIV—2) и крупная шарообразная с глазками (табл. XLIV—6); шлифовальный камень (табл.XLIV—19) и глиняное биконическое пряслице, украшенное ямками и зигзагообразными насечками (табл. XLIV—12). Почти все предметы, найденные на селище, могут быть датированы концом VI—VII вв., лишь шарообразная стеклянная бусина относится к более позднему времени — концу VII—IX вв. [202, с. 87]. Однако экземпляр с Патраковского селища принадлежит к числу наиболее ранних, так как отверстия канала приходятся на середину глазков. По-видимому, время существования Патраковского селища может быть определено в пределах VI—VIII вв. н. э.

К VIII в. относится с достаточной вероятностью селище Кататыб, где найдена трапециевидная подвеска (типа изображенной на табл. XX—29). Она имеет многочисленные аналоги в погребениях этого времени.

К числу исследованных селищ ломоватовской культуры относится и Зародятское. Оно находится близ д. Зародята Добрянского района Пермской области, на невысокой террасе левого берега р. Песьянки, впадающей в р. М. Туй. Мощность культурных остатков 20—25 см. Площадка, занятая селищем, давно распахивается. Часть поверхности нарушена в XVIII в. буртами углежогов. Исследования проведены в 1952—1953 гг. В. Ф. Генингом [7; 8]. При этом было раскопано 3 927 кв. м, на которых обнаружено не менее 6 жилищ, располагающихся в одну линию в направлении СЗ — ЮВ [106, рис. 10]. Среди них выделяются 2 разновременных группы, равномерно располагающиеся на всей раскопанной площади.

К первой, ранней группе, относятся жилища I, III, V, ко второй, поздней группе,— жилища II, IV, VI. К последней группе может быть вновь отнесено и жилище I, так как прослеживаются явные следы его перестройки. Остатки жилищ (рис. 12—В) представляют собой площадки, ограниченные с боковых сторон канавками шириной 40—80, в максимуме до 150, и глубиной 40—70 см, заполненные обычным культурным слоем, а также золой и углем. В центре каждого жилища зафиксирован очаг, 2—3 околоочажные ямы и 1, реже 2, ямы — кладовые.

Очаги — обычные пятна прокала размерами 100—150×40—100 см и мощностью 4—17 см. Околоочажные ямы представляют собой углубления овальной или прямоугольной формы незначительной глубины — 30—45 см. Размеры их варьируют от 60×60 до 90×120 см. Ямы заполнены, как правило, линзами золы, углей, фрагментами керамики, камнями.

Остатки ям-кладовок имеют вид углублений прямоугольных или квадратных форм обычно больших размеров — 110×130, 126×130, или 130×220 см. Глубина их — 40—142 см. Стенки ям иногда выложены деревянными досками. На дне зафиксированы остатки столбов, возможно, поддерживающих крышку ямы. Заполнение таких углубле-

ний состоит из обычного культурного слоя с крупными камнями известняка, обломками сосудов, костей животных и других вещей. В некоторых ямах обнаружен прокал от костров. В жилищный комплекс входит, кроме того, большое количество столбовых ямок, концентрирующихся вдоль стен. Размеры жилищ 6—7×13—19 м.

Отличительной особенностью жилищ позднего периода являлось сооружение рядом с каждым из них, чаще всего с северо-западной стороны, небольшого пристроя, также ограниченного канавкой (жилища II, IV, VI). На площади пристроя обнаружены также ямы (жилища VI, II), очаги (жилище II), столбовые ямки (II, IV, VI). Размеры таких пристроев несколько меньше основного жилища и составляют приблизительно 3—4×11—12 (15?) м. Пристрои могли использоваться не только как дополнительные хозяйственные помещения, но и как жилые.

В одном из жилищ этой группы (VI) обнаружена оригинальная печь, остатки которой занимали площадь размером 1,1×1,4 м. В центре сооружения зафиксирована глиняная площадка, окруженная с трех сторон канавообразными углублениями шириной 10—20 см, а в северо-восточном углу располагались 3 крупных камня. На глиняной площадке обнаружены следы столбов. Глина во многих местах сильно прокалена и ошлакована.

С юго-восточной стороны жилища I выявлен хозяйственно-бытовой комплекс — очаг, несколько ям и большое скопление чистой глины, предназначенной, вероятно, для изготовления посуды. Наличие в этой части столбовых ям позволяет предполагать здесь существование легкого навеса. Рядом с жилищем I обнаружены следы древней кузницы (очаги, ямы, молот и наковальня) и горна.

Вещевой материал беден. Железные вещи представлены ножами и шильями. Костяные наконечники стрел, найденные на селище, имеют форму асимметричного ромба без четко выраженного черешка. Лишь I экземпляр имеет оформленный черешок. Интерес представляют находки двух пачек иголок — по 10 в каждой. Среди костяных предметов имеются 2 крупных стержня с заостренными и заполированными концами. Подобные острия служили для ошкуровки дерева [107, с. 182, рис. 10—10—13]. Единственное глиняное пряслице имеет плоско-сферическую форму. В коллекции имеются также обломки рюмкообразных тиглей. Из каменных предметов следует отметить шлифованные брусочки с отверстием для подвешивания, обломки плит-зернотерок. Керамический материал сильно фрагментирован, удалось выделить 276 сосудов.

Среди материала селища датирующих вещей нет, поэтому его дата определяется находкой на нем в 1845 г. Ковинского клада, состоящего из двух серебряных сосудов среднеазиатского происхождения, туйского всадника, других предметов и сасанидских монет чеканки 441—594 гг. н. э. Последняя по времени монета принадлежит Хосрову II [318, с. 33; 319, с. 270]. На этом основании А. В. Шмидт датирует селище VI—VIII вв. н. э. [341, с. 292—293]. К его мнению присоединяется и В. Ф. Генинг [106, с. 180, 191]. Пока нет особых оснований существенно менять традиционное представление по этому вопросу.

Интерес представляют материалы Русиновского I селища VIII—IX вв., расположенного возле д. Русиново Афанасьевского района Кировской области, в пойме правого берега р. Камы поблизости от Русиновского II селища. Площадь памятника около 4 тыс. кв. м, поверхность распахивается. Памятник открыт и частично исследован в 1977 г. В. А. Кананиным [29, с. 69—72; 172, с. 180].

В раскопе площадью 270 кв. м изучены 6 хозяйственных и несколько столбовых ям. Мощность культурного слоя незначительна — 25 см. Среди находок фрагменты лепных сосудов, бронзовая якорьковидная подвеска (табл. XLIV—16), известная по материалам Каневского и Русиновского могильников, где она датируется концом VIII—IX вв., а также 2 стеклянных бусины. Одна из них — мозаичная цилиндрическая (табл. XLIV—8) — сделана из тянутой стеклянной палочки, состоящей из разноцветных стержней. Такая техника появилась в странах Ближнего Востока (Александрия) в конце птолемеевского периода сначала для изготовления сосудов, затем бус [149, с. 61]. В Юго-Восточной Европе мозаичные бусы характерны для VIII—IX вв. [150, с. 226, 231]. Они присутствуют в погребениях VIII—IX вв. Поломского I могильника в Северной Удмуртии [203, с. 58, 63, 74]. В могильниках Верхнего Прикамья подобные бусы известны в захоронениях конца VII—VIII вв.

Посеребренная зонная многочастная бусина (табл. XLIV—9) изготовлена из тянутой трубочки, покрытой слоями серебряной фольги и зеленого прозрачного стекла. В VIII—IX вв. подобные бусы были широко распространены в Западной и Восточной Европе, но совершенно исчезли в X в. [201, с. 84—85]. В ломоватовских могильниках Прикамья они характерны для могил VII—IX вв.

По перечисленным аналогам бусинам и бронзовой подвеске Русиновское I селище относится к VIII—IX вв. н. э.

Баяновское селище находится в окрестностях д. Баяново, на правом берегу р. Вильвы правого притока р. Косьвы левого притока р. Камы. Мощность культурных остатков составляет 0,3—0,6 м. Площадь памятника 6 тыс. кв. м. В 1953 г. В. А. Обориным [225, с. 110—111] на селище раскопана площадь в 148 кв. м, обнаружены очаг и зольно-угольное пятно; углубление, заполненное крупными фрагментами сосудов и столбовая ямка. Очаг имел овальную форму, размеры 1,7×4,0 м, и состоял из прокаленной глины и песчаника. Возле него найдено большое количество фрагментов керамики, шлаков и обожженных костей. Зольно-угольное пятно имело значительные размеры (5×6 м) и правильную прямоугольную форму.

Основные находки — фрагменты крупных лепных сосудов почти без орнамента с защипами по венчику. По мнению В. А. Оборина посуда сходна с керамикой нижнего слоя Лаврятского городища. На селище собраны медные и железные шлаки, кости, бусы — круглые сердоликовые, стеклянные зонные с глазками и без них, а также многочастная золоченая. Все типы бус имеют аналоги в ломоватовских памятниках. Селище датируется В. А. Обориным концом VIII—IX вв.

Итак, селища ломоватовской культуры представляют довольно многочисленную категорию памятников. Они распространены повсе-

местно, встречаются как единично, так и группами по 2—4 памятника. Иногда селища находятся рядом с городищами, а порой занимают достаточно изолированное положение. Чаще всего они расположены на невысоких береговых террасах рек, в местах несколько выделенных топографически, но известны и памятники посреди ровного поля на значительном удалении от края террасы. Мощность культурных слоев, как правило, невелика и составляет 0,25—0,3 м. Жилые сооружения представляли либо легкие наземные дома столбовой конструкции, либо наземные дома бревенчатого типа с канавками. Анализ материала показывает, что селища существовали на протяжении всей культуры, так как встречаются памятники, датируемые V—VI вв. (Коновалятское, Русиновское II), VII—VIII вв. (Зародятское) и VIII—IX вв. (Баяновское, Русиновское I).

3. ЖИЛИЩА

Жилища ломоватовской культуры обнаружены на Опутятском и Лаврятском городищах, а также Коновалятском, Русиновском II и Зародятском селищах. По характеру и конструктивным особенностям они могут быть разделены на 2 группы, одна из которых объединяет остатки жилищ Опутятского городища, Коновалятского и Русиновского II селищ, датируемых V—VI вв., другая — сооружения этого рода Зародятского селища VII—VIII вв. и Лаврятского городища VIII—IX вв. Подобное деление является в некоторой мере следствием причин хронологического порядка.

1. На Опутятском городище раскопано 8 жилых комплексов, на Коновалятском селище — 2, на Русиновском II—I. В большинстве случаев они вытянуты приблизительно в одну линию в направлении с запада на восток, на Опутятском городище — вдоль южного склона памятника, на Коновалятском селище — параллельно северной стороне мыса. Остатки жилищ состоят из одного очага, 2—3 ям и нескольких столбовых ямок.

Очаги представляют собой обычные кострища, иногда сооруженные на глинобитном основании. Ямы имеют в большинстве своем подпрямоугольную или приближенную к ней форму и по характеру заполнения могут быть определены как хозяйственные — околоочажные или кладовые. Вокруг кострищ и ям встречаются в определенном порядке столбовые ямки. Так, на Опутятском городище возле комплекса № N зафиксированы остатки столбов, расположенных прямоугольником. Столбовые ямы, образуя трапециевидную фигуру размерами приблизительно 8×10 м, окружают один из жилищных комплексов Коновалятского селища. Все столбовые ямы его имеют значительные размеры: диаметр 12—25 см и глубину 20—34 см. Такое сочетание: кострища, хозяйственные и столбовые ямы, размещенные в определенном порядке (см. рис. 12—Б), — позволяет предполагать наличие здесь наземного столбового жилища, скорее всего шатрового типа, с основой из бревен, образующих пирамидообразную фигуру. Обнаруженные столбовые ямы являются остатками опорных столбов перекрытия, ко-

торые, вероятно, соединялись в верхней части с помощью рамы. Затем каркас покрывался жердями, хворостом, ветками, берестой и присыпался землей. Подобные сооружения имели большое распространение и всевозможные конструктивные вариации у обских угров, где они считаются древнейшей формой жилых сооружений [299, с. 90 и др.].

По материалам Русиновского II селища (см. рис. 12—А) реконструируется легкая постройка, выполненная также в столбовой технике. Пол ее был слегка выровнен и при этом углублен не более чем на 15—20 см. По стенкам сооружения выявлены остатки столбов, в которых, возможно, были сделаны пазы для укрепления горизонтально уложенных бревен. Наиболее крупные столбы, диаметром до 22 и глубиной до 54 см, зафиксированы вдоль одной из продольных стен, что свидетельствует, очевидно, об односкатности перекрытия. В одном из концов сооружения находился очаг — кострище, а перед входом — хозяйственная яма, закрытая деревянной крышкой. Подобные сооружения напоминают легкие постройки коми-зырян — «керчом». По наблюдениям В. Н. Белицер, при строительстве некоторых хозяйственных построек коми-пермяки использовали столбовую технику, которая предшествовала, по ее мнению, срубной [88, с. 200].

2. К иному типу относятся сооружения, остатки которых обнаружены на Зародятском селище (рис. 12—В), Шудьякар (рис. 12—Г) и и Лаврятском городищах. Они представляли наземные сооружения прямоугольной формы шириной 6—7 и длиной 13—19 м, незначительно углубленные в грунт. Границы сооружений фиксировались чаще всего по канавкам шириной 40—80 и глубиной 40—70 см, ограничивающим, обычно, боковые, а иногда поперечные стенки жилищ. Вдоль стенок располагались столбовые ямки, группирующиеся попарно. По-видимому, это остатки столбов, укреплявших стены. Иногда столбовые ямки образовывали ряд поперек жилища, на уровне приблизительно двух третей длины сооружения, и являлись остатками столбов, поддерживающих перекрытие. В центральной части жилища располагались очаг-кострище и 2—3 ямы хозяйственного назначения.

Анализ развития домостроительных традиций в Прикамье показывает, что в жилищах Зародятского селища и Лаврятского городища продолжается единая линия домостроительной техники населения Верхней Камы. Уже в эпоху бронзы здесь существовали жилища полуземляночного типа прямоугольных очертаний, стены которых сложены из бревен (Заюрчимское, Васюковское II поселения ерзовской культуры эпохи бронзы) [147, с. 47]. Жилища бревенчатого типа обнаружены на Осинском [107, с. 176] и Федотовском городищах [84, рис. 34] гляденовского времени. Именно как сооружения с бревенчатыми стенами в нижней части реконструируются жилища на родановских поселениях — Роданово, Кыласово городищах [311, с. 37; 226, с. 93]. Нет никаких оснований исключать из этой линии развития жилища Зародятского селища и Лаврятского городища.

Ни один из раскопанных памятников не дает возможности уверенно говорить о срубной технике сооружения жилищ, но, по-видимому, в Прикамье она распространяется сравнительно рано [299, с. 100]. Об этом свидетельствует раннее появление бревенчатых конструкций в

домостроительной технике, а также общность терминов «керка», обозначающих постройку срубного типа в языках коми и удмуртов [88, с. 17].

Уже в конце эпохи бронзы прослежен переход от полуземляночных жилищ к наземным, характерным для позднего этапа ерзовской культуры [147, с. 47], а также для всего последующего, в том числе и ломоватовского времени. Устройство домов без фундамента — особен-

Таблица 13

Эволюция размеров жилищ на памятниках Верхнего и Среднего Прикамья

Эпоха, культура	Памятник	Площадь, кв. м	Источник
Эпоха бронзы	Ерзовское поселение	130—200	[147, с. 47]
	Бойцово II поселение	130—200	
	Заюрчимское поселение	216	»
Ананьинская	Заюрчимское I, VI селища	140—260	[96, с. 148, 154]
	Конецгорское селище	160—240	[162, с. 27]
	Еловское I селище	25	[96, с. 148, 154]
	Скородумское селище	100	[84, с. 113]
Гляденовская	Федотовское городище	108	[106, с. 180]
	Осинское городище	80—84	[107, с. 176]
I тысячелетие н. э.	Черновское городище	20	[231, с. 95]
	Опутятское городище	60—100	[118, с. 108—115]
	Коновалятское селище	80	[263]
	Русиновское II селище	15	[30]
	Зародятское селище	80—100	[7, 8]
	Шудьякар городище	40—50	[174, с. 94]
Родановская	Родаково городище	88	[311, с. 40]
	Кыласово городище	25—30	[226, с. 99]

ность домостроительной техники коми до конца XIX — начала XX вв. [88, с. 174, 200].

Размеры жилищ на памятниках Верхнего и Среднего Прикамья не изменялись в течение длительного времени (см. табл. 12). Для большинства поселений ерзовской и ананьинской культур характерны многоочажные дома площадью в 130—260 кв. м. Начиная с гляденовской культуры, жилища становятся значительно меньше (60—100 кв. м) и на протяжении ломоватовской и раннего этапа родановской культур этот показатель оставался стабильным. Лишь на позднем этапе родановской культуры появляются жилища малых размеров площадью 25—30 кв. м. Эта тенденция к уменьшению жилищ и изменению их конструкции — появлению настоящего сруба в XII—XIII вв.— отмечена М. В. Талицким [311, с. 41] и В. А. Обориным [226, с. 99]. Появление

высоких срубных жилищ в X—XIV вв. характерно и для соседней территории — Удмуртии [291, с. 233].

Однако наряду с крупными встречаются жилища малого размера площадью в 20—25 кв. м. Подобные остатки обнаружены на поселениях ананьинской культуры (Еловское I селище), харинского времени на Средней Каме (Черновское I городище), на городище Лобач в бассейне р. Сылвы [106, с. 211] и других памятниках. Сравнительно раннее распространение жилищ малых размеров, их сосуществовании с большими представляет собой одну из особенностей домостроительной техники Прикамья.

Форма жилищ на протяжении I тысячелетия н. э. также остается неизменной, представляя собой прямоугольное сооружение (6×14 м — Осинское городище, 5—6×9—10 — Салтанаихинское городище, 6—7× ×13—19 — Зародятское селище, 6×11 м — нижний слой Родановa городища). Поскольку форма и размеры жилищ длительное время остаются постоянными, особенности их наземных частей с бревенчатыми срубами в основании, реконструированные М. В. Талицким по результатам исследований нижнего слоя Родановского городища, по-видимому, также могут считаться неизменными. М. В. Талицкий указывал, что остатки жилищ, подобные раннеродановским, были обнаружены им при исследовании других памятников в бассейне р. Иньвы: Старцевского, Ямского городищ и Стариковского селища [311, с. 88]. Несомненно, что отдельные детали построек — форма перекрытия, характер и способы покрытия крыш — могут иметь некоторые вариации.

К конструктивным особенностям жилищ этого типа Верхнего Прикамья относится сооружение канавок, ограждающих продольные стенки жилищ с наружной стороны. Такие канавки были зафиксированы на Федотовском городище гляденовского времени [84, рис. 34; 107, с. 191], Б. Никольском городище I тысячелетия н. э. на Средней Каме [230, с. 275—277], на Зародятском селище [106, рис. 10], Лаврятском городище [225, с. 110] и наконец, на памятниках родановской культуры [311, с. 37]. Канавки имели, очевидно, дренажное значение, а кроме того, из них брали землю для оформления завалинки и утепления основания сооружения. Завалинка особенно была важна в наземном жилище, так как земляной пол очень холоден, а при завалинке в избе теплее и не сквозит [90, с. 77]. Сооружение небольших завалинок (мудод) характерно, по мнению В. Н. Белицер, для домов коми [88, с. 174].

Внутрижилищные остатки представлены одним, реже двумя очагами и несколькими ямами. Очаги — в большинстве своем пятна прокаленной глины, образовавшиеся в результате систематической обмазки его глиной. При длительном функционировании очага мощность глиняных напластований возрастает, образуя своего рода глиняную подушку. Подобные остатки известны в ломоватовское время на Коновалятском селище и в нижнем слое Лаврятского городища. Глинобитные основания очагов — типичная черта прикамских жилищ на протяжении длительного времени. Очаги с основанием из глины известны в ананьинской культуре на Еловском I селище [96, с. 154]; очаги на глиняных подушках, заключенных в деревянную раму или обставленных камнями, зафиксированы на памятниках гляденовского времени [84, рис. 34;

107, с. 191]. Глинобитные вымостки под очагами характерны для жилищ 1 тысячелетия на Средней Каме — Салтанаихинского и Черновского I городищ [231, с. 95]. Подобные остатки от очагов встречаются и на памятниках родановского времени (Родановo городище) [311, с. 39]. Длительная традиция сооружения глинобитных оснований очагов привела на позднем этапе родановской культуры к оформлению глинобитных печей, остатки которых были выявлены на Кыласовом городище [226, с. 99].

В жилищно-бытовой комплекс входят внутрижилищные ямы, число которых колеблется от одной до четырех. Часть ям может быть определена как околоочажные, а некоторые как кладовые. Наличие таких ям в пределах жилищ представляет особенность жилых сооружений Верхнего Прикамья от гляденовского до родановского времени. Они обнаружены на Федотовском городище гляденовской культуры [84, рис. 34; 107, с. 191], на Опутятском городище, Зародятском и Коновалятском селищах ломоватовского времени. Яма-кладовая является характерной особенностью и жилищ раннего этапа родановской культуры [311, с. 39]. Лишь на втором этапе этой культуры хозяйственные ямы стали сооружать за пределами жилищ [311, с. 41—42].

К особенностям верхнекамских жилищ следует отнести сооружение перед входом небольшого крытого тамбура (сеней). Такие пристройки у жилищ обнаружены на Заюрчимском I селище раннеананьинского времени [96, с. 154]. Четкие остатки тамбура зафиксированы на Федотовском городище гляденовской культуры [84, рис. 34]. Подобные детали встречены у жилищ, раскопанных и на городищах родановской культуры [311, рис. 6; 226, с. 93, 99]. Вполне возможно, что такого рода особенность была характерна и для ломоватовских построек.

Анализ хозяйственно-бытовых остатков дает основание предполагать наличие рядом с основными жилищами дополнительных хозяйственных сооружений — кладовок, мастерских. Такие остатки обнаружены на Коновалятском селище, где рядом с жилищем располагались крупные ямы и несколько столбовых ям. Наиболее четко такие пристрои зафиксированы у поздних жилищ (II, IV, VI) Зародятского селища.

Таким образом, мы имеем для ломоватовского времени Прикамья несколько типов жилищ. Первый составляют наземные столбовые постройки с очагом и несколькими ямами (Опутятское городище, Коновалятское, Русиновское II селища). Жилища этого типа располагаются на памятниках, относящихся, как правило, к раннему периоду ломоватовской культуры. Необходимо также отметить, что такие сооружения — необычное для Прикамья явление, где очень рано складывается своеобразное наземное незначительно углубленное прямоугольное бревенчатое жилище, окруженное канавками, с очагом и ямами в центре (Зародятское селище, Лаврятское городище). Жилища этой конструкции продолжают домостроительные традиции гляденовского времени и, в свою очередь, являются необходимым звеном в генетической линии развития к жилым сооружениям родановской культуры. Некоторой разновидностью этого типа жилищ являются поздние жилища Зародятского селища, сопровождающиеся хозяйственными пристроями.

Проводимые широкие исследования поселений 1 тысячелетия н. э. в лесной, лесостепной полосе Европейской части СССР и Западной Сибири позволяют определить место верхнекамских жилищ среди сооружений такого рода соседних территорий.

Существенные отличия верхнекамских жилищ типа, обнаруженных на Зародятском селище, фиксируются в сравнении с сооружениями именьковской культуры. Последние представляют собой землянки и полуземлянки, углубленные в грунт на 60—130 см площадью 25—30 кв. м с шатровым четырехскатным перекрытием или срубом ступенчатым тамбурным входом и очагами на приподнятой «подушке» из песка и глины, заключенной в деревянную раму [305, с. 13—14]. Остатки такого рода обнаружены на селище у с. Рождествено [123, с. 11—16], на Именьковском городище [171, с. 229, 230], Балымерском селище [152, с. 26], Маклашеевском II городище [306, с. 222—223] и др. Некоторые типы жилищ 1 тысячелетия н. э. на территории Башкирии, в частности сооружения, раскопанные на Ново-Турбаслинском II поселении и Кансиярском городище [205, с. 151—155], конструктивно близки именьковским. Остатки их представляют собой также довольно глубокие (100—120 см) ямы площадью 30—40 кв. м с несколько приподнятыми, по-видимому с помощью деревянных рам, очагами и хозяйственными ямами, располагавшимися за пределами жилищ.

Наличие в конструкции именьковских и некоторых бахмутинских жилищ глубокого пола, четырехскатного перекрытия, ступенчатого входа, очагов, заключенных в деревянную раму, а также их незначительные размеры существенно отличают жилые постройки этих культур от ломоватовских.

В лесной зоне Зауралья и Западной Сибири в 1 тысячелетии н. э. были распространены своеобразные жилища подквадратной формы площадью 30—45 кв. м, несколько углубленные в грунт, столбовой шатровой конструкции с одним или несколькими центральными столбами. Такие сооружения обнаружены возле Салехарда на Зеленой горке [333, с. 70—72], на Юдинских селище и городище VI—IX вв. [98, с. 12, 14], Андрюшином городке [217, с. 94]. Для некоторых из них характерны коридорообразные входы, глинобитные очаги на возвышении в раме или без нее, в отдельных случаях — канавки возле очагов.

В лесостепной зоне Западной Сибири в VII—VIII вв. н. э. известны жилища логиновского типа [12; 121, с. 110—112; 15]. Остатки их представляют собой подквадратные котлованы размером 23—26 кв. м, углубленные на 50—60 см от современной поверхности. Особенностью их являются возвышенные площадки перед входом, открытые очаги, ограниченные канавками или находящиеся в небольших углублениях, малое число расположенных без системы столбовых ям, отсутствие в жилье хозяйственных ям. Сооружение этой же культуры, вскрытое на Узловском поселении [309, с. 75], отличается прямоугольным планом, площадью 16 кв. м, значительно более углубленным полом, до 125 см от современной поверхности, и отсутствием столбов.

Таким образом, жилища лесной и лесостепной зон Зауралья и Западной Сибири I тысячелетия н. э. характеризуются в большинстве своем подквадратной формой, небольшими размерами (25—45 кв. м),

слабоуглубленным в землю котлованом, очагами на возвышениях, иногда окруженными канавками или заключенными в раму, отсутствием хозяйственных ям в пределах сооружений. Что касается конструкции стен и перекрытия, то здесь, по-видимому, основным типом было, как предполагает З. П. Соколова, столбовое шатровое сооружение, которое существовало почти до XIX в. Но уже в X—XIII вв., по мнению В. Д. Викторовой, появляется жилище иной конструкции — с бревенчатыми стенами [4, с. 242]. Эта постройка имеет ряд своеобразных деталей: коридорообразный вход, нары вдоль стен и наземные глинобитные очаги, позволяющие говорить о связи жилищ новой конструкции с домостроительными традициями предшествующего времени.

Древнемарийские и древнемордовские жилища также существенно отличаются от ломоватовских. На южной территории городецкой культуры были распространены преимущественно столбовые наземные постройки со стенами, обмазанными глиной, и каменными очагами [293, с. 105—107; 215, с. 152]. Для северных районов этой культуры обычны сооружения полуземляночного типа размером 60—70 кв. м, углубленные на 70—80 см [293, с. 110].

Во 2-й половине 1 тысячелетия н. э. на древнемордовских поселениях наблюдается сосуществование наземных жилищ с шатровым перекрытием иногда со стенами, заваленными в нижних частях камнями, и простым очагом (Армиевское селище IV—VII вв.) [279, с. 43] и полуземлянок квадратной формы глубиной 0,8 м площадью 50—60 кв. м с печью — каменкой или чувалом (Ош — Пандо VI—IX вв.) [307, с. 137; 308, с. 94—97, 102]. В IX в. здесь появляется новая домостроительная традиция — сооружение сруба, несколько опущенного в землю, площадью 8—44 кв. м с очагами — каменками в углублении или типа чувала (Тумовское городище). Материалы этого поселения убедительно демонстрируют процесс эволюции от полуземляночных жилищ с бревенчатыми стенами к наземным срубным постройкам [138, с. 163—164; 139, с. 140].

Несколько иную линию развития дают мерянские поселения 1 тысячелетия н. э., где повсеместно встречаются наземные с чуть пониженным уровнем пола срубные дома. Срубы невысокие, в несколько венцов, рубленных «в чащу». Специфической особенностью их являются очаги в виде небольших углублений, заполненных валунами или диким камнем. Такие жилища обнаружены на Березняковском городище V—VI вв., Попадьинском, Барвихинском селищах VI—VII вв., Сарском VI—IX вв., Мало-Давыдовском VII—IX вв. городищах, в слое VIII—X вв. древнего Суздаля, на селище у с. Устье, на Дурасовском городище IX в. и др. [327, с. 54—58, 65, 141; 138, с. 64, 65, 82—85, 91, 110]. Размеры описанных построек варьируют от 40 (Березняковское городище) или 25 кв. м (Попадьинское селище) до 132 (Попадьинское селище).

Но и здесь наряду с наземными жилищами встречаются полуземлянки площадью около 15 кв. м и глубиной котлована 142 см с каменными очагами, сложенными из валунов (Сарское городище).

Сравнение верхнекамских и мерянских жилищ привело Е. И. Горюнову к мысли об их сходстве, выразившемся в распространении в обоих случаях наземных бревенчатых домов, иногда с тамбуром, с гли-

нобитными очагами в раме и двухскатной кровлей. Присоединяясь в целом к сделанному ею выводу о типичности наземной деревянной постройки для всех финно-угорских племен Восточной Европы 1 тысячелетия н. э. [138, с. 128, 129; 139, с. 145—146], следует указать на присутствие черт, свидетельствующих о существовании собственной домостроительной традиции в каждом из районов. В частности, для жилищ Верхнего Прикамья таковыми будут — устойчивость площадей жилищ в пределах 60—100 кв. м, слабо углубленный пол (в мерянских есть и полуземлянки), сооружение канавок, окружающих жилище с боковых, а иногда поперечных сторон, которые не зафиксированы в мерянских жилищах, очаги на глиняной подушке или с глиняной обмазкой в отличие от мерянских, где они сделаны из камня, постоянное присутствие в жилище одной или двух хозяйственных ям почти стандартной конструкции (в мерянских жилищах хозяйственные ямы редки). Но, несмотря на приведенные различия, сходство ломоватовских жилищ с древнемерянскими несомненно.

Таким образом, традиционные прикамские жилища со слабо углубленным полом принадлежат к наиболее характерным постройкам финно-угорского населения лесной зоны. Их эволюция в Верхнем Прикамье прослеживается от эпохи бронзы до XII—XIII в., когда возникают наземные сооружения настоящего срубного типа небольшой площади с глинобитными печами [311, с. 41; 226, с. 99]. К этому же времени, иногда несколько более раннему (IX—X вв.), относится появление таких жилищ у древней мордвы [138, с. 163—167], удмуртов [291, с. 233], зауральских угров [4, с. 242].

Развитие финно-угорских жилищ во всех районах идет по линии сосуществования наземных и полуземляночных бревенчатых построек к повсеместному распространению наземных срубных жилищ. Разумеется, в каждом районе этот процесс должен был иметь специфические особенности, которые и демонстрирует археологический материал.

Наземные столбовые постройки типа Опутятского городища известны на поселениях мазунинского времени на городище Чеганда I и Верхне-Малиновском [113, с. 19; 114, с. 144], где зафиксированы очаги-кострища, располагавшиеся иногда на глиняной подсыпке, и хозяйственные ямы. Для мазунинского времени в Прикамской Удмуртии особенно характерны поселения с бедным культурным слоем [113, с. 201]. Аналогичного характера поселения часто встречаются в междуречье Волги и Вятки. На одном из них — Ернурском — зафиксировано немало очагов от наземных построек [291, с. 232]. На некоторых позднегородецких поселениях (Шатринское городище III—V вв.) также обнаружены остатки наземных жилищ [215, с. 161]. Подобные сооружения можно предполагать для некоторых поселений бахмутинской культуры, имеющих мощность культурного слоя 30—40 см [204, с. 140—151]. Возможно, на большинстве поселений с малой мощностью культурных остатков существовали именно такие как на Опутятском городище и Коновалятском селище наземные столбовые постройки. Необычность жилищ этого типа для Верхнего Прикамья, а также встречаемость их на поселениях именно с раннеломоватовскими, харинскими керамическими комплексами, позволяет связывать их с пришлой группой населения.

По-видимому, в данном случае распространение таких жилищ в Прикамье следует рассматривать как пример приспособления привнесенных элементов культуры к новым условиям. Но при постоянном контакте с местным населением, имеющим достаточно апробированное в местных климатических условиях жилое сооружение, эта традиция через сравнительно незначительное время утрачивается. Уже в VII—VIII вв. здесь вновь широко распространяется тип жилища, выстроенного обычными для Верхнего Прикамья приемами.

4. КЕРАМИКА

Для характеристики глиняной посуды поселений ломоватовской культуры в настоящее время мы располагаем значительными выборками (563 сосуда) из Опутятского городища (табл. XLV), Коновалятского (138 сосудов) и Зародятского селищ (276 сосудов), городища Шудьякар (234 сосуда) (табл. XLVII). Небольшие коллекции происходят из раскопок селищ Лисья Курья, Русиновских I и II, городища Ором и др. (табл. XLVI). К сожалению, материалы Лаврятского городища и Баяновского селища опубликованы без подробного анализа глиняной посуды. Некоторые сведения о керамике получены из разведочных материалов.

Таблица 14

Характеристика примесей к глиняному тесту, %

Памятник	Дата, вв.	Примеси				
		Раковина	Растительность	Песок, дресва	Шамот	Без примесей
Опутятское городище	V—VI	43,0				57,0
Коновалятское селище	V—VI	47,0	+	+		
Зародятское селище	VII—VIII	53,6	43,2	27,0		
Шудьякар городище	VI—VIII	100	0,9	0,9	19,8	

Все сосуды ломоватовской культуры сделаны вручную техникой ленточного кольцевого налепа. Многие имеют в тесте примесь толченых раковин (табл. 14), реже растительных остатков, песка или шамота. Следует отметить некоторое увеличение числа сосудов с примесью раковины от ранних к более поздним памятникам. Присутствие в тесте мелкотолченой раковины наблюдалось также в керамическом материале Лаврятского городища и Баяновского селища.

Керамика имеет серый или красновато-коричневый цвет. Поверхность большинства сосудов как внутренняя, так и внешняя преимущественно заглажена щепкой или пучком травы, отчего на ней достаточно четко выделяются штриховые полосы. Но встречаются и фрагменты с гладкой поверхностью, заглаженной скорее всего рукой или кожей.

Обжиг, вероятно, костровой, о чем свидетельствует неодинаковая окраска одного и того же сосуда, внутренняя сторона посуды имеет более темную окраску, нежели внешняя.

Толщина шеек и стенок примерно одинакова, наиболее популярны сосуды с толщиной шеек 4—8 мм, стенок 4—9 мм.

Посуда ломоватовской культуры сохраняет традиционную прикамскую форму. Это чашевидные, как правило, невысокие, приземистые сосуды с округлым или слегка уплощенным дном. Вариации касаются преимущественно формы верхней части сосудов и определяются способом оформления шеек. В соответствии с этим показателем вся посуда разделена на 3 типа.

Таблица 15

Соотношение форм сосудов, %

Памятник	Дата, вв.	Тип сосуда		
		1	2	3
Опутятское городище	V—VI	40,5	44,0	15,5
Коновалятское селище	V—VI	42,0	43,0	13,0
Зародятское селище	VII—VIII	10,0	57,0	33,0
Ором городище	VII—IX	35,3	52,9	11,8
Шудьякар городище	VI—XIV	36,35	54,6	9,05

Тип I составляют довольно высокие сосуды с незначительной разницей диаметров по шейке и наиболее широкой части тулова. Они характеризуются чаще всего высокой прямой или несколько отогнутой наружу шейкой, которая плавно переходит в тулово (табл. XLV—1—5; XLVI—1, 2, 4, 10, 13, 14, 16, 17; XLVII—1, 3, 6, 9, 11, 12).

Ко 2-му типу относятся сосуды средней высоты со значительным расширением в средней части тулова, небольшим, чаще всего суженным, устьем иногда без четко выраженной или с короткой шейкой (табл. XLV—6—18; XLVI—3, 5, 7, 8, 19; XLVII—4, 7, 10, 14, 17, 19). Наиболее примечательной особенностью этого типа являются сосуды с резким расширением в средней части тулова, которое образует иногда острое ребро (табл. XLV—10, 15, 16; XLVI—5).

В 3-й тип входят низкие открытые чаши без четко выраженной шейки с некоторыми вариациями в положении верхнего края — прямого чуть загнутого внутрь или несколько отогнутого (табл. XLV—19—21; XLVI—15; XLVII—5, 13, 15, 16, 18, 20, 21).

По функциональному назначению сосуды 1-го типа использовались в хозяйстве достаточно широко и в качестве столовой, кухонной посуды, и как емкости для хранения запасов продуктов, сосуды же 2-го и 3-го типов применялись прежде всего как кухонная и столовая посуда.

Для поселений раннего времени (V—VI вв.) характерно почти одинаковое соотношение посуды 1-го и 2-го типов (40,5—44%) (табл.

15). При этом число остроребериых сосудов весьма значительно (на Опутятском городище до 18% общего количества посуды). Фрагменты сосудов 3-го типа немногочисленны (13—15%). В более позднее время, в VII—VIII вв., характер посуды несколько меняется. Получает абсолютное преобладание посуда 2-го типа (Ором городище — 52,9 Зародятское селище — 57, городище Шудьякар — 54,6%), и на Зародятах существенно увеличивается доля низких открытых чаш (33%). Посуда 1-го типа обнаруживает значительные колебания (от 10 до 35,3%).

Формы венчиков сосудов разнообразны, преобладают плоские и округлые. Для посуды 1-го типа характерны плоские, срезанные наружу венчики, у сосудов 2-го типа наиболее распространены округлые, а у сосудов 3-го типа — плоские или срезанные внутрь. Очевидно, форма венчика в известной мере определялась формой сосуда.

Посуда ломоватовской культуры не отличается особым разнообразием орнаментации. Преимущественно украшен верхний срез сосудов (41,2—87%; табл. 16). Орнамент по шейке нанесен у 10—34,2% посуды. Причем наблюдается некоторое увеличение степени орнаментированности шеек от ранних к более поздним памятникам.

Таблица 16

Характеристика степени орнаментации керамики, % от общего числа сосудов каждого памятника

Памятник	Дата, вв.	Орнамент	
		по шейке	по венчику
Опутята	V—VI	12,0	87,0
Коновалята	V—VI	11,0	52,0
Зародята	VII—VIII	10,0	71,0
Ором	VII—IX	13,6	11,8
Шудьякар	VI—XIV	34,2	64,1

Таблица 17

Характеристика техники орнаментации венчиков сосудов, % от числа сосудов, украшенных по венчику

Памятник	Дата, вв.	Орнамент				
		Насечка	Гребенка	Защипы	Ямки	Шнур
Опутята	V—VI	27,0	13,0	58,0	2,0	
Коновалята	V—VI	21,0	11,0	63,0	5,0	
Русиново II	V—VI	57,1	28,6	14,3		
Зародята	VII—VIII	12,5	78,0	6,5	3,0	
Ором	VII—IX	59,01	8,2	31,15	1,64	
Шудьякар	VI—XIV	34,0	29,9	26,4	8,3	1,4

Анализ орнаментации венчиков (табл. 17) показывает, что на ранних памятниках в технике украшения преобладают пальцевые защипы (табл. XLV—5, 15, 19). На втором месте находятся фрагменты сосудов, украшенные насечками как по одной, так и по обеим граням венчика (табл. XLV—7, 11). Оттиски гребенчатого штампа, образующие ряд наклонных или вертикальных линий, а также елочкообразный узор зафиксированы на 11—35,3% посуды (табл. XLV—8). Единично встречаются ямки. В более позднее время на Зародятском селище преобладающим элементом в орнаментации венчика становятся оттиски гребенчатого штампа (78%), насечка (Ором — 59,01%; табл. XLVI—9; Шудьякар — 34%; табл. XLVII—8, 11). При этом значительна доля защипов (Ором — 31,15%) или гребенки (Шудьякар — 29,9%; табл. XLVII—2, 4, 7, 9, 18—21).

Таблица 18

Характеристика техники орнаментации шеек сосудов, % от числа сосудов, украшенных по шейке

Памятник	Орнамент					
	Опутята V—VI вв.	Коновалята V—VI вв.	Русиново II V—VI вв.	Зародята VII—VIII вв.	Ором VII—IX вв.	Шудьякар VI—XIV вв.
Резной	12,0	25,0			1,4	2,6
Шнур	28,5	37,0	22,3	27,0	49,3	14,8
Ямки	15,0	7,0		6,0	11,6	14,0
Гребенка	37,5	31,0	77,7	67,0	14,5	71,8
Защипы	7,0					6,4
Кружковый					7,2	+
Прокатанный штамп					36,2	3,4
Фигурный штамп					1,4	+

Орнамент по шейке в целом может быть охарактеризован как гребенчато-шнуровой (табл. 18). Именно эти элементы доминируют в узорах, причем на ранних памятниках наблюдается их некоторое равновесие, а на поздних — преобладание гребенчатого орнамента.

Орнаментальные композиции, как правило, несложны. Выделяется более 13 простейших элементов, которые группируются в различные узоры. Последние состоят из одного — двух, реже — трех поясков. Отпечатки гребенчатого штампа образуют горизонтальные ряды наклонных или вертикальных оттисков (табл. XLV—14; XLVI—12, 18, 19; XLVII—2, 5, 8, 14—16, 17), зигзаговые (табл. XLVI—19; XLVII—1, 5, 7—10, 14—15, 17, 19), ломаные линии, елочки (табл. XLVI—9; XLVII—11), а также сочетания перечисленных комбинаций. Такие же узоры выполнены и резными линиями (табл. XLVI—7). Отпечатки шнура представляют собой обычные горизонтальные полосы числом от 2 до 16 (табл. XLVI—2; XLVII—2, 4, 10), иногда подчеркнутые снизу одной или двумя волнистыми линиями либо подковками (табл. XLV—12, 13; XLVI—11), выполненными в той же технике, а также оттисками фигурного (табл. XLVI—6) или гребенчатого штампа (табл. XLVI—8, XLVII—2, 10). Ямочные вдавления образуют горизонтальные ряды (табл. XLVI—10, 14; XLVII—1, 6, 12) или ромбические фигуры

(табл. XLVI—7). Изредка встречаются горизонтальные или зигзагообразные пояски прокатанного штампа (табл. XLVI—10, 16). Известны сочетания нескольких элементов.

Необходимо указать, что существенных хронологических изменений в узорах нет. Практически все композиционные построения узоров керамики Зародятского селища находят себе абсолютные аналоги в орнаментах посуды Опутятского городища или Коновалятского селища. Наиболее разнообразны узоры на посуде 1-го типа, здесь чаще встречаются композиции, составленные из разных элементов. На сосудах 2-го и 3-го типов узоры весьма скудны и выполнены в основном гребенчатым штампом и резными линиями.

ГЛАВА III. КОСТИЩА, СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ, КЛАДЫ ЛОМОВАТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1. КОСТИЩА. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В археологической литературе сравнительно неплохо известно Гляденовское костище [219; 301; 122; 116] и очень мало сведений о «малых» костищах Прикамья. Почти все они расположены на территории Верхнего Прикамья и относятся, по мнению автора, к ломоватовской культуре. Памятники такого рода располагались на возвышенных местах, с которых открывался широкий вид на близлежащие окрестности: на водоразделах (Гаревское, Панкрашинское), на мысу (Ильинское) или у края террас (Усть-Туйское, Подбобыкское). Поверхность их ничем не выделялась за исключением того, что обилие костей в почве мешало земледельческим работам. Культурные остатки занимали округлые, иногда несколько вытянутые участки площадью по приблизительным подсчётам от 260—270 (Усть-Туйское, Гаревское) до 450—480 кв. м (Ильинское, Панкрашинское). Мощность культурных напластований колебалась от 50 (Усть-Туйское) до 100—110 см (Гаревское, Ильинское), несколько увеличиваясь в центральной части памятника. Культурный слой представлял собой тёмный грунт, содержащий обломки сырых костей. Насыщенность слоя такими костями велика, например, на Усть-Туйском костище она составляла 1—1,5 тыс. на 1 кв. м [13].

Определение костных остатков проведено в трех случаях (Гаревское [313], Подбобыкское [288, с. 53] и Усть-Туйское [13] костища). Наиболее детальное определение было выполнено В. И. Цалкиным материалов Усть-Туйского костища. Основная масса костей этого памятника состояла на 85—90% из зубов. Кости конечностей и другие части скелета немногочисленны. Подсчёт числа особей невозможен. Определимые (38 383) кости распределяются следующим образом: крупный рогатый скот 15 743 (41,01%), лошадь 15 173 (39,53%), свинья 4 927 (12,84%), мелкий рогатый скот 2 214 (5,77%), собака 17 (0,04%), лось 182 (0,47%), медведь 11 (0,03%), бобр 10 (0,03%) и человек 106 (0,28%). Остеологические материалы Гаревского и Подбобыкского костищ в целом повторяли тот же состав. В обоих случаях дополнительно отмечено наличие черепов росомах, а на Подбобыке ещё и оленя [288, с. 53]. Костные остатки человека в этих памятниках не зафиксированы. В. И. Цалкин при исследовании костей с Усть-Туя указал на сильное искусственное разрушение костей и обилие костных остатков молодых животных.

Среди слоя сырых костей иногда встречались «правильные прослойки костяной мелочи, подвергавшиеся действию огня и превратившиеся в костяной мусор» [68]. На Усть-Туйском костище зафиксирована также концентрация слоя жжёных костей в средней части северной половины скопления сырых костей. При этом наблюдалось сосредото-

чение кальцинированных костей в линзообразных углублениях диаметром 20—50 и мощностью 5—6 см. Такая же картина отмечена на Гаревском и Ильинском костищах. Ф. А. Теплоухов, описывая остатки Ильинского памятника, сообщает, что, очевидно, «жжёные кости выбрасывались на костище в небольших количествах и в разное время, так как лежавшие на них крупные кости и наконечники стрел не носили большей частью никаких признаков огня» [68]. При этом прокала или углей не обнаружено. Вероятно, сожжение производилось за пределами исследованных площадей.

Необходимо отметить несколько иной характер остатков Подбобыкского костища, где С. И. Сергеев обнаружил в слое костей «огнище» — слой перегорелой земли [288, с. 53]. Поскольку подробные сведения отсутствуют, трудно предполагать представляло ли «огнище» прокалённую почву или зольные слои с пережжёнными костями. Но так как основной состав находок — сырые кости, наконечники стрел, бусы, украшения и культовые вещи — совпадает с обычными для костищ, то, по-видимому, в целом Подбобыкский памятник следует считать несколько своеобразным вариантом той же категории.

На двух памятниках — Гаревском и Усть-Туйском — обнаружены культовые сооружения в виде возвышений, сложенных из глины, размером 1×1,5 м и высотой до 50 см, окружённых полукруглой канавкой шириной 30—50 и глубиной 35—50 см. Вокруг них была обнаружена основная масса находок. На Гаревском костище канавка была заполнена жжёными костями. Эти остатки, вероятно, и следует связывать с главными сооружениями костищ. Сосредоточение находок в центре памятника — характерный признак всех известных костищ и, по-видимому, свидетельствует о существовании подобных сооружений на всех костищах.

В расположении вещей в пределах раскопанных площадок нет определенного порядка, лишь на Гаревском костище отмечено скопление из 20 жертвенных чашечек и бус [313].

Из вещей, обнаруженных на костищах[9], чаще встречаются жертвенные чашечки, бусы, наконечники стрел, реже — фрагменты бытовой посуды, украшения, предметы быта и культовые вещи (табл. 19). Особый интерес представляет глиняная посуда, которая подразделяется на ритуальную и бытовую.

На всех анализируемых костищах обнаружено 115 ритуальных сосудов, представляющих собой небольшие чаще всего круглодонные чашечки диаметром 5—7 и высотой 3—6 см. Они отличаются грубостью исполнения и скудостью орнаментации. Поверхность сосудиков заглажена щепкой или травой. Глиняное тесто имеет примесь раковины (100% — Ильинское, 21% — Гаревское и 57% — Усть-Туйское). Сосуды по форме делятся на 7 типов: шаровидные (4 экз.; табл. XLVIII—18, 34); полусферические (37 экз.; табл. XLVIII—28); полусферические

[9] Классификация материала проведена на основании сведений, сообщаемых Ф. А. Теплоуховым о Гаревском, Панкрашинском, Усть-Туйском, Ильинском костищах [68] и Подбобыкском жертвенном месте [321], В. Ф. Генингом об Усть-Туйском костище [13].

Таблица 19

Распределение вещей по категориям и памятникам

Категория вещей		Памятник							Итого
		Гаревское	Панкрашинское	Усть-Туйское		Ильинское	Останинское	Подбобыкское	
				1890	1952				
Посуда	жертвенная	53		1	42	19			115
	бытовая	6	+	4	26	6		10	52
Украшения	бусы	164	5	11	76	26	2	3	287
	подвеска	1			1				2
	монета							2	2
	бляшка				2	1		4	7
	застежка							1	1
Наконечники стрел	костяные	100	48	12	63	100	4	29	356
	железные	2			11	23		10	47
Бытовые предметы	нож				3	8			11
	стержень					2			2
	игла					1			1
	ложкарь				1				1
	рукоять ножа?	1				1			2
	мотыжка				1				1
	точило	1							1
Культовые вещи	человеко-лось							6	6
	свинка							1	1
	шкура медведя							2	2
	ящер							9	9
	антропоморфная фигура				1			9	10
	птица				2				2
	заяц							1	1
	змея					1			1
	всадник					1			1

с уплощенным дном (2 экз.; табл. XLVIII—17); полусферические с закрытым устьем (6 экз.; табл. XLVIII—32); с профилированной шейкой (7 экз. табл. XLVIII—29, 30); низкие открытые (42 экз.; табл. XLVIII—21, 22, 25—27); полуяйцевидные (13 экз.; табл. XLVIII—24, 35); полуяйцевидные с уплощенным дном (4 экз.; табл. XLVIII—31). Абсолютно преобладают наиболее простые по форме типы — полусферические и открытые.

На Гаревском костище наиболее многочисленны низкие открытые чаши. На Усть-Туйском и Ильинском — полусферические, что объясняется, скорее всего, локальным своеобразием памятников. Большая часть предметов (62 — на Гаревском и 54% — на Ильинском) имеют в верхней части две противолежащие дырочки для подвешивания. По-

суда украшена в редких случаях. По шейке орнаментировано лишь 3,5, по венчику — 10,4% общего числа сосудов. Узор по венчику выполнен косыми насечками (табл. XLVIII—29, 30), защипами (табл. XLVIII—23, 34) и оттисками гребенчатого штампа (табл. XLVIII—25). Орнаментация шейки состоит из оттисков штампа (табл. XLVIII—27) и отпечатков горизонтальных и волнистых линий шнура (табл. XLVIII—29, 30). Орнамент, как и формовка, отличается небрежностью.

Бытовая посуда известна в материалах всех костищ, кроме Останинского, но достаточно подробная характеристика её возможна лишь для Усть-Туйского, так как долгое время значение этой категории предметов недооценивалось. Фрагменты керамики этого памятника принадлежат 26 сосудам. Посуда средних размеров имеет толщину стенок 6—7 мм и диаметр 16—20 см. Половина обломков содержит в тесте примесь раковин, но встречаются также растительные примеси и песок. Поверхность как наружная, так и внутренняя заглажена щепкой или мягким предметом. Сосуды имеют красноватый цвет. По форме они разделены на обычные для ломоватово 3 типа [10]. Наиболее многочислен 2-й (50%), несколько реже встречаются сосуды 3-го (34,6%) и немногочисленны — 1-го типа (15,4%). Орнамент нанесён по шейкам у 34% посуды, по венчику — у 80. Последние украшены преимущественно оттисками гребенчатого штампа (62%), а также насечками (33%) и ямками (5%). Орнамент по шейке состоит из оттисков шнура (56%), гребенчатого штампа (22%), а также ямок (11%) и резных линий (11%). Узоры представлены чаще всего многорядовым шнуровым поясом, подчёркнутым снизу волнистыми линиями того же шнура.

Фрагменты бытовой посуды остальных костищ имеют примесь раковины и изредка украшены по венчику насечками, а по шейке оттисками шнура в виде горизонтальных волнообразных линий или подковок (табл. XLVIII—33, 42—44), редко — гребёнки (табл. XLVIII—36).

Наиболее многочисленную категорию представляют наконечники стрел: костяные и железные. Известно 356 целых костяных наконечников стрел и множество обломков. Наибольшее число — по 100 целых экземпляров — происходит с Гаревского и Ильинского костищ, 75 — с Усть-Туйского, 48 — с Панкрашинского, 29 — с Подбобыкского, 4 — с Осганинского. Длина наконечников варьирует в пределах 6—12 при ширине 1,1—1,4 см. Большинство экземпляров не имеет чётко выраженного черешка (табл. XLIX), черешковые наконечники единичны (табл. L — 9, 11). В целом наконечники имеют вид сильно сплющенного ромба с максимальным расширением либо в середине, либо приблизительно в 1/3 от одного из концов. По форме сечения наконечники делятся на 7 подтипов. Абсолютно преобладают как в материалах отдельных памятников, так и в целом наконечники с ромбическим сечением (168 экз.; 47,2%; табл. XLIX—5, 6, 13), многочисленны — с пятигранным (68 экз.; 19,1%; табл. XLIX—7, 11, 16) и с шестигранным сечениями (54 экз.; 15,2%; табл. XLIX—1, 12). Значительно реже встречаются экземпляры с трехгранным (28 экз.; 7,8%; табл. XLIX—2, 15),

[10] Описание типов см. на с. 95.

дугообразным (17 экз.; 4,8%; табл. XLIX—3, 4), прямоугольным (17 экз.; 4,8%) и трапециевидным сечением (4 экз.; 1,1%; табл. L—9).

Железных наконечников стрел сравнительно немного — около 40. Большая часть их (23 экз.) происходит с Ильинского костища, 11—с Усть-Туйского, 10 — с Подбобыкского и 3 — с Гаревского. По способу соединения с древком наконечники подразделяются на черешковые и втульчатые. Последние немногочисленны (7 экз.) и принадлежат к одному типу — с листовидным пером (табл. L — 20, 21, 23). Черешковые весьма разнообразны, и значительное число их представляет миниатюрные копии настоящих. Наиболее многочисленны различные варианты листовидных (10 экз.; табл. XLIX—9, 10—18, 19) чаще всего с широким слабо выраженным черешком — свидетельством небрежности и спешки исполнения. У 6 предметов черешок оформлен довольно тщательно (табл. L — 22). Помимо перечисленных встречаются листовидные с упором при переходе к черешку (6 экз.; табл. L — 17), с коротким треугольным пером и шипами в основании (5 экз.; табл. L—24). Единичны стержневые, срезни с тупым концом и трехлопастные. Один из боевых экземпляров, найденных на Гаревском костище, относится к типу листовидных с усеченным основанием (табл. XLIII — 40).

Анализ наконечников стрел Подбобыкского костища невозможен, так как материал, за исключением нескольких экземпляров, не опубликован. Среди известных имеются железные трехлопастные с наибольшим расширением в средней части пера (табл. L1—23), ромбический с прямыми сторонами и расширением в нижней половине пера (табл. L1—34).

На Ильинском и Усть-Туйском костищах найдены железные ножи. По форме и размерам они подразделяются на две группы. Первую составляют небольшие миниатюрные копии настоящих ножей длиной 3—6 и шириной 0,8 см с прямой спинкой и уступом при переходе к лезвию (табл. L — 14, 15). Ко второй группе относятся ножи длиной до 15 при ширине около 2 см с четко оформленным переходом к черешку — уступами как со стороны спинки, так и лезвия (табл. L1—25). Целый экземпляр, найденный на Усть-Туйском костище, имеет вдоль клинка желобок.

Из предметов быта в материале костищ присутствуют железные шилья, костяная игла (Ильинское), ложкарь (Усть-Туйское), костяные рукоятки каких-то предметов (Гаревское, Ильинское), железная мотыжка (Усть-Туйское), точильный камень (Гаревское) (табл. XLVIII—39). С Гаревского костища происходят также обломок бронзового листа (табл. XLVIII—41) и фрагмент железной рукоятки с кольцом.

Украшения представлены преимущественно бусами, подвесками и бляшками. Наиболее многочисленны среди них бусы (287 экз.), которые известны в материалах всех костищ. Больше всего бус (164 экз.) найдено на Гаревском костище, многочисленны они на Усть-Туйском (87 экз.) и на Ильинском (26 экз.). На остальных памятниках эти находки единичны (Панкрашинское — 5, Останинское — 2, Подбобыкское — 3).

По материалу бусы делятся на стеклянные, каменные и бронзовые. Чаще других (246 экз.; 86,7%) встречаются стеклянные одночаст-

ные и многочастные посеребренные бусы разных размеров от 0,4 до 1,5 мм (табл. XLVIII—1—5, 12, 19, 37; L1—12, 21). Среди одноцветных бус преобладает рубленный бисер различных цветов (13 экз.; 4,5%), встречаются светло-голубые ребристые (табл. XLVIII—15, 16) и глазчатые бусы различных форм (10 экз.; табл. XLVIII—9, 13, 14; L—5,6). Интерес представляет крупная боченкообразная бусина, изготовленная индивидуально путем сгибания стеклянной пластинки. Темная основа бусины украшена тремя глазками, заключенными в белые овалы, и поперечными линиями у отверстий (табл. L—13). Бусы из сердолика единичны: эллипсоидные (2 экз.; табл. XLVIII—8) и дисковидные (1 экз.), украшенные белой росписью. Бусы из бронзы известны в двух вариантах: шарообразные (5 экз.) и кольцевидные (3 экз.).

Среди украшений известны также подвеска — лунница, найденная на Гаревском костище (табл. XLVIII—20) и пластинчатая подвеска в виде овала с тремя круглыми выступами внизу (Усть-Туйское костище) [105, рис. 46—3]. На Подбобыкском и Усть-Туйском костищах были обнаружены округлые несколько выпуклые бляшки различных размеров. Украшения такого рода Подбобыки сделаны из тонких пластин и снабжены симметрично располагающимися отверстиями, служившими, по-видимому, для пришивания их к одежде (табл. LI—26, 30, 32). На одной из подобных пластин значительно больших размеров изображен медведь (табл. L1—31). Бляшки Усть-Туйского костища отличаются некоторой массивностью: они литые и имеют на обороте две петли. С Подбобыкского костища происходит овальная застежка с неподвижным крючком, украшенная двумя продольными линиями выпуклин-полугорошин и прорезями (табл. L1—29). Она относится к более раннему времени, чем основной комплекс. На этом же памятнике обнаружены монеты, употреблявшиеся, по-видимому, в качестве подвесок.

Предметы культового характера немногочисленны. На Ильинском костище найдены изображения всадника (табл. L—1) и змеи (табл. L—2), на Усть-Туйском — литое антропоморфное изображение — маленькая небрежно отлитая птичка с петлей на обороте [105,рис. 46—2] и обломки крупной птицевидной подвески с изображением человеческого лица.

Вещи этого типа с Подбобыкского жертвенного места своеобразны. Все они выполнены в технике плоского литья и представляют пластины с различными изображениями. Наиболее многочисленны (9 экз.) различные вариации ящеров (табл. L1—1—4, 7) иногда со всадником на спине (табл. L1—10). Известны также фигуры (табл. L1—12, 13), трактующиеся как растянутые шкуры медведя (А. А. Спицын) или как изображения земноводных из породы лягушек (Ф. А. Теплоухов). Среди находок представляют интерес 6 пластин с фигурами человеколосей (табл. L1—15, 16). Особую группу составляют антропоморфные изображения в виде личин (табл. L1—18), одной (табл. L1—20, 22) или нескольких, чаще всего трех, связанных композиционно фигур (табл. L1—17, 19, 25—28). Оригинальны изображения свиньи (табл. L1—14) и животного, напоминающего зайца (табл. L1—5).

Таким образом, предметы, собранные на костищах, представляют собой весьма своеобразный, отличающийся от остальных категорий памятников набор.

2. О НАЗНАЧЕНИИ И ДАТЕ КОСТИЩ

Вопрос о назначении костищ Верхнего Прикамья активно обсуждался в литературе. Традиционная интерпретация их как жертвенных мест с широким привлечением этнографического материала нашла довольно полное отражение в работах А. Е. Теплоухова [313], А. А. Спицына [301], Н. Н. Новокрещенных [220], А. В. Шмидта [343] и А. П. Смирнова [291, с. 250 и др.; 292, с. 27—28]. В. Ф. Генинг, В. А. Оборин [122, с. 167—171; 105, с. 120; 116, с. 21—30] и О. Н. Бадер [81, с. 66, 67] высказали мнение, что костища являлись погребальными памятниками с обрядом трупосожжения, а самое крупное — Гляденовское, возможно, и жертвенным местом. Несмотря на то, что отдельные аргументы, доказывающие справедливость этого суждения, не выдержали испытания временем, основной вывод, что костища наряду с жертвенными местами были и погребальными памятниками, следует признать правильным.

Специфика костищ Верхнего Прикамья четко выступает в сравнении с жертвенными местами I — начала II тысячелетия н. э. других народов Восточной Европы.

Большая часть известных в настоящее время святилищ финно-угорского круга Восточной Европы — Шолом [155, с. 437—444], Алексеевское городище, Бабий бугор [295, с. 12—13], Ага-Базар [297, с. 453], северный мыс Старорязанского городища [277, с. 173—176] — характеризуются прежде всего наличием жертвенников в виде сильно прокаленного слоя пережженной глины площадью до 4 кв. м мощностью 0,3—0,4 м, окруженных кострищем радиусом более 6 м (Шолом), либо в виде очагов из камня со следами сильного прокала (Алексеевское городище, Бабий Бугор), а также в виде углублений с явными следами разведения кострищ (Шолом, Старорязанское городище, Ага-Базар). Последние располагались чаще всего по окружности, в центре которой стоял столб с изображением идола (Ага-Базар, Старорязанское городища).

Сосредоточение основного материала (костей животных, фрагментов бытовых и ритуальных сосудов, обугленных зерен злаков, орудий труда, зольных прослоек вокруг жертвенных площадок) в кострищах или в ямах с кострищами убедительно доказывает, что в данном случае зафиксированы остатки жертвоприношений, сжигаемых на специально разводимых кострах. Причем сильная прокаленность площадок, чередование прослоек прокала говорит о многократном и длительном использовании святилищ в качестве мест сожжения даров.

На верхнекамских костищах картина иная. Здесь ни в одном случае не зафиксированы прокалы. Вряд ли сожжение жертвоприношений производилось на площади памятников. Лишь на Подбобыкском костище С. И. Сергеев обнаружил «огнище», которое, может быть, и представляло собой слои прокала. Но даже если здесь и существовало кострище, то это обстоятельство (изменение характера памятника) представляется скорее явлением хронологического порядка, так как Подбобыкское костище принадлежит несомненно к более позднему времени, чем Гаревское, Ильинское и другие костища Верхней Камы.

На памятниках этого рода Верхнего Прикамья жженные кости,

располагаясь в центре сырых, концентрировались, кроме того, в изолированные линзообразные скопления диаметром 20—50 и глубиной 5—6 см, явно образовавшиеся в различное время. Таких явлений на святилищах Восточной Европы не отмечено.

Предполагая, что линзы жженых костей на костищах Верхнего Прикамья являлись остатками кремации жертвенных животных, необходимо было бы признать строгую дифференциацию в обряде жертвоприношений населения исследуемого времени — одних животных убивали и какие-то части поедали на святилище, разбивая кости и оставляя преимущественно головы и ноги, а других тщательно пережигали за пределами памятника и лишь потом переносили сюда для погребения. Это предположение вряд ли может быть принято, так как кости почти всех животных, особо почитаемых населением изучаемого времени, представлены в слое сырых костей. Нет возможности выделить какой-либо вид животных, который бы приносили в жертву особым способом — сожжением на стороне. По-видимому, скопления жженых костей следует рассматривать как кремированные останки людей. Несмотря на то, что опеделение кальцинированных костей затруднено, наличие 106 костей человека в материале Усть-Туйского костища может служить косвенным аргументом в пользу указанного положения.

Приводимые факты убеждают в том, что костища являлись погребальными памятниками. Однако то обстоятельство, что они использовались одновременно и как жертвенные места, неоспоримо. Об этом свидетельствуют отличия характера памятников и их инвентаря от одновременных им могильников.

На всех костищах зафиксировано мощное скопление сырых костей. Причем сырые кости намеренно измельчены. Ничего подобного не известно в могильниках ломоватовской культуры. Если кости животных на них и встречаются, то располагаются отнюдь не плотным массивом, а в специальных жертвенных ямах. Характер инвентаря могильников и костищ различается весьма существенно. В частности, на костищах в большом количестве — более сотни экземпляров — известна ритуальная посуда: миниатюрные сосудики, сделанные наспех, грубо, обязательно с двумя диаметрально противоположными отверстиями в стенках для подвешивания. Сосуды этого рода не могли выполнять роль обычной погребальной посуды, в которой ставилась заупокойная пища. Малый размер сосудиков, отверстия для подвешивания указывают, скорее всего, на их своеобразный характер. Посуда такого рода в столь больших количествах на некрополях Верхней Камы неизвестна.

Другой наиболее распространенной категорией предметов, обнаруженных на костищах, были костяные и железные наконечники стрел, которых встречено около 400 экземпляров. Известно, что почти в 1400 ломоватовских погребениях найдено лишь около 60 предметов этого рода. Наличие множества наконечников стрел на костищах объясняется тем, что стрела имела важное значение в магических обрядах финно-угорских народов [175, с. 130]. На многих жертвенных местах именно наконечники стрел представляют наиболее массовый материал. При раскопках жертвенного места Чумайтло в Южной Удмуртии были

обнаружены заготовки для железных наконечников стрел скоплениями до 30 экземпляров.

На костищах единичны различные украшения (подвески, пронизки, пояса) в столь больших количествах и разнообразных вариантах встречающиеся на могильниках I тысячелетия в Прикамье. Из украшений здесь обнаружены лишь бусы, являвшиеся, по-видимому, специфическим атрибутом жертвенных ритуалов. И, наконец, присутствие на костищах изображений человеколосей, всадников, змей и других существ убедительно свидетельствует об отличии этой категории памятников от могильников.

Кроме того, на Гаревском и Усть-Туйском костищах раскопаны культовые сооружения в виде возвышений, сложенных из глины, окруженных полукруглой канавкой. Возле них и была сосредоточена основная масса находок. Подобные жертвенники обнаружены и на костищах Среднего Прикамья, в частности на Юго-Камском [265, с. 206—208]. Правда, Ю. А. Поляков считает жертвенниками канавки, но, скорее всего, последние служили лишь дополнением к глиняному или земляному возвышению, выполнявшему функцию постамента при жертвенных обрядах.

Таким образом, существенные отличия в характере и своеобразном подборе инвентаря костищ и погребальных памятников не позволяют считать их функционально идентичными и относить первые только к некрополям. Скорее всего костища — это памятники, сочетающие функции могильников и жертвенных мест. По-видимому, материальные остатки накапливались здесь в результате жертвоприношений, погребальных даров и жертв, а также погребальных тризн и пиршеств. Вполне вероятно, что эти действия могли в те времена четко не разграничиваться [326, с. 173], а один и тот же акт мог совмещать в себе и погребальные жертвы, и погребальные тризны. Возможно также, что в некоторых случаях кремированные останки людей представляли собой не что иное, как человеческие жертвоприношения. Многочисленные факты различных эпох свидетельствуют о существовании таких обрядов у населения Прикамья. В частности, по мнению А. П. Смирнова, человеческие кости, обнаруженные А. В. Збруевой в культурном слое Луговской II стоянки, а также перегоревшие человеческие кости в кургане 3 Маклашеевского могильника могут быть результатом человеческих жертвоприношений [294, с. 115—116].

В позднеананьинское время остатки обоженных скелетов людей, иногда располагавшихся не в анатомическом порядке, известны на Гремячанском поселении. По мнению А. Д. Вечтомова, это несомненно также следы жертвоприношений [96, с. 146, 245]. Остатки человеческих жертвоприношений обнаружены в материалах жертвенных мест Урала: на Голом камне, в Уньинской пещере и других [175, с. 130—131]. О существовании подобных обрядов у финно-угорских народов сообщали И. И. Лепехин, К. Ф. Карьялайнен, А. В. Шмидт [343, с. 25]. В соответствии с имеющимися в настоящее время фактами, по-видимому, костища следует считать и погребальными памятниками, и жертвенными местами.

Время существования «малых» костищ Верхнего Прикамья до сих

пор окончательно не выяснено. Множество суждений высказано относительно хронологии одного из известных памятников этого типа — Гляденовского костища, расположенного на Средней Каме. А. А. Спицын датировал этот памятник ананьинской и пьяноборской эпохами [301], Н. Н. Новокрещенных относил его к началу н. э. [220], А. В. Шмидт — ко II в. до н. э. — III в. н. э. [343], В. А. Городцов к рубежу нашей эры [137]. Наиболее детально этим вопросом занимался А. П. Смирнов, который определил время существования Гляденовского костища VI в. до н. э.— IV—VI вв. н. э. Он выделил по материалу три стадии в развитии костища: 1-я — VI—III вв. до н. э., 2-я — II в. до н. э.— III в. н. э. 3-я — IV—VI вв. н. э. [291, с. 82—93; 292, с. 27]. К этому же времени (IV в. до н. э.— IV—V вв. н. э.) Ю. А. Поляков относит Юго-Камское костище, расположенное поблизости от Гляденовского [265, с. 210].

Некоторые исследователи считали костища Верхнего Прикамья одновременными Гляденовскому [343]. Ф. А. Теплоухов предполагал синхронность костищ Верхней Камы и поселений у д. Зародята и Ракитиной на р. Ломоватовке [318, с. 36—37]. Позднее [68] он датировал Ильинское и Панкрашинское костища III—IV вв., а Гаревское IV—VII вв. н. э. А. А. Спицын относил верхнекамские костища к III—VI вв. [302, с. 21]. Усть-Туйское костище датировано О. Н. Бадером [82, с. 123; 83, с. 40] и В. Ф. Генингом [105, с. 121—123] III—IV вв. В. Ф. Генинг выдвинул ряд аргументов в пользу синхронизации этого памятника с харинскими комплексами. Анализ материала верхнекамских костищ привел А. П. Смирнова к выводу о хронологической эволюции костищ Верхнего Прикамья. Ильинское, Гаревское и Останинское костища он считал наиболее древними и относил ко II в. до н. э. — III в. н. э. [291, с. 94], а Подбобыкское — к VI—VII вв. [291, с. 176—178].

Мнения ученых свидетельствуют, во-первых, о существенных разногласиях относительно определения абсолютной даты существования верхнекамских костищ, а во-вторых, о наметившейся тенденции, диктуемой характером материала, отделить верхнекамские костища от среднекамских и обозначить схему их эволюционного развития. Стремление обособить костища Верхней Камы от среднекамских нашло выражение в появлении не совсем точного термина «малые костища», к которым обычно относили все верхнекамские памятники, кроме Гляденовского. Однако специфика этих костищ заключается, скорее всего, не в их размерах (Юго-Камское костище, одновременное Гляденовскому, также имеет незначительную площадь), а во времени их существования и культурной принадлежности.

Линия развития верхнекамских костищ, предложенная А. П. Смирновым, в целом представляется правильной. Ильинское, Гаревское, Панкрашинское, Усть-Туйское, Останинское костища дают настолько единообразный материал, что нет никаких оснований сомневаться в их одновременности. Подбобыкское костище отличается от перечисленных как составом вещей, так и характером остатков, поэтому вопрос о времени этих памятников будет рассматриваться нами отдельно.

Поскольку наиболее известным памятником этого рода на Средней Каме является Гляденовское костище, хронология которого хоро-

шо разработана [291, с. 82—93], то, по-видимому, наиболее правильным будет сопоставление материала первой группы верхнекамских костищ — Ильинского, Гаревского, Панкрашинского, Усть-Туйского и Останинского — именно с этим памятником. При сравнении обнаруживается сходство не только в распространении одних и тех же категорий предметов, но и в идентичности отдельных типов. В частности, аналогичны некоторые типы вотивных железных (табл. L—17, 18, 23) и [301, табл. XII — 6, 16, 31] или костяных (табл. L—11) и [301, табл. XV—13] наконечников стрел; отдельные разновидности бус (табл. L—3, 4, 11, 19) и [301, табл. XI—19, 22]; культовые изображения: змеи (табл. L—2) и [301, табл. VII—21, 23]; всадника (табл. L—1) и [301, табл. 1—101] и др.

При сравнении выявляется и существенная разница в материале Гляденовского и верхнекамских костищ, на которую указывал В. Ф. Генинг [105, с. 122—123]. На памятниках Верхней Камы редки антропоморфные и зооморфные изображения, которые в Гляденовском костище представлены множеством экземпляров. В частности, антропоморфных фигурок в Гляденове найдено более 100, изображений птиц — 267, мух и пчел — 90, змей — 56, собак — 460. А в материалах всех верхнекамских костищ первой группы представлены лишь одно антропоморфное изображение, две фигуры птиц, причем одна в обломках, одна — змеи и одна — всадника. Кроме того, техника изготовления вещей этого рода на Верхней Каме отличается от той, в которой сделаны вещи Гляденовского костища. Почти все изображения последнего памятника вырезаны из пластин, а изделия этого рода верхнекамских костищ литые.

На всех памятниках встречались костяные наконечники стрел, но соотношение наконечников с ромбическим сечением пера к предметам этого рода с трехгранным сечением на Гляденовском костище представлено как 3:2, а на верхнекамских как 8:1. Среди предметов этой категории верхнекамских костищ данной группы отсутствуют бронзовые и единичны железные трехлопастные, которых довольно много на Гляденовском костище.

Состав бус также имеет некоторые особенности. В частности, на Гляденовском костище довольно высок (19) процент бронзовых бус, на верхнекамских костищах эти бусы составляют лишь 3% и очень немногочисленны (менее 1%) стеклянные бусы, на костищах Верхней Камы доля их возрастает до 11,7%. Кроме того, на Гаревском костище найдены сердоликовые дисковидная и эллипсоидная бусины с росписью, каких совсем нет в Гляденово.

Выявленная разница материалов Гляденовского и верхнекамских костищ приводит к мысли об их некотором хронологическом и культурном различии. Это становится еще более вероятным, если принять во внимание, что поселений гляденовской культуры или одновременных им до начала V в. н. э. на территории Верхнего Прикамья пока не обнаружено [235, с. 162]. Памятники в южных районах Верхнего Прикамья, которые Ю. А. Поляков считает гляденовскими, относятся ко времени после начала V в. и являются по сути дела раннеломоватовскими. По-видимому, костища Верхнего Прикамья принадлежат насе-

лению ломоватовской культуры, появившемуся на Верхней Каме в начале V в., которое было генетически связано с гляденовцами. Сопоставление материалов верхнекамских костищ с предметами из раннеломоватовских поселений и могильников показывает, что многие типы вещей находят себе аналоги именно в этих памятниках. В частности, некоторые разновидности костяных наконечников стрел костищ (табл. XLIX—11, 14) похожи на предметы этого рода из могильников Пыштайн, Митинского и Опутятского городища (табл. XXXIII—9, 10, 12; XL—4, 5). Отдельные типы бус, например, мелкие золоченые, известны в Бурковском могильнике, мелкий желтый и голубой бисер — в могильнике Пыштайн, а сердоликовые дисковидные бусины с белой росписью — на Опутятском городище (табл. XXXIX—2, 3) и Грудятском могильнике. Зонная бусина из непрозрачного черного стекла с крупными белыми глазками, заключенными в белый овал, Останинского костища подобна украшению, известному в материале городища Антоновцы (табл. XXXIX—19), в погребении 91 Аверинского II могильника, датированного VII—VIII вв. Объемная фигурка всадника с Ильинского костища напоминает сходную композицию, происходящую с городища Гарамиха (рис. 13—12). Подвеска-лунница Гаревского костища похожа на украшение из Б. Висимского могильника (табл. XX—27).

Указанные памятники — Опутятское и Антоновцы городища, Пыштайн, Митинский, Бурковский, ранняя часть Б. Висимского могильников — относятся к харинскому этапу и датируются V—VI вв., а городище Гарамиха и Грудятский могильник — V—VII вв. Приведенные параллели дают возможность относить верхнекамские костища — Ильинское, Гаревское, Усть-Туйское, Останинское, Панкрашинское преимущественно к V—VI вв., а также VII в.

Некоторые аналоги предметам костищ за пределами Верхнего Прикамья подтверждают эту дату. В частности, посеребренные бусы хорошо известны в памятниках VIII—X вв. Восточной Европы [200, с. 84—85]. В Верхнем Прикамье они встречаются в V—XI вв. Расписные сердоликовые бусы хорошо представлены на памятниках Юго-Восточной Европы VI—IX вв. в курганах у ст. Ладожской, катакомбах Чми, Балта, Больше-Дунайских курганах [150, с. 231], в Петропавловском могильнике конца VI—VII вв. в Южной Удмуртии [284, табл. IX].

Вместе с тем в материалах костищ обнаружены отдельные предметы, указывающие на более раннее время. К ним относятся плоская подвеска с Усть-Туйского костища, типичная для пьяноборской культуры и датируемая В. Ф. Генингом I в. н. э. [109, рис. 7—63], а также литые круглые накладки с двумя ушками на оборотной стороне, бытовавшие среди пьяноборского населения в I—II вв. н. э. [109, рис. 7—66, 93]. Вполне вероятно, что с проведением на территории ломоватовской культуры крупных исследований на поселениях удастся выделить комплексы более раннего времени и тогда ранний рубеж возникновения костищ будет несколько удревнен. Но пока указанные предметы, по-видимому, следует считать привнесенными на Верхнюю Каму гляденовским населением. В целом ранняя группа костищ Верхнего Прикамья может быть датирована V—VII вв. н. э.

О культурной принадлежности верхнекамских костищ убедительно

свидетельствует не только схожесть отдельных типов инвентаря с раннеломоватовскими памятниками, но и керамический материал. Бытовая посуда Усть-Туйского костища существенно отличается от гляденовской. В частности, степень орнаментации венчиков сосудов Усть-Туйского костища составляет 80%, а Гляденовского — 45,5%. Такое же соотношение дает посуда Опутятского городища харинского времени, где украшено по венчику 87% посуды, и Осинского городища гляденовского времени, где орнаментировано лишь 35% сосудов.

Приемы орнаментации шеек посуды также различны. На Гляденовском костище абсолютно преобладают узоры, выполненные резными линиями (63%), а на Усть-Туйском основной элемент составляют шнуровые оттиски (56%) и отпечатки гребенчатого штампа (22%). Своеобразие ломоватовской посуды заключается именно в применении гребенчато-шнуровых узоров для украшения сосудов в отличие от гляденовской, где преобладают резные узоры. Не случайно на посуде Усть-Туйского и Гаревского костищ довольно часто встречается характерный ломоватовский узор в виде многорядовых горизонтальных оттисков шнура, подчеркнутых снизу двумя или тремя волнистыми линиями (табл. XLVIII—33, 42—44). Указанные особенности бытовой посуды анализируемых костищ убеждают в необходимости отнесения памятников этого рода Верхнего Прикамья к ломоватовской, а не гляденовской культуре.

Подбобыкское костище, по справедливому мнению А. П. Смирнова, относится к более позднему времени ломоватовской культуры [291, с. 177—178], чем указанные выше памятники. К приводимым им аргументам необходимо добавить следующее. Сравнение инвентаря описанных костищ и Подбобыкского указывают на некоторые различия, вероятно, хронологического порядка. В Подбобыкском костище отсутствуют ритуальная посуда и вотивные предметы: мелкие наконечники стрел, топоры и др. Существенно изменился характер культовых вещей. На смену фигурам всадников, змей, птиц пришли различные изображения ящеров, драконовидных существ (табл. LI—1—4, 6—8), шкур медведей (табл. LI—12—13), свинок (табл. LI—11, 14), антропоморфных существ (табл. LI—15—22, 25, 27, 28), выполненных в технике плоского литья. Из предметов, представленных в костищах V—VII вв., в Подбобыкском сохраняются лишь антропоморфные фигуры. Они в значительной мере меняют свой облик, представляя собой изображения одного или нескольких людей в полный рост или личин с четко обозначенными чертами лица. Последние имеют аналоги в материалах Опутятского городища (табл. XXXIX—11), Грудятского могильника (рис. 20—24) и Плесинского клада (табл. LII—14). Кроме того, фигурка с изображением драконовидных существ, несколько напоминающая подбобыкскую (табл. LI—15), происходит с городища Гарамиха [349, № 516]. Ящер типа, изображенного на табл. LI—3, известен из случайных сборов на р. Ломоватовке [68, с. 135]. На Подбобыкском костище найдена монета Хосрова II, употреблявшаяся в качестве подвески. Как известно, монеты Хосрова II в Верхнем Прикамье встречаются с погребальным инвентарем конца VII—VIII вв. На основании

аналогов материала и монеты Подбобыкское костище может быть датировано VII—VIII вв. н. э.

В числе архаичных предметов, найденных на этом памятнике А. П. Смирновым [291, с. 178], правильно указаны бронзовые (табл. LI—24, 33) и железный (табл. LI—23) наконечники стрел, а также овальная пряжка с неподвижным крючком (табл. LI—29).

Итак, костища возникают на Средней Каме в позднеананьинское время. Наиболее активно они функционируют там в гляденовский период, являясь своеобразными памятниками, использующимися в качестве жертвенных мест и могильников. На рубеже IV—V вв., когда значительная часть гляденовцев, захваченная волной пришлого населения, была смещена к северу, в бассейн Верхней Камы, в южных районах ломоватовской культуры, в бассейнах рр. Гаревой, Б. и М. Туя, Обвы и Косьвы возникло несколько костищ. Состав материала этих памятников существенно отличается от Гляденовского, что подтверждает их хронологическую разницу. Предметы верхнекамских костищ и керамика находят себе аналоги в материалах поселений и могильников раннеломоватовского времени. Это дает основание датировать Гаревское, Ильинское, Останинское, Панкрашинское и Усть-Туйское костища V—VII вв. и отнести их к ломоватовской культуре. Однако характер памятников — отсутствие на костищах следов прокала, сосредоточение в слое сырых костей линз кальцинированных, наличие жертвенников, окруженных канавками, указывает на связь с гляденовскими жертвенными местами и определяют неизменность их функционального назначения. К концу харинского этапа характер костищ меняется. Утрачивается одна из существенных сторон — употребление их как погребальных памятников. Об этом свидетельствуют многочисленные могильники ломоватовского времени, а также материал Подбобыкского костища, датируемого VII—VIII вв. н. э. По-видимому, с этого времени костища существуют только как традиционные жертвенные места. Эта функция сохранилась за подобными памятниками и в дальнейшем, в чем убеждает существование в X—XI вв. жертвенного места в Чаньвенской пещере [320; 291, с. 178, 180], жертвенного места Чумайтло XII—XIII вв. в Южной Удмуртии и других памятников.

3. СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ И КЛАДЫ

Основная масса находок и кладов обнаружена при распашке целинных земель. В конце прошлого и начале нынешнего столетия такие вещи во множестве поступали в коллекцию Теплоуховых [302]. Часть находок и приобретений В. Л. Борисова, С. И. Сергеева и других краеведов-энтузиастов хранится в Государственном Эрмитаже. В настоящее время приток подобных поступлений значительно сократился, а обнаруживаемые предметы пополняют археологические фонды местных музеев.

На изучаемой территории известен 41 пункт случайных находок, располагавшихся везде, за исключением чусовского и косьвинского районов. Наибольшее число их (7—8 пунктов) сосредоточено в обвинской, иньвенской, косинской и гайнинской группах.

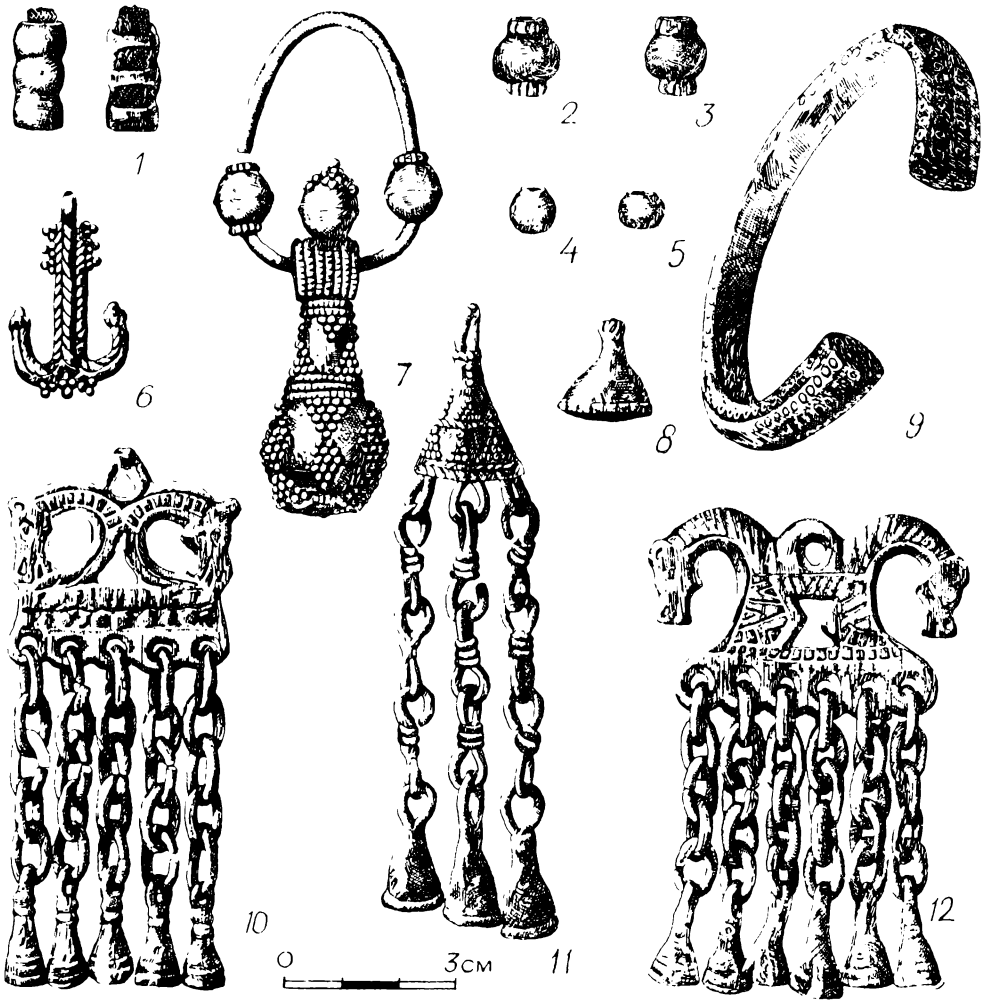

Рис. 14. Мальцевские находки

Основную массу случайных находок представляют украшения: височные и нагрудные подвески, бусы, части поясных наборов, браслеты, перстни, пронизки. Реже встречаются оружие (Базуевские находки) и культовые вещи — птицевидные и антропоморфные идолы (Манаковская, Варышская, Чазевская, Гайнинская и Феклятская). Отсутствие среди них массового поселенческого материала, в частности керамики и предметов быта, позволяет предполагать, что они происходят в большинстве своем из разрушенных могильников.

Типичным примером являются находки, обнаруженные в 1901 г. близ д. Мальцевой бывшего Соликамского уезда Пермской губернии

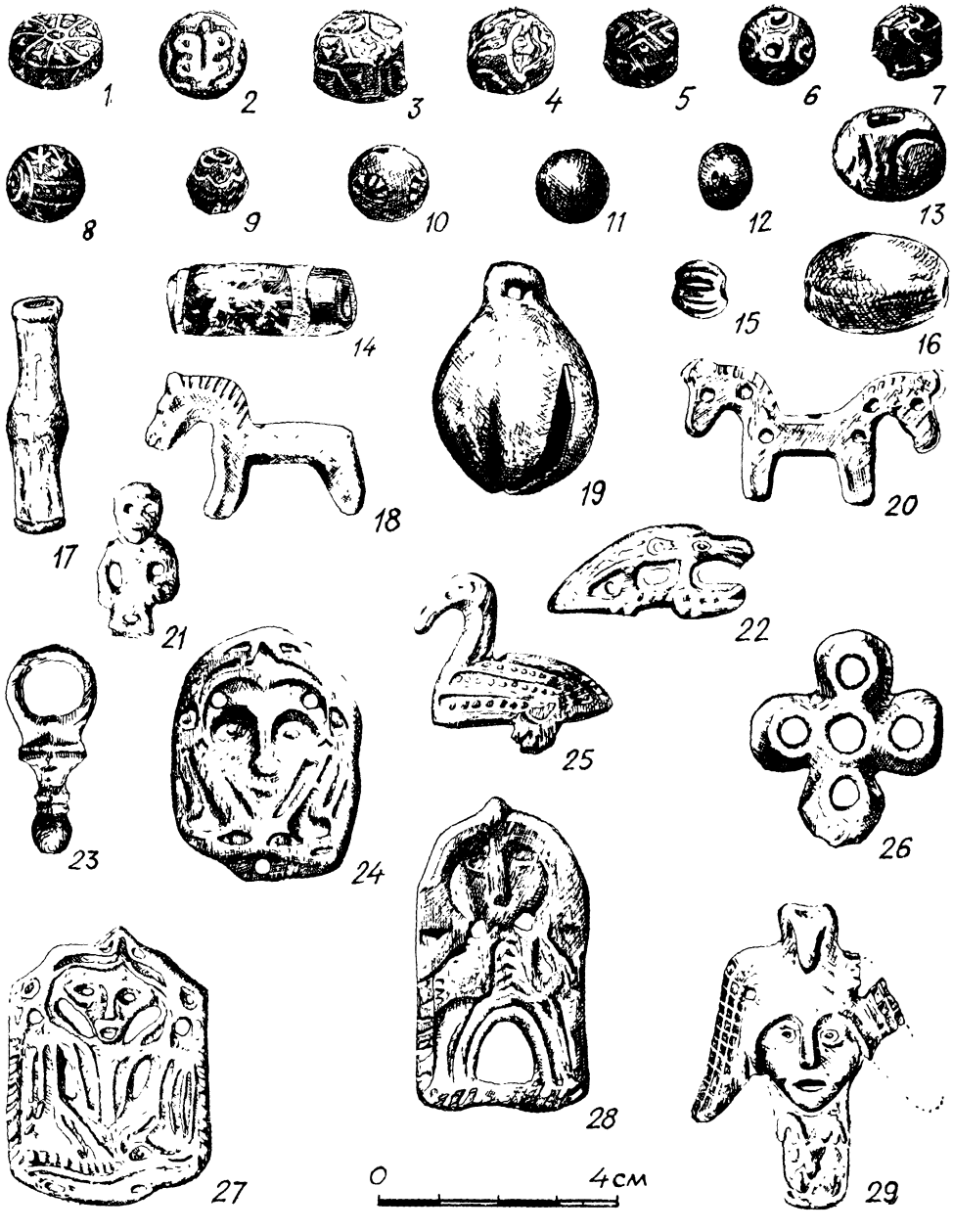

Рис. 15. Грудятские находки

[253, с. 56; Эрмитаж, коллекция 577, № 1—29]. В их число входили 3 серебряных височных подвески (рис. 14—7), 4 бронзовых коньковых (рис. 14—10, 12), коническая шумящая (рис. 14—11) и якорьковидная (рис. 14—6) подвески, 2 браслета (рис. 14—9), несколько пронизок и бус (рис. 14—1—5, 8). Назначение и комплексность предметов явно свидетельствуют об употреблении их в качестве погребального инвентаря. Известно, что на окраине д. Мальцевой, на мысу, располагался древний могильник того же времени, что и основная масса украшений из случайных сборов. Вероятно, они происходят из разрушенных могил этого памятника.

Интересно собрание вещей из окрестностей д. Грудята, очевидно, также происходящее из разрушенного могильника. Здесь многочисленны бусы: сердоликовые различных форм с росписью (рис. 15—11, 12, 15), полихромные (рис. 15—10, 13, 14), хрустальные. Бронзовые украшения представлены трубчатой пронизкой (рис. 15—17), колокольчиком с прорезью (рис. 15—19), пронизками-коньками (рис. 15—18, 20), уточкой (рис. 15—25), крестовидной подвеской (рис. 15—26), привеской от височной подвески (рис. 15—23). Замечательны бронзовые изображения людей (рис. 15—21, 27, 28), личин (рис. 15—24) и птицы с личиной на груди (рис. 15—29). Время бытования большинства перечисленных предметов падает на VI—VIII вв. н. э.

Сопоставляя находки с погребальными комплексами ломоватовских могильников, в большинстве случаев можно установить их даты. Наименьшее число находок (5) относится к раннему, харинскому времени, в VII в. число их увеличивается до 8, в VIII в.— до 11 и, наконец, в IX в. возрастает до 15. Это косвенным образом может свидетельствовать о постепенном увеличении числа памятников, а следовательно, и о возрастании плотности населения в указанное время.

Примечательно, что находки V—VI вв. происходят из туйско-гаревского, обвинского и косинского районов, где известны курганные могильники. Эти территории были, вероятно, заселены в ломоватовскую эпоху ранее других. Находки же VII—IX вв. известны уже во всех группах, где такие памятники присутствуют. Очевидно, именно к VII—VIII вв. относится освоение глубинных районов Верхнего Прикамья.

Особый вид памятников изучаемого времени в Верхокамье представляют клады, которых известно 36. По характеру находок они разделяются на три группы. Первую — составляют клады с украшениями, вторую — блюда с сопровождающими их предметами и третью — предметы культа.

К первой группе относятся четыре клада: Ташкинский, Плесинский, Вишерский и Георгиевский. Все они обнаружены в самых северных районах ломоватовской культуры: в косинском, гайнинском, вишерско-камском и верхнекамском. Состав украшений кладов отличается от случайных находок обилием и ценностью предметов, стандартностью представленных типов, производя впечатление дорогого собрания, намеренно упрятанного в землю. В некоторых кладах встречаются монеты, что делает эти памятники особенно важными для датировки комплексов.

Ташкинский клад был обнаружен в 1892 г. на берегу р. Косы при

распашке поля. Среди вещей оказались 12 подвесок-монет Йездегерда I, Кавада (488—531 гг.), Хосрова I (531—578 гг.) и Хосрова II (590—627 гг.); массивная серебряная цепь; 4 обломка витых гривен; медный браслет; 2 стеклянные и хрустальная бусины; несколько трубчатых пронизок [319, с. 253—254; 291, с. 176].

Большой интерес представляют находки из д. Плес Гайнинского района Пермской области. В 70-х гг. XIX в. в 1 км от деревни, в урочище Бычье поле (Ошкыб), было найдено два клада. Один из них состоял из различных предметов общим весом 4 кг, а другой представлял глиняную корчагу, заполненную «чудскими вещами». Часть находок попала в коллекцию Теплоуховых и была издана А. А. Спицыным [302], другая — в коллекцию Зеликмана, но основная масса вещей утеряна. Известные по книге А. А. Спицына изделия представлены главным образом украшениями: обломком браслета с изображением головы животного (табл. LII—29); трапециевидной пряжкой (табл. LII—30); накладками (табл. LII—2—4); а также обломком бляшки со спиралевидным орнаментом и треугольниками зерни (табл. LII—20); подвесками — костыльком (табл. LII—5), арочными (табл. LII—8, 9), колесовидной (табл. LII—24); пластинчатой основой от сложной шумящей подвески (табл. LII—22) и привесками к ней рожковыми (табл. L—25, 26), птицевидными (табл. LII—18—19). Коллекцию дополняют несколько бронзовых изображений животных (табл. LII—6, 7, 12, 23); литое навершие кинжала (табл. LII—27); плоские бляхи-личины (табл. LII—13, 14) с изображением головы медведя (табл. LII—15); слиток какого-то металла (табл. LII—28); шумящая подвеска-птица (табл. LII—10) и железное кольцо (табл. LII—16). В настоящее время невозможно выяснить происходят перечисленные вещи из одного или обоих кладов. Большинство исследователей рассматривало их как одно собрание.

А. А. Спицын датировал предметы из д. Плес VIII—IX вв. [302, с. 23], А. П. Смирнов IV—V вв. [291, с. 97, 99], основываясь на присутствии в составе клада крестовидной фибулы местного производства, а также значительной близости с материалами Подчеремского клада IV—V вв. Однако вещь, напоминающая крестовидную фибулу (табл. LII—10), является, скорее всего, основой шумящей подвески с изображением птицы, а ссылка на Подчеремский клад как хорошо датированный комплекс IV—V вв. не оправдана, так как время клада в свете новых данных определяется, скорее всего, концом VI—VII вв.

Плесинский комплекс в целом создает впечатление довольно однообразного. Здесь совсем нет вещей харинского типа и предметов VIII—IX вв., за исключением лишь гнутой рожковой пронизки (табл. LII—25), имеющей множество аналогов в материале погребений конца VII—VIII вв. ломоватовских могильников, а также шумящей подвески-птицы (табл. LII—10), которая относится явно к более позднему времени. Большинство предметов, в частности пластинчатая основа с рожковыми и птицевидными привесками, трапециевидная пряжка, якорьковые накладки, сходно с инвентарем комплексов агафоновского типа конца VI—VII вв. Многие предметы клада (изображения зверей, медведей, птиц, навершие кинжала, колесовидная подвеска) украшены

в одной манере — рядами выпуклых полугорошин, что позволяет считать перечисленные предметы одновременными. Очевидно, основная часть клада должна датироваться концом VI—VII вв.

К ломоватовскому времени относится и Вишерский клад, обнаруженный в 1893 г. в Чердынском уезде. Он состоял из серебряных вещей и 12 монет, из которых одна относилась к 534 г. [312, № 1287]. К сожалению, более подробных сведений о памятнике нет.

Особую важность имеет Георгиевский клад как собрание, сохранившееся почти без потерь [66, тетр. 20, л. 682—683] и хранящееся сейчас в Государственном Эрмитаже.

Часть вещей клада впервые была опубликована А. А. Спицыным [302]. Однако значительное число предметов не вошло в это издание. Общее количество изделий равно 593, из которых 471 — пронизки различных типов. Особенно многочисленны трубчатые (табл. LIII—29, 31, 38, 40—42, 44—47), спиралевидные — литые (табл. LIII—16, 26, 32—34, 36, 37, 39, 43) и проволочные (табл. LIII—27), — со вздутиями без прорезей (табл. LIII—17, 20, 21, 24, 35). Довольно много (43 экз.) прямых рожковых пронизок с утолщениями на концах, иногда дополненных поперечными насечками или продольным гранением (табл. LIII—49—55). Птицевидные пронизки представлены 26 экземплярами (табл. LIII—25). Перечисленные виды пронизок являются составными элементами сложных шумящих типа подвески, изображенной на табл. XXIII—35. В Георгиевском кладе известно 12 основ от таких подвесок. Несколько предметов сломано, в том числе и рисунок представляет собой один из обломков. Однако у других экземпляров этого рода число отверстий, как и у агафоновской подвески, равно 10. Очевидно, в составе клада было несколько сложных шумящих подвесок.

Среди вещей клада найдено 18 пластинчатых прямоугольных поясных накладок (табл. LIII—22, 23), 6 шумящих подвесок с арочной основой (табл. LIII—2, 13), ажурные бляхи округлой формы с петлей посередине (табл. LIII—14), кольцо от пряжки (табл. LIII—15), височные подвески эллипсоидной формы с тремя овалами в нижней части (табл. LIII—1), железные колечки (табл. LIII—3), загадочный предмет (табл. LIII—28).

Бусы клада немногочисленны (20 экз.). Среди них: бронзовые округлые (табл. LIII—4, 9, 10), дисковидные из синего стекла (табл. LIII—6, 7, 12), из темного глухого стекла, с желто-синими глазками (табл. LIII—5), полосатые (табл. LIII—8) и зонная бордового цвета (табл. LIII—11). Особо следует отметить медную массивную четырехгранную цепь сложного плетения с втулками на концах (табл. LIII—30).

А. А. Спицын датировал Георгиевский клад по аналогу с Плесинским VIII—IX вв. [302, с. 23], позднее А. П. Смирнов — III—IV вв. н. э. [289, с. 31—32; 291, с. 79].

Вещи Георгиевского клада находят себе полное тождество в комплексах конца VI—VII вв. ломоватовских могильников. Цепь, подобная георгиевской, была обнаружена близ Михаэльсфельда бывшей Кубанской волости. К ее концу была прикреплена золотая монета византийского императора Юстиниана (527—565 гг.), что также подтверждает

указанную дату. В Георгиевском кладе совсем нет вещей, типичных для VIII в. Из харинских предметов в кладе присутствует лишь пояс, украшенный прямоугольными накладками. Однако, учитывая цельность основного состава вещей Георгиевского клада, этот предмет следует считать архаичным. Приведенные обстоятельства позволяют определить время Георгиевского клада в пределах конца VI—VII вв. н. э.

Замечательными памятниками I тысячелетия н. э. Верхней Камы являются находки блюд, чаш, кубков, кувшинов восточного происхождения. На территории ломоватовской культуры известно около 30 местонахождений подобного рода, в которых обнаружено приблизительно 70 сосудов.

Памятники этого типа встречались во всех районах ломоватовской культуры, достигая рекордной цифры (8) в иньвенской группе. Во всех остальных число их колеблется от 1 до 4. Необходимо указать, что действительное число таких находок было несравненно больше, потери среди этой категории вещей наиболее значительны.

По характеру клады могут быть разделены на три группы: клады, состоящие только из металлической посуды; сосуды с монетами; а также сосуды с украшениями и изредка монетами. Все клады обнаружены, как правило, случайно при пахоте (Клепиковский) или при других земляных работах (Урьинский). Несомненно, что они были преднамеренно упрятаны в землю, так как все предметы аккуратно сложены. В частности, Архангельский клад состоял из 8 вещей, причем 1 сосуд и 6 чашек с ручками были поставлены в серебряный котел. Монеты лежали также в металлических сосудах (Патраки).

Большая часть сосудов располагалась по одному, но встречались и довольно крупные скопления из 7 (Климовский) [242, рис. 7, 19, 27, 34] или 5 сосудов (Томызский) [242, рис. 22, 25, 34, 53, 57].

Клады обычно располагались в ничем не примечательных местах, без культурного слоя, поблизости от населенных пунктов. Так, Вереинский II клад обнаружен около Вереинского II городища VI—VIII вв. [319, с. 251—253; 310, с. 126—128]. Иногда сосуды располагались прямо на памятниках (Ковинский клад на Зародятском селище и Патраковский клад на одноименном селище) и сопровождались монетами V—VI вв. В четырех местонахождениях сосуды найдены вместе с украшениями. В большинстве случаев трудно восстановить характер этих украшений, так как изучением их исследователи ранее пренебрегали. Отрывочные сведения говорят о том, что в Вереинском II кладе наряду с тремя сасанидскими блюдами [324, с. 86, 87] были найдены 3 монеты, среди которых одна Хосрова II (531—628 гг.), серебряные браслет и 3 рубчатых кольца [319, с. 251—253]. Блюдо Оношатского [242, с. 33] клада дополнено несколькими шейными гривнами.

Особое значение имеет Урьинский клад из косинской группы, обнаруженный в 1956 г. В состав этого клада входили: чаша на поддоне, обломок витой гривны и 18 деталей пояса конца VI—VII вв. (табл. LIV). Часть клада опубликована В. А. Обориным [232, рис. 2—15, 17].

Анализ византийских блюд, найденных в Прикамье, произведенный Л. А. Мацулевичем, привел исследователя к мысли, что основная масса сосудов поступила в Прикамье в период с первой четверти VI до

середины VII вв. [212, с. 140, 143—145]. Захоронение этих вещей произведено, скорее всего, в конце VI — начале VII вв. Автор считает, что время притока византийских сосудов не может быть далеко отодвинуто от времени их изготовления [212, с. 146], так как все обнаруженные сосуды образуют непрерывный хронологический ряд. Нет никаких оснований сомневаться в принадлежности сосудов сасанидского круга к этому же времени [291, с. 253], так как в отдельных случаях (Климовский) [291, с. 145] византийские и сасанидские сосуды встречаются вместе. Клады, где найдены блюда с монетами или хорошо датированными украшениями, относятся к VII—VIII вв.

Авторитетные авторы считают, что под сасанидским серебром понимается не только иранское серебро эпохи Сасанидов, но и предметы этого рода, изготовленные в течение довольно длительного периода на территориях, связанных с Ираном,— на Кавказе, Малой и Средней Азии [242, с. 20—21; 86, с. 91].

Пути проникновения восточного серебра на Урал выяснены без особых споров. Л. А. Мацулевич считал, что византийские сосуды пришли в Прикамье прямым путем, через степные реки, волоки Прикубанья и Придонья сравнительно быстро после их изготовления в Константинополе [212, с. 145]. Некоторые из них, в частности блюда, найденные в в пос. Березовском бывшего Пермского уезда и в с. Григоровское, могли быть изготовлены в восточных провинциях византийского мира (Палестине, Сирии, Закавказье) и поступали оттуда другими путями, традиционными для восточного серебра [212, с. 147].

По мнению А. А. Иессена, связи с восточным миром были установлены еще в середине 1 тысячелетия до н. э. и шли, во-первых, через Кавказ, Предкавказье на Волгу и Каму, и, во-вторых, через Среднюю Азию, степи Казахстана на Южный Урал [166, с. 228]. В раннем средневековье эти пути функционировали более интенсивно и регулярно [166, с. 230]. Находки восточного серебра в указанных районах подтверждают это предположение. В частности, в г. Уфе найдены сасанидские блюда, чаша и обломок медного сосуда, датированные А. И. Вощининой VI—VII вв. [101]. По рр. Уфе, Белой и Каме предметы роскоши шли в Пермский край.

Относительно причин столь массового притока сасанидского серебра в Прикамье существует традиционная гипотеза — они служили эквивалентом для обмена на пушнину [242, с. 12; 166, с. 230; 84, с. 165]. Однако, по справедливому утверждению А. А. Иессена, приведенное объяснение решает вопрос лишь частично. Вероятно, историческая обстановка была такова, что связи Ирана с восточными областями, в частности с Алтаем, активно развивающиеся в ахеменидскую эпоху [166, с. 226, 277], в 1 тысячелетии н. э. были почти полностью прерваны. Именно поэтому основной поток восточного серебра устремился не на север восточных провинций, также богатых пушниной, а в Прикамье.

Что касается назначения металлических сосудов в Прикамье, то этот вопрос обсуждался в литературе достаточно обстоятельно. Все исследователи пришли к единодушному мнению, что в местной языческой среде сосуды с изображениями животных и людей употреблялись в культовых целях [319, с. 287; 242, с. 12; 291, с. 253; 332, с. 113; 86,

с. 23, 24; 84, с. 168]. Приводимые многочисленные параллели позволили детализировать этот вопрос и выяснить, что сосуды использовались в качестве аксессуаров идолов, изображающих солнечный диск [291, с. 253; 86, с. 241], а также для употребления жертвенного мяса, так как есть его из глиняной или деревянной посуды у некоторых народов было запрещено [332, с. 113]. Иногда серебряная посуда использовалась как емкости для монет, дорогих вещей при подношении их идолам или для хранения различных веществ при исполнении обрядов. На некоторых предметах обнаружены процарапанные ножом изображения людей с саблями в руках и в рогатых коронах или без них, фигуры лосей, рыб, птиц, лошадей, собак, знаки солнца и луны. По мнению В. Ю. Лещенко, изучавшего эту категорию находок, на сосудах изображены фигуры животных и шаманов во время священного танца, связанного с охотничьей магией, способствовавшего, по представлению населения Урала изучаемого времени, наиболее удачному промыслу. Относительная малочисленность серебряной посуды привела к тому, что рисунки на сосудах нанесены многократно, посуда использовалась, вероятно, длительное время и представляла собой семейную или родовую святыню. Учитывая, что часть серебряных сосудов обнаружена в кладах в сочетании с различными украшениями — шейными гривнами, браслетами, кольцами, подвесками, деталями поясов, очевидно, можно предполагать, что эти предметы использовались местным населением также и в быту в качестве предметов роскоши. Серебряные изделия как сосуды, так и монеты могли служить местному населению сырьем для изготовления различных серебряных украшений.

Уникальными по своему характеру являются клады из д. Пешковой на р. Кондас и с. Редикар на р. Вишере, состоящие из культовых изображений. Подобные находки отнюдь не редкое явление для ломоватовского Прикамья, но в большинстве своем они встречались среди случайных сборов (Зобачева, Гарамиха, Вакина, Гайны и др.) или в материалах жертвенных мест. Обнаружение их в кладах — факт исключительный.

Пешковский клад был вымыт весной 1899 г. на береговом откосе под горой, на которой стоит д. Пешкова. Предпринятые Н. Н. Новокрещенных исследования были безрезультатны [219, с. 30—31 отдельного оттиска]. Однако, на основании наличия у некоторых изделий литничков, автор раскопок пришел к заключению, что предметы происходят из существовавшей здесь мастерской [219, с. 31]. В 30-х гг. XX в. место находки обследовал Л. В. Шмидт, установивший, что вместе с изображениями были найдены кости и железный обруч от посудины, в которой лежали вещи [345, с. 170—171]. По его заключению, эти предметы происходили из клада.

Все найденные вещи (41 экз.) представляют собой бронзовые литые плоские пластины с различными изображениями (табл. LV). Основную массу составляют фигуры стоящих человеколосей (табл. LV—6, 8, 11). Иногда основные фигуры дополнены изображениями голов лосей, соболей, рыб, медведей, людей (табл. LV—3, 16). В отдельных случаях дается несколько композиционных вариаций — человеколоси с ящерами (табл. LV—12, 15, 24) и без них (табл. LV—19). Интересны

изображения трех фигур на ящере, среднее из которых дано в виде личины (табл. LV—2, 4). В одном случае встречено 2 человеколося в фас, дополненные головами соболя, бобра, собаки (табл. LV—9). Особый интерес представляют фигуры всадников на трехголовом и трехпалом лосе (табл. LV—22), а также всадник — человеколось на ящере (табл. LV—17). В единственном случае встречено сочетание изображений человеколосей и людей (табл. LV—18). Замечательны бляхи с изображениями 7 человеколосей на ящерах (табл. LV—27, 28) или без них (табл. LV—25). Число «7», по мнению А. П. Смирнова, имело в ломоватовское время особый смысл [291, с. 265].

В коллекции имеется также идол в виде личины на ящере и на груди птицы [304, рис. 254]. Великолепны бляхи с фигурами медведей и головами медведей и лосей (табл. LV—21, 23), медведя и какого-то животного (табл. LV—14), а также медвежьей семьи — двух взрослых и медвежонка (табл. LV—13). Оригинален предмет, воспроизводящий четырех животных, обращенных головам к диску (табл. LV—20). Судя по тому, что на некоторых изделиях есть литнички, все предметы местной отливки. В составе бронзы меди — 88,14%, олова — 8,73% [340, с. 130].

Относительно назначения предметов существует довольно единодушное мнение, что они могли использоваться либо в качестве украшений особых ритуальных одежд шаманов или идолов (на большинстве предметов есть отверстия для прикрепления), либо в качестве жертвоприношения духам [321, с. 150; 340, с. 157; 291, с. 263].

Редикарский клад был обнаружен в 1929 г. при ремонте шоссейной дороги. Место находки располагалось в 1 км от с. Редикар, возле соснового бора. По свидетельству К. П. Коновалова, предметы были чем-то обернуты. В 1936 г. местность обследована директором Чердынского краеведческого музея И. А. Лунеговым, но никаких следов культурного слоя при этом не обнаружено. Клад состоял из 34 бронзовых идолов, изображавших 1, 2 или 3 человеколосей в соответствующем оформлении, выполненных также в технике плоского литья. Предметы явно не были в употреблении, так как у многих из них сохранились литнички. Некоторые изделия выполнены в одной литейной форме, у них повторены даже малейшие детали. В целом вещи клада близки к предметам Пешковского собрания.

Подобные изображения — явление, характерное для 2-й половины I тысячелетия н. э. в Прикамье. Аналогичные предметы известны в кладах, найденных у с. Кишерть на р. Сылве [304, рис. 95, 98, 99 и др.], на р. Ухте в Северном Приуралье [304, рис. 96, 102 и др.], среди находок на поселении Гарамиха [304, рис. 154, 159, 197], в местонахождениях у д. Вакиной [304, рис. 167], в бывшем Чердынском уезде [304, рис. 168, 196, 248], возле Грудят [304, рис. 193, 198, 314], у д. Плес [304, рис. 200], на р. Кемоль [304, рис. 244], на Подбобыкском костище [304, рис. 90—11, 12, 17], на поселении Вис I в бассейне р. Вычегды [93, рис. 26—3] и в других местах.

Шаманские изображения из д. Пешковой были отнесены первоначально А. А. Спицыным к периоду расцвета чудских образков, датируемому им VIII—IX вв. [304, с. 34]. А. В. Шмидт считает возможным да-

тировать изображения VI—VIII вв. [340; 345, с. 170]. Тщательный анализ этих предметов привел А. П. Смирнова к мысли о типичности разнообразного оформления мотива человеколосей для ломоватовской эпохи [291, с. 265]. Наиболее верной представляется датировка А. В. Шмидта, если иметь в виду, помимо приведенных аналогов в комплексах Плеса, Грудят, Гарамихи [340, с. 140—142], еще и изображения человеколосей в материалах Подбобыкского костища, датированного монетой Хосрова II VII—VIII вв.

А. В. Шмидт правильно указывал, что распространение плоских шаманских изображений приходится преимущественно на Верхнее Прикамье, исключая район р. Сылвы [340, рис. 143]. Клад у с. Кишерть — явление исключительное для этого района. Вещи подобного рода, найденные в северном Приуралье, рассматриваются как предметы экспорта из Прикамья [93, с. 188]. По-видимому, плоские шаманские изображения человеколосей являются одной из специфических особенностей ломоватовской культуры.

ГЛАВА IV. ДАТИРОВКА, ПЕРИОДИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПАМЯТНИКОВ

1. О ДАТЕ И ПЕРИОДИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ

Первая попытка выделить группу вещей ломоватовского типа из общей массы прикамских древностей принадлежит А. А. Спицыну, который датировал ее VIII—IX вв. [302, с. 23]. Основными слагающими компонентами этой группы он считал Плесинский, Георгиевский клады и находки на р. Ломоватовке (д. Зобачева и Грудята). Обширная эрудиция, интуиция исследователя позволили ему правильно определить вещи ломоватовского типа и их место в общей схеме прикамских древностей.

А. В. Шмидт считал необходимым отделить от ломоватовской культуры, датировавшейся, по его мнению, VI—VIII вв., особый «харинский период» IV—V вв. [351, с. 19—21]. А. П. Смирнов относил к ломоватовской культуре памятники VI—IX вв., а древности IV—V вв. были включены им в последнюю, третью, стадию пьяноборской культуры [291, с. 80—82, 174—189].

В. Ф. Генинг пришел к выводу о единстве памятников харинского и последующего времени в рамках одной культуры, датирующейся III—VIII вв. [106, с. 182—194]. Время возникновения ломаватовской культуры он связывает с событиями «эпохи великого переселения народов» [106, с. 182]. Конечная дата культуры определена им на основании сопоставления прикамских материалов с восточно-европейскими, прежде всего с салтовскими,— не позднее конца VIII в. [104, с. 96—98; 106, с. 184]. Культура была поделена В. Ф. Генингом на 2 этапа — ранний харинский (III — середина VI вв.) и поздний — неволинский (середина VI—VIII вв.). Вслед за А. П. Смирновым вещи так называемого «скульптурного звериного стиля», входящие в состав Плесинского, Георгиевского кладов и других памятников, В. Ф. Генинг отнес к харинскому этапу.

Основные положения В. Ф. Генинга разделяли О. Н. Бадер [81, с. 70—78] и В. А. Оборин [84, с. 145—165]. Позднее В. Ф. Генинг пришел к мысли о необходимости выделения третьего, переходного от ломоватовской к родановской культуре этапа, датируемого им VIII—I-й половиной IX вв. [111, с. 118—124]. Признавая в целом правильность выделения комплекса предметов этого времени и принадлежность его к ломоватовской культуре, В. А. Оборин отрицает правомерность обособления его в самостоятельный этап [241, с. 37—38].

В работах автора хронологические рубежи культуры установлены в пределах V—IX вв. и выделены четыре последовательных этапа: I—харинский (конец IV—VI вв.), II—агафоновский (конец VI—VII вв.), III — деменковский (конец VII—VIII вв.), IV — урьинский (конец VIII—IX вв.) [126, с. 87—101;129, с. 79—90].

А. К. Амброз харинскую стадию датирует концом V—VII вв. [71, с.

107—112], агафоновский и деменковский этапы считает одновременными и относит к VIII в. [72, с. 294—298].

Дальнейшему уточнению хронологии раннесредневековых комплексов Верхнего Прикамья во многом способствовала дискуссия о датировке различных памятников раннего средневековья нашей страны на симпозиуме в 1979 г., проходившем в Ленинграде (Государственный Эрмитаж), а также обмен мнениями о датах отдельных памятников Прикамья на страницах журнала «Советская археология» [179, с. 287; 72, с. 288—298].

Если к началу 70-х гг. XX в. по раннему средневековью верхнекамского региона было накоплено 632 погребальных комплекса, происходящих из 21 могильника, то за последние 6 лет этот материал увеличился более чем в 2 раза. Общее количество комплексов достигло 1 372. Именно этот новый материал с привлечением данных предшествующих исследований и составил основу хронологической схемы. Для хронологического анализа использованы металлические украшения костюма и бусы. При выяснении картины развития различных категорий и возможности их последующей взаимопроверки анализ их проведен отдельно. На основе дробной типологии материала были составлены корреляционные таблицы. В них было учтено 241 погребение, в которых содержалось в разных наборах 319 вариантов и типов вещей. Получено 8 групп взаимовстречающихся вещей: 4 из них имеет самостоятельную хронологическую оценку и 4 — смежную.

Украшения VII—IX вв. были проанализированы еще и математическими способами [126, с. 94—101]. Состав групп выше выделенных различными способами, в целом совпал, что подтверждает правильность их обособления. Более того, анализ бус способом корреляции также привел к выделению самостоятельных групп, которые при сопоставлении с бронзовыми украшениями обозначили те же группы погребений. Это совпадение результатов анализа двух различных категорий массового материала вновь свидетельствует в целом о правомерности выделения групп.

1. *Первая стадия* обособляется наиболее четко. Для обозначения памятников этого типа в литературе широко применяется термин «харинские». В материале одноименного могильника присутствуют наряду с ранними и более поздние вещи. Но поскольку инвентарь курганных захоронений памятника своеобразен, а на Харинском могильнике представлены фактически все типы вещей, образующие специфический и устойчивый комплекс, есть смысл сохранить для первой стадии культуры название — харинская.

К ней относятся 14 курганных могильников, большое число поселений, 4 пункта случайных находок и Гаринское, Усть-Туйское, Ильинское, Останинское костища. Некоторые памятники относятся только к этой стадии: раскопанные площади Бурковского, Митинского, Бельковский, Бурдаковский I и другие могильники, Коновалятское, Русиновское II селища, Опутятское, Бутырское городища и др. Отдельные содержат и более поздний материал, красноречиво свидетельствующий о связях харинской стадии с последующими (Харинский, Агафонов-

ский I, Аверинский II, Б. Висимский могильники, Назаровское, Шудьякар, Гарамиха городища).

Могильники этой стадии все курганные, захоронения совершены по трем обрядам: трупоположения в могильных ямах, трупосожжения в могилах и на уровне древней поверхности. Внутримогильные конструкции и положение вещей у могил с разными обрядами существенно не различаются (рис. 16—2—4).

Поселения раннеломоватовского времени имеют значительную площадь — 5—42 тыс. кв. м и остатки наземных, столбовых жилищ (рис. 16—1) с ямами-кладовками и очагами-кострищами, обмазанными глиной. Особенностями харинской стадии являются существование костищ и отсутствие кладов. Случайные находки украшений немногочисленны и происходят из разрушенных могильников.

В числе изделий, наиболее часто встречающихся на харинских памятниках, следует назвать височные подвески лунничного типа (рис. 16—7, 8); пластинчатые шейные гривны (табл. XXIV—58—60); дисковидные бусы из темно-оранжевой смолы (рис. 16—6); плоские подвески — коньки (рис. 16—12); объемные изображения уточек (рис. 16—11); медведей (рис. 16—9); ранние варианты шумящих подвесок (рис. 16—21); своеобразные пояса с прямоугольными накладками (рис. 16—5, 13), наконечниками, украшенными полугорошинами (рис. 16—20) и пряжками со свободно вращающимся кольцом и длинным язычком (рис. 16—10, 17—19); пряжки и наконечники, украшенные зернью и камнями (рис. 16—15, 16); ножи с продольными желобками (рис. 16—24) в ножнах, обложенных медными пластинами и украшенных полугорошинами (рис. 16—14); наконечники копий с ромбическим или треугольным пером (рис. 16—22, 23); удила с кольцами (рис. 16—27), иногда снабженными обоймами (рис. 16—29); уздечные кольца с обоймами (рис. 16—26); ювелирные щипчики (рис 16—25); посуда в виде низких чаш с расширением в средней части (рис. 16—30—36), иногда с ребром (рис. 16—33, 34), украшенная главным образом по венчику оттисками гребенчатого штампа и защипами, а реже по шейке зигзагами и елочкообразным узором, выполненными оттисками крупнозубой гребенки и горизонтальных шнуровых отпечатков.

Почти все специфические предметы харинской стадии имеют аналоги за пределами Верхнего Прикамья. Пряжки «готского типа», принадлежащие к числу широко распространенных вещей, встречаются наиболее часто на юге европейской части СССР и единичны в Сибири. Височные подвески — лунницы, часть которых была инкрустирована вставками из камня или стекла и украшена зернью, также встречаются преимущественно в Европейской части СССР: 6 в Верхнем Прикамье, 3 на территории Башкирии, 2 в Поволжье и лишь 1 такая подвеска найдена в Центральном Казахстане.

Интерес представляют и обломки наконечников ремней, украшенных зернью и вставками, обнаруженные в Митинском, Харинском и Беклемишевском могильниках на Верхней Каме. Аналогичные экземпляры встречаются среди находок из гробницы у д. Марфовки близ Керчи, в погребении близ Балтении среди приобретенных в Варне. Указан-

ные вещи характеризуются довольно стандартной манерой украшения, которая, по мнению И. П. Засецкой, присуща полихромному стилю гуннского времени, существенно отличающемуся от предшествующего и последующего. Центром изготовления таких полихромных изделий было Северное Причерноморье, а точнее Пантикапей [160, с. 51, 53].

Аналоги вещам харинских могильников отражают, вероятно, устойчивые и широкие связи Верхнего Прикамья с населением юга Восточной Европы, осуществлявшиеся скорее всего через районы Башкирии, которые дают очень близкий верхнекамскому материал. Можно выделить целый ряд вещей, которые встречаются в харинских и бахмутинских памятниках, не являясь атрибутом азелинских и мазунинских.

О времени комплексов харинского типа говорилось неоднократно [120]. Мы датируем их V—VI вв. (вероятно, без конца VI в.). А. К. Амброз писал о дате Харино в пределах V—VII вв. [73, с. 32]. Хронология Харино, предложенная А. К. Амброзом, имеет существенные изъяны [134, с. 44—47] и потому вызывает возражения.

Ранняя дата вещей харинского типа имеет надежное обоснование в виде множества аналогов предметам керченских катакомб, надежно датированных монетами концом IV — первой половиной V вв. [161]. В частности, среди харинских вещей многочисленны трехсоставные пряжки с овальными, иногда утолщенными впереди, кольцами, с хоботовидными, чаще слегка выступающими, язычками и пластинами различных форм, хорошо представленные в керченских склепах [134, рис. 7]. Тождественны керченским и наконечники ремней, весьма близки некоторые типы браслетов. Характер декора привозных пряжек с каменными вставками, зернью и сканью также напоминает некоторые ювелирные изделия керченских захоронений. Многочисленность монетного материала делает неопровержимой датировку керченских склепов [145, 154, 165 и др.] концом IV — началом V вв. н. э. Очевидно, и появление в Прикамье поясов харинского типа не может быть существенно оторвано от времени указанных керченских погребений и относится к началу V в. Учитывая, что с вещами харинского облика (Пыштайн, Весляна 1, погр. 16) встречаются монеты конца V в. (Пероз, 457—484 гг.), можно с уверенностью говорить о распространении этих вещей и в конце V — начале VI вв. Поскольку во 2-й половине VI в. в Прикамье, как и в евразийских степях, распространяются предметы и прежде всего наборные пояса с украшениями геральдического типа, очевидно, в конце VI в. харинские комплексы заменяются в Верхнем Прикамье последующими — агафоновскими.

Таким образом, в целом харинская стадия должна быть датирована V—VI вв., скорее всего без последней четверти VI в.

2. Вторая стадия ломоватовской культуры названа агафоновской по наименованию наиболее типичного памятника — Агафоновского I могильника. До недавнего времени вещи этого типа не удавалось выделить, так как составляющие его предметы происходили из смешанных материалов. Исследования на Агафоновском I и Аверинском II могильниках позволили четко обособить комплексы VII в. на Верхней Каме [129, с. 81, 83, 90; 134].

К агафоновской стадии относятся, кроме названных, Харинский,

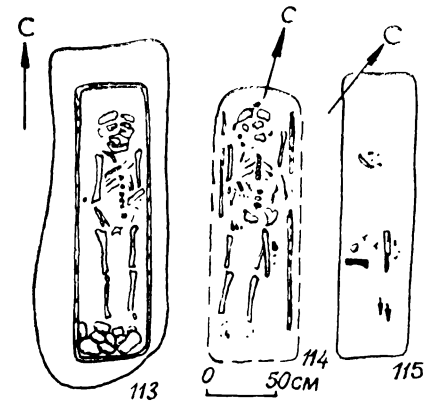
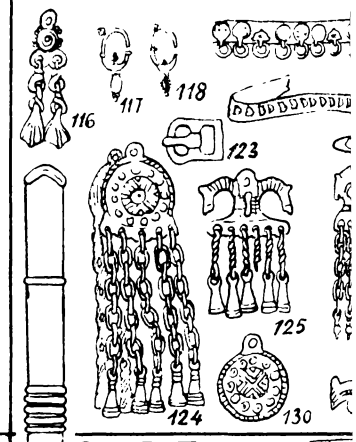
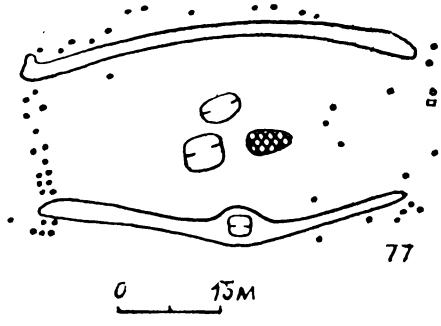
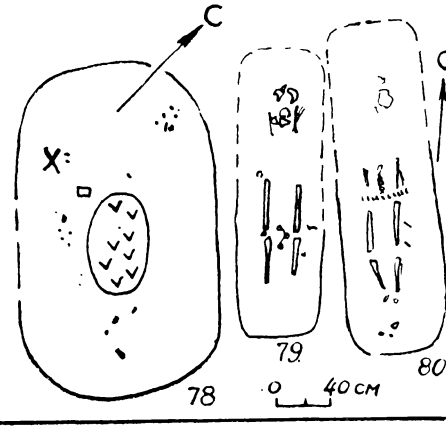
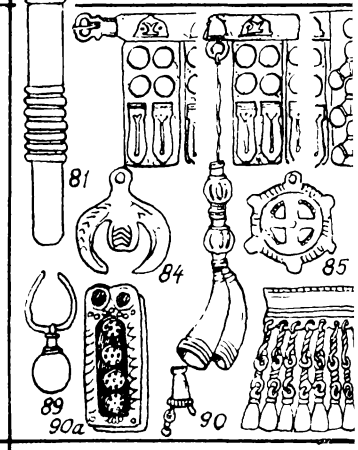
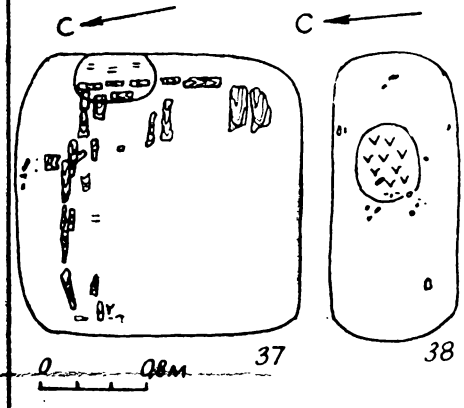
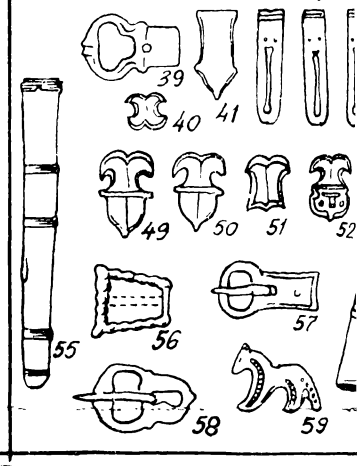
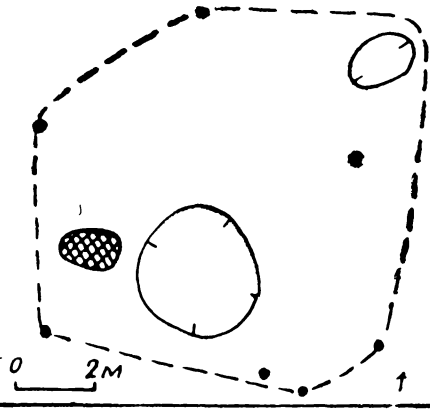
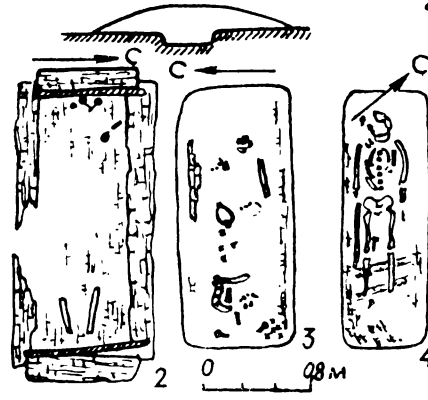
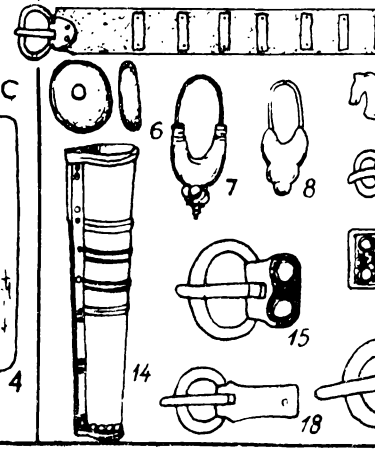
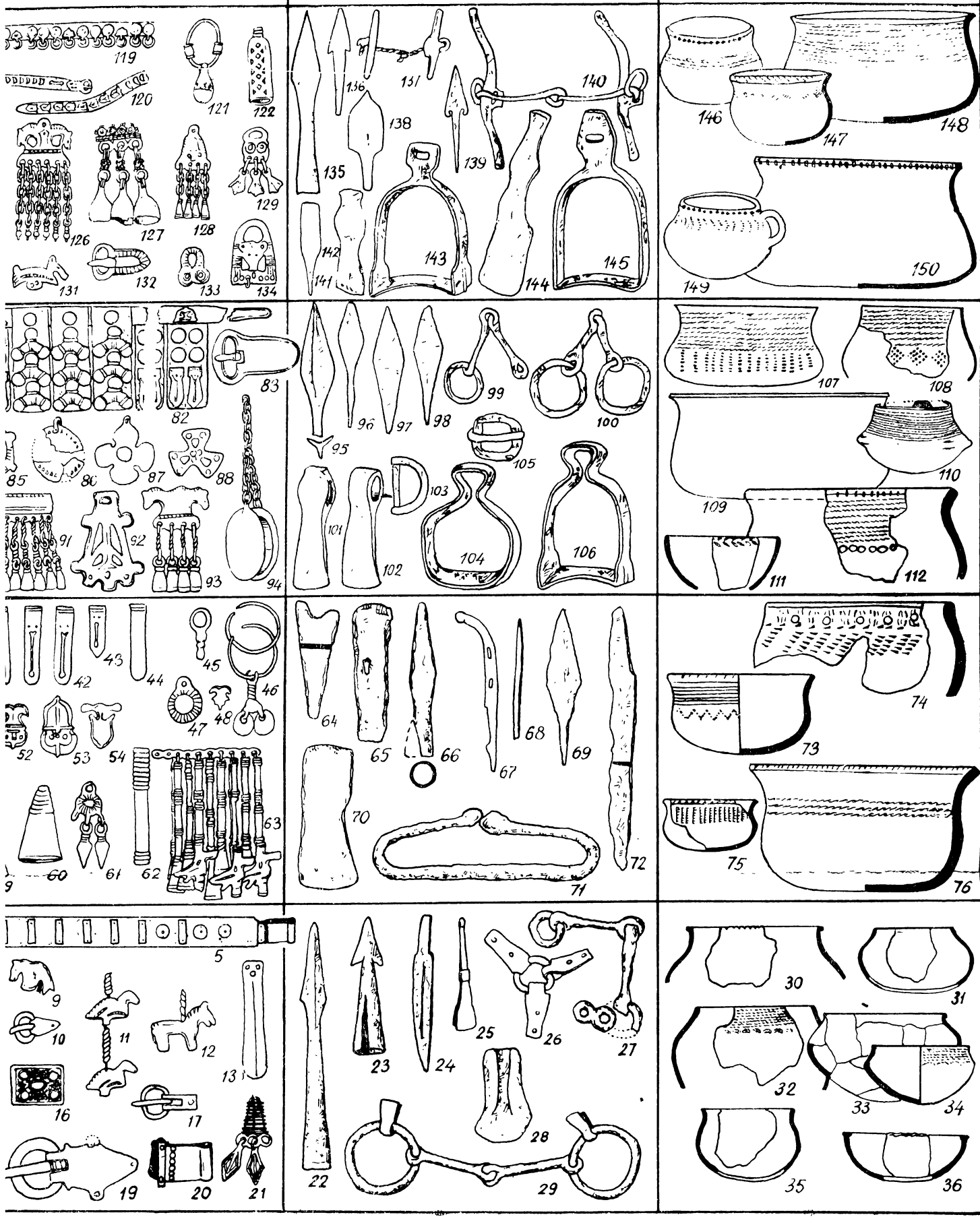
Группа	Дата	Жилища	Могильники	Украш
Урьинская	конец VIII – IX вв.			
Деменковская	конец VII – VIII вв.			
Агафоновская	конец VI – VII вв.			
Харинская	V – VI вв.			

Рис. 16. Периодизация памятник

шения

Оружие, орудия труда и предметы конской упряжи

Глиняная посуда

Б. Висимский, Кудымкарский, Даниловский, Грудятский могильники, Плесинский, Георгиевский, Урьинский клады и Гарамиха, Антоновцы городища, а также Патраковское селище. Чистый комплекс без примесей раннего или позднего материала дают только Грудятский могильник и перечисленные клады. Однако погребальный обряд может быть охарактеризован по материалам Агафоновского I и Аверинского II могильников. Некрополи этого времени грунтовые, рядовые, преимущественно с широтной и редко меридиональной ориентацией могил. Погребения в рядах разрежены. Могильные ямы имеют прямоугольные или квадратные в плане очертания. Значительно число ям овальных и неправильных форм с округлым или неровным дном. Для агафоновской стадии характерны в основном крупные ямы длиной 150—350 см и даже более, могилы длиной 150—200 см составляют лишь 24,5%. Ширина ям колеблется от 40 до 280 см.

В заполнении могил агафоновской стадии (20%) встречены кости животных. По способу погребения выделяются 2 группы: трупоположение и трупосожжение (рис. 16—37, 38). На Агафоново I в VII в. количество могил с обрядом кремации выросло до 53,19%, а с обрядом трупоположения снизились до 25,53%.

Особый интерес представляют Плесинский, Георгиевский, Урьинский клады — классические собрания вещей агафоновской стадии. Среди случайных находок есть несколько пунктов, в которых обнаружены вещи агафоновского типа — Ванниковские, Бачмановские, Чазевская, Корчевские, Аннинские, Базуевские, Пуксибские и Борисовские. Памятники агафоновской стадии тесно связаны как с предыдущим временем (Харинский, Агафоновский I, Б. Висимский), так и с последующим (Ванниковские, Бачмановские находки, Кудымкарский и Даниловский могильники).

В числе наиболее типичных предметов агафоновской стадии — пояса с набором геральдических накладок (рис 16—40—44, 48—54). В это время появляются первые варианты цельнолитых пряжек простых форм (рис. 16—57) и с фигурным кольцом (рис. 16—39, 58), трапециевидных (рис. 16—56), височные подвески с каплевидными привесками (рис. 16—45, 46), сердоликовые бусы с росписью, кольцеобразные (рис. 16—47), шумящие подвески с арочной основой (рис. 16—61). Характерными предметами являются сложные шумящие подвески с пластинчатой основой (рис. 16—63), состоявшие из множества трубчатых (рис. 16—62), птицевидных, рожковых (рис. 16—60) пронизок. Продолжают употребляться пронизки — уточки, медведи (рис. 16—59) и коньки. Именно к агафоновской стадии относится большинство предметов, выполненных в технике скульптурного литья. Это изделия, воспроизводящие различные зооморфные мотивы и сюжеты: кричащие птицы (табл. XXIII—7); птицы со звериной мордой (табл. XXIII—1—5); медведи (табл. XXIII—25, 31, 33). В число предметов агафоновской стадии входят литые навершия кинжалов (табл. XXIX—1, 2), ножны с медной пластинчатой обкладкой (рис. 16—55) и четырехгранные плетеные гривны (табл. XXIV—36). В это время известны железные наконечники стрел: черешковые двурогие без упора (рис. 16—64), остролистные с упором (рис. 16—69), втульчатые, ромбовидные (рис. 16—66); проуш-

ные топоры с широким коротким лезвием (рис. 16—70); кузнечный клинообразный молоток (рис. 16—65); удила с бронзовыми стержневыми псалиями (рис. 16—67), граненые шилья (рис. 16—68), ножи (рис. 16—72), калачевидные кресала из крупного дрота с шишечками на концах (рис. 16—71).

О дате агафоновской стадии написано много [126, с. 88—90; 129, с. 83—84, 90; 134]. Положение могил агафоновского типа в корреляционных таблицах, аналоги материалу, монеты устойчиво датируют описываемые комплексы концом VI—VII вв.

Напоминаем, что могилы с вещами агафоновского типа сопровождаются сасанидскими монетами Кавада I, Пероза, Хосрова I. Наиболее выразительны комплексы из погребения 81 Агафоново I, где найдены 3 монеты Кавада I (521, 524, 527 гг.) и I — Хосрова I (570 г.), погребения 91 — монета Пероза (451—484 гг.); 42 — монета Пероза; 45 — монета Хосрова I (551 г.). Разумеется, датирующими монетами для агафоновских могил, по мнению автора, считаются позднейшие среди найденных (монеты Хосрова I). В комплексах агафоновского типа отсутствуют монеты Хосрова II, сопровождающие могилы более поздней деменковской стадии. Кстати, монета Хосрова I найдена с инвентарем агафоновского типа в могиле 25 Веслянского I могильника в Коми АССР [281, с. 93—95], что еще раз подтверждает существование неразрывной связи: агафоновский тип — монеты Хосрова I.

По-видимому, на агафоновской стадии Верхнее Прикамье продолжало иметь тесные торговые связи, главным образом, с югом Восточной Европы. В частности, картографирование поясов VI—VII вв. показало, что наибольшее число пунктов (37 из 43), где были найдены такие пояса, находится в Восточной Европе.

Анализ распространения таких примечательных изделий, как плетеные ожерелья, также дает интересные результаты. Три таких находки известны на Верхней Каме [302, табл. XXXVIII — 31 а, б; 291, с. 176]; Агафоново I, погр. 131; 1 — на р. Печоре в Подчеремском кладе [137, рис. 10—10], 2 — в Башкирии [292, табл. VIII—10; с. 40—41], I — в северо-восточной Татарии [170, рис. 61] и 5 — в Восточной Европе [185, табл. XI—23, рис. 104, 105; 211, табл. X—2а, рис. 13; 325, рис. 178]

Совпадение ареалов поясных наборов и цепей свидетельствует о закреплении, а может быть расширении отношений с племенами преимущественно юга Восточой Европы. Причем, путь, по которому поступали эти вещи в Прикамье, ясно намечается по материалу. Возможно, посредником в этих отношениях были племена, населявшие бассейн р. Белой, где оседало значительное количество предметов того же круга — здесь известно 8 памятников с поясами VII в. и 3 пункта, откуда происходят четырехгранные плетеные цепи. На агафоновской стадии сохраняются характерные для предыдущего харинского времени основные направления культурных связей.

3. Комплесы *третьей стадии* представлены материалами Деменковского, Мелехинского, Плесинского, Телячий брод, Харинского, Б. Висимского, Носковского, Михалевского и других могильников. Кроме того, случайные находки украшений этого времени сделаны более чем в 10 пунктах. К этой стадии относится большинство кладов с укра-

шениями и монетами (Ташкинский, Вереинский II и др.) и культовыми вещами (Пешковский и Редикарский). Из поселений с этой стадией могут быть связаны Зародятское, Кататыб селища и др. Этим же временем датируется и Подбобыкское жертвенное место.

Большинство могильников, существовавших на агафоновской стадии, продолжают функционировать и позже (Агафоновский I, Аверинский II, Харинский, Кудымкарский, Даниловский), но некоторые возникают вновь (Мелехинский, Деменковский, Плесинский, Носковский, Ильинский). Поскольку наиболее богатые комплексы этой стадии представлены в ранней части Деменковского могильника, а чистых памятников, где бы предметы этой стадии не дополнялись другими, нет, то есть смысл назвать эту стадию деменковской.

Для этого времени характерны грунтовые рядовые могильники как с обрядом трупоположения (рис. 16—79, 80), так и трупосожжения (рис. 16—78). В Агафоново 1 число трупосожжений довольно значительно (55%). Но известны могильники с абсолютным преобладанием обряда трупоположения (Деменковский, Плесинский и др.). Захоронения одиночные. Преобладает северная ориентировка костяков с некоторыми отклонениями. Захоронения произведены в досчатых гробах или колодцах. Дно и стенки могилы иногда выстланы берестой. Костяки лежат вытянуто на спине. При трупоположениях основная масса украшений располагается на костяке так, как они употреблялись на костюме. Между могилами часто встречаются остатки тризн в виде костей животных, преимущественно зубов лошади, раздавленных сосудов, отдельных вещей и углей.

В качестве наиболее типичных предметов деменковской стадии следует назвать височные подвески с привесками в виде полых шаров (рис. 16—89), колесовидные (рис. 16—85, 87), трапециевидные (рис. 16—92), бантики (рис. 16—88), лунницы (рис. 16—84) — подвески, ранние типы шумящих коньковых (рис. 16—93), трубчатых (рис. 16—90), пластинчатых (рис. 16—91), подвески-монеты или пластинчатые бляшки (рис. 16—86), коробочки (рис. 16—94). Именно к этому времени относится расцвет плоских культовых изображений: человеколосей, ящеров, антропоморфных. Особый интерес представляют сложные пояса с широкими кожаными привесками, сплошь украшенными накладками — прямоугольными, полуовальными, круглыми, ж-образными, тройчатками (рис. 16—82). Они украшены цельнолитыми пряжками с овальной задней пластиной (рис. 16—83). Следует отметить оригинальное украшение пояса в виде длинных нитей с пронизками — крупными со вздутиями и прорезями, заканчивающимися гнутыми рожковыми или пластинчатыми (рис. 16—90а) пронизками. Разнообразны наконечники поясов, среди которых известны гладкие и украшенные геометрическими узорами. На этой стадии широко известны железные топоры с круглыми (рис. 16—102) или прямоугольным (рис. 16—101) обухом; удила с крупными, иногда витыми кольцами (рис. 16—99, 100); стремена с 8-образной петлей и вогнутым или плоским подножием (рис. 16—104, 106); прямоугольные или полуовальные седельные пряжки (рис. 16—103, 105); железные наконечни-

ки стрел: трехлопастные с широкими лопастями (рис. 16—95), различные варианты ромбических (рис. 16—96—98).

Перечисленные украшения являются атрибутом местной культуры. Ближайшие территориальные аналоги они находят, главным образом, в материале неволинской группы памятников. Особый интерес представляет анализ аналогов поясам этого времени. Некоторые типы накладок, в частности прямоугольные и полуовальные, являются принадлежностью поясов, распространенных в VII—VIII вв. особенно широко в Сибири и считающихся собственно тюркскими [214, рис. 23]. Картографирование этих находок дает следующую картину. Из 48 памятников, где найдены пояса с подобными накладками, 11 располагаются в Верхнем Прикамье, 5 — на р. Сылве, 1 — в Удмуртии, 1 — на Южном Урале, 2 — на Кавказе, 4 — в Волго-Окском междуречье, 2 — в Среднем Приобье, 9 — в Средней и 13 — в Центральной Азии.

По сравнению с предыдущим временем (VI—VII вв.) резко возрастает число сибирских и среднеазиатских параллелей. Связи с Башкирией и югом Восточной Европы в значительной мере ослабевают. Вряд ли эти новые контакты были длительны и устойчивы, так как своеобразие ломоватовских вещей очевидно. Здесь развивается совершенно новый вид поясов — с множеством широких привесок, с шумящими низками, большим числом местных оригинальной формы накладок (ж-образных, тройчаток и др.). Сохраняются при этом традиционные «тюркские» формы этих предметов — прямоугольные и полуовальные. Слияние местных и тюркских элементов в изготовлении поясов этого времени прослеживается и на других территориях [276, с. 83, 86]. Однако на ломоватовских поясах самобытные мотивы чувствуются сильнее.

Деменковская стадия синхронна основной части известного Неволинского могильника, который В. Б. Ковалевская датирует последней четвертью VII — третьей четвертью VIII в., Ю. А. Краснов — VIII в. [179, с. 286], А. К. Амброз — концом VII — 1-й половиной VIII вв. [72, с. 288, 299, рис. 1, этап IV]. В Пенджикенте детали поясов тюрко-сибирского типа, близкие неволинским, убедительно датируются монетами концом VII — 70-ми гг. VIII вв.

В определении датировки верхнекамского материала значительную роль играет, кроме аналогов, и монетный материал. С инвентарем этой стадии часто встречаются в Прикамье монеты Хосрова II (590—628 гг.). Они известны в могилах 8, 63, 64 Деменковского [III, с. 120], 1, 19 Неволинского [350, с. 50], Носковского [337, с. 81], Плесинского [233, с. 204]. Такие же монеты обнаружены в Ташкинском и Вереинском II кладе [319, с. 251—254], Подбобыкском костище [321, с. 131] и в Ковинском кладе на Зародятском селище [318, с. 33; 319, с. 270]. В одном из погребений могильника Телячий брод была найдена монета, чеканенная в Иране в 650—670 гг. [234, с. 26—27]. За пределами Прикамья поясные наборы подобного типа были обнаружены с монетой Сюан-Цзюна (713—741 гг.) в кургане МТ-58-IV Западной Тувы [140, рис. 70, с. 109, 129—139, 147] и в курганах у Архиерейской заимки близ Томска с монетой (621—907 гг.) [142]. Приведенные данные убеди-

тельно свидетельствуют о бытовании комплексов деменковской стадии в пределах конца VII—VIII вв.

4. Наиболее обособленно комплексы конца VIII—IX вв. представлены на Урьинском могильнике [119] и потому было предложено называть эту стадию урьинской. В этот период продолжают функционировать уже использовавшиеся могильники (Харинский, Рождественский, Михалевский, Деменковский, Мелехинский, Плесинский, Носковский), многие из них возникают вновь (Урьинский, Каневский, Баяновский, Важгортский, Редикарский, Ильинский, Мальцевский, Елевский, Горт-Кушетский, Загарский). Большинство их продолжают существовать и в послеломоватовское время. К урьинской стадии относятся 12 пунктов случайных находок, происходящих из разрушенных могильников.

С уверенностью можно говорить о датировке этим временем Баяновского селища и нижнего слоя Лаврятского городища.

Погребальный обряд в основном повторял черты предшествующего времени. Однако есть и некоторое своеобразие: увеличивается число могил с трупоположениями, редки кости животных в могилах (7, 69%). Существенно изменился состав погребальных тризн: уменьшилось количество костей животных, в ямах между могилами часто встречались кострища и угли.

Работа по выделению специфичных для урьинской стадии вещей была начата В. Ф. Генингом [111, с. 121—122]. Основная масса материала определена правильно. Лишь отнесение некоторых предметов к этой стадии вызывает возражения. В частности, крупные пронизки с вздутием и прорезями, накладки (прямоугольные, круглые, в виде головы барана) не являются типичными для этого периода. Они были распространены главным образом в предшествующее время и встречаются на урьинской стадии в качестве архаизмов.

К предметам, перечисленным В. Ф. Генингом, следует добавить височные подвески с литыми гроздевидными привесками (рис. 16—117, 118), цельнолитые 8-образные пряжки (рис. 16—123), накладки щитовидные, сердцевидные с отверстием в нижней части, круглые или полуовальные кольцом (рис. 16—119, 120). На этой стадии наступает расцвет верхнекамских шумящих подвесок, которые появляются не только в большом количестве, но и в разнообразии стилистического решения: коньковые (рис. 16—125, 126), с изображением головы медведя (рис. 16—128, 134), коробочки (рис. 16—124, 130), трубчатые со спиралевидной основой (рис. 16—116, 127, 129, 133). Принадлежностью комплексов этой стадии являются подвески-ложки (табл. XXI—23—28, 31), флакончатые (рис. 16—122), уточки (рис. 16—131). Необходимо отметить, что вариации типов пронизок заметно уменьшаются. В это время популярны ножны для кинжалов с медной обкладкой и медными кольцами (рис. 16—81). Часто встречаются железные втульчатые копья с ромбическим пером (рис. 16—135), железные топоры с вытянутым обушком и прямоугольной подушечкой (рис. 16—141, 144), удила со стержневыми (рис. 16—137) или в виде головок коней (рис. 16—140) псалиями, наконечники стрел с подтрегольным пером (рис. 16—138), с шипами в основании (рис. 16—136, 139), срезни (рис.

16—141), железные стремена с плоской петлей, с расплющенным прямым или чуть вогнутым подножием (рис. 16—143, 145).

К числу вещей, которые имеют корни в материальной культуре предшествующего времени, следует отнести шумящие коньковые подвески, отличающиеся от аналогичных предметов смежных областей; арочные; коробочки-медальоны; с изображением головы медведя [236, табл. 4, 6, 7, 9]; подвески-ложки и флаконовидные пронизки.

Многие предметы, в частности височные подвески и поясные наборы, принадлежат к числу типов, широко распространенных в рамках VIII—IX вв. Однако, если проследить аналоги поясным накладкам, оказывается, что основным районом бытования поясов с такими накладками является территория салтово-маяцкой культуры, Кавказ, Паннония, районы Верхнего Поволжья, Удмуртского и Верхнего Прикамья. В Сибири встречаются только пряжки подобных форм. Набор накладок продолжает здесь эволюционный ряд предшествующего времени, изменяясь лишь в деталях украшений (сросткинский тип по А. А. Гавриловой), [103, с. 69—72, рис. 11—21, 33, 24, 34—38] и не имеет ничего общего с салтовским кругом памятников.

Таким образом, распространение в Верхнем Прикамье поясов салтовского типа свидетельствует о вовлечении населения ломоватовской культуры в сферу влияния народов Восточной Европы.

Выяснить пути, по которым осуществлялись контакты с югом Восточной Европы, помогают параллели некоторым типам вещей. В частности, в конце VIII—IX вв. в Верхнем Прикамье появляется значительное количество вещей мерянского, мордовского, марийского происхождения. Таковы шумящие подвески со стержневой или спиралевидной основой, которые находят себе многочисленные аналоги в памятниках Волго-Окского междуречья [138, рис. 42—2, 14, 19, 96—1; 303, рис. 438, 446, 449, 452], в Поветлужье [138, рис. 100—2; 328, рис. 21—3, 39—5], у древних марийцев [79, рис. 51, 52]. По мнению Г. А. Архипова, для марийцев IX—XI вв. очень характерны граненые и пластинчатые браслеты [79, с. 31, 33].

Появление большого числа перечисленных вещей в Верхнем Прикамье дает основание говорить о достаточно тесных контактах в конце VIII—IX вв. с указанными территориями. Связующим звеном было, вероятно, население территории современной Удмуртии, где подобные изделия весьма многочисленны [285, табл. 11—31—36, III], а материал памятников имеет черты сходства как с культурой Верхней Камы, так и соседних западных областей. Установлению постоянных связей с западными районами в VIII—IX вв., по-видимому, предшествовали спорадические контакты еще в VII—VIII вв., так как в мерянских могильниках того времени встречаются типично ломоватовские наборные пояса [138, рис. 10—4—6, 9, 10].

Дата урьинской стадии определена В. Ф. Генингом в пределах 2-й половины VIII — 1-й половины IX вв. [111, с. 123—125], Р. Д. Голдиной — 2-й половиной VIII—IX вв. Учитывая, что в Средней Азии смена поясов, подобных неволинским, салтовскими произошла скорее всего на рубеже 3-й и 4-й четверти VIII в., можно предполагать, что этот процесс и в Прикамье происходил не раньше, и, таким образом, урьин-

ский период должен датироваться последней четвертью VIII—IX вв. Эта дата косвенно подтверждается монетами могильника Мыдланьшай: 19 куфических монет, чеканенных преимущественно в 1—3-й четвертях VIII в. [348, с. 129]. Давая поправку на проникновение и бытование монет приблизительно в 50 лет, мы получаем дату — в основном конец VIII—IX вв. На территории собственно Верхнего Прикамья в урьинском комплексе погребении 18 Аверинского II могильника обнаружено 5 непробитых омейядских и аббасидских дирхемов, чеканенных в 745—746, 777—778, 801, 802 гг.

По мнению автора, невозможно отделить предметы 1-й половины IX в. от вещей его 2-й половины, в то время как разделение предметов IX и X вв. не представляет особой трудности.

Поскольку целый ряд памятников прекращает использоваться в IX в. (Деменковский, Урьинский, Каневский, Важгортский, Щукинский, Русиновский могильники), можно предполагать, что в этот период происходят какие-то серьезные перемены в жизни верхнекамского населения, повлекшие за собой качественные сдвиги в развитии материальной культуры коми-пермяков в конце I тысячелетия н. э.

Современное состояние археологических источников позволяет датировать ломоватовскую культуру V—IX вв. Своеобразие материала, и прежде всего погребальных памятников, дает возможность выделить в ее развитии 4 последовательные стадии: харинскую (V—VI вв.), агафоновскую (конец VI—VII вв.), деменковскую (конец VII—VIII вв.) и урьинскую (конец VIII—IX вв.). Каждая из них характеризуется особенностями различных категорий памятников и специфическим инвентарем.

Анализ аналогов основным предметам каждой стадии показывает изменения направлений культурных связей: на харинской и агафоновской преобладали контакты с югом Восточной Европы, осуществлявшиеся главным образом через Башкирию, на деменковской — превалировали связи с сибирским и среднеазиатским миром, на урьинской стадии восстанавливаются связи с югом Восточной Европы, но через посредство Удмуртии, Нижнего Прикамья и районов Волго-Окского междуречья.

2. О КУЛЬТУРНОМ ЕДИНСТВЕ ПАМЯТНИКОВ

Вопрос о культурном единстве памятников ломоватовского типа впервые был поставлен А. А. Спицыным и получил дальнейшее развитие в работах А. В. Шмидта и А. П. Смирнова, В. Ф. Генинга, В. А. Оборина и О. Н. Бадера. Анализируя памятники разного характера в рамках одной культуры, стремясь расчленить ее хронологически, исследователи почти не уделяли внимания признакам, объединяющим эти памятники. Накопленный за последние годы материал позволяет по-новому осветить проблему культурного единства памятников ломоватовской поры.

По мнению многих исследователей, ломоватовская культура на начальной стадии была двухкомпонентной. Первый компонент пред-

ставлен материалами курганных могильников, необычных для Верхнего Прикамья, со своеобразным обрядом погребения в квадратных ямах со срубами, с положенными вдоль тел погребенных поясами, глиняной посудой в виде круглодонных чаш с резким перегибом в средней части. Эти элементы не имеют прямых аналогов в прикамских культурах предшествующего времени и выводятся исследователями из степных районов южного Зауралья (О. Н. Бадер, В. А. Оборин, В. Ф. Генинг). К перечисленным особенностям этого компонента следует добавить, по-видимому, ощутимое сокращение в глиняном тесте раннеломоватовской посуды примеси раковины (до 43—47%), появление значительного количества остроребериых сосудов (35—40%), увеличение орнаментации венчиков защипами или оттисками гребенчатого штампа (в 1,5—2 раза), а также абсолютное преобладание в орнаментации шеек гребенчато-шнуровых узоров. Вероятно, с этим же компонентом следует связывать поселения, характеризующиеся культурными слоями незначительной мощности и жилищами наземного столбового типа (Опутятское городище, Коновалятское селище).

Вторая линия представлена памятниками иного облика, явно свидетельствующими о близости гляденовским, располагавшимся в предшествующее время на Средней Каме [265, с. 202]. Это, прежде всего, костища ломоватовской культуры Гаревское, Усть-Туйское и другие, которые по характеру остатков обнаруживают генетическое родство с памятниками такого рода Средней Камы (Гляденовское, Юго-Камское). Близость их прослеживается не только в деталях устройства, однородности их функционального назначения, но и в тождестве материальных остатков — наличии жертвенных чашечек, вотивных вещей, культовых изображений, бус.

Кроме того, анализ керамического материала приводит к мысли о существенной близости его посуде гляденовской культуры. Ломоватовская керамика сохраняет не только эволюционный ряд традиционных прикамских круглодонных чаш, но и общее соотношение типов сосудов, характерное для гляденовской культуры. На раннеломоватовских (Опутята, Коновалята), как и на гляденовских поселениях (Култаево I, Горюхалиха, Федотово, Оса), численно преобладают сосуды I и II типов, сохраняя относительно равные пропорции (табл. 20). В качестве примеси к глиняному тесту употребляется раковина, хотя и в несколько меньшем количестве, чем в гляденово. Кроме того, степень орнаментации шеек сосудов на раннеломоватовских памятниках почти не изменяется по сравнению с гляденовскими. В частности, на Горюхалихинском городище гляденовской культуры она составила 11% [54], а на раннеломоватовских поселениях — 10—12%. Что касается техники орнаментации, интересно, что на ранних харинских памятниках изредка еще встречаются резные узоры (12—25%), типичные для гляденовского времени, а в памятниках развитого ломоватово их почти нет. Кроме того, мотивы культовых изображений — птицы, звери, в особенности медведи, ящеры — ломоватовского времени находят себе прототипы в подобных предметах гляденовской культуры.

Поскольку памятники развитого и позднего гляденова на большей части Верхнего Прикамья, несмотря на самые тщательные поиски, не

обнаружены, раннеломоватовские поселки располагаются, как правило на новых, не использовавшихся ранее местах. При этом отсутствуют поселения, давшие бы непрерывную линию развития от гляденовского времени к раннеломоватовскому. Очевидно, возникновение ломоватовской культуры следует связывать с притоком нового населения, освоившего незаселенную территорию. Видимо, оба компонента появляются на Верхней Каме одновременно, так как различные памятники раннего ломоватово — курганные могильники, поселения, костища — содержат одновременный материал. Более того, имеющиеся данные не позволяют пока отчленить их один от другого и это, вероятно, является следствием того, что обе группы населения сравнительно быстро перемешались. Лишь некоторые факты говорят о том, что в южных районах культуры — туйско-гаревском и обвинском — сосредоточено значительное количество гляденовского населения — именно здесь располагается основная масса ломоватовских костищ. В северных же районах — гайнинском и косинском — южный элемент был многочислен: здесь совсем не известны костища, больше курганных могильников (10, а в туйском — 3) и сравнительно чаще под одной насыпью встречаются несколько могил, в то время как для южных районов типичны единичные захоронения под курганами.

Таблица 20

Соотношение форм сосудов на поселениях Верхнего и Среднего Прикамья в гляденовское и раннеломоватовское время, %

Тип сосудов	Период					
	II в. до н. э.— IV в. н. э.				V—VI вв.	
	Памятник *					
	Култаевское	Горюхалихинское	Федотовское	Осинское	Коновалятское	Опутятское
I	48	40,3	30	32	42	40,5
II	29	41,4	53	44	43	44,0
III	23	18,3	17	24	13	15,5

* Култаевское, Федотовское [53]; Горюхалихинское [54]; Осинское [107, с. 186, 193]; Коновалятское [263, с. 212]; Опутятское [118, с. 121].

В 80-е гг. памятники харинского времени в туйско-гаревском и обвинском районах отнесены Ю. А. Поляковым [266, с. 15—17] к среднему (I—IV вв. н. э.) и позднему (V—VI вв. н. э.) этапам гляденовской культуры. Основанием для передатировки верхней даты гляденово и определения ее VI в. н. э. послужило то обстоятельство, что на многих раскопанных поселениях Средней Камы наряду с ананьинскими и гляденовскими вещами встречаются предметы харинского типа [61, с. 161]. Но на многих городищах V—VI вв., которые Ю. А. Поляков считает гляденовскими (Назаровском, Морочата и др.) встречаются предметы не только харинского, но и позднеломоватовского и даже

родановского времени, однако это не дает нам оснований раздвигать рамки гляденовской культуры до начала II тысячелетия н. э. Очевидно, все памятники туйско-гаревского и обвинского бассейнов относятся исключительно к V—VI вв., т. е. к харинскому, а никак не гляденовскому времени.

Ю. А Поляков вполне справедливо пишет о том, что гляденовская культура сформировалась в Среднем Прикамье на ананьинской основе [266, с. 13—14], в свою очередь сложившейся на базе местной культуры эпохи бронзы. Совпадают не только общие границы распространения культур, но и их локальные варианты. Поэтому вызывает удивление отнесение к гляденовской культуре туйско-гаревской и обвинской групп, которые, в отличие от остальных гляденовских, не имеют четко выраженной турбинско-ерзовско-ананьинской основы.

Непонятно также на каком основании в гляденовскую культуру включены харинские поселения: Бутырское, Опутятское городища и другие и не включены курганные могильники: Бурковский, Полуденский, Беклемишевский, расположенные рядом и относящиеся к этому же времени и этносу. Почему могильники искусственно оторваны Ю. А. Поляковым от поселений? Вероятно, потому, что в случае объединения этих категорий памятников в гляденовскую культуру пришлось бы включить и Митинский, Агафоновский I, Харинский, Пыштайн и другие курганные могильники этого же времени, расположенные на севере Пермской области, и таким образом в регион гляденовской культуры вошла бы вся территория Верхнего Прикамья, где гляденовские памятники, несмотря на тщательные поиски, до сих пор не известны [61, с. 23]. Заметим также, что, видимо, большинство курганных могильников имело рядом бескурганную часть, как это выяснилось на Агафоновском I могильнике, использовавшуюся местным населением иногда до IX в., и поэтому, признав рубежом гляденовской культуры VI в., мы бы искусственно разорвали единый памятник. Таким образом, при отнесении харинских памятников туйско-гаревского района к гляденовской культуре нарушены важнейшие признаки культурного единства и, прежде всего, единства территории.

Не выдерживает критики и единство хронологических рамок. Грань — середина VI в. для гляденовских памятников Ю. А. Поляковым поставлена случайно и без каких-либо оснований. В туйско-гаревском районе анализируемые памятники существуют и в VIII в., а в Обвинском — даже позже. Грань между двумя преемственными культурами, очевидно, может быть проведена лишь при наличии каких-либо серьезных изменений в развитии предшествующей культуры, происшедших либо в результате ее саморазвития, либо в результате какого-то внешнего импульса. Таким импульсом явился приток в Прикамье пришлых степных групп населения, принесших сюда своеобразный обряд захоронения под курганами и не менее своеобразную материальную культуру. Это пришлое население, пройдя по районам Среднего Прикамья и частично поселившись здесь (Черновские городища), существенно сместило гляденовское население на север — в туйско-гаревский, обвинский и более северные районы, обосновавшись там вместе с гляденовцами. Это событие произошло, судя по всем данным, на рубеже

IV—V вв. Именно начало V в. и должно быть гранью гляденовской и ломоватовской культур, так как в это время полностью меняется территория размещения культур, их слагающие компоненты, в какой-то степени этнос, материальная культура и все, что определяет специфику археологической культуры.

Ссылки Ю. А. Полякова на единство других признаков гляденовских и раннеломоватовских памятников также несостоятельны. Например, ни о каком единстве погребального обряда гляденовской и раннеломоватовской культур не может быть и речи. Независимо от того типичны ли для гляденово безинвентарные могильники с обрядом трупоположения типа Заосиновского и Городок или захоронения по способу трупосожжения на костищах, ни один из этих обрядов не имеет ничего общего с харинскими курганными могильниками, переросшими в бескурганные некрополи с большим количеством могил, биобрядностью и многочисленностью сопровождающего инвентаря.

Четко выраженного единства керамического материала гляденовских и харинских поселений, позволяющего объединять их в одну культуру, нет. Напомним лишь, что степень орнаментации венчиков посуды на гляденовских памятниках примерно одинакова (Култаевское I городище — 47, Турбинское селище — 25, Горюхалихинское городище — 43, Пещерское городище—34%), а на харинских городищах, относимых Ю. А. Поляковым к этой же культуре, данный показатель значительно выше (Опутятское городище — 87, Коновалятское селище — 52%). При этом резные узоры по венчику на гляденовских поселениях составляют весьма высокий процент (Турбинское селище — 78, Култаевское I селище — 90,5, Пещерское городище — 79,5%) в то время как на харинских они незначительны (Опутятское городище — 27, Коновалятское — 21%). Эти сравнения можно было бы продолжить, но уже сейчас очевидно, что гляденовские и харинские керамические комплексы весьма различны, и отнесение их к одной культуре — серьезная ошибка Ю. А. Полякова.

Следует отметить также, что попытка стратиграфически расчленить слои на гляденовских городищах не совсем удачна. Так, на Горюхалихинском городище слой мощностью 80 см разделен Ю. А. Поляковым на три: ранний V—IV—III—I вв. до н. э., средний — I—IV вв. н. э., поздний — V—VI вв. н. э. При этом абсолютная датировка слоев не всегда четко обоснована. Достаточно сказать, что ранняя дата гляденово определена по аналогам с пьяноборской культурой [61, с. 172], а не по собственному инвентарю. Средний этап датирован крупными железными наконечниками стрел, железными ножами с прямой спинкой и уступом со стороны лезвия, полусферическими пряслицами [61, с. 177], т. е. предметами, имеющими очень широкий хронологический и территориальный диапазон распространения. Кроме того, выделение трех слоев по аналогам с Горюхалихой на многих памятниках [61, табл. 33—36] вызывает определенные сомнения, так как вряд ли исторические условия во всех районах были совершенно одинаковыми: некоторые памятники могли возникать или заканчивать свое существование несколько раньше или позже других. Да и выделение трех слоев на опорном памятнике (Горюхалихинском городище) неубедительно,

так как сам Ю. А. Поляков отмечает, что керамика нижнего и верхней части среднего слоя не имеет заметных отличий [61, с. 170]. Именно поэтому различия трех слоев Горюхалихи по основным показателям получились очень невыразительными, крайне размытыми.

Таким образом, по всем наиболее выразительным признакам археологической культуры харинские памятники туйско-гаревского района не могут быть оторваны от других памятников этого же времени Верхнего Прикамья и относятся не к гляденовской, а к ломоватовской культуре.

Судя по размещению ломоватовских памятников, заселение территории шло, прежде всего, по р. Каме — главной водной артерии этого края. Камское побережье было освоено до устья р. Яйвы (Таманское городище). Далее основные направления движения шли по рр. Тую и Гаревой, Обве, Иньве. Именно здесь сосредоточено большее число памятников — от 23 до 85 в каждом бассейне. Значительная группа населения продвинулась в бассейн р. Косы и ее притоков, а также на Каму в нынешний Гайнинский район. Поскольку на побережье р. Камы, выше устья р. Яйвы и до с. Гайны раннеломоватовские памятники не обнаружены, то, скорее всего, в район Гайн население проникло через верховья рр. Иньвы и Косы. Очевидно, и верховья Камы (современный Афанасьевский район Кировской области) также был освоен через верховья рр. Иньвы и Обвы.

Некоторый интерес представляет размещение поселений в бассейне р. Б. Туй. В устье реки располагается Бутырское городище площадью в 25 тыс. кв. м., укрепленное тремя линиями обороны. В 8—10 км выше по течению находятся два городища: Сенькинские I и II площадью 8 и 10 тыс. кв. м. Одно из них — Сенькинское I — сооружено, в отличие от многих, на сплошной террасе. Еще в 3—4 км выше по реке, в самых верховьях, известны два городища среднего и позднего ломоватово (Сибирские I и II), площадь которых равна 2,2 и 3 тыс. кв. м. Перечисленные обстоятельства приводят к мысли, что заселение бассейнов рек шло от устьев к их верховьям. В некоторых случаях, когда топографические условия не позволяли сооружать мысовые городища, устраивались укрепленные поселения на основном массиве террасы, хотя это и требовало несравненно больших затрат сил и времени.

Другие районы — чусовской, косьвинский, вишерско-камский — были освоены, по-видимому, в более позднее время, так как здесь нет курганных могильников, городищ больших площадей, а также находок харинского времени. Самые ранние датированные памятники чусовского района относятся к VII—VIII вв. (Вереинский II клад, могильник Телячий брод). По-видимому, освоение этой территории произошло не ранее VII в. К тому же времени следует относить заселение и вишерско-камского (Ванниковские находки, комплекс VI—VII вв.) района. Бассейн р. Косьвы был заселен, по-видимому, еще позднее, лишь в VIII веке, так как памятники более раннего времени здесь не обнаружены [225, с. 114].

Несмотря на значительное разнообразие, памятники ломоватовской культуры имеют ряд общих признаков. В частности, поселения располагаются на новых местах, имеют слои незначительной мощности;

городища, в большинстве своем мысовые, одноплощадочные, защищены одной линией обороны с напольной стороны. Многорядовые укрепления редки и характерны преимущественно для ранних городищ. Жилища представляют собой наземные сооружения с ямами-кладовками и открытыми очагами-кострищами, обмазанными глиной. Оба типа поселений, городища и селища, существуют на протяжении всей культуры.

Курганные и грунтовые могильники на первый взгляд обнаруживают больше различий, чем общего, но при детальном рассмотрении выявляются преемственность и эволюция погребальных традиций на протяжении всей культуры. Хронологическая оценка материала показывает, что ломоватовские могильники дают непрерывную линию развития от V до VIII вв. (Б. Висим) или IX в. (Агафоново I, Аверино II) и позже (Харино), демонстрируя процесс эволюции курганных некрополей в грунтовые. На более полно исследованных Бурковском, Агафоновском I, Митинском, Аверинском II могильниках зафиксировано постепенное исчезновение обычая насыпать курганы. В поздних частях могильников кольцевые канавки, окружающие насыпь, заменяются полукольцевыми, а потом просто ямами возле могилы. Состав находок в них приводит к мысли о постепенном изменении характера ям и использовании их в качестве жертвенных. В могильниках VI—IX вв. подобные остатки довольно типичны. Жертвенные комплексы с костями животных, фрагментами керамики и отдельными вещами известны между погребениями Агафоновского I и Деменковского могильников. Вероятно, обычай насыпать курган трансформировался в традицию обозначать место захоронения холмиком, так как взаимонарушения погребений в могильниках VI—IX вв. редки.

Порядок размещения могил на некрополях VI—IX вв. продолжает систему предшествующего времени. На Бурковском и Чазевском I могильниках V—VI вв. курганы располагаются рядами, вытянутыми с С на Ю, и именно в таком направлении ориентированы ряды могил VI—VII вв. на Агафоновском I могильнике. Курганы Митинского могильника расположены в ряд с СЗ на ЮВ, и в том же направлении вытянуты ряды захоронений поздних частей Каневского, Урьинского и Деменковского могильников.

Под курганами встречаются три типа захоронений: трупоположения в могилах, кремированные остатки в ямах и на уровне древней поверхности. Разделять их хронологически нет оснований — погребения разных типов встречаются в одной насыпи и сопровождаются одинаковым инвентарем. В частности, в кургане I Чазевского II могильника два погребения совершены по обряду трупоположения, а два — по обряду трупосожжения. Кроме того, деревянные конструкции в могилах с обрядом трупоположения также бывают обожжены (Митино, погр. 4, 21; Бурково, погр. 5, 21), в засыпи могил встречаются жженые кости (Митино, погр. 30, 32), а на дне рядом с костяком — угли (Бурково, погр. 54, 56). До недавнего времени могильники VI—XI вв. на Верхней Каме представлялись как памятники с абсолютным господством обряда трупоположения. Однако последние материалы свидетельствуют о том, что наряду с обрядом трупоположения в ломоватовских могильниках

встречается и трупосожжение (Агафоново I и II, Аверино II, Мелехино, Урья). Обычай трупосожжения сохраняет свое значение и в раннеродановское время [241, с. 29].

Преемственность прослеживается и в развитии конструкций внутримогильных сооружений. В Бурковских курганах известны могильные ямы размером 200—250×105—165 см, в которых помещены бревенчатые рамы в один венец. Развитие такой конструкции позднее можно усмотреть в сооружении квадратных и прямоугольных могил Агафоновского I могильника VI—VII вв., размеры которых составляют 208×244 и 106×247 см, в VIII—IX вв.— в могилах Мелехинского могильника, имеющих средние размеры 100×225 см.

Второй тип погребальных сооружений представлен ямами иного размера — 180—200×50—80 см. Эти могилы отличаются меньшей шириной и глубиной (10—50 см). Подобные ямы чаще всего встречались в гайнинских и косинских курганах. Для VI—IX вв. эта форма ям — прямоугольных с несколько закругленными углами глубиной — 20—60 см — абсолютно преобладает. Остатки дерева в таких могилах позволяют реконструировать погребальное сооружение как лодку-долблёнку или гробовище. По данным В. Ф. Генинга, на Деменковском могильнике наблюдается эволюция от колод, характерных для VII—VIII вв., к гробовищам, типичным для VIII—IX вв. [111, с. 99]. Однако фрагментарность древесных остатков, а также обнаружение колоды в погребении I Каневского могильника, датирующегося IX в., не позволяют считать это положение типичным. Скорее всего, колода в качестве погребального сооружения употреблялась и в позднеломоватовское время. Обычай хоронить покойных в долблёных колодах («чурка-горт») сохранился в некоторых местах у коми до начала XX в. [88, с. 2327].

Ориентация могильных ям в ломоватовских некрополях дает довольно разнообразную картину. Но необходимо отметить некоторое преобладание в V—VII вв. широтной ориентации, а в последующее время — меридиональной. Однако эта смена отнюдь не являлась исключительным фактом, так как отклонения в СЗ направлении наблюдались уже у некоторых могил харинского времени.

Другие детали погребального обряда также указывают на связь курганных и грунтовых могильников ломоватовского времени. В частности, в некоторых подкурганных захоронениях обнаружена береста, которой выстилалось дно погребального сооружения (Бурково, к. 2, погр. 2, к. 13, погр. 2; Митино, погр. 11, 40). Аналогичные факты зафиксированы и в позднеломоватовских могильниках (Агафоново I, Аверино II, Баяново и Урья).

В некоторых могилах харинского времени обнаружены кости животных (Митино, погр. 18; Пеклаыб 1, к. 1, погр. 2). Наиболее часто остатки такого рода известны в захоронениях Агафоновского I и Аверинского II могильников, где они представлены главным образом зубами крупных животных. Единично подобные остатки обнаружены в Деменках (погр. 141), Урье (погр. 3а и 19) и Канево (погр. 1).

Порядок размещения погребального инвентаря в могилах существенно не изменялся.

Вещи каждой стадии ломоватовской культуры представляют собой самобытный, легко отличимый комплекс. Несмотря на значительное удаление крайних граней культуры (V—IX вв.), некоторые категории вещей демонстрируют удивительную устойчивость форм и орнаментации. На протяжении всей культуры прослеживается эволюция поясных наборов в соответствии с закономерностями в изменении этой категории вещей, наблюдаемыми в Восточной Европе. Но в VII—VIII вв. в ломоватовской культуре появились оригинальные типы поясов местного происхождения с множеством привесок и шумящими низками. Примечательно, что позднее, в VIII—IX вв., когда на Верхней Каме распространились пояса салтовского типа, они также дополнялись типичными местными украшениями — низками из пронизок и подвесками на концах. Генетически развиваются от харинского времени до позднеломоватовского шумящие подвески с коньковой или арочной основой. Особую устойчивость в ломоватовских украшениях приобретают мотивы коня, медведя и птицы, которые получают самое разнообразное воплощение как в виде самостоятельных изображений плоского или скульптурного литья, так и орнаментальных узоров различных предметов — подвесок, гребней, кресал и т. д.

Глиняная посуда ломоватовской культуры также характеризуется единством признаков. Вся она сделана от руки. Глиняное тесто имеет примесь толченой раковины. На ранних поселениях сосуды с примесью толченых раковин составляли 43—47%, а в погребальных памятниках VIII—IX вв.— 70—77%, сохраняя ту же пропорцию и в родановское время (Петуховское — 76,8 и Корнинское городище — 82%). По форме, как и в гляденовское время, преобладают сосуды I и II типов. Соотношение форм посуды поселений и могильников ломоватовской культуры дает интересную картину. Если на поселениях преобладают два типа сосудов (I и II), то на ранних могильниках преобладает второй тип (Бурково — 91, Харино — 100%), а на поздних — первый (Деменки — 72, Урья — 88, Агафоново I — 81, 48, Аверино II — 83,8%). Погребальная посуда отличается и более богатой орнаментацией. Процент сосудов, украшенных по шейке, на поселениях составляет лишь 10—12, а на могильниках варьирует от 52 до 88. Большая нарядность погребальной посуды вполне оправдана стремлением поставить в могилу более красивые, добротные предметы. Интересно, что именно погребальная керамика сохраняет и в родановское время ту же форму и орнаментацию [226, с. 95—96], указывая на особую устойчивость приемов ее изготовления и украшения. Очевидно, в этой форме посуды отразилась с большей устойчивостью этническая традиция.

Узоры по венчику встречаются практически одинаково часто как на поселениях, так и на могильниках, равняясь на первых 52—87, а на вторых 75—92%. Степень орнаментации венчиков резко возрастает (в 1,5—2 раза) в начале ломоватовской культуры по сравнению с гляденовской. Среди керамики Осинского городища украшено лишь 35% венчиков, а на Опутятском городище этот показатель возрастает до 87%. Почти такой же уровень сохраняется и в позднеломоватовское время (Петуховское городище X—XIII вв.— 83,5%).

Необходимо отметить относительную устойчивость степени орна-

ментации шеек посуды верхнекамских поселений на протяжении I тысячелетия н. э. На гляденовских поселениях она составляла 7% (Оса) [107, с. 187]; 11 (Горюхалиха) [54], на ломоватовских поселениях — 10—12 (Коновалята, Опутята), а на родановских (Петухово) — 16% [264, с. 254].

Данные, характеризующие технику орнаментации венчиков сосудов, дают пеструю картину (табл. 21). На ранних поселениях среди остальных элементов явно преобладают защипы, в более позднее время они уравновешиваются с гребенчатыми оттисками и насечкой. На могильниках же прослеживаются существенные вариации: от относительного равновесия гребенчатых отпечатков и защипов (Харино, Агафоново I) или гребенки и насечек (Аверино II) до преобладания насечки (Канево, Урья, Важгорт и Демонки) или гребенчатого штампа (Мелехино, Бурково, Агафоново II).

Таблица 21

Характеристика техники орнаментации венчиков сосудов ломоватовских памятников, %

Памятник	Орнамент							
	насечка	гребенка	защипы	ямки	шнур	кружки	х-образный штамп	розетка
Поселения:								
Опутята	27,0	13,0	58,0	2,0				
Коновалята	21,0	11,0	63,0	5,0				
Шудьякар	34,0	29,9	26,4	8,3	1,4			
Могильники:								
Харино	12,0	38,0	25,0	19,0	6,0			
Бурково		83,0	17,0					
Агафоново I	33,4	27,6	30,6	2,8	2,8	2,8		
Аверино II	44,0	48,0	4,0		4,0			
Деменки	73,0	9,0	18,0					
Канево	76,0	24,0						
Агафоново II	11,7	68,6	15,7				2,0	2,0
Мелехино	22,0	45,0	11,0	22,0				

Анализ техники украшения шеек сосудов (табл. 22) показывает, что ни один из элементов не получает абсолютного преобладания и сравнение может быть выполнено по двум наиболее многочисленным. В итоге на всех ломоватовских памятниках большая часть узоров по шейкам сосудов выполнена оттисками гребенчатого штампа (31—58%) и шнура (28—56%). Эти же признаки отличают и раннеродановскую посуду, где встречаются дополнительно оттиски розеточного или кружкового штампа.

Несомненно, что способ украшения гребенчатым штампом в орнаментации ломоватовской посуды ведет свое происхождение от ананьинской через гляденовскую традицию. Но было бы неверным вести эту

Таблица 22

Характеристика техники орнаментации шеек сосудов ломоватовских памятников, % от числа сосудов, украшенных по шейке

Памятник	Орнамент							
	резной	шнур	ямки	гребенка	защипы	кружковый	прокатанный штамп	фигурный штамп
Поселения:								
Опутята	12,0	28,5	15,0	37,5	7,0			
Коновалята	25,0	37,0	7,0	31,0				
Русиново II		22,3		77,7				
Зародята		27,0	6,0	67,0				
Ором	1,4	49,3	11,6	14,5		7,2	36,2	1,4
Шудьякар	2,6	14,8	14,0	71,8	6,4	+	3,5	+
Могильники:								
Харино	6,0	58,0	12,0	58,0		6,0		19,23
Агафоново I		34,61	46,15	46,15				18,0
Аверино II		60,0	7,0	65,0				8,0
Деменки	23,0	23,0	23,0	23,0				
Канево	56,0	22,0		22,0				
Щукино	15,0	73,0	12,0	12,0				23,0

линию прямо от ананьинских памятников Верхней Камы, так как позднегляденовских памятников здесь нет.

Способ украшения посуды оттисками шнура имеет в Прикамье давнюю традицию. Орнаментация шнуром, часто в виде сложных и разнообразных узоров, была широко распространена на памятниках финального этапа эпохи бронзы. В частности, на поселении Заюрчимском VI, расположенном в бассейне р. Мулянки, 92,5% посуды украшено с помощью шнура [148, с. 59]. Очерченный В. И. Денисовым круг памятников с подобной посудой позволяет считать это явление характерным для рубежа эпох бронзы и раннего железа в Верхнем Прикамье. В ананьинское время шнуровая орнаментация уступает способам украшения с помощью гребенчатого штампа и ямок [97, с. 82]. Шнур во всех районах по численности стоит лишь на третьем месте, но процент его встречаемости достаточно стабилен (20—22%). В гляденовское время он уменьшается до 7—9%, уступая гребенчатому и резному способам. Лишь на одном гляденовском поселении (Култаевском I), исследованном Ю. А. Поляковым, число сосудов, украшенных шнуром, достигает 21% [53].

Следовательно, на протяжении ананьинской и гляденовской культур шнуровая орнаментация, занимающая ведущее положение среди способов украшения в VII в. до н. э., постепенно исчезает. Естественно, что распространению этой орнаментации в ломоватовское время способствовало сохранение некоторых навыков этого приема украшения посуды у гляденовского населения. Но своеобразный всплеск этой традиции вряд ли должен рассматриваться только как продолжение гля-

деновской линии. Основной источник распространения этого способа украшения должен быть иным, и, видимо, он связан с пришлым компонентом. Не случайно, что в наиболее отдаленном районе (гайнинском), где осела наиболее многочисленная группа пришлого населения, в посуде курганных могильников шнуровая орнаментация занимает, наряду с гребенчатой, значительное место (до 58%). Кроме того, этот способ орнаментации может быть связан с необычной для гляденовского Прикамья формой сосудов — с резко обозначенным ребром.

Итак, возникновение ломоватовской культуры связано с притоком на Верхнюю Каму двух групп населения. Первая характеризуется курганными могильниками, поселениями с жилыми сооружениями наземного столбового типа, глиняной посудой остроребериой формы с незначительной примесью раковины в тесте, украшенной гребенчато-шнуровыми узорами по шейке и защипами по верхнему срезу. Этот компонент происходит, вероятно, из Западной Сибири. Другую группу составляли племена гляденовской культуры, обитавшие в предшествующее время на Средней Каме. Особенности населения этой группы проявляются в существовании костищ, обнаруживающих сходство с гляденовскими памятниками этого рода как в деталях устройства, так и в однообразии материальных остатков. Керамика ломоватовской культуры во многом напоминает гляденовскую. Возможно, с гляденовской традицией следует связывать наземные бревенчатые дома с канавками. Оба компонента появились в Верхнем Прикамье одновременно и быстро перемешались. По-видимому, в южных районах ломоватовской культуры более многочисленна гляденовская группировка, а в северных — южная. Можно наметить основные направления заселения Верхней Камы в I тысячелетии н. э. Памятники 2-й половины I тысячелетия н. э. в Верхнем Прикамье характеризуются целым комплексом признаков, позволяющих говорить об их единстве в рамках ломоватовской культуры.

ГЛАВА V. ВОПРОСЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

1. ХОЗЯЙСТВО

В большинстве работ вопросы хозяйственного развития племен ломоватовской культуры затрагиваются вскользь. М. В. Талицкий считал, что основным занятием прикамского населения в ломоватовское время было подсечное земледелие [311, с. 43]. По мнению многих исследователей, на харинском этапе преобладало скотоводство, на позднем — мотыжное земледелие [81, с. 73—76; 106, с. 189; 84, с. 154, 157—159; 228, с. 222—223; 263, с. 217]. В. Ф. Генинг предполагал, что скотоводство было основной отраслью хозяйства и в VI—VIII вв., лишь во 2-й половине VIII в. земледелие начинает играть существенную роль [111, с. 101, 122]. Ю. А. Краснов считает, что во 2-й половине I тысячелетия н. э. Верхнее Прикамье находилось вне зоны распространения пашенного земледелия [188, рис. 24] и его хозяйство характеризовалось существованием подсечной [188, с. 57—58], а возможно, и переложной [188, с. 62] систем земледелия, а также довольно развитым животноводством [188, с. 134, 135].

Имеющийся в настоящее время материал свидетельствует о комплексном характере хозяйства в ломоватовское время.

1. **Земледелие.** Природные условия Верхнего Прикамья отличаются суровостью. Лишь 20% территории даже в настоящее время занято сельскохозяйственными угодьями [218, с. 160]. Наиболее распространены подзолистые почвы в зоне лесов, а при сведении леса — дерново-подзолистые, глинистые и суглинистые, бедные питательными веществами и имеющие часто кислую реакцию [331, с. 57—58]. Климат характеризуется холодной продолжительной зимой и коротким теплым летом. Средняя длительность безморозного периода 118 дней. Осадки довольно значительны, особенно в июле — августе, чему во многом способствуют Уральские горы, которые задерживают влажные массы воздуха, идущие с Атлантического океана [218, с. 30—31]. В целом условия благоприятны для выращивания сельскохозяйственных культур.

В предшествующее время на средней Каме земледелие достигло значительного уровня развития в его подсечно-огневой форме [162, с. 48; 122, с. 164—165; 227, с. 67]. Вряд ли при переселении на Верхнюю Каму население гляденовской культуры утратило свои земледельческие традиции. В условиях, близких к прежним, оно продолжало развивать и совершенствовать эту отрасль хозяйства. По-видимому, в ломоватовскую пору шел интенсивный процесс освоения пространств, занятых лесами. Не случайно одной из массовых находок в погребениях являются железные топоры (табл. XXVIII — 7—17, 19—21).

Основным способом земледелия по-прежнему оставалась подсека. Подсека — наиболее древняя форма земледелия у коми — встречалась еще в конце XIX в. По сообщению И. И. Лепехина, озими коми-зырян

располагались «среди огромных лесов, в которых они пространные вырубают места и, сожегши лес, на пепле сеют свой хлеб. Сих мест они не пашут, но, выжегши лес, прямо сеют и, заборонив, совершают посев» [193, с. 210]. При подсеке в первый год производили вырубку и просушку леса, во второй год его сжигали и сеяли в золу рожь, а на третий год снимали урожай [88, с. 37]. Подсеки давали обильные урожаи. Такие участки могли использоваться в течение нескольких лет, затем забрасывались и использовались в качестве выгона или сенокоса. Через 10—20 лет к ним могли возвращаться вновь. Обрабатывали землю с помощью железных мотыг (табл. XLIV—XXXIII — 17, 37). Мотыгу насаживали на коленчатую рукоять и использовали для рыхления гарей и палов. Мотыга известна у коми-пермяков до настоящего времени [311, с. 44, рис. 12]. Кроме железных, могли применяться и костяные мотыги [231, с. 96]. Для заделывания семян на подсеке пользовались бороной-суковаткой [310, с. 44; 88, с. 40].

Вполне возможно, что наряду с подсекой ломоватовскому населению был знаком и перелог, хорошо известный коми [88, с. 36, 37]. Учитывая, что в ломоватовское время существовали долговременные поселки, тяготеющие к поймам рек, население имело уже значительный опыт в развитии подсечного земледелия. На поселениях этого времени встречаются железные серпы и каменные жернова; в составе стада наиболее многочисленны лошадь и крупный рогатый скот, которые могли использоваться в качестве рабочей силы; наличие у ломоватовцев повозок дает возможность предполагать существование у них земледелия с применением деревянного рала и перелога.

Из орудий обработки зерна почти на всех раскопанных поселениях найдены зернотерки, песты-терочники и каменные жернова. Первые представляют собой круглые плиты из песчаника или других твердых пород с отверстием посередине со следами сработанности, сточенности (Опутятское, Лаврятское городища, Зародятское селище, Урьинский могильник).

На нескольких памятниках (Опутятское и Лаврятское городища, Урьинский могильник) обнаружены зерна злаков. Однако вид их (ячмень) определен лишь по материалам Лаврятского городища [225, с. 108]. Эта культура созревает быстрее всех зерновых, поэтому выращивается и в настоящее время в основном в северных районах [218, с. 163]. В одной из хозяйственных ям городища Шудьякар найдены зерна гороха и полбы-двузернянки. Другие культуры — рожь, овес, пшеница — известны по остаткам на Родановом [311, с. 45] и Қыласовом [227, с. 73] городищах. Такой же состав зерновых культур характерен и для X—XIV вв. Удмуртии [291, с. 235].

Большая серия обугленных зерен злаков получена в кунгурской лесостепи с Верх-Саинского городища неволинской культуры, где обнаружены рожь, пшеница, ячмень, полба, овес. На поселении Лобач VIII—XI вв., расположенном поблизости от Верх-Саинского, также найдены зерна ячменя и ржи [233, с. 206]. Вероятно, состав зерновых, как и сейчас, в северных районах несколько отличался от южных. На севере сеяли главным образом ячмень, рожь, овес. В южных районах, в частности в бассейне р. Иньвы, культивировали овес, рожь, ячмень,

пшеницу [88, с. 38]. Вероятно, с интенсивным развитием пашенного земледелия в I тысячелетии н. э. и необходимостью сохранить урожай зерна до весны связано появление именно в это время у населения Приуралья домашней кошки.

Косвенным отражением развития земледелия в идеологии населения ломоватовской культуры явилось воплощение в металлической пластике различных мотивов круглых дисков с выступающими лучами, символизирующих, очевидно, солнечный диск. Наиболее выразительно эти сюжеты проявились в различных вариантах колесовидных подвесок. Многочисленность и разнообразие их в ломоватовское время свидетельствуют о необычайной популярности этого мотива у населения Прикамья. Эту же идею — отражение земледелия в духовной жизни населения — подтверждают изображения колоса на подвесках-украшениях (табл. II — 39; XVI — 4) и культовых вещах [227, рис. 1—4, 5].

Широкое распространение подсечно-огневой системы земледелия сыграло, вероятно, важнейшую роль в изменении географии расселения прикамского населения: оно осваивает пространства вдоль малых рек, заселяет всю территорию Верхнего Прикамья, пригодную для земледельческо-скотоводческого хозяйствования.

2. **Животноводство.** Многие авторы, утверждающие, что ведущей отраслью хозяйства в раннеломоватовское время было скотоводство, основывались главным образом на предположении, что пришлые степные племена должны были особенно развивать эту отрасль хозяйства [84, с. 154; 228, с. 222; 263, с. 217; 111, с. 101]. Однако именно на раннеломоватовских памятниках находки костей животных являются, скорее, исключением, чем правилом. Лишь на могильниках VII—VIII вв. кости животных встречаются чаще — в погребениях, а также в остатках погребальных тризн. Для раннеломоватовских поселений (Опутятское городище и Коновалятское селище) находки костей животных не характерны [263, с. 216]. Природные условия Верхнего Прикамья, вероятно, не способствовали широкому развитию этой отрасли хозяйства ввиду ограниченной кормовой базы, так как луговые угодья, в основном — приречные луга, занимают лишь 9—10% общей площади [77, с. 182]. На севере изучаемой территории были распространены щучковые луга, дававшие сено низкого качества — грубое, бедное белком [218, с. 52]. В лесных районах могли использоваться также послелесные луга [165, с. 189].

К сожалению, исследованных фаунистических остатков из памятников ломоватовской культуры мало. Привлекая данные о составе стада предшествующего и последующего времени не только в Верхнем, но и Среднем Прикамье, можно составить некоторое представление о характере животноводства. На памятниках железного века Прикамья наблюдается определенное преобладание домашних животных над дикими (табл. 23). Разводили лошадей, свиней, крупный и мелкий рогатый скот, собак (табл. 24). Эти виды сохранились в Прикамье до настоящего времени, однако, соотношение их в стаде различно. Если в ананьинское время, по данным Е. Г. Андреевой, в стаде явно преобладала лошадь, а на втором месте стоял крупный рогатый скот, то в I тысячелетии н. э. наступает, по-видимому, некоторое равновесие этих

Таблица 23.

Соотношение особей домашних и диких животных на поселениях железного века Верхнего и Среднего Прикамья, % *

Номер п/п	Культура, памятник	Животные			
		домашние	дикие	пушные	копытные
1	Ананьинская	58,7	41,3	73,5	26,5
2	Гляденовская	78,5	21,5	58,5	41,5
3	Сандияк городище, IV—VII вв.	43,5	56,5	59,75	40,25
4	Еманаевское городище, VIII—IX вв.	61,9	38,1	25,0	75,0
5	Верхний Утчан городище, VI—IX вв.	50,0	50,0	85,7	14,3
6	Подкаменное городище, VII—VIII вв.	79,2	20,8	40,0	60,0
7	Опутятское городище, V—VI вв.	61,9	38,1	37,5	62,5
8	Шудьякар городище, VI—XIV вв.	32,3	67,7	75,0	25,0
9	Анюшкар городище, слой IX—XI вв.	47,3	52,7	68,1	31,9
10	Анюшкар городище, слой XI—XII вв.	64,8	35,2	64,1	35,9
11	Родановская	60,4	39,6	52,9	41,1

* 1—3, 11 — проценты вычислены на основании данных, содержащихся в таблицах Е. Г. Андреевой и А. Г. Петренко [76, с. 142, 143, 146, 147, 151, 153]; 4—6, 8 — определение костей выполнено А. Г. Петренко из раскопок Л. Д. Макарова, Т. К. Ютиной, Р. Д. Голдиной, В. А. Кананина; 7 — [118, с. 116]; 9, 10 — [74, с. 233, 234].

двух видов. Ломоватовская культура — это период развития коневодства и скотоводства, обеспечивающих потребности населения в мясной пище. В это время лошадь, как и в IX—XIV вв. [74, с. 289], использовалась в пищу. Многочисленность в могильниках ломоватовской культуры принадлежностей конской сбруи и фигурки всадников — убедительное свидетельство использования лошади в качестве ездового животного и тягловой силы. С VII в. н. э. здесь широко были распространены металлические стремена.

В конце I тысячелетия н. э. возникает тенденция к увеличению в стаде доли крупного рогатого скота, который к середине II тысячелетия н. э. занял первое место. Вероятно, с сокращением лошадей в животноводстве в начале II тысячелетия н. э. связано исчезновение после XI в. многочисленных коньковых подвесок, столь популярных в ломоватово. Очевидно, в изучаемый период в животноводстве преобладало мясное направление, а в последующий — мясомолочное.

В качестве дополнительных видов разводились свиньи и мелкий рогатый скот — овцы и козы, именно они преобладают в настоящее время в хозяйстве коми-пермяков. По-видимому, эти виды были наиболее приспособлены к условиям Верхнего Прикамья.

Таблица 24

Соотношение особей домашних животных на поселениях железного века Верхнего и Среднего Прикамья, % *

Номер п/п	Культура, памятник	Лошадь	Крупный рогатый скот	Свинья	Мелкий рогатый скот	Собака	Кошка
1	Ананьинская	35,93	28,48	20,00	15,55	3,04	
2	Гляденовская без костищ	33,33	31,74	17,45	14,29	3,19	
3	Сандияк городище, IV—VII вв.	30,0	30,1	15.9	24,0		
4	Еманаевское городище, VIII—IX вв.	23,1	23,1	30,7	23,1		
5	Верхний Утчан городище, VI—IX вв.	28,6	28,6	28,6	14,2		
6	Подкаменное городище, VII—VIII вв.	21,1	52,6	10,5	15,8		
7	Опутятское городище, V—VI вв.	30,8	53,8	15,4			
8	Шудьякар городище, VI—XIV вв.	33,3	40,5	21,4	4,8		
9	Анюшкар городище, слой IX—XI вв.	31,4	36,3	10,3	22,0		
10	Анюшкар городище, слой XI—XIV вв.	23,0	46,0	11,6	11,6	3,9	3,9
11	Родановская	29,65	38,6	13,85	14,2	3,7	

* 1—3, 11 — проценты вычислены на основании данных, содержащихся в таблицах Е. Г. Андреевой и А. Г. Петренко [76, с. 142, 143, 146, 147, 151, 153]; 4—6, 8 — определение костей выполнено А. Г. Петренко из раскопок Л. Д. Макарова, Т. К. Ютиной, Р. Д. Голдиной, В. А. Кананина; 7 — [118, с. 116]; 9, 10 — [74, с. 233].

Природные условия определяли и формы животноводства. Ограниченность луговых угодий, долговременные поселения, наличие в стаде свиней свидетельствуют о существовании прочного оседлого хозяйства с пастушеским животноводством. По этнографическим сведениям организованного выпаса скота у коми не было, пастьба была вольная, без пастухов [88, с. 54]. Стойловое содержание скота длилось 7—8 месяцев. Хлева и конюшни у коми были бревенчатыми, холодными. Такими хлевами могли служить пристрои к жилищам Зародятского селища.

Основным кормом для скота служили сено и солома. Весной подкармливали березовыми и осиновыми вениками. Даже в недалеком прошлом от бескормицы и недоедания ежегодно погибал скот, особенно, если затягивалась зима и луга долго оставались под водой. Как ограниченные возможности помещений, так и недостаток заготовленных кормов приводили к тому, что на зиму оставляли небольшую часть стада, а основную массу его забивали осенью или ранней зимой [162, с. 50; 75, с. 177—180; 74, с. 240].

Таблица 25

Соотношение особей пушных животных на поселениях железного века Верхнего и Среднего Прикамья, % *

Номер п/п	Памятник	Бобр	Медведь	Заяц	Лисица	Куньи	Выдра	Белка	Рысь	Барсук	Волк	Мелкие грызуны	Росомаха
1	Ананьинская	23,2	14,8	26,0	7,0	15,0	1,0	5,8	0,2			6,8	0,2
2	Гляденовская	45,4	36,4	18,2									
3	Сандияк, городище, IV—VII вв.	69,39	14,29	8,16	4,08	2,04					2,04		
4	Еманаевское городище, VIII—IX вв.	50,0	50,0										
5	Верхний Утчан городище, VI—IX вв.	83,3	16,7										
6	Подкаменное городище, VII—VIII вв.	100											
7	Опутятское городище, V—VI вв.	100											
8	Шудьякар городище, VI—XIV вв.	51,51	4,55	4,55	4,55	24,24		4,55					
9	Анюшкар городище, слой IX—XI вв.	46,4			13,2	26,4			7	6,05		7,00	
10	Анюшкар городище, слой XI—XIV вв.	44,5	11,1	11,1		22,2							
11	Родановская	57,14	3,57	10,71	10,71	14,29			0,9			2,68	

* 1—3, 11 — проценты вычислены на основании данных, содержащихся в таблицах Е. Г. Андреевой и А. Г. Петренко [76, с. 142, 143, 146, 147, 151, 153]; 4—6, 8— определение костей выполнено А. Г. Петренко из раскопок Л. Д. Макарова, Т. К. Ютиной, Р. Д. Голдиной, В. А. Кананина; 7 — [118, с. 116]; 9, 10 — [74, с. 234].

3. Большую роль в хозяйстве играла **охота** на диких животных. В жертвенных ямах Плесинского могильника 63% занимали кости диких животных [241, с. 34]. На протяжении длительного времени (см. табл. 23) население Прикамья с особой настойчивостью добывало пушных зверей (50—70%). Из 29 видов известных на Среднем Урале промысловых пушных животных [208, с. 199] добывалось 14 (табл. 25). Неко-

Таблица 26

Соотношение особей диких копытных животных на поселениях железного века Верхнего и Среднего Прикамья, % *

Номер п/п	Культура, памятник	Кабан	Лось	Северный олень	Косуля
1	Ананьинская	1,68	52,10	44,54	1,68
2	Гляденовская		66,67	33,33	
3	Сандияк городище, IV—VII вв.		84,85	12,12	3,03
4	Еманаевское городище, VIII—IX вв.		66,67	33,33	
5	Верхний Утчан городище, VI—IX вв.			100,0	
6	Подкаменное городище, VII—VIII вв.		66,67		33,33
7	Опутятское городище, V—VI вв.		80,00	20,00	
8	Шудьякар городище, VI—XIV вв.	4,55	40,91	45,45	9,09
9	Анюшкар городище, слой IX—XI вв.		58,00	28,00	24,00
10	Анюшкар городище, слой XI—XII вв.		40,00	40,00	20,00
11	Родановская	4,95	61,39	28,71	4,95

* 1—3, 11 — проценты вычислены на основании данных, содержащихся в таблицах Е. Г. Андреевой и А. Г. Петренко [76, с. 142, 143, 146, 147, 151, 153]; 4, 6, 8 — определение костей выполнено А. Г. Петренко из раскопок Л. Д. Макарова, Т. К. Ютиной, Р. Д. Голдиной, В. А. Кананина; 7 — [118, с. 116]; 9, 10 — [74, с. 234].

торые из них, имеющие, по-видимому, наибольшую ценность (соболь, медведь, бобр), изображены на культовых предметах. Значительное место в промысле занимал речной бобр, который расценивался дороже соболя. Большим спросом пользовались его темно-коричневые с серебристой проседью шкурки, мясо и пух, а также «бобровая струя», широко использовавшаяся в народной медицине [181, с. 244]. Часто охотились на куницу, соболя, также дающих ценный мех. Довольно велико число костей медведей, зайцев и лисиц. Охота на медведя велась главным образом ради шкур, так как мясо его в пищу не употреблялось [88, с. 67].

Медведь играл особую роль в духовной жизни ломоватовцев. Его изображение часто встречается не только на украшениях, но и на предметах культа. Медвежьи клыки употреблялись в качестве оберегов и входили в состав ожерелий. Иногда их воспроизводили в бронзе (табл. XX — 21). Шкуры медведей изображали на культовых бляхах (табл. LI — 12, 13).

Из диких копытных животных охотились на лося, северного оленя, кабана и косулю. Первые два вида абсолютно преобладали (табл. 26). Охота на них велась преимущественно для получения мяса и шкур. Лось — один из распространенных мотивов культовых предметов. На поясных накладках изображены фигуры лося (табл. XII — 13), сцена охоты на него (лось, человек и собака) (табл. XIII — 41, 42). Изображение собаки встречалось и на культовых бляхах (табл. LV — 9). Вероятно, охота велась с помощью собаки.

Важными объектами промысла являлись глухарь, тетерев, рябчик и водоплавающая дичь. Кости птиц обнаружены на поселениях (Лав-

рята) и могильниках (Митино). На Варнинском могильнике поломской культуры найдены кости домашней курицы [285, с. 24]. Изображение птицы — излюбленный мотив ломоватовцев. Он воплощен в кости (табл. XXIII — 17) и многократно в бронзе (табл. XXII — 6, LII — 23).

В способах охоты ярко проявляются традиции и навыки, передававшиеся из поколения в поколение и сохранившиеся до настоящего времени. Наиболее продуктивным периодом охотничьего промысла считались осенние месяцы, когда добывали боровую дичь и белку. Зимой охотились преимущественно на пушных зверей [88, с. 74], а также медведей, лосей и других животных. Главным орудием охоты были, по-видимому, лук и стрелы. Схематическое изображение человека, стреляющего из лука, зафиксировано на одном из поясных наконечников (табл. XIII — 42). Коми-пермяцкий лук, по преданиям, изготовлялся из упругого дерева — можжевельника или крушины; тетива его скручивалась из оленьих или лосиных сухожилий [88, с. 76]. Известно большое количество наконечников стрел, происходящих с разных памятников. На ранней стадии многочисленны костяные наконечники, которых только на костищах известно более 300. В VII—IX вв. широко применялись железные наконечники, весьма дифференцированные по назначению. Экземпляры с тупым концом (табл. XXVI — 18, 43, 44), по-видимому, служили для охоты на ценных пушных зверьков; двурогие наконечники (табл. XXVI — 45, 58, 59) — для поражения водоплавающих птиц.

Многочисленность и разнообразие наконечников копий (табл. XXVII) убеждает в популярности этого оружия при охоте на крупных животных, главным образом медведей. Рогатиной, похожей на копье, до недавнего времени пользовались на охоте в Коми-крае [88, с. 77]. Широко распространены были и другие способы охоты: ловчие ямы, загородки, самострелы, загоны, засеки и др. [88, с. 77; 228, с. 226].

4. **Рыболовство** играло в хозяйстве вспомогательную, но весьма существенную роль. Судя по анализу костей рыб из Роданова городища (X—XIV вв.), в бассейне р. Камы ловили осетра, стерлядь, сома, судака, щуку, окуня и некоторые другие виды рыб [311, с. 48]. Основным орудием лова были сети. Схематический рисунок сетей, с заходящей в них рыбой, изображен на костяном острие для изготовления сетей (табл. XLII — 23). Коми-пермяки плели сети преимущественно из конопли, считая, что они прочнее и в них лучше заходит рыба [88, с. 107]. На Урьинском могильнике было найдено глиняное грузило (табл. XXXIII — 32). Широко применялись в качестве грузил и обычные гальки, обернутые берестой [88, с. 91]. Позвонки рыб использовались как украшения в нагрудных ожерельях, изображения рыб встречаются на предметах культа [304, № 123]. Рыбу ловили, по-видимому, круглый год, но основной ее промысел падал на летние и первые осенние месяцы [88, с. 92]. Кроме сетей, для ловли рыбы широко применялись заграждения, плотины, заборы, верши [88, с. 92, 96—98].

5. В условиях лесной зоны значительное место занимало **собирательство.** В настоящее время на лесном Урале известно до 300 видов дикорастущих пищевых растений, среди которых наибольший интерес представляют плодово-ягодные. Широко распространена брусника,

дающая в среднем 8—10 ц/га ягод; черника, урожайность которой колеблется от 2 до 20 ц/га; малина, средний урожай которой 7—25 ц/га; клюква, черемуха, рябина, калина, смородина, земляника, костяника [165, с. 190, 191].

В ельниках прирусловой зоны рр. Косы и Лолога много кедра [77, с. 182], семена которого, а также ягоды черемухи использовались в качестве суррогата крупы и муки. В виде заменителей чая местное население и в настоящее время использует до 40 видов растений, среди которых особое место занимает шиповник. На Урале встречается до 70 видов съедобных грибов [165, с. 191, 192], которые являются особо любимым блюдом коми-пермяков. Грибы употребляются в течение всего лета, заготовляются на зиму.

Пересекая всю территорию в меридиональном направлении, по верховьям левых притоков р. Иньвы и правых притоков р. Косы идет широкая полоса лесов, богатых липой [77, с. 181]. Цветы липы важный ресурс в пчеловодстве. В этих районах до настоящего времени было широко развито бортничество. В предшествующее, гляденовское время на Средней Каме этот вид промысла культивировался весьма успешно. Не случайно на Гляденовском костище было обнаружено до 80 изображений пчел [78, с. 91]. Очевидно, и на Верхней Каме население ломоватовской культуры продолжало развивать бортевое пчеловодство.

Природа давала населению и необходимые средства для лечения людей и животных. В местной народной медицине используется до 300 видов растений уральской флоры, до 40 видов применяется в народной ветеринарии [165, с. 193].

6. В качестве **домашних промыслов** у ломоватовцев можно предполагать прядение и ткачество, обработку кости, дерева, гончарное дело.

Прядение и ткачество из шерсти, прежде всего овечьей, и конопли было известно в Прикамье еще в ананьинское время [162, с. 63]. Возможно, использовались и волокна крапивы [311, с. 54]. Повсеместные находки пряслиц свидетельствуют о широком применении веретена для прядения ниток.

Коми-пермякам был хорошо известен трехподставной ткацкий стан. Детали его были обнаружены среди находок X—XIV вв. в Верхнем Прикамье [88, с. 111]. Возможно, что появление этого приспособления связано именно с ломоватовской эпохой. При раскопках Баяновского [223, с. 149, 156] и Агафоновского I могильников были обнаружены кусочки холщовой и грубой шерстяной ткани. Из шерсти вязали, очевидно, чулки и рукавицы. На Зародятском селище были найдены 2 пачки иголок по 10 штук в каждой, а в погребении 18 Плесинского могильника — 13 иголок. Хранились иглы в специальных футлярах-игольниках (табл. XXXIII — 35). На Опутятском городище найден костяной предмет, служивший, вероятно, для разметки и разглаживания швов на кожаных изделиях (табл. XXXIX — 31). Из шкур шили верхнюю одежду, головные уборы и обувь. Ломоватовцы хорошо знали окраску тканей и кожи. Во флоре Верхнего Прикамья насчитывается до 50 видов красильных растений (ольха, береза, черемуха, различные травы и мхи) [165, с. 192].

Животноводство и охота давали дешевое и распространенное сырье — кость. В обработку шли главным образом трубчатые кости и рог. Кость первоначально размягчали кипячением в закрытой посуде, после чего ее можно было резать обычным железным ножом. Основная масса изделий из кости представлена костяными наконечниками стрел простой формы. В более сложной манере делали псалии (табл. XXXI—23, 29), рукояти ножей (табл. XXX—37), кружочки (табл. XXX—10, 11). Отверстия в кости на псалиях и иглах просверлены, очевидно, с помощью железных шильев (табл. XXXIX — 35, XLIV — 24, 25, 27). Сверление отверстий производилось с двух сторон. Дополнительная обработка кости не характерна, лишь иглы имеют явные следы шлифовки, по-видимому, точильным камнем (табл. XXXIII — 34, 39, 40, 43; XLVIII — 39) или шлифовальным бруском (табл. XLIV — 19). Некоторые изделия из кости, возможно, полировались кожей и мехом.

Костяные украшения немногочисленны: туалетные ложечки (табл. XXXII — 4, 5), гребни (табл. XXXII — 7—9), подвеска-конек (табл. XXIII — 17). Некоторые из них украшены скульптурными изображениями головок коней, выполненных в технике объемной резьбы. Орнаментация этих изделий достигнута способом гравировки и изображает простейшие геометрические узоры: треугольники, косые линии, полукруги. Иногда гравировка нанесена с помощью циркуля, оставляющего правильный кружок с точкой посередине (табл. XXXII—5). На костяном кружочке орнамент выполнен в технике рельефной резьбы, дающей более углубленные линии (табл. XXXII — 6). В целом необходимо отметить, что обработка кости у ломоватовцев не была столь популярна, как у племен поломской культуры или предков мери. Уже в VII—VIII вв. костяные наконечники стрел на Верхней Каме полностью вытесняются железными. В могилах VII—IX вв. известно лишь 3 костяных экземпляра.

В условиях таежной зоны широко применялся в хозяйстве лес. Ломоватовцы строили бревенчатые дома. Материал могильников демонстрирует высокий уровень обработки дерева. Наряду с простейшими погребальными конструкциями (венцы из бревен), встречаются колоды, выдолбленные из целого дерева. Широкое распространение обычая изготовлять погребальные колоды приводит к мысли о наличии у ломоватовского населения лодок-долбленок. В могилах встречаются и досчатые перекрытия, свидетельствующие об умении раскалывать бревна. В Каневском и Урьинском могильниках обнаружены деревянные полозья от саней. Из дерева изготовляли посуду и простейшую мебель.

В качестве орудий обработки дерева применялись железные проушные топоры, распространившиеся на Верхней Каме повсеместно с VII в., тесла (табл. XXXIII — 44) и долото. Для отделки изделий пользовались скобелем (табл. XXXIII — 42). Для изготовления более мелких предметов (посуды, рукоятей и др.) широко применялись железные ножи, а для оформления выемок — ложкари (табл. XXXIII — 47). Таким образом, набор орудий для обработки дерева характеризовался разнообразием и дифференциацией. Все основные орудия, известные в настоящее время, применялись и населением ломоватовской культуры.

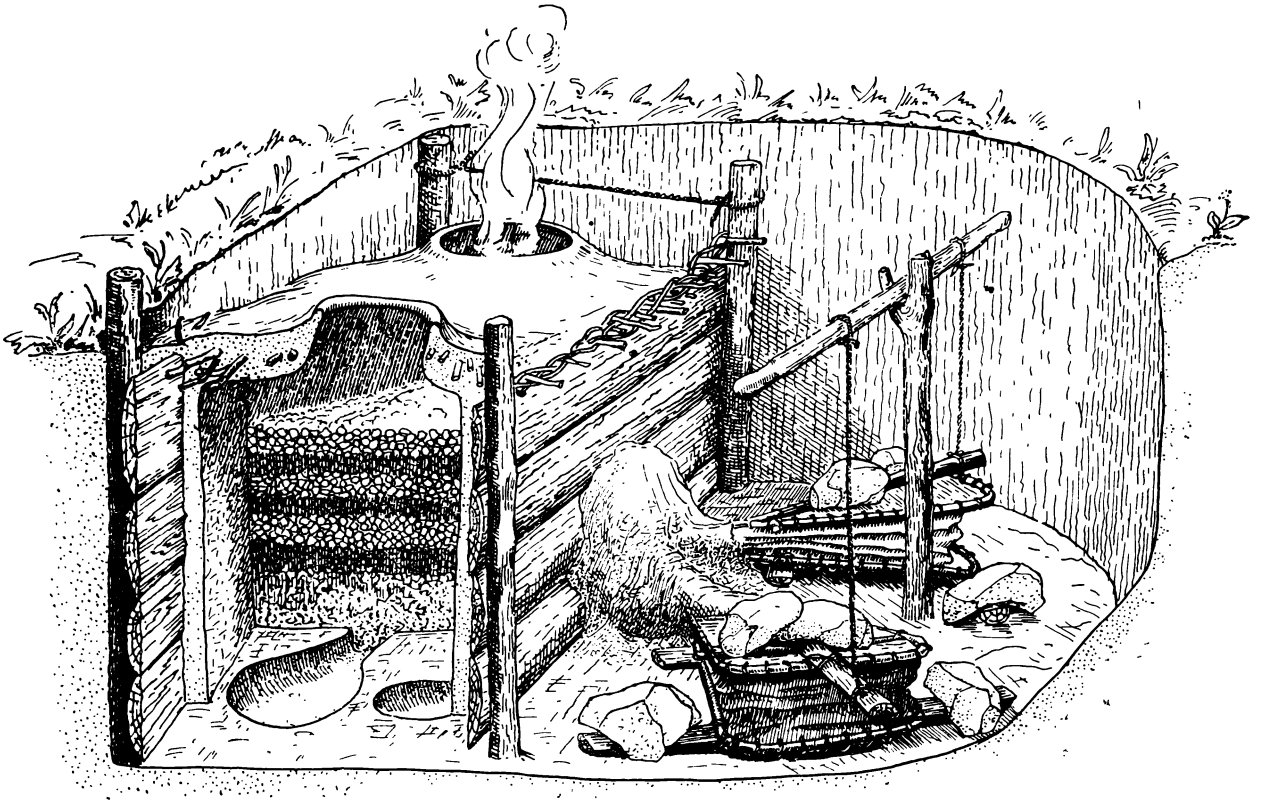

Рис. 17. Реконструкция кузницы по остаткам комплекса Д Опутятского городища (по В. Ф. Генингу)

Можно предполагать, что недостаточно высокий уровень костерезного дела в Верхнем Прикамье объясняется заменой кости во многих случаях деревом — сырьем, которое значительно легче подвергалось обработке.

Флора изучаемого района имеет более 100 дикорастущих растений, которые употреблялись в качестве плетеночного сырья: молодые ветви ив, берез, черемухи, рябины, корни хвойных, стебли крупных злаков и осоковых, кора и луб липы, береста [165, с. 192]. По-видимому, наибольшее применение в хозяйстве находила береста. Ею покрыты днища и стенки погребальных сооружений или жертвенных ям. Иногда весь труп заворачивали в бересту [225, с. 118]. В Бурковском могильнике обнаружена берестяная коробочка с украшениями.

Не менее широко употреблялась кора лип, которые встречаются далеко на севере по верховьям левых притоков р. Иньвы и правых притоков р. Косы. Из лыка плели лапти — основную обувь коми-пермяков до недавнего времени. Орудие для плетения лаптей (кочедык) было найдено в Каневском могильнике (табл. XXXIII — 48). Луб липы употреблялся также на выработку мочала, различных коробов, рогож. Рогожный промысел, по этнографическим данным, особенно был развит у коми-пермяков, живших в бассейне р. Иньвы [88, с. 121].

Изготовление посуды занимало немаловажное место в домашних промыслах. Посуду делали из глины с примесью толченых раковин или песка традиционной техникой ленточного налепа. Помимо сосудов из глины лепили пряслица и грузила для сетей. Рядом с одним из жилищ Зародятского селища был раскопан оригинальный комплекс: покрытый легким навесом очаг, несколько ям и скопление чистой глины, явно предназначенной для изготовления посуды.

7. **Металлообрабатывающие ремесла.** В I тысячелетии н. э. у населения Верхнего Прикамья происходили серьезные изменения в развитии хозяйства, что проявилось в возрастании роли железных орудий, выделении металлообработки в отрасль ремесленного производства. Получают дальнейшее развитие специализированные поселки — металлургические центры, на которых было сосредоточено массовое производство железных и бронзовых изделий. Такой поселок металлургов представляло собой Опутятское городище [118, с. 92—135]. Вся северная часть его площади была занята мастерскими по добыче железа и изготовлению различных бытовых предметов из металлов. На южной стороне располагались жилые и хозяйственные постройки ремесленников. Мастерские-кузницы (рис. 17) представляли собой навесы, под которыми находились наковальни, ямы с водой, углем, рудой, дрова, заготовки известняка, скопления глины. Возле наковален размещались костры для разогрева криц или плавки бронзы. Вода в ямах необходима была при закалке железных изделий. Здесь же найдены орудия труда ремесленников: каменные наковальни и молоты, железное зубило, ювелирные щипчики, большое количество железных криц, кусков руды, палочки — заготовки из свинца и меди, а также готовая продукция: железные ножи, колечки для кольчуги, пряжки, наконечники стрел, шило, бронзовые украшения.

Остатки кузницы были обнаружены и на Зародятском селище, где

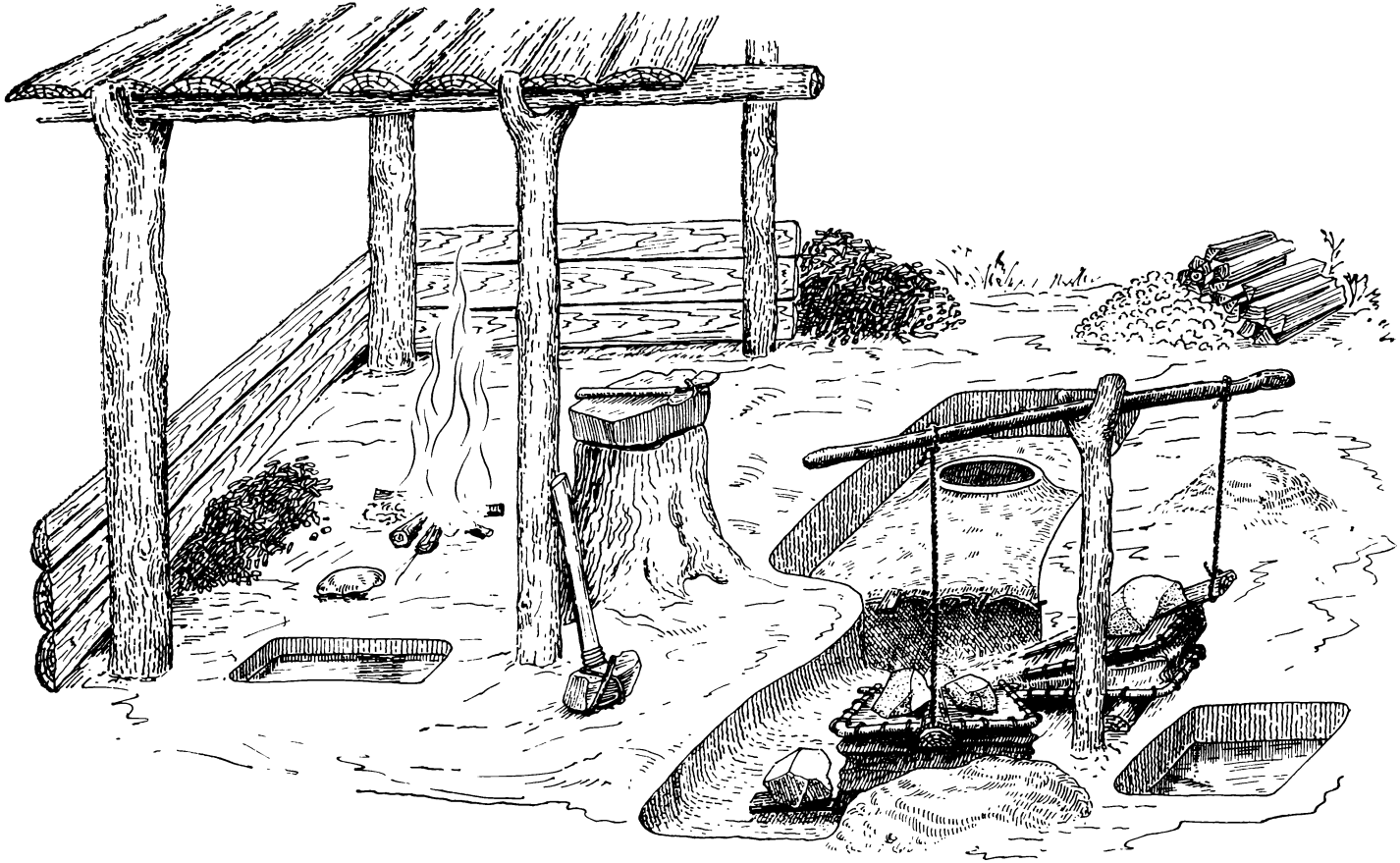

Рис. 18. Реконструкция домницы для варки железа по остаткам в яме № 9 Опутятского городища (по В. Ф. Генингу)

они состояли из 2 очагов, ям, горна, молотов и наковален. Аналогичное сооружение исследовано на городище Шудьякар: остатки навеса, под которым располагался очаг из камней, кострище и яма. Возле них собрано большое количество шлаков тиглей, железных заготовок и готовых изделий.

Домницы для варки железа (рис. 18) представляли собой ямы, в одной половине которых установлена деревянная рама из досок, закрепленных по углам кольями. Стенки ящика изнутри обмазаны глиной, а наружные щели заполнены землей с галькой. В другой половине ямы устраивались меха для подвода воздуха. В некоторых ямах меха, возможно, располагались на поверхности. На городище собрано большое количество ошлакованных криц железа, а также куски шлака с одной полукруглой стороной, совпадающей по форме с чашеобразными углублениями на дне ям. Сверху ящик-раму после загрузки рудой, углем и флюсом замазывали глиной. После очередной варки крицу вынимали через низ домницы. Внутренние размеры домницы (лещади печи) 50—60×90—110 см, что составляло 0,45—0,65 кв. м. Высота шахты сооружения достигала в максимуме 1,0 м. Подобное сооружение в виде наземных ящиков-рам, обмазанных глиной, обнаружено при раскопках Кушманского городища [290, с. 98; 291, с. 237]. Сырьем для получения железа служили болотно-луговые руды Верхокамья [182, рис. 12], а также рассеянные месторождения железных руд, известные на западном склоне Урала [184, с. 176].

По данным В. Ф. Генинга, рабочий объем домниц Опутятского городища достигал 0,3—0,45 куб. м [118, с. 106]. За одну варку в домнице можно было получить до 4—5 кг железа. Каждая домница использовалась многократно. Опутятское городище было крупным центром по производству железа, в котором работало несколько мастеров, снабжавших продукцией не только свой поселок, но и всю округу.

Массовые находки, разнообразие форм железных изделий ломоватовского времени, металлографические исследования, проведенные В. И. Завьяловым, показали, что уровень железоделательного производства у населения Верхнего Прикамья во 2-й половине I тысячелетия н. э. был достаточно высок и соответствовал общему уровню развития восточно-европейского кузнечного ремесла [156]. Для изготовления орудий использовались железо и сталь как сырцовая, так и цементированная. Простые виды изделий (наконечники стрел) отковывались из кричного железа. Для получения качественных орудий широко применялась кузнечная сварка твердого стального лезвия с вязкой железной основой или цементация рабочей части лезвия, а также всего изделия. Для улучшения рабочих качеств орудия использовалась термообработка [156]. Кроме того, были, вероятно, известны резание металла на точильных кругах и напильником, паяние железа, полировка железа и стали, покрытие железа цветными металлами.

Возникновение специализированных производственных центров является одним из первых шагов в формировании поселений нового типа — предшественников раннеклассовых городов. Необходимым звеном в развитии этого процесса является второе крупное общественное разделение труда — отделение ремесла от сельского хозяйства. Форми-

рование и отделение ремесла — процесс длительный, и далеко не все отрасли были охвачены им одновременно. Такие занятия, как изготовление тканей и глиняной посуды, выделка шкур и деревянных изделий еще долго оставались в рамках домашних производств, когда в каждой семье изготовляли тот или иной продукт по мере необходимости. Но важнейшая отрасль средневековой экономики Урала — металлообрабатывающее производство — развивалась в этот период особенно быстрыми темпами и стала высокоспециализированным ремеслом, обеспечивающим широкий спрос населения.

Обособление производственных центров, как это произошло на Опутятском городище, несомненно свидетельствует, что мастера-кузнецы и металлурги уже выделились из общины и продукция ремесла была основным источником их существования. Именно в этом и заключается начало отделения ремесла от земледелия, процесса, который в конечном итоге привел к сосредоточению ремесленного производства в городах, формированию экономических центров раннеклассовых обществ, многие из которых в дальнейшем стали центрами культурной и политической жизни.

Начавшееся второе крупное разделение труда проявляется археологически не только в материалах поселений, но и могильников. В частности, на Азелинском могильнике III—V вв. в бассейне Средней Вятки обнаружено погребение кузнеца [110, с. 31], в котором наряду с обычными принадлежностями мужских захоронений — поясом, застежками, ножами, перстнями, уздечками у ног погребенного располагался набор кузнечных и ювелирных инструментов — молоток, кузнечные клещи, напильник, шилья, ложкарь или кочедык, наковаленка, ножи, резчики, огниво, точильные камни и мелкий инструмент. Особенно важным является наличие в Азелинском погребении кузнеца не только орудий труда, но и исходного сырья готовой продукции (кольчуга, сломанный ральник, наконечник копья, коса). В условиях предшествующего родового общества готовая продукция мастера принадлежала общине и не могла быть помещена в могилу. Здесь картина иная — мастер является полным собственником не только орудий труда, но и сырья и готовой продукции.

В одном из женских погребений Суворовского могильника в изголовье обнаружены набор ювелирных инструментов, заготовки сырья и готовая продукция ремесленника по изготовлению женских украшений — еще одно яркое свидетельство начавшейся глубокой специализации членов первобытной общины в отдельных видах производственной деятельности. Во 2-й половине I тысячелетия н. э. погребения кузнецов и литейщиков встречаются уже довольно часто (Агафоновский I, Редикар, Плес и др.).

Ремесленный характер металлообрабатывающего производства проявляется также в резком возрастании числа железных изделий. Если в могильниках раннего железного века предметы из железа редки и представлены застежками, ножами, редко — мечами, то в погребениях раннего средневековья изделия из этого металла многочисленны и разнообразны. Налажено массовое производство из железа не только предметов вооружения, но и орудий труда. В одной из ям V—VII вв.,

раскопанных на Буйском городище на р. Вятке, найдено 185 железных мотыг, 9 железных наконечников копий и 6 бронзовых гривен. Очевидно, далеко не случаен факт массового производства железных мотыг. Это стало возможным только в условиях высокоспециализированного металлообрабатывающего производства и возросшей потребности населения в мотыгах при подсечно-огневой форме земледелия.

В ломоватовское время достигает расцвета производство бронзовых изделий. Именно для этого периода характерно огромное количество бронзовых предметов, выполненных в высокохудожественной манере. Сырьем для меднолитейного производства служили медистые песчаники, известные в Верхнем Прикамье. Начало разработки этих руд относится ко II тысячелетию до н. э. [323, с. 11—22; 334, с. 92, карта 1]. Приуральские песчаниковые руды содержат соединения, которые легко отшлаковываются при плавке, и потому медь получалась чистой [323, с. 12]. Уже в I тысячелетии до н. э. широко осваиваются и применяются медно-оловянистые сплавы — классические бронзы [334, с. 91—92], которые использовались и в ломоватовское время. Известны результаты анализа 3 предметов: фигуры из Пешкового клада, птицевидной пронизки и изображения зверя без точного местонахождения [340, с. 130]. Металл первого предмета состоял на 8,73% из олова и 88,14% из меди, второго — на 11,7% из олова, 70,8% из меди и 17,53% из цинка и третьего — на 19,35% из олова, 62,1% из меди и 16,2% из цинка. Кроме того, проведены анализы 8 предметов с Подбобыкского костища: застежки с неподвижным крючком, плоского антропоморфного изображения, пластины в виде шкуры медведя, скульптурной фигуры медведя, сульде, двух ящеров и бляхи с изображением медведя [143, с. 230—235, табл. VIII, рис. 133—5—11]. В значительном количестве (70,31—86,03%) в сплавах представлена медь, на втором месте стояло олово (17,43%), остальные компоненты минимальны. В некоторых изделиях присутствовал цинк (до 7%). Пять предметов из 8 покрыты тонким слоем олова, придающего вещам красивый светло-серый цвет и защищающего их от разрушающих влияний [143, с. 230, 235]. В I тысячелетии н. э. в Верхнем Прикамье, как и в других районах европейского Северо-Востока [94, с. 147—149] и Приобья [332], широко применялись бронзы с высоким содержанием олова и цинка.

На многих поселениях часто встречаются остатки бронзолитейного производства: шлаки, рюмкообразные или конусовидные тигли.

Очевидно, плавка меди производилась на территории поселений (Зародятского, Баяновского, Лисья Курья селищ и других памятников). На селище Лисья Курья зафиксирован очаг размером 3,5×1,5 м, окольцованный глиной, возле которого обнаружены железное шило, медный стержень, капли меди, шлаки, множество мелких костей птиц и животных, обломки керамики [45]. На Баяновском селище остатки представляли собой очаг размером 4×1,7 м, состоящий из прокаленной глины и песчаника, рядом с которым найдены шлаки и обожженные кости [225, с. 110—111]. В одной из печей Зародятского селища зафиксировано много сильно обожженной и ошлакованной обмазки. На многих памятниках обнаружены медные слитки (Коновалятском, Ли-

сья Курья селищах, Опутятском городище — табл. XL — 13, 14; Бурковском, Митинском могильниках — табл. XXXIII — 18, 19).

Литейные формы, выполненные из глины или камня, известны среди материалов нижнего слоя Лаврятского городища, Каневского могильника и Рождественского городища [224, табл. III—1—3]. А. В. Шмидт указывал на форму для отливки птицы [340, с. 131]. О местном производстве большинства медных изделий, в том числе предметов культа, свидетельствуют также пластины с литничками, отлитые в одной форме, известные в составе Пешковского [340, с. 131] и Редикарского кладов. Из ювелирных инструментов обнаружены щипчики (табл. XXXIX—10; табл. XLIV—18, 34, 35; табл. XXXIII—23, 25, 26), лопаточки (табл. XXXIII—27), зубило (табл. XXXIX—14) и шилья.

Населению ломоватовской культуры были известны многие технологические приемы обработки бронзы: литье (объемное и плоское), вырезывание из пластины, штамповка, получение проволоки различного сечения и др. Однако отдельные приемы получают особое развитие в различное время. Например, на харинской стадии наиболее распространены изделия, выполненные в технике вырезывания из пластины. Именно таким образом изготовлена основная масса накладок (табл. X—1—15), наконечники ремней (табл. XIII—1—8), ножны (табл. XXXIX—14—16). Из тонких пластин делали привески к подвескам лунничного типа (табл. III—30) в подражание привозным экземплярам, украшенным зернью и вставками (табл. III—32, 33). В харинское время широко применялся прием скрепления пластин с помощью гвоздей-шпеньков с округлыми головками. Отдельные предметы — подвески-уточки (табл. XXIII—14), медведи (табл. XXIII—26) изготовлены в технике объемного литья. Встречаются и изделия, выполненные с помощью плоского литья: гривны (табл. XXIV—57, 60), подвески-коньки (табл. XXIII—20, 24), браслеты (табл. IV—10—12). Пряжки харинского типа представляют собой сочетание нескольких приемов: литья (кольца и язычки), вырезывания или штамповки (пластины).

На агафоновской стадии меняются способы изготовления деталей поясов: большинство их — литые (табл. XI—25—28, 37—43); некоторые накладки составлены из двух частей (табл. XI—29, 31); на отдельных обнаружены вставки из золотой фольги (табл. X—32). В Прикамье было налажено массовое производство деталей поясов по привозным образцам. В качестве последнего, по-видимому, служит набор из Урьинского клада, детали которого отличаются размерами, массивностью и манерой изготовления (табл. LIV—1—8, 10). В это время совершенствуются приемы объемного литья, посредством которого сделано множество пронизок (табл. XXIII—25, 31, 33, 35), рукояти ножей (табл. XXIX—1—4) и др.

На деменковской стадии совершенствуются приемы плоского литья, с помощью которого изготовлены разнообразные детали поясов (табл. X—33—45, XIII—20, 38, 39, 41, 42) и другие вещи. Многочисленны вариации плоских подвесок (табл. XIX—1—14). В технике объемного литья сделаны различные виды пронизок (табл. XXII—22, 24, 31; XXIV—44, 46). Из тонких пластин выполнены привески височных под-

весок (табл. 1—1—17), некоторые из них украшены зернью и сканью (табл. 1—4, 6, 9, 10, 14—17).

На урьинской стадии популярна техника зерни и скани для орнаментации височных подвесок (табл. 1—20—23) и ножен (табл. XXIX—22). Но наряду с полыми привесками появляются литые височные подвески с гроздевидными привесками (табл. II—1—20). Для украшения браслетов широко применяется техника пуансона (табл. IV—32—34, 38—40). В изготовлении подвесок наибольшее распространение получает техника объемного литья. Этим способом изготовлены как основы шумящих подвесок, коробочек (табл. XVI), трубчатых (табл. XVII—40—43, 49) и других, так и привески к ним: колокольчики, гирьки, лапки (табл. XVII—1—14, 22—24, 30, 31, 33—35, 38, 39). В качестве соединительных иногда употреблялись звенья цепочек (табл. XVI—1—4). В технике объемного литья выполнены подвески-уточки (табл. XXIII—8—12) и пронизки, число и типы которых по сравнению с предыдущим временем сократились. Плоское литье применяется значительно реже — при изготовлении пряжек, накладок, небольшого количества основ для шумящих подвесок, например, конько-вых (табл. XIV—12—17), с изображением медведей (табл. XV—13, 16—18, 23) и других изделий.

Таким образом, хозяйство племен ломоватовской культуры было комплексным, с одновременным развитием подсечного земледелия, пастушеского скотоводства и охоты, дополняемых собирательством, бортничеством и рыболовством. Значительного уровня достигли прядение и ткачество, обработка кости, кож, дерева и гончарное дело. Добыча и обработка металлов стояли на стадии ремесленного производства.

2. ОБЩЕСТВО

Попытки реконструкции общественных отношений возможны только после накопления значительного материала с различных категорий памятников. Не случайно, что только в 60-е гг. после проведения крупных стационарных исследований в Прикамье стала возможной постановка проблемы общественного развития древнего населения этого района. В результате исследований В. Ф. Генинга и В. А. Оборина, было определено: в I тысячелетии н. э. род как хозяйственная единица был заменен патриархальной семьей, при этом родовые традиции были достаточно прочны: в семейном праве существовали патриархальные отношения при длительном бытовании пережитков матриархата; значительное развитие получила военная организация и имущественная дифференциация.

В гляденовское время основной экономической ячейкой был род. Члены одного рода жили на нескольких (2—5) селищах, а также имели укрепленный центр. Родовые территории были достаточно локализованы [115, с. 115—126; 265, с. 201]. Роды объединялись в племена, которые имели общественно-политический характер. На хорошо изученной мулянской племенной территории обитало 4—5 родовых групп.

В гляденовской культуре, по мнению Ю. А. Полякова, насчитывалось 8—10 племен [265, с. 201—203; 266, с. 5—6].

Среди ломоватовских памятников также можно выделить несколько групп, располагавшихся на обособленных территориях, чаще всего в бассейне одной реки: чусовская, туйско-гаревская, обвинская, косьвинская, иньвенская, яйвинско-камская, вишерско-камская, косинская, гайнинская, верхокамская. Каждая из них изолирована от других незаселенной полосой в 40—200 км.

Кроме того, встречаются отдельные памятники (Кайгородский, Григоровский, Клепиковский клады, Подбобыкское костище, селище Лисья Курья), удаленные от соседних объектов на 30—100 км. Вполне вероятно, что систематические поиски в этих районах позволят выделить здесь самостоятельные группы.

Наиболее многочисленны памятники в вишерско-камской, туйско-гаревской, обвинской, иньвенской, косинской, гайнинской и верхнекамской группах (табл. 12), где число их колеблется от 22 до 81. Разница в количестве памятников может быть объяснена неравномерностью обследования различных регионов, а также длительностью их заселения. Все группы, кроме туйско-гаревской, известны в родановское время [241, с. 35] и являются, по мнению В. А. Оборина, племенными территориями.

Внутри выделенных территорий памятники распределяются неодинаково. Наиболее компактна косьвинская группа. Во всех остальных можно выделить мелкие локальные группировки. Например, в туйско-гаревском районе обособляются 4 группы: по р. Б. Туй (10 памятников), М. Туй (14), Гаревой (20), Полуденной (13) и Ломоватовке (19). Эти памятники существовали не одновременно. Если туйская, полуденская и гаревская группы функционировали в V—VIII вв., то ломоватовская только в VII—VIII вв. Интересно, что в ломоватовской группе, заселенной позднее, совсем нет укрепленных поселков, курганных могильников и костищ.

При условном допущении, что памятники внутри таких мелких групп функционировали относительно одновременно, некоторый интерес представляет их состав. В большинстве из них имелись почти все категории памятников. Например, в полуденской группе обнаружены 4 городища, 4 селища, костище, 2 курганных могильника, 2 случайных находки. Поскольку в каждой локальной группе функционировали различные типы памятников, отражающие важнейшие стороны жизнедеятельности населения того времени,— поселения, могильники, культовые места, то можно предполагать, что именно эти территории, а не племенные являлись отражением главного общественно-политического единства раннеломоватовского времени. На харинской стадии ломоватовской культуры им был, скорее всего, род.

Территориальное и экономическое единство рода в предшествующее время позволяет считать его наиболее жизнеспособной и стабильной ячейкой в период переселения гляденовцев в Верхнее Прикамье. По-видимому, перенеся серьезные испытания в организационном отношении в этот период, род некоторое время сохраняет свое политическое значение. Вряд ли эту роль, особенно во время переселения на новые

территорий, могло выполнять племя, представляющее собой довольно громоздкое объединение.

Существование устойчивых родовых традиций сказывается в наличии общих родовых могильников, функционирующих на протяжении всей культуры, культовых мест (костищ, родовых центров), городищ больших размеров с мощными укреплениями. Косвенным доказательством сохраняющегося единства родовых традиций является существование специфических особенностей каждого родового могильника. Например, для могил Баяновского некрополя из предметов вооружения характерны наконечники копий и топоры, наконечники стрел отсутствуют, а в мужских захоронениях Каневского могильника часто встречаются наконечники стрел и топоры, но совсем нет копий. По сравнению с предшествующим, в раннеломоватовское время резко возросло число городищ. Если в гляденовской племенной группировке укрепленные поселки составляли лишь 15% от всего числа поселений, то процент ломоватовских городищ равен 24,1. Интересно, что в южных районах культуры обвинском, иньвенском укрепленных поселений больше, чем селищ. По-видимому, политическая ситуация заставляла население южных областей укреплять большую часть своих поселений.

Дальнейшее освоение новых территорий шло, вероятно, в условиях стабилизировавшейся обстановки и необходимость в сооружении городищ отпала. К тому же, при развивающемся подсечном земледелии, требовались значительные свободные площади земли и к началу VIII в., а может быть и раньше, крупные городища прекращают свое существование, уступая место укрепленным поселениям меньшей площади. Этот процесс отвечал, по-видимому, и тенденциям забвения родовых традиций (ликвидация родовых центров). В уменьшении площади поселений явно проявляется стремление больших патриархальных семей к территориальной обособленности и хозяйственной автономии.

Несмотря на сохранение родовых функций, выражавшихся первоначально и в территориальном единстве, экзогамии, общности религиозных церемоний и других, род все более утрачивает свое значение. В процессе освоения новых территорий он становится не только делокализированным, но и, возможно, разобщенным в пределах одного поселка соседством с семьями других родов, утрачивает свое экономическое единство. Однако теряя его, род длительное время выполнял отдельные общественные и идеологические функции, поэтому внутри первобытной соседской общины территориальные отношения часто переплетались с кровнородственными. В этих условиях основной социально-экономической ячейкой становятся большесемейные общины, которые обособляются, самостоятельно ведут свое хозяйство, хотя и живут в одном поселке и составляют первобытную соседскую общину с несколькими другими семьями.

Община этого периода занимала промежуточное положение между родовой, с одной стороны, и сельской — с другой [95, с. 148—149]. Она состояла из нескольких семейных или домовых общин. На могильниках сохраняется рядовой принцип расположения могил. Очевидно, в каждом ряду хоронила умерших большая патриархальная семья. Ни один из могильников не раскопан полностью и не может дать точного пред-

ставления о количестве людей в такой семье. Учитывая, что размеры жилищ сохраняются неизменными от гляденовского до раннеродановского времени, составляя приблизительно 60—80 кв. м, следует согласиться с мнением М. В. Талицкого, что численность коллектива, обитавшего в таком жилище, равнялась 20—30 человекам [311, с. 40]. Эта цифра согласуется и с расчетами Л. Моргана, утверждавшего, что плотность заселения жилищ у индейцев достигала 2—4 кв. м на 1 человека [216, с. 79]. В наиболее полно исследованных рядах (втором и третьем) Деменковского могильника обнаружены 17—22 могилы (ряды не исследованы до конца). По этнографическим данным численность патриархальных семей у коми достигала 30—40 человек [88, с. 285]. Такая семья состояла из 3—4 поколений ближайших родственников по отцовской линии. Она вела общее хозяйство и питалась из одного котла. Хозяйственная самостоятельность патриархальной семьи доказывается остатками на Зародятском селище, где обнаружены 4 обособленные друг от друга усадьбы, в каждой из которых был большой дом с хозяйственными пристройками, хлевами, амбарами, загонами для скота [106, с. 180, 191].

Количество патриархальных семей, живших на одном поселении, различно. На Опутятском городище обитали, по-видимому, 7—8 таких коллективов, на Зародятском селище — 4, на Коновалятском — 2—3.

Наряду с большими семьями, существовали, вероятно, и их объединения — патронимии — группы родственных семей, поддерживающих хозяйственные, родственные и идеологические связи [186, с. 122]. У коми-пермяков патронимические группы называются «ултыр» или «увтыр» [88, с. 288]. Патронимия сохраняла, по-видимому, первоначально хозяйственное единство, выражавшееся в коллективном землевладении и землепользовании, члены ее жили обычно одним поселением или в одном конце большого села, носили одну фамилию и проводили совместно сложные хозяйственные работы, на кладбище их хоронили рядом [88, с. 289—290].

Для больших семей эпохи разложения первобытного общества характерны следующие черты: совместный труд и потребление; совместное владение средствами производства и другим имуществом; сохранение внутри семьи начал первобытного коллективизма; включение в состав семейного коллектива неполноправных членов (рабов) [180, с. 64 и сл., 187, с. 4 и сл.]. По мере дальнейшего развития внутри большесемейных коллективов назревают противоречия. С одной стороны, главы семей стремятся усилить свою власть, стать единоличными распорядителями семейного имущества, с другой — малые семьи стремятся экономически обособиться. В результате таких конфликтов могла возникнуть обособленная или отдельная собственность глав больших семей, противостоящих всему семейному коллективу. Большие семьи рано или поздно начинают распадаться, и носителями частнособственнического начала становятся отделившиеся от большой — малые моногамные семьи.

Интенсивный распад большой патриархальной семьи связан с началом широкого применения в земледелии сох с железными наральниками, позволивших индивидуализировать труд и создавших условия

для экономического обособления малой моногамной семьи [108, с. 103].

Сущность эпохи разложения первобытнообщинного строя заключается в дуализме, когда наряду с устойчивым сохранением отдельных элементов коллективной собственности быстро развивается частная собственность. Стремление больших патриархальных семей к экономическому обособлению привело к тому, что в одном поселке стали жить по соседству разные по родовой принадлежности семьи; родовые связи заменились территориальными, соседскими; появилась первобытная соседская община. Для нее характерны: общая территория, общинное землевладение, наличие общинных органов управления, совместные военные действия, определенное идеологическое единство. Но отдельные патриархальные семьи, являясь сами по себе коллективными собственниками, выступают по отношению к другим семьям уже как частные собственники. Торжество частной собственности наступает, когда разделение больших патриархальных семей завершается выделением наименьшей естественной единицы — парной семьи, которая при своем экономическом обособлении становится моногамной семьей — воплощением нового принципа частной собственности.

Развитие производящих отраслей хозяйства укрепляло положение мужчин в качестве глав патриархальных семей. Погребения мужчин сопровождаются орудиями труда и оружием, в женских могилах эти предметы редки. Принадлежностью последних являются лишь пряслица, иглы и иногда конская сбруя. В некоторых случаях встречаются совместные захоронения женщин и мужчин. Интерес представляет парное захоронение (25 и 26) Урьинского могильника, в котором женское погребение было без вещей, а костяк мужчины сопровождался оружием и украшениями. Патрилинейность к этому времени была явлением прочно укоренившимся [233, с. 203]. Но в условиях лесной зоны, где производящие формы хозяйства развивались сравнительно медленными темпами и длительное время прожиточный минимум обеспечивался комплексным характером хозяйства, долгое время сохраняются пережитки матриархата. Это выражалось в том, что женщине были предоставлены относительно равные права с мужчиной в социальной иерархии общества.

Материал могильников, особенно VIII—IX вв., свидетельствует о значительном обособлении военного ремесла и сосредоточении его в руках отдельных лиц. Выделяются погребения, сопровождающиеся большим количеством вооружения и конского снаряжения (погр. 19, 26, 40 Плесинского и погр. 9, 15 Баяновского могильников). Однако вряд ли этот процесс зашел достаточно далеко. По-видимому, военачальники выполняли и какие-то трудовые повседневные функции, так как в погребении 19 Плесинского могильника помимо предметов вооружения (меча, двух железных наконечников копий, боевого топора, наконечников стрел, сбруи) были найдены также деревообделочные инструменты: шило, ложкарь, тесло, скобель, а также украшения: поясной набор и височные подвески [33, с. 204]. Предметы вооружения довольно часто встречаются в обычных родовых захоронениях, вероятно, обязанность защиты населения в случае опасности лежала на всех членах семейных общин.

Развитие производительных сил повлекло за собой усиление процесса имущественной дифференциации. Он достаточно четко прослеживается на харинской стадии, когда в отдельных захоронениях встречаются привозные серебряные и золотые вещи (Бурково, Митино). В агафоновское время это явление усиливается. Захоронения четвертого с востока ряда Агафоновского I могильника (погр. 4, 8, 13, 21) сопровождаются разнообразным инвентарем: поясами с множеством различных накладок, пронизками и другими предметами. А в одном из захоронений этого ряда (погр. 13) были найдены не только наборный пояс, но и кинжал в серебряных ножнах, шумящая подвеска и серебряная гривна сложного плетения. Отличаются богатством также некоторые ряды погребений других могильников, например, третий с юго-востока ряд раскопа I Урьинского могильника; третий ряд с юга Деменковского могильника, третий ряд Плесинского могильника [233, с. 203] и др.

Дальнейшее совершенствование производящего хозяйства привело к появлению регулярного прибавочного продукта, что явилось важной предпосылкой и условием разложения первобытно-общинного строя. Регулярность получения прибавочного продукта создала реальные возможности для общественного разделения труда, эксплуатации человека и других явлений, приведших в последующем к возникновению классового общества. Прибавочный продукт оказывал разлагающее воздействие на общество только при возможности его реализации и перераспределении через общественное разделение труда и обмен. Именно появление прибавочного продукта создало прочную основу для обмена. Прибавочный продукт не просто расширил сферу обмена, но и сделал его необходимым, потому что в условиях неразвитой внутриобщинной специализации большая часть излишков могла реализоваться только через обмен.

О развитии обмена в условиях средневекового Урала свидетельствуют многочисленные привозные украшения, некоторые виды оружия, серебряная утварь, монеты, стеклянные и каменные бусы, привезенные из Византии, стран Востока. В VII в. на Урале (на Печоре, в Прикамье, Башкирии) были распространены плетеные серебряные цепи, производство которых было налажено в причерноморских мастерских. Анализ бус Приуралья показал, что они были привезены из Сирии, Египта, Ирана, Византии, с Кавказа и других областей.

Большое количество привозных предметов свидетельствует о налаженной, хорошо организованной торговле, что возможно только в развитом обществе, располагающем специализированным хозяйством и прибавочным продуктом, который можно было использовать при обмене. Эквивалентом при обмене служили пушнина, мед и воск. Материалы поселений Прикамья I тысячелетия н. э. убедительно свидетельствуют о развитии специализированной охоты на пушного зверя: соболя, куницу, белку, бобра. То обстоятельство, что пушнина служила основным эквивалентом при торговых операциях подтверждается использованием в старом денежном счете термина «ур», который у народов коми означает «белка». Так, словами «куим ур» (три белки) в некоторых селениях коми называли русскую копейку [88, с. 67].

Материалы ломоватовских памятников позволяют в некоторой степени реконструировать уровень духовной культуры населения. Важными составными частями ее являются культы солнца, огня, неба. Об этом свидетельствуют многочисленные остатки различных церемоний, в которых была велика роль очистительной силы огня. В это время широко распространены круглые бронзовые подвески с имитированными лучами солнца. Разнообразны факты, подтверждающие распространение у населения Урала культа предков, анимистических и тотемистических представлений.

Именно на I тысячелетие н. э. падает расцвет пермского звериного стиля, наиболее ярко выразившегося в металлической пластике. Это явление объясняется рядом причин: развитием производительных сил; усилением роли скотоводства и земледелия в хозяйстве; совершенствованием металлургического производства; обострением процессов распада первобытных отношений; укреплением патриархальных отношений; участившимися военными столкновениями между различными группами населения; дальнейшим развитием обмена, при котором основным эквивалентом выступали продукты охоты и т. д. [239, с. 15]. Многие сюжеты пермского звериного стиля имеют истоки в искусстве предшествующей поры. Таковы изображения птиц, медведей, лошадей, лосей. Однако эти мотивы в ломоватовский период становятся значительно более разнообразными и получают совершенно новое, оригинальное оформление. Большинство сюжетов, известных в ломоватовское время, находит объяснение в этнографических и исторических материалах народов Урала. Так, некоторые виды птиц, столь часто изображенных в металлической пластике средневековья, были наиболее почитаемы у народов Урала. Например, у коми немало легенд связано с уткой и лебедем — «юсь», который считался священной птицей, и мясо его не употреблялось в пищу. Характерной особенностью этого времени были изображения птиц не в статических позах, а в движении — в полете, терзающих добычу, например, голову медведя либо какого-то другого зверя.

У коми существовал культ медведя — «оша». Один из народных героев коми носил имя Кудым-ош. Охотники считали медведя похожим на человека и называли его «хозяином».

Некоторые изображения животных использовались населением Урала с декоративной целью как украшения костюма и культовой — своеобразные обереги. В отдельных случаях подобные же предметы предназначались для оформления костюма служителей культа — шаманов.

Особенно выразительно бронзовое культовое литье — плоские пластины с изображениями различных животных и людей. Наиболее распространены фигуры лосей, человеко-лосей, сульде (человека в головном уборе в виде головы лося), дополненных изображениями бобров, кротов, ондатр, голов медведей, лосей и других животных. Фигуры располагаются тремя зонами, в которых исследователи видят три мира — верхний (небесный), средний (земной) и нижний (подземный) [278; 335, с. 81—85].

По мнению многих ученых, эти пластины являлись атрибутом ша-

манского культа, а сюжеты отражали объекты реальной жизни населения средневековья и в определенной степени — уровень развития общественных отношений. В частности, многократные изображения мужчин в сопровождении женских фигур свидетельствуют о становлении патриархальных отношений, возрастании роли мужчины в экономике и общественной жизни. Л. С. Грибова, анализируя культовые пластины, считает их родовыми, фратриальными и племенными знаками, носившими социальный и религиозно-идеологический характер, в сюжетах пластин проявилась, по ее мнению, социальная структура общества — древние тотемические роды, включавшие кроме людей и фантастических прародителей [141].

Л. В. Чижова, исследуя вопрос о семантике культового литья [335], связывает его появление именно с периодом разложения первобытно-общинных отношений и справедливо видит в отдельных сюжетах бронзовых пластин проявления разнообразных процессов этой эпохи. В частности, хозяйственное обособление моногамной семьи проявляется в распространении трехфигурной композиции — мужчины, женщины и ребенка. Изображения человеко-лосей и человека с головным убором в виде головы лося трактуется Л. В. Чижовой как фигура служителя культа шамана в своеобразном одеянии, а изображения отдельных фигур мужчин — как изображения ремесленников-металлургов или вождей-старейшин.

Итак, ломоватовская культура — это период разложения первобытно-общинного строя, основную хозяйственную единицу у ломоватовского населения составляла большесемейная община. На ранней стадии ломоватовской культуры политические функции, возможно, выполнял род, постепенно ее утративший. Однако пережитки родовых традиций продолжают сохраняться. Патриархальность и патрилинейность все более укрепляются. Идет процесс имущественной дифференциации. Некоторый имущественный приоритет дал возможность выделиться группе военачальников, однако военное ремесло в случае опасности было обязанностью всех членов коллектива.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предлагаемая книга представляет собой первую попытку обобщить накопленные материалы по ломоватовской культуре. Характеристика погребальных традиций, формально-типологическая классификация материала некрополей позволили определить специфику погребальных памятников культуры. Материал могильников явился основой для выделения хронологических периодов развития предметов ломоватовского времени. Комплексное изучение погребального инвентаря с помощью методов культурной стратиграфии, математической оценки сопряженностей типов на основе теории вероятности, определения доверительных интервалов для вероятности по частости убеждает в правильности выделения хронологически последовательных групп вещей. На основании аналогов предметам и монет удалось определить абсолютные даты бытования вещей каждой группы. Взаимопроверка и совпадение результатов, полученных разными способами при анализе различных категорий предметов, убеждают в необходимости более смело применять математические методы при хронологизации погребального инвентаря.

Выявлены особенности городищ и селищ ломоватовской культуры, намечена схема их эволюции, определено своеобразие керамических комплексов этого времени.

Материал костищ, случайных находок, кладов позволяет ярче представить самобытность ломоватовских племен. Костища — оригинальные памятники, сочетающие в себе функции жертвенных мест и некрополей. Малые костища Верхнего Прикамья существовали главным образом в ломоватовское время. Специфика ломоватовской культуры проявляется также в притоке на Верхнюю Каму большого числа византийского и сасанидского серебра. Особенностью идеологических представлений населения ломоватовского времени является широкое распространение плоских шаманских изображений.

Анализ соотношения материалов различных памятников позволил уточнить рамки существования культуры в пределах V—IX вв. и выделить четыре периода в ее развитии: харинский (V—VI вв.), агафоновский (конец VI—VII вв.), деменковский (конец VII—VIII вв.), урьинский (конец VIII—IX вв.). Каждый из периодов характеризуется особенностями погребального инвентаря, специфическим набором вещей и характером памятников. С помощью картографирования наиболее распространенных предметов определенной стадии намечена эволюция основных направлений культурных связей.

Исследуемый материал дает возможность выделить два компонента в сложении ломоватовской культуры: пришлый из отдаленных южных областей и гляденовский. Каждый из них имеет свои специфические черты. Оба компонента появились в Верхнем Прикамье одновременно, но в южных районах преобладало гляденовское население, а в северных — пришлое. Комплекс единых признаков поселений, погре-

бального обряда, вещевого материала, глиняной посуды, изменяющихся на протяжении I тысячелетия н. э., позволяет говорить о необходимости объединения рассматриваемых памятников в рамках одной культуры. Сравнение материалов ломоватовской и соседних культур убеждает в правильности обособления памятников исследуемой культуры от неволинских, среднекамских, поломских и ванвиздинских.

Хозяйство ломоватовского населения комплексное, имело развитое мотыжное земледелие, пастушеское скотоводство, охотничий промысел, вспомогательные промыслы — рыболовство и собирательство. В качестве домашних производств были развиты прядение и ткачество, обработка дерева, кож, гончарное дело. Особенно высок был уровень металлообрабатывающего производства. Изготовление костяных вещей у ломоватовцев было менее популярно, чем у их соседей — древнеудмуртских и древнемерянских племен.

Исследование различных категорий памятников в комплексе дает возможность наметить задачи дальнейших археологических раскопок на памятниках I тысячелетия н. э. Верхнего Прикамья. Необходимы широкие полевые исследования на поселениях, что позволило бы выявить своеобразие каждой из племенных групп и более четко отделить гляденовский компонент от пришлого.

Другая задача — изучение памятников неволинской и среднекамской территорий и на этой основе более глубокий анализ их соотношения с ломоватовскими. Необходимо разработать хронологическую шкалу по материалам неволинских памятников и сравнить ее с делением ломоватовских могильников. Эта работа будет способствовать проверке и уточнению периодизации в целом средневековых памятников Приуралья.

С накоплением новых материалов особого внимания потребуют вопросы датировки ломоватовских костищ и развития общественных отношений ломоватовского населения.

В области изучения хозяйства главным, вероятно, будет вопрос о соотношении отдельных отраслей в разных районах ломоватовской культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. *Анучин Д. Н.* Дневник экспедиции за 1887 г. на Урал.— Архив музея антропологии, 1887.
2. *Борисов В. Л.* Краткий отчет и опись предметов из раскопок 1900 г.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. ДАК, д. 110.
3. *Бочкарева В. П.* Отчет о раскопках Кудымкарского городища в Коми-Пермяцком национальном округе Пермской области за 1971 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 4561.
4. *Викторова В. Д.* Археологическая карта бассейна рр. Туры и Тавды (опыт систематизации и периодизации археологических памятников). Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1968.— Архив ИА АН СССР, ф. р-2, д. 2043, 2043а.
5. *Вотинцева (Голдина) Р. Д.* Отчет о разведке в Гайнском районе Пермской области за 1961.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 2579.
6. *Генинг В. Ф.* Отчет об исследованиях археологических памятников в бассейне рр. Полуденная и Туй в 1951 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 590.
7. *Генинг В. Ф.* Отчет об археологических исследованиях, проведенных Добрянским отрядом КАЭ в 1952 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 714.
8. *Генинг В. Ф.* Отчет об археологических исследованиях, проведенных Добрянским отрядом КАЭ в 1953 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 758.
9. *Генинг В. Ф.* Отчет о раскопках Каневского и Важгортского могильников в 1953 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 964.
10. *Генинг В. Ф.* Отчет о раскопках Деменковского могильника в 1953 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 876.
11. *Генинг В. Ф.* Отчет об исследованиях курганных могильников в Косинском и Кочевском районах Коми-Пермяцкого национального округа в 1956 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 1367.
12. *Генинг В. Ф.* Отчет об археологических исследованиях Ишимского отряда Уральской экспедиции в 1964 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 2865.
13. *Генинг В. Ф.* Усть-Туйское костище. Машинопись, 1969.— Архив В. Ф. Генинга.
14. *Генинг. В. Ф., Еговкина Л. М., Стоянов В. Е.* Отчет об исследовании археологических памятников в Косинском и Кочевском районах Коми-Пермяцкого округа в 1956 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 1367.
15. *Голдина Р. Д.* Отчет о раскопках Малышевского поселения в 1965 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 3371.
16. *Голдина Р. Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971.— Архив КА УрГУ.
17. *Голдина Р. Д.* Отчет об исследованиях Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета в 1973 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 5199, 5199а.
18. *Голдина Р. Д.* Отчет об исследованиях Камско-Вятской археологической экспедиции в 1974 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 5576, 5577.
19. *Голдина Р. Д.* Отчет об исследованиях Камско-Вятской археологической экспедиции в 1975 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 5764.

20. *Голдина Р. Д.* Отчет об исследованиях Камско-Вятской археологической экспедиции в 1976 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 5937.
21. *Голдина Р. Д., Прокопов А. В.* Отчет о раскопках Агафоновского могильника в 1969 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 4005.
22. *Денисов В. П.* Отчет о раскопках Б. Висимского могильника в 1959 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 2006.
23. *Денисов В. П.* Отчет о раскопках и разведках, проведенных Косинским отрядом в 1962 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 2478.
24. *Денисов В. П.* Отчет об исследованиях в Пермской области в 1972 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 5226.
25. *Денисов В. П.* Отчет о раскопках и разведках, проведенных Верхнекамским отрядом в 1974 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 5618.
26. *Кананин В. А.* Отчет о разведке в Афанасьевском районе Кировской области в 1973 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 5954.
27. *Кананин В. А.* Отчет о разведке в Афанасьевском районе Кировской области в 1975 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 6013.
28. *Кананин В. А.* Отчет об исследованиях в Афанасьевском районе Кировской области в 1976 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 6361.
29. *Кананин В. А.* Отчет об археологических исследованиях в Афанасьевском районе Кировской области в 1977 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 6650.
30. *Кананин В. А.* Отчет об археологических исследованиях в Афанасьевском районе Кировской области в 1978 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1.
31. *Лещенко В. Ю.* Отчет об археологической разведке в Вильгортском сельском Совете Чердынского района Пермской области в 1963 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 2757.
32. *Лещенко В. Ю.* Отчет об археологических разведках в Кочевском и Чердынском районах Пермской области в 1967 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 3802.
33. *Лунегов И. А.* Отчет об археологических исследованиях, проведенных в пределах Чердынского и Ныробского районов Пермской области в 1954 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 943.
34. *Лунегов И. А.* Отчет об археологическом обследовании местонахождения клада пьяноборско-гляденовской культуры в Чердынском районе Пермской области в 1957 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 1419.
35. *Макаров Л. Д.* Отчет об археологических исследованиях в Кудымкарском районе Пермской области в 1976 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 6333.
36. *Мельничук А. Ф.* Отчет об археологической разведке в Соликамском районе Пермской области и в пригородной зоне г. Березники в 1977 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 6627.
37. *Мельничук А. Ф.* Отчет о разведке в пригородной зоне г. Березники Пермской области в 1978 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 7316.
38. *Мельничук А. Ф.* Отчет о работе Березниковского отряда КАЭ в 1980 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 8011.
39. *Москотина Л. А.* Отчет об археологических разведках в Кольчужском сельском Совете Чердынского района Пермской области в 1962 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 2535.
40. *Оборин В. А.* Отчет об археологических раскопках в Пермской области в 1960 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 2091.
41. *Оборин В. А.* Отчет об археологических раскопках в Пермской области в 1960 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 2114.

42. *Оборин В. А.* Отчет о раскопках Плесинского могильника в 1961 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 2280.
43. *Оборин В. А.* Отчет о разведках и раскопках в Пермской области в 1962 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 2477.
44. *Оборин В. А.* Отчет об археологических раскопках в Пермской области в 1964 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 2948.
45. *Оборин В. А.* Отчет об археологических раскопках в Пермской области в 1966 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 3357.
46. *Оборин В. А.* Отчет о раскопках в Пермской области в 1969 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 3931.
47. *Оборин В. А.* Отчет о разведках и раскопках в Пермской области в 1975 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 5805.
48. *Оборин В. А.* Отчет о раскопках в Пермской области в 1977 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 6576.
49. Опись предметов из раскопок В. Л. Борисова за 1901—1902 гг.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. ДАК, д. 113.
50. *Поляков Ю. А.* Отчет о раскопках Патраковского селища в 1953 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 1579.
51. *Поляков Ю. А.* Отчет о разведке в Гайнинском районе Пермской области в 1961 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 2347.
52. *Поляков Ю. А.* Отчет о разведке в Гайнинском районе Пермской области в 1962 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 2446.
53. *Поляков Ю. А.* Отчет о раскопках Култаевского I селища в 1963 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 2671.
54. *Поляков Ю. А.* Отчет о раскопках Горюхалихинского городища в 1966 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 3392.
55. *Поляков Ю. А.* Отчет о полевых исследованиях в Добрянском районе Пермской области в 1972 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 4761.
56. *Поляков Ю. А.* Отчет о полевых исследованиях в Добрянском районе Пермской области в 1973 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 5063.
57. *Поляков Ю. А.* Отчет о разведке по р. Иньве в 1974 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 5602.
58. *Поляков Ю. А.* Отчет о разведках в Добрянском и Ильинском районах Пермской области в 1975 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 6307.
59. *Поляков Ю. А.* Отчет о раскопках Назаровского городища в Ильинском районе Пермской области в 1977 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 7074.
60. *Поляков Ю. А.* Отчет о раскопках Назаровского городища в Ильинском районе Пермской области в 1979 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 7632.
61. *Поляков Ю. А.* Гляденовская культура в Среднем и Верхнем Прикамье (III в. до н. э.— середина VI в. н.э.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.— Архив ИА АН СССР, ф. р-2, д. 2269.
62. *Прокопов А. В.* Отчет об исследованиях Агафоновского могильника в 1970 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 4136.
63. *Спицын А. А.* Отчет о поездке в Чердынский уезд Пермской губернии в 1894 г.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. ДАК, д. 95.
64. *Талицкая И. А.* Отчет о работе Чердынского отряда Камской археологической экспедиции в 1947 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1, д. 159.
65. *Талицкий М. В.* Археологические памятники бассейна р. Иньвы, 1938.— Архив ИА АН СССР, ф. 9, д. 18, 19, 20.

66. *Теплоухов А. Е.* Археологический дневник, 1870.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 48, д. 1, 2.
67. *Теплоухов Ф. А.* Материалы для исследования городищ и других чудских поселений, 1888. Рукопись.— Архив Пермского областного краеведческого музея.
68. *Теплоухов Ф.* А. Период древнейших костищ, 1899. Рукопись.— Архив Пермского краеведческого музея.
69. *Черных Е. М.* Отчет о разведочных работах в Афанасьевском районе Кировской области в 1981 г.— Архив ИА АН СССР, ф. р-1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

70. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— М.: Наука, 1978. 120 с. (САИ, вып. Г1—12).
71. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. I.— СА, 1971, № 2, с. 96—123.
72. *Амброз А. К.* СА, 1973, № 2, с. 288—298.— Рец. на кн.: Erdelyi I., Ojtozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Nevolino. Budapest, 1969.
73. *Амброз А. К.* Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV—VII вв.— В кн.: Средневековые древности евразийских степей.— М.: Наука, 1980. с. 3—56.
74. *Андреева Е. Г.* Домашняя и дикая фауна городища Анюшкар.— Уч. зап./ПГУ, 1960, т. 12, вып. 1, с. 231—243.
75. *Андреева Е. Г.* Животные Прикамья ананьинского времени по костным остаткам из археологических памятников.— Уч. зап./ПГУ, 1967, № 148, с. 171—186.
76. *Андреева Е. Г., Петренко А. Г.* Древние млекопитающие по археологическим материалам Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья.— В кн.: Из археологии Волго-Камья/КФ АН СССР.— Казань, 1976, с. 137—189.
77. *Аникина Э. Э.* Характерные ландшафты северо-запада Пермской области и их ботанические элементы/Перм. ун-т.— В кн.: География Пермской области.— Пермь, 1964, с. 180—184.
78. *Анучин Д. Н.* К истории искусства и верований у приуральской чуди.— В кн.: МАВГР.— М.: Изд. ИМАО, 1899, т. 3, с. 87—160.
79. *Архипов Г. А.* Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973. 200 с.
80. Археологические находки в Пермской губ. за последние два года, объявленные официально. Тр./ПУАК, 1896, т. 3, с. 128—130.
81. *Бадер О. Н.* Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции.— Уч. зап./ПГУ, 1953, т. 9, вып. 3, с. 3—87.
82. *Бадер О. Н.* Камская археологическая экспедиция.— КСИИМК, 1954, вып. 55, с. 117—128.
83. *Бадер О. Н.* Очерк работ Камской археологической экспедиции в 1953 и 1954 годах.— Уч. зап./ПГУ, 1956, т. II, вып. 3, с. 5—44.
84. *Бадер О. Н., Оборин В. А.* На заре истории Прикамья.— Пермь: Кн. изд-во, 1958. 244 с.
85. *Бадер О. Н., Оборин В. А.* Очерк работ КАЭ в 1955 и 1956 гг.—Уч. зап./ПГУ, 1960, т. 12, вып. 1, с. 3—33.
86. *Бадер О. Н., Смирнов А. П.* «Серебро Закамское» первых веков н.э.— М.: Госкультпросветиздат, 1954. 26 с. (Тр./ГИМ, вып. 13).
87. *Базсканов.* Горный журнал, 1857, кн. 7, с. 52—54.

88. *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии народов коми.— М.: Наука, 1958. 394 с. (Тр/ИЭ, т. 45).
89. *Берх В. Н.* Путешествия в города Чердынь и Соликамск. СПб., 1821. 234 с.
90. *Бломквист А. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов.— М.: Наука, 1956. 461 с. (Тр./ИЭ, т. 31, новая серия).
91. *Борисов В. Л.* Отчет о раскопках.— ОАК за 1900 г.— СПб., 1902, с. 87—89.
92. *Борисов А. Я., Луконин В. Г.* Сасанидские геммы. Л., Изд-во Государственного Эрмитажа, 1963. 222 с.
93. *Буров Г. М.* Вычегодский край.— М.: Наука, 1965. 198 с.
94. *Буров Г. М.* Древний Синдор.— М.: Наука, 1967. 220 с.
95. *Бутинов Н. А.* Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты).— В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ.— М., 1968, кн. 1, с. 89—155.
96. *Вечтомов А. Д.* Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья.— Уч. зап./ПГУ, 1967, № 148, с. 133—155.
97. *Вечтомов А. Д.* К вопросу о племенной организации населения Среднего Прикамья в эпоху раннего железа.— Уч. зап./ПГУ, 1968, № 191, с. 72—86.
98. *Викторова В. Д.* Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья, Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Свердловск, 1969. 20 с.
99. *Вологдин П. А.* Чудское городище.— Изв. Общества ЛЕАЭ при МГУ.— М., 1887, т. 49, вып. 3, с. 11—14.
100. *Вологдин П. А.* Очерк губернского города Перми.— Пермь, 1887, 22 с.
101. *Вощинина А. И.* О связях Приуралья с Востоком в VI—VII вв. н. э.— СА, 1953, т. 17, с. 183—196.
102. Вятские губернские ведомости, 1889, № 60—62.
103. *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен.— М.; Л.: Наука, 1965. 113 с.
104. *Генинг В. Ф.* Бродовский могильник.— КСИИМК, 1953, вып. 52, с. 87—98.
105. *Генинг В. Ф.* Памятники харинского времени в Прикамье.— КСИИМК, 1955, вып. 57, с. 115—123.
106. *Генинг В. Ф.* Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа.— Тр./Казанск. филиал АН СССР, Сер. гуманитарные науки, 1959, вып. 2, с. 157—219.
107. *Генинг В. Ф.* Осинское городище.— В кн.: Отчеты К(В)АЭ.— М., 1959, вып. 1, с. 164—195.
108. *Генинг В. Ф.* Древнеудмуртский могильник Мыдланьшай/Уральск. ун-т.— В кн.: Вопросы археологии Урала.— Свердловск, 1962, вып. 3, с. 5—111.
109. *Генинг В. Ф.* Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры.— В кн.: Вопросы археологии Урала/Уральск. ун-т.— Свердловск, 1962, вып. 4, с. 5—51.
110. *Генинг В. Ф.* Азелинская культура III—V вв.— В кн.: Вопросы археологии Урала/Уральск. ун-т.— Ижевск, 1963, вып. 5. 195 с.
111. *Генинг В. Ф.* Деменковский могильник — памятник ломоватовской культуры.— В кн.: Вопросы археологии Урала/Уральск. ун-т.— Свердловск, 1964, вып. 6, с. 94—151.
112. Генинг В. Ф. Памятники неволинского типа и их место в истории уральского населения.— Acta Archaelogica, Academie scientiorum Hungarical, t. 17. Budapest, 1965, s. 335—342.
113. *Генинг В. Ф.* Мазунинская культура в Среднем Прикамье.— В кн.: Вопросы археологии Урала/Уральск. ун-т.— Свердловск, 1967, вып. 7, с. 7—84.

114. *Генинг В. Ф.* Городище Чеганда 1 в мазунинское время.— В кн.: Вопросы археологии Урала/Уральск. ун-т.— Свердловск, 1967, вып. 7, с. 141—163.
115. *Генинг В. Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху.— В кн.: Вопросы археологии Урала/Уральск. ун-т.— Свердловск, 1970, вып. 10. 216 с.
116. *Генинг В. Ф.* Гляденовское костище — могильник с обрядом трупосожжения.— В кн.: Древности Волго-Камья/КФ АН СССР.— Казань, 1977, с. 21—30.
117. *Генинг В. Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э.: (По материалам могильников Прикамья).— КСИА, 1979, вып. 158, с. 96—106.
118. *Генинг В. Ф.* Опутятское городище — металлургический центр харинского времени в Прикамье (2-я половина V—I-я половина VI вв. н. э.).— В кн.: Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье/Удм. ун-т.— Ижевск, 1980, с. 92—135.
119. *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе.— В кн.: Вопросы археологии Урала/Уральск. ун-т.— Свердловск, 1970, вып. 9, с. 30—56.
120. *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье.— В кн.: Вопросы археологии Урала/Уральск. ун-т.— Свердловск, 1973, вып. 12, с. 58—121.
121. *Генинг В. Ф. Евдокимов В. В.* Логиновское городище (VI—VII вв. н. э.) — В кн.: Вопросы археологии Урала/Уральск. ун-т.— Свердловск, 1969, вып. 8, с. 102—127.
122. *Генинг В. Ф., Оборин В. А.* К вопросу о гляденовской культуре.— Уч. зап./ПГУ, 1960, т. 12, вып. 1, с. 160—174.
123. *Генинг В. Ф., Стоянов В. Е., Хлебникова Т. А.* и др. Археологические памятники у с. Рождествено.— Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1962. 128 с.
124. *Голдина Р. Д.* К вопросу о своеобразии неволинских памятников бассейна р. Сылвы.— Уч. зап./ПГУ, 1968, № 191, с. 87—98.
125. *Голдина Р. Д.* Агафоновский могильник на Верхней Каме.— Уч. зап./ПГУ, 1968, № 191, с. 111—119.
126. *Голдина Р. Д.* Могильники VII—IX вв. на Верхней Каме.— В кн.: Вопросы археологии Урала/Уральск. ун-т.— Свердловск, 1970, вып. 9, с. 57—118.
127. *Голдина Р. Д.* К вопросу о культурном единстве ломоватовских памятников.— В кн.: Древности Волго-Камья/КФ АН СССР.— Казань, 1977, с. 42—51.
128. *Голдина Р. Д.* Основные итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции за 1973—1975 гг.— В кн.: Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья/Удм. ун-т.— Ижевск, 1977, с. 10—44.
129. *Голдина Р. Д.* Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье.— КСИА, 1979, вып. 158, с. 79—90.
130. *Голдина Р. Д., Кананин В. А.* Раскопки Агафоновских могильников.— АО, 1971.— М.: Наука, 1972, с. 191—192.
131. *Голдина Р. Д., Кананин В. А., Прокопов А. В.* Раскопки Агафоновских могильников.— АО, 1973.— М.: Наука, 1974, с. 146.
132. *Голдина Р. Д., Гусенцова Т. М., Анонова Г. Н.* и др. Работы в Кировской и Пермской областях.— АО, 1974.— М.: Наука, 1975, с. 149—150.
133. *Голдина Р. Д., Кананин В. А.* Работы в Афанасьевском районе Кировской области.— АО, 1974.— М.: Наука, 1976, с. 170—171.
134. *Голдина Р. Д., Королева О. П., Макаров Л. Д.* Агафоновский I могильник — памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области.— В кн.: Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье/Удм. ун-т.— Ижевск, 1980, с. 3—66.
135. *Голдина Р. Д., Королева О. П.* Бусы средневековых могильников Верхнего При-

камья.— В кн.: Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху/ Удм. ун-т.— Ижевск, 1983, с. 40—72.
136. *Голубева Л. А.* Коньковые подвески из Верхнего Прикамья.— СА, 1966, № 3, с. 80—98.
137. *Городцов В. А.* Подчеремский клад.— СА, 1937, № 2, с. 113—150.
138. *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья.— М.: Наука, 1961. 267 с. (МИА, № 94).
139. *Горюнова Е. И.* Развитие жилища у мордвы.— Тр./ИЭ, 1963, т. 86, с. 127—146.
140. *Грач А. Д.* Археологические исследования в Кара-холе и Монгуптайге.— Тр./Тувинск. комплексн. археолого-этнографическ. экспедиция.— М.: Наука: 1960, т. 1, с. 73—150.
141. *Грибова С. Л.* Пермский звериный стиль.— М.: Наука, 1965. 148 с.
142. *Грязнов М. П.* Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби,— КСИИМК, 1952, вып. 48, с. 93—102.
143. *Данилевский В. В.* Историко-технологические исследования древних бронзовых изделий с Кавказа и Северного Урала.— В кн.: Археологические работы Академии на новостройках в 1932 — 1933 гг.— М.; Л.; ОГИЗ, 1935, с. 215—252.
144. *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока.— М.: Наука, 1976. 200 с.
145. *Даркевич В. П., Черников В. Ф.* Новое в изучении среднеазиатской торевтики (Афанасьевский клад).— КСИА, 1971, вып. 128, с. 106—116.
146. *Девель Т. М.* Обозрение коллекций собрания фотоархива ИИМК.— СА, 1950, № 2, с. 289.
147. *Денисов В. П.* Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры.— Уч. зап./ПГУ, 1967, № 148, с. 29—50.
148. *Денисов В. П.* Заюрчимское VI поселение — памятник раннего железного века в Среднем Прикамье.— Уч. зап./ПГУ, 1968, № 191, с. 49—71.
149. *Деопик В. Б.* Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв.— СА, 1959, № 3, с. 48—65.
150. *Деопик В. Б.* Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв.— СА, 1961, № 3, с. 202—232.
151. *Деревянко Е. И.* Троицкий могильник.— Новосибирск: Наука, 1977. 224 с.
152. *Ефимова А. М.* Городецкое селище и булгарское городище у с. Балымеры Татарской АССР.— МИА, 1962, № 111, с. 25—48.
153. *Ешевский С. В.* Заметки о пермских древностях.— В кн.: Пермский сборник.— М., 1859, кн. 1, с. 132—142.
154. *Ешевский С. В.* Пермские древности, находящиеся в Москве, в Лазаревском институте восточных языков.— В кн.: Пермский сборник.— М.. 1860, кн. 2, с. 35—40.
155. *Жиромский Б. Б.* Древнеродовое святилище Шолом.— МИА, 1958, № 61, с. 424—450.
156. *Завьялов В. И.* Результаты металлографического исследования предметов из черного металла с памятников ломоватовской и родановской культур.— В кн.: Памятники железного века Камско-Вятского междуречья / Удм. ун-т.— Ижевск, 1984.
157. Записки Археологического общества. СПб., 1856, т. 8, 324 с.
158. Записки УОЛЕ.— Екатеринбург, 1887, т. 11.
159. Записки УОЛЕ.— Екатеринбург, 1898, т. 20.
160. *Засецкая И. П.* О хронологии погребений «эпохи великого переселения народов» Нижнего Поволжья.— СА, 1968, № 2, с. 52—62.
161. *Засецкая И. П.* Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон

для датировки памятников восточноевропейских степей.— КСИА, 1979, вып. 158, с. 5—17.
162. *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— М.;Л.: Наука, 1952. 326 с. (МИА, № 30).
163. *Зограф Н. Ю.* Дневник поездки 1878 г. от Нижнего до Екатеринбурга (Ильинское костище).— В кн.: Антропологическая выставка.— М., 1879, т. 2, с. 158—161.
164. *Иванов А. П.* Материалы к антропологии Пермского края.— Тр./Общество естествоиспытателей при Казанском ун-те, 1881, т. 10, вып. 1, с. 1—52.
165. *Игошина К. Н.* Растительные ресурсы Урала.— Тр./Московск. общество испытателей природы, 1966, т. 18, с. 179—197.
166. *Иессен А. А.* Ранние связи Приуралья с Ираном.— СА, 1952, № 16, с. 206—231.
167. Известия археологической комиссии, прибавление к вып. 26.— СПб., 1908.
168. Известия археологической комиссии, прибавление к вып. 34.— СПб., 1910.
169. Известия археологической комиссии, прибавление к вып. 37.— СПб., 1910, 253 с.
170. *Казаков Е. П.* Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья.— В кн.: Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / КФ АН СССР.— Казань, 1981, с. 115—135.
171. *Калинин Н. Ф., Халиков А. Х.* Именьковское городище.— МИА, 1960, № 80, с. 226—250.
172. *Кананин В. А.* Исследования в Афанасьевском районе Кировской области.— АО, 1977.— М.: Наука, 1978, с. 180—181.
173. *Кананин В. А.* Изучение средневековых памятников верховьев р. Камы.— АО, 1978.— М.: Наука, 1979, с. 178—179.
174. *Кананин В. А.* Исследования городища Шудьякар в верховьях Камы.— КСИА, 1980, вып. 160, с. 92—100.
175. *Канивец В. И.* Канинская пещера.— М.: Наука, 1964. 136 с.
176. Каталог Выставки археологических коллекций и предметов древности Пермского края 6—9 июля 1894 г.— Пермь, 1894. 72 с.
177. *Керцелли Н. Г.* Описание предметов Московского публичного музея.— В кн.: Антропологическая выставка.— М., 1879, т. 2, с. 114—118.
178. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие.— М.: Наука, 1966. 175 с. (САИ, вып. Е1—36).
179. *Ковалевская В. Б., Краснов Ю. А.*— СА, 1973, № 2, с. 280—287. Рец. на кн.: Erdelyi I., Ojtozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Nevolino. Budapest, 1969.
180. *Ковалевский М.* Очерк происхождения и развития семьи и собственности.— М.: ОГИЗ, 1939. 185 с.
181. *Колосов А. М., Лавров Н. П., Наумов С. П.* Биология промысловоохотничьих зверей СССР.— М.: Высш. школа, 1979. 416 с.
182. *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в древней Руси.— М.: Наука, 1953. 260 с. (МИА, № 32).
183. *Колчин Б. А.* Оружейное дело в древней Руси (техника производства).— В кн.: Проблемы советской археологии.— М.: Наука, 1977, с. 188—196.
184. *Комар И. В.* Территориальные сочетания природных ресурсов Урала.— Тр./Московск. общество испытателей природы, 1966, т. 18, с. 167—178.
185. *Кондаков Н.* Русские клады.— СПб., 1896, т. 1, 213 с.
186. *Косвен М. О.* Очерки истории первобытной культуры.— М.: Изд-во АН СССР, 1953. 216 с.
187. *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия.— М.: Изд-во АН СССР, 1963. 220 с.

188. *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.: Наука, 1971. 168 с.
189. *Кривощеков И. Я.* Материалы для истории с. Кудымкара Соликамского уезда Пермской губернии.— Пермь, 1894. 29 с.
190. *Кривощеков И. Я.* Указатель к карте Соликамского уезда Пермской губернии.— Екатеринбург, 1897. 150 с.
191. *Кривощеков И. Я.* Словарь географо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии.— Пермь, 1914. 839 с.
192. *Кривощеков И. Я., Зеленов И. И.* Народонаселение Прикамья в прошлом и настоящем.— Пермь, 1911.
193. *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1771 году.— СПб.: Императ. АН, 1822, ч. 4. 436 с.
194. *Лещенко В. Ю.* Новое византийское блюдо из Верхнего Прикамья.— СГЭ, 1970, т. 31, с. 49—50.
195. *Лещенко В. Ю.* Восточные клады на Урале в VII—XIII вв. (по находкам художественной утвари).— Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971. 22 с.
196. *Лещенко В. Ю.* Использование восточного серебра на Урале.— В кн.: *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока.— М.: Наука, 1976, с. 176—188.
197. *Лещенко В. Ю., Оборин В. А.* Новые находки восточного серебра в Прикамье.— СА, 1966, № 3, с. 241—244.
198. *Лунегов И. А.* Редикарский могильник.— КСИИМК, 1955, вып. 57, с. 124—128.
199. *Львова З. А.* Стеклянные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75, с. 307—332.
200. *Львова З. А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги. Ч. 1.— СГЭ, 1968, вып. 10, с. 64—94.
201. *Львова З. А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги.— СГЭ, 1970, вып. 12, с. 89—111.
202. *Львова З. А.* Бусы 1 Поломского могильника.— СГЭ, 1973, вып. 15, с. 83—104.
203. *Львова З. А.* Бусы I Поломского могильника.— В кн.: Вопросы археологии Удмуртии/УдНИИ.— Ижевск, 1976, ч. 2, с. 51—74.
204. *Мажитов Н. А.* Поселения Бахмутинской культуры.— В кн.: Башкирский археологический сборник/БФ АН СССР.— Уфа, 1959, с. 143—151.
205. *Мажитов Н. А.* Поселение Ново-Турбаслинское II.— В кн.: Археология и этнография Башкирии/БФ АН СССР.— Уфа, 1962, т. 1, с. 151—162.
206. *Мажитов Н. А.* Бахмутинская культура.— М.: Наука, 1968. 162 с.
207. *Малиев Н. М.* Каталог краниологической коллекции Казанского ун-та.— Тр./Об-во естествоиспытателей при Казанском ун-те, 1888, т. 19, вып. 2, 40 с.
208. *Марвин Н. Я.* Ресурсы фауны промысловых млекопитающих Урала.— Тр./Московск. общество испытателей природы, 1966, т. 13.
209. *Марков А.* Топография кладов восточных монет.— СПб., 1910. 148 с.
210. *Маршак Б. И.* Согдийское серебро.— М.: Наука, 1971. 158 с.
211. *Мацулевич Л. А.* Погребение варварского князя в Восточной Европе.— М.; Л.: Изд-во ГАИМК, 1934. 133 с.
212. *Мацулевич Л. А.* Византийский антик в Прикамье.— МИА, 1940, № 1, с. 139—158.
213. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие.— М.: Наука, 1966. 184 с. (САИ, вып. Е1—36).
214. *Могильников В. А.* Тюрки.— В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья.— М.: Наука, 1981, с. 29—43.

215. *Монгайт А. Л.* Из истории населения бассейна среднего течения Оки в 1 тыс. н. э.— СА, 1953, № 18, с. 151—189.
216. *Морган Л.* Дома и домашняя жизнь американских туземцев.— Л.: Изд-во ин-та народов Севера, 1934. 199 с.
217. *Мошинская В. И., Чернецов В. Н.* Городище Андрюшин городок.— КСИИМК, 1953, вып. 51, с. 93—98.
218. *Николаев С. Ф., Степанов М. Н., Чепкасов П. Н.* География Пермской области.— Пермь: Кн. изд-во, 1969. 199 с.
219. *Новокрещенных Н. Н.* Археологические изыскания в западной части Пермской губернии.— Тр./ПУАК, 1901, т. 4, с. 107—141.
220. *Новокрещенных Н. Н.* Гляденовское костище.— Тр./ПУАК, 1914, т. 11, с. 19—97.
221. *Оболдуева Т. Г.* Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала.— Тр./ИИА АН УзССР, 1951, т. 4.
222. *Оборин В. А.* Плеховский могильник на Каме.— КСИИМК, 1951, вып. 36, с. 200—202.
223. *Оборин В. А.* Баяновский могильник на р. Косьве.— Уч. зап./ПГУ, 1953, т. 9, вып. 3, с. 145—160.
224. *Оборин В. А.* Рождественское городище и могильник.— Уч. зап./ПГУ, 1953, т. 9, вып. 3, с. 161—177.
225. *Оборин В. А.* Памятники родановской культуры у с. Таборы.— КСИИМК, 1956, вып. 65, с. 107—118.
226. *Оборин В. А.* Некоторые проблемы изучения родановской культуры.— Уч. зап./ ПГУ, 1956, т. 11, вып.3, с. 83—101.
227. *Оборин В. А.* К истории земледелия у древних коми-пермяков.— СЭ, 1956, № 2, с. 66—75.
228. *Оборин В. А.* К истории охоты и скотоводства древних коми-пермяков.— Уч. зап./ПГУ, 1960, т. 12, вып. 1, с. 219—230.
229. *Оборин В. А.* Некоторые итоги и задачи изучения железного века Верхнего и Среднего Прикамья.— В кн.: Вопросы археологии Урала/Уральск. ун.-т.— Свердловск, 1961, вып. 1, с. 53—65.
230. *Оборин В. А.* Больше-Никольское I городище.— В кн.: Отчеты К(В)АЭ.— М.: Наука, 1961, вып. 2, с. 272—285.
231. *Оборин В. А.* Раскопки памятников железного века в Верхнем и Среднем Прикамье.— В кн.: Вопросы археологии Урала/Уральск. ун-т.— Свердловск, 1962, вып. 2, с. 95—99.
232. *Оборин В. А.* О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с племенами Башкирии в эпоху железа.— В кн.: Археология и этнография Башкирии/БФ АН СССР.— Уфа, 1964, т. 2, с. 130—135.
233. *Оборин В. А.* Камская археологическая экспедиция.— В кн.: Археология и этнография Башкирии/БФ АН СССР.— Уфа, 1964, т. 2, с.-198—206.
234. *Оборин В. А.* Краткий очерк работ Камской археологической экспедиции ПГУ в 1961—1966 гг.— Уч. зап./ПГУ, 1968, № 191, с. 7—27.
235. *Оборин В. А.* Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами северо-востока Европы в эпоху железа.— В кн.: Древности Восточной Европы.— М.: Наука, 1969, с. 156—167.
236. *Оборин В. А.* Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья.— В кн.: Вопросы археологии Урала/Уральск. ун-т.— Свердловск, 1970, вып. 9, с. 3—29.

237. *Оборин В. А.* Раскопки в Верхнем Прикамье.— АО, 1971.— М.: Наука, 1972, с. 188—189.
238. *Оборин В. А.* Могильник Телячий Брод VII—XII вв.— В кн.: Вопросы археологии Урала/Уральск. ун-т.— Свердловск, 1973, вып. 12, с. 122—132.
239. *Оборин В. А.* Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль.— Пермь: Кн. изд-во, 1976. 192 с.
240. *Оборин В. А., Трефилов А. Ф.* Отчет о работе археологического отряда УдНИИ и Удмуртского республиканского музея.— Зап./УдНИИ, 1954, вып. 16, с. 195—212.
241. *Оборин В. А., Балашенко Л. А.* Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья.— Уч. зап./ПГУ, 1968, № 191, с. 28—48.
242. *Орбели И. А., Тревер К. В.* Сасанидский металл.— М.; Л., 1935. 47 с.
243. *Остроумов И. Г.* Список географических пунктов, в которых найдены доисторические памятники и предметы.— В кн.: Пермский краеведческий сборник/Перм. ун-т.— Пермь, 1926, вып. 2, с. 5—11.
244. Отечественные записки.— СПб., 1841, т. 18, кн. 9.
245. Отчеты археологической комиссии за 1892 г.— СПб., 1894. 173 с.
246. Отчеты археологической комиссии за 1893 г.— СПб., 1895. 122 с.
247. Отчеты археологической комиссии за 1894 г.— СПб., 1896. 173 с.
248. Отчеты археологической комиссии за 1895 г.— СПб., 1897. 201 с.
249. Отчеты археологической комиссии за 1896 г.— СПб., 1898. 252 с.
250. Отчеты археологической комиссии за 1897 г.— СПб., 1900. 192 с.
251. Отчеты археологической комиссии за 1898 г.— СПб., 1901. 191 с.
252. Отчеты археологической комиссии за 1900 г.— СПб., 1902. 173 с.
253. Отчеты археологической комиссии за 1901 г.— СПб., 1903. 198 с.
254. Отчеты археологической комиссии за 1902 г.— СПб., 1904. 199 с.
255. Отчеты археологической комиссии за 1907 г.— СПб., 1910. 157 с.
256. Отчеты археологической комиссии за 1909—1910 гг.— СПб., 1913. 289 с.
257. Отчеты археологической комиссии за 1911 г.— СПб., 1914. 123 с.
258. Отчеты археологической комиссии за 1913—1915 гг.— СПб., 1918. 295 с.
259. Памятники истории и культуры Пермской области.— Пермь: Кн. из-во, 1976. 220 с.
260. *Первухин Н. Г.* Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии.— В кн.: МАВГР. СПб., 1896, вып. 2, с. 13—121.
261. *Первухин Н. Г.* По следам Чуди.— В кн.: МАВГР. СПб., 1896, вып. 2, с. 128—173.
262. Пермские губернские ведомости.— Пермь, 1882, № 1078.
263. *Поляков Ю. А.* Коновалятское селище.— Уч. зап./ПГУ, 1960, т. 12, вып. 1, с. 207—218.
264. *Поляков Ю. А.* Раскопки Петуховского городища.— В кн.: Археология и этнография Башкирии/БФ АН СССР.— Уфа, 1964, т. 2, с. 251—256.
265. *Поляков Ю. А.* Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье.— Уч. зап./ПГУ, 1967, № 148, с. 197—215.
266. *Поляков Ю. А.* Гляденовская культура в Среднем и Верхнем Прикамье.— Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М.: Наука, 1980.
267. *Попов Н. С.* Хозяйственное описание Пермской губернии.— Пермь, 1804, с. 234—255.
268. *Преображенский А. А.* Очерки колонизации Западного Урала в XVII—нач. XVIII вв. М., 1956. 301 с.

269. *Прокошев Н. А.* Работы на строительстве Пермской ГЭС.— В кн.: Археологические работы ГАИМК на новостройках.— М.; Л.: ОГИЗ, 1935, т. I, с. 176—187.
270. *Прокошев Н. А.* Камская экспедиция в 1935 г.— СА, 1936, № 1, с. 255—269.
271. *Прокошев Н. А.* К вопросу о неолитических памятниках Приуралья.— М.; Л.: АН СССР, 1940, с. 11—40 (МИА, № 1).
272. *Прокошев Н. А.* Бассейн р. Камы.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.— М.; Л.: ОГИЗ, 1941, с. 113—125.
273. *Прокошев Н. А.* Из неопубликованных материалов Молотовского и Чердынского музеев.— КСИИМК, 1946, вып. 12, с. 84—90.
274. *Прокошев Н. А.* Из материалов по изучению ананьинской эпохи.— СА, 1948, № 10, с. 183—203.
275. *Прядильщиков Ф. А.* Археологические заметки о Пермской губернии.— В кн.: Сборник материалов о Пермской губернии.— Пермь, 1890, вып. 2.
276. *Распопова В. И.* Поясной набор Согда VII—VIII вв.— СА, 1965, № 4, с. 78—91.
277. *Розенфельдт И. Г.* Древнее языческое святилище на Северном мысу Старорязанского городища.— В кн.: Древности Восточной Европы.— М.: Наука, 1969, с. 172—178.
278. *Рыбаков Б. А.* Космогоническая символика чудских шаманских бляшек и русских вышивок.— В кн.: Финно-угры и славяне.— Л.: Наука, 1979, с. 7—34.
279. *Рыков П. С.* Культура древних финнов в районе р. Узы.— Саратов: Ниж.-Волж. изд-во, 1930. 82 с.
280. *Рычков Н.* Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова в 1769—1770 гг.— СПб.: Императ. АН, 1770. 190 с.
281. *Савельева Э. А.* Хронология погребальных комплексов Веслянского могильника.— КСИА, 1979, вып. 158, с. 91—96.
282. *Санин Н. А.* Новейшие археологические находки в Чердынском крае.— Изв. Общества АИЭ при Казанском ун-те, 1909, т. 25, вып. 5, с. 26—30.
283. *Семенов В. А.* Петропавловский могильник VI—VII вв. в Южной Удмуртии.— В кн.: Вопросы археологии Урала/Уральск. ун-т.— Свердловск, 1967, вып. 7, с. 164—171.
284. *Семенов В. А.* Петропавловский могильник.— Вопросы археологии Удмуртии/ УдНИИ истории, языка и литературы.— Ижевск, 1976, с. 3—50.
285. *Семенов В. А.* Варнинский могильник.— В кн.: Новый памятник поломской культуры.— Ижевск, 1981, с. 5—135.
286. *Сергеев С. И.* Археологический отдел Пермского музея.— Тр./ПУАК, 1896, т. 3, с. 17—24.
287. *Сергеев С. И.* Памятники древностей близ сел Искора, Губдора и Верх-Боровского Чердынского уезда.— Тр./ПУАК, 1896, т. 3, с. 25—40.
288. *Сергеев С. И.* Раскопки на р. Колве Чердынского уезда.— Зап. УОЛЕ. Екатеринбург, 1901, т. 22, с. 51—66.
289. *Смирнов А. П.* Могильники пьяноборской культуры.— КСИИМК, 1949, вып. 25, с. 22—32.
290. *Смирнов А. П.* Археологические памятники на территории Марийской АССР.— Козмодемьянск: Марийск. гос. изд-во, 1949. 136 с.
291. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М.; Л., 1952. 276 с. (МИА, № 28).
292. *Смирнов А. П.* Железный век Башкирии.— М., 1957. 107 с. (МИА, № 58).
293. Смирнов А. П. Железный век Чувашского Поволжья.— М., 1961. 177 с. (МИА, № 95).

294. *Смирнов А. П.* Происхождение рабовладения. Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма.— М.: Наука, 1970, с. 113—132.

295. *Смирнов А. П., Трубникова Н. В.* Городецкая культура.— М.: Наука, 1965. 40 с. (САИ, вып. Д1—14).

296. *Смирнов И. Н. Пермяки.*— Изв. Общества АИЭ при Казан. ун-те, 1891, т. 9, вып. 2. 289 с.

297. *Смирнов К. А.* Святилище в урочище Ага-Базар.— МИА, 1958, № 61, с. 451—458.

298. *Смирнов Я. И.* Восточное серебро.— СПб., 1909. 149 с.

299. *Соколова З. П.* К истории жилища обских угров.— СЭ, 1957, № 2, с. 88—105.

300. *Спицын А. А.* Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии.— В кн.: МАВГР.— М., 1893, вып. 1. 192 с.

301. *Спицын А. А.* Гляденовское костище.— Зап./Рус. археологич. общества, 1901, вып. 1—2, с. 228—269.

302. *Спицын А. А.* Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых.— В кн.: МАР.— СПб., 1902, вып. 26. 109 с.

303. *Спицын А. А.* Владимирские курганы.— ИАК, 1905, вып. 15, с. 84—172.

304. *Спицын А. А.* Шаманские изображения.— ЗОРСА, 1906, вып. 1. СПб., т. 8, с. 29—145.

305. *Старостин П. Н.* Памятники именьковской культуры.— М.: Наука, 1967. 95 с. (САИ, вып. Д1—32).

306. *Старостин П. Н.* Маклашеевское II городище именьковской культуры.— Уч. зап./ ПГУ, 1968, № 191, с. 221—229.

307. *Степанов П. Д.* Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Прикамье.— В кн.: Археология и этнография Башкирии/БФ АН СССР.— Уфа, 1964, т. 2, с. 136—147.

308. *Степанов П. Д.* Ош-Пандо.— Саранск.: Мордов. кн. изд-во, 1967. 210 с.

309. *Стоянов В. Е.* Узловское поселение.— В кн.: Вопросы археологии Урала/Уральск. ун-т.— Свердловск, 1969, вып. 8, с. 65—89.

310. *Талицкий М. В.* Обследование по р. Чусовой в 1935 г.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.— М.; Л.: ОГИЗ, 1941, с. 125—130.

311. *Талицкий М. В.* Верхнее Прикамье в X—XIV вв.— МИА, 1951, № 22, с. 33—96.

312. *Талицкая И. А.* Материалы к археологической карте бассейна р. Камы.— М.: Наука, 1952. 224 с. (МИА, № 27).

313. *Теплоухов А. Е.* О доисторических жертвенных местах на Уральских горах.— Зап./УОЛЕ, 1880, т. 6, вып. 1, с. 1—31.

314. *Теплоухов А. Е.* О чудском селище близ с. Кудымкара Соликамского уезда.— Зап./УОЛЕ, 1880, т. 6, вып. 1, с. 40—42.

315. *Теплоухов А. Е.* Описание коллекции черепков глиняной посуды из чудского селища близ с. Кудымкарского в Соликамском уезде.— Зап./УОЛЕ, 1884, т. 7, вып. 4, с. 177—184.

316. *Теплоухов Ф. А.* Вещественные памятники каменного и бронзового века в западной части Пермской губернии.— Тр./ПУАК, 1892, вып. 1, с. 27—63.

317. *Теплоухов Ф. А.* Земледельческие орудия Пермской чуди.— В кн.: Пермский край.— Пермь, 1892, т. 1, с. 59—95.

318. *Теплоухов Ф. А.* Древности пермской чуди в виде баснословных людей и животных.— В кн.: Пермский край.— Пермь, 1893, т. 2, с. 1—74.

319. *Теплоухов Ф. А.* Древности пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути.— В кн.: Пермский край.—Пермь, 1895, т. 3, с. 247—290.

320. *Теплоухов Ф. А.* Несколько слов о костях животных, добытых С. И. Сергеевым при раскопках в Чаньвенской пещере.— В кн.: Пермский край.—Пермь, 1895, т. 3, с. 475—481.

321. *Теплоухов Ф. А.* Чудское жертвенное место на р. Колве.— Тр./ПУАК, 1896, т. 3, с. 131—151.

322. *Теплоухов Ф. А.* Рисунки древностей пермской чуди, принадлежащих Пермскому музею.— Тр./ПУАК, 1896 а, т. 3, с. 152—163.

323. *Тихонов Б. Г.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и Приуралье.— МИА, 1960, № 90, с. 5—15.

324. *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства.— СПб., 1890, вып. 3. 158 с.

325. *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства.— СПб., 1891, вып. 4. 176 с.

326. *Токарев С. А.* Ранние формы религии.— М.: Наука, 1964. 400 с.

327. *Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в 1 тысячелетии н. э.— М.; Л.: Наука, 1941. 150 с. (МИА, № 5).

328. *Халиков А. Х., Безухова Е. А.* Материалы к древней истории Поветлужья.— Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1960. 60 с.

329. *Харитонов Д. Е.* Находка восточных монет V—VIII вв. в Прикамье.— В кн.: На Западном Урале.— Пермь, 1964, вып. 4, с. 170—176.

330. *Хвольсон Д. А., Покровский Н. В., Смирнов Я. И.* Серебряное сирийское блюдо, найденное в Пермском крае.— МАР, 1899, вып. 22. 44 с.

331. *Чазов Б. А.* Вопросы геохимии ландшафтов и сельского хозяйства Пермской области.— Уч. зап./ПГУ, 1964, т. 118, вып. 2, с. 52—66.

332. *Чернецов В. Н.* К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье.— Тр./ИЭ (памяти Д. Н. Анучина), 1947, т. 1, с. 113—134.

333. *Чернецов В. Н.* Зеленая горка близ Салехарда.— КСИИМК, 1949, вып. 25, с. 67—74.

334. *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы.— М.: Наука, 1966. 144 с. (МИА, № 132).

335. *Чижова Л. В.* К вопросу об идеологии средневекового населения Прикамья.— СА, 1982, № 3, с. 81—95.

336. *Чупин Н. К.* Географический и статистический словарь Пермской губернии.— Пермь, 1875.

337. *Шатров А. Н.* Археологические сведения о Зюздинском крае.— В кн.: МАВГР. М., 1895, т. 3, с. 75—86.

338. *Шишонко В. Н.* Пермская летопись. Четвертый период.— Пермь, 1884. 653 с.

339. *Шмидт А. В.* Туйский всадник.— Зап./Коллегия востоковедов при Азиатском Музее Российской Академии наук, 1925, т. 1, с. 410—434.

340. *Шмидт А. В.* К вопросу о происхождении пермского звериного стиля.— В кн.: Сборник МАЭ.—Л., 1927, т. 6, с. 125—164.

341. *Шмидт А. В.* Отчет о командировке 1925 г. в Уральскую область.— В кн.: Сборник МАЭ.— Л., 1928, т. 7, с. 283—298.

342. *Шмидт А. В.* Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук.— Хозяйство Башкирии.— Уфа, 1929, № 8—9. 28 с.

343. *Шмидт А. В.* Жертвенные места Камско-Уральского края.— Изв. ГАИМК, 1932, вып. 1—2, т. 13, с. 1—44.

344. *Шмидт А. В., Иессен А. А.* Олово на севере Европейской части СССР.— Изв. ГАИМК, 1935, вып. 110, с. 205—215.

345. *Шмидт А. В.* Работы на строительстве Пермской ГЭС. Район р. Камы.— Изв. ГАИМК, 1935 а, вып. 109, с. 166—175.

346. *Шмидт А. В.* Стоянка у ст. Левшино.— СА, 1940, № 5, с. 1—30.

347. *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси.— М.: МГУ, 1972. 200 с.

348. *Янина С. А.* Куфические монеты из могильника Мыдланьшай.— В кн.: Вопросы археологии Урала/Уральск. ун-т.—Свердловск, 1962, вып. 3, с. 129—139.

349. Aspelin I. R. Antiquites du Nord finno-ougrien.— Helsingfors, 1877, t. 2.

350. Erdelyi I., Ojtozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Newolino.— Budapest: Archaeologia Hungarica, 1969, t. 46.—199 S.

351. Schmidt A. W. Kačka — Helsinki, ESA, 1927, t. 1, s. 13—50.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АН — Академия Наук СССР
АО — Археологические открытия
БФ АН СССР — Башкирский филиал АН СССР
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ДАК — Дело Археологической комиссии
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Российского Археологического общества
ИА — Институт Археологии АН СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИИА — Институт истории и археологии АН УзССР
ИМАО — Императорское Московское археологическое общество
ИЭ — Институт этнографии АН СССР
Изв. Общества АИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском гос. университете
Изв. Общества ЛЕАЭ — Известия Общества любителей естествознания, археологии, этнографии
КА УрГУ — Кабинет археологии Уральского государственного университета
КАЭ — Камская археологическая экспедиция
К(В)АЭ — Камская (Воткинская) археологическая экспедиция
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФ АН СССР — Казанский филиал АН СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОК(В)АЭ — Отчет Камско(Воткинской) археологической экспедиции
ПГУ — Пермский государственный университет им. М. А. Горького
ПУАК — Пермская ученая архивная комиссия
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сборник Государственного Эрмитажа
СЭ — Советская этнография
УдНИИ — Удмуртский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
УОЛЕ — Уральское Общество любителей естествознания

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

СПИСОК ПАМЯТНИКОВ ЛОМОВАТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1. Усть-Гайвинское селище. Л. к[1]., д. Усть-Гайва (напротив г. Перми), устье Гайвы правого притока р. Камы [312, № 716].

2. Озеро Грязное I селище. Л. к., хутор Астраханцева, в 4—5 км от ст. Левшино рмской обл., оз. Грязное, левый берег р. Чусовой левого притока р. Камы [270, 257, 265; 271, с. 12; 272, с. 125; 274, с. 192, 195; 346, с. 24; 312, № 721].

3. Озеро Грязное II селище. Л. к., в 300 м к востоку от северного конца оз. Грязго, левый берег р. Чусовой левого притока р. Камы [270, с. 257, 265; 272, с. 125; 6, с. 24; 312, № 725].

4. Медведевское I селище. Л. к., в I км западнее д. Медведевки, левый берег Чусовой (близ ее устья) левого притока р. Камы [345, с. 167, 171; 346, с. 4; 312, 726].

5. Пеньковское II селище. Л. к., в 1 км к востоку напротив д. Пеньки Чусовского йона, левый берег р. Чусовой левого притока р. Камы [24].

6. Плесовское (Тюринское) городище. Л. к., в д. Нижний Плес Чусовского райа, левый берег р. Чусовой левого притока р. Камы [338, с. 625; 67; 310, с. 126, 0; 312, № 820].

7. Плесовское селище. Л. к., в д. Нижний Плес Чусовского района, левый берег Чусовой левого притока р. Камы [310, с. 130; 312, № 821].

8. Бовинское I (Маруша I) городище. Л. к., в 1 км ниже д. Бовина Чусовского йона, левый берег р. Чусовой левого притока р. Камы [310, с. 130; 312, № 822].

9. Бовинское II (Маруша II) городище. Л. к., д. Бовина Чусовского района, отлено от Бовинского I городища оврагом, левый берег р. Чусовой левого притока Камы [310, с. 126, 130; 312, № 823].

10. Бовинское селище. Л. к., д. Бовина Чусовского района, между I и II Бовинм городищами, левый берег р. Чусовой левого притока р. Камы [310, с. 126, 130; 2, № 823].

11. Родниковское (Чудиново поле) селище. Л. к., д. Родники (Малышата) Чувского района, на берегу Старицы, левый берег р. Чусовой левого притока р. Камы 10, с. 126, 129; 312, № 824].

12. Вереинское I городище. Л. к., в с. Вереино Чусовского района, левый берег Чусовой левого притока р. Камы [338, с. 625; 67; 246, с. 22; 310, с. 126, 128; 312, 825].

13. Вереинское II городище. Л. к., ниже с. Вереино Чусовского района, левый рег р. Чусовой левого притока р. Камы [310, с. 126, 128; 312, № 827].

14. Вереинский II клад. VII—VIII вв. Под Вереинским II городищем в 1872 г. йдены 2 блюда, 3 монеты (одна Хосрова II — 591—628 гг.), серебряный браслет,

[1] Л. к.— ломоватовская культура; Р. к. — родановская культура.

серебряные и золотое кольца [349, № 610, 611; 324, с. 86, 87; 319, с. 251; 298, табл. X—95, XXIX—57, XXXIX—68; 310, с. 126, 128; 291, с. 176; 312, № 828; 195, с. 11].

15. Вереинское селище. Л. к., ниже с. Вереино Чусовского района, левый берег р. Чусовой левого притока р. Камы [310, с. 126, 129; 312, № 829].

16. Поповское городище. Л. к., выше д. Нижняя Поповка Чусовского района, правый берег р. Чусовой левого притока р. Камы [310, с. 126, 130; 312, № 819].

17. Марковское городище. Л. к., близ д. Маркова Чусовского района, р. Росошка, приток р. Чусовой левого притока р. Камы [302, с. 51; 243, с. 10; 312, № 818].

18. Ванейское селище. Л. к., немного выше д. Заболотье Чусовского района, правый берег р. Чусовой левого притока р. Камы [310, с. 126, 130; 312, № 817].

19. Шушпанское (Красные села) селище. Л. к., д. Шушпанка Чусовского района, в 100 м от левого берега р. Шушпанки правого притока р. Чусовой левого притока р. Камы [338, с. 625; 310, с. 126, 129; 312, № 832].

20. Могильник Телячий брод. VII—VIII вв., в 2 км к северу от с. Саламатово и в 1,5 км к западу от пос. Лисьи Норы Чусовского района, правый берег р. Усьвы правого притока р. Чусовой левого притока р. Камы [310, с. 126—128; 312, № 846; 44, с. 25—31; 234, с. 26—27; 238, с. 122—132; 126, с. 58—67].

21. Саламатовское II городище. VII—VIII вв., с. Саламатово Чусовского района, правый берег р. Усьвы правого притока р. Чусовой левого притока р. Камы [310, с. 126; 312, № 848; 234, с. 27, 32—33].

22. Малый Вакшур, пещера. Л. к., с. Архиповка Чусовского района, в устье р. М. Вакшур, напротив камня Гребешок, левый приток р. Чусовой левого притока р. Камы [269, с. 176, 181; 312, № 853].

23. Сибирское I селище. Л. к., в 300 м юго-восточнее д. Сибирь Добрянского района, правый берег р. Б. Туй правого притока р. Камы [81, с. 28; 56, с. 15—16].

24. Сибирское II селище. Л. к., в 1,5 км к юго-востоку от д. Сибирь Добрянского района, левый берег р. Б. Туй правого притока р.Камы [81, с. 28; 56, с. 16].

25. Сибирское III селище. Л. к., в 500 м к северу от д. Сибирь Добрянского района, правый берег р. Б. Туй правого притока р. Камы [56, с. 16—17].

26. Сибирское I городище (Бородинов городок). Л. к., д. Сибирь Добрянского района, правый берег р. Б. Туй правого притока р. Камы [81, с. 23; 56, с.17].

27. Сибирское II городище (Матренина Закладь). Л. к., д. Сибирь Добрянского района, правый берег р. Б. Туй правого притока р. Камы [81, с. 17, 23; 56, с. 17].

28. Кононовское селище. Л. к., в д. Кононово Добрянского района, правый берег р. Б. Туй правого притока р. Камы [56, с.18].

29. Сенькинское I городище. Л. к., с. Сенькино Добрянского района, правый берег р. Б. Туй правого притока р. Камы [67; 312, № 878; 341, с. 289—290; 81, с. 23—28].

30. Меркушевское (Сенькинское II) городище. Л. к., в 500 м к югу от с. Сенькино Добрянского района, р. Кухра, левый приток р. Б. Туй правого притока р. Камы [67; 312, № 879; 341, с. 290; 81, с. 23, 28].

31. Бутырское городище. Л. к., 1,5 км к юго-востоку от д. Бутыри Добрянского района, устье р. Заостровки правого притока р. Камы [67; 176, с. 30; 302, с. 3; 312, № 873; 341, с. 290—291; 81, с. 17, 27; 55; 56].

32. Бурковский курганный могильник. V—VI вв., 1 км юго-западнее д. Бурково Добрянского района, левый берег р. Скальной левого притока р. Б. Туй правого притока р. Камы [341, с. 293—294; 312, № 877; 105, с. 115—116; 8; 82, с. 123—125; 84, с. 145, 150, 151, 155; 236, с. 15, 21; 120, с. 58—121].

33. Чудихинское I городище. Л. к., в 800—1000 м к северо-западу от д. Масле-

ничи, Дрезды Ильинского района, р. Чудиха, приток р. Сюзьвы правого притока р. Полуденной правого притока р. Гаревой правого притока р. Камы [66; 312, № 910; 81, с. 27].

34. Чудихинское II городище. Л. к., д. Дрезды Ильинского района, в 1 км от Чудихинского I городища, р. Чудиха, приток р. Сюзьвы правого притока р. Полуденной правого притока р. Гаревой правого притока р. Камы [66; 312, № 911].

35. Панкрашинское костище. V—VI вв., в 400 м от д. Панкраши Ильинского района, верховья р. М. Туй правого притока р. Камы и верховья р. Сюзихи правого притока р. Полуденной правого притока р. Гаревой правого притока р. Камы [66; 302, табл. XXIV—40, XXXVI—18; 312, № 894; 81, с. 27; 84, с. 151].

36. Городище Антоновцы. Л. к., к востоку от д. Антоновцы Ильинского района, верховья р. М. Туй правого притока р. Камы [66; 302, табл. III—13, IV—11, 15, XVIII—18, XXIV—35, 39, XXVII—14; 243, с. 10; 312, № 893; 81, с. 27; 56, с. 18].

37. Гилевское городище. Л. к., д. Гили Ильинского района, правый берег р. Сюзихи правого притока р. Полуденной правого притока р. Гаревой правого притока р. Камы [312, № 922; 81, с. 27].

38. Ромашевские находки. VIII—IX вв., д. Ромашова Ильинского района, левый берег р. М. Туй правого притока р. Камы. Близ деревни найдено несколько вещей родановского времени и среди них — бляшка ломоватовского типа [349, № 563, 564, 579, 638, 663; 312, № 892].

39, 40, 41. Катаевские I, II, III городища. Л. к., два городища в 500 м от. д. Катаева Добрянского района, третье — неподалеку, р. М. Туй правого притока р. Камы [66; 312, № 886, 887, 888].

42. Ямское городище. Л. к., в 1 км к западу от д. Катаева Добрянского района, р. М. Туй правого притока р. Камы [66; 312, № 890; 81, с. 24].

43. Ямской (Верхне-Березовский) клад. VII—VIII вв., в 1875 г. найдены 2 серебряных сосуда и бляха [302, табл. II—6, 7; 298, табл. XVIII—45, XIX; 312, № 891].

44. Коновалятское селище. V—VI вв., в 60 м западнее д. Коновалята Добрянского района, левый берег р. М. Туй правого притока р. Камы [66; 302, табл. XXIX—5, XXXVI—6; 341, с. 294; 312, № 889; 81, с. 23, 27; 84, с. 145, 148, 149; 263].

45. Патраковские находки. VI—IX вв., д. Патраки Добрянского района, левый берег р. М. Туй правого притока р. Камы. Близ деревни найден медный сосуд с серебряными монетами (одна — Сасаниды, Ормузд III, 457 г.), а также бусы, браслеты, кольчуга и другие вещи [66; 349, № 551, 646, 647; 319, с. 270; 302, табл. XVIII—23, 29, XXII—15, XXIV—57; 341; 312, № 885; 291, с. 176].

46. Патраковское селище. Л. к., в 1 км к северу от д. Патраки Добрянского района, левый берег р. М. Туй правого притока р. Камы [312, № 884; 50; 81, с. 23—27].

47. Зародятское селище. Л. к., юго-западнее д. Зародята (Гущата, Ковина, Плюснина) Добрянского района, левый берег р. Песьянки правого притока р. М. Туй правого притока р. Камы [244, с. 63; 157; 66; 349, № 123, 565, 574, 629; 338, с. 618; 316, с. 52; 318, с. 31; 319, с. 270; 302, табл. III—14, XXV—1, XXXVI—17; 339, с. 410—434; 341, с. 292—293; 312, № 882; 7; 8; 81, с. 23; 82, с. 125; 84, с. 156, 163; 236, с. 9; 195, с. 11].

48. Ковинский клад. Л. к., бывшая д. Ковина Добрянского района, р. М. Туй, правый приток р. Камы. Найдено 2 серебряных сосуда и 11 сасанидских монет чеканки 441—594 гг. [66; 349, № 618; 298, табл. XVIII—42, 44; 209; 312, № 883; 195, с. 11].

49. Опутятское городище. IV—VI вв., в 1,5 км к западу от д. Опутята, в 1 км к северу от д. Зарубино Добрянского района, левый берег р. М. Туй правого притока р. Камы [153, с. 132; 66; 176, с. 16; 302, табл. IV—8, XV—23, XXIV—41, 47,

XXXVIII—28; 243, с. 9; 341, с. 293; 312, № 881; 6; 7; 81, с. 23, 85—88; 82, с. 123; 84, с. 145, 147—151, 154, 155; 236, с. 15].

50. Усть-Туйское костище. Л. к., в 200 м к юго-западу от д. Усть-Туй Добрянского района, устье р. М. Туй правого притока р. Камы [68; 302, табл. XXIV—39; 341, с. 291—292; 312, № 876; 81, с. 23; 82, с. 122—123; 84, с. 151; 105, с. 120—123].

51. Городищенское городище (Городецкий городок). Л. к., близ д. Городище Добрянского района, устье р. Гаревой и Полуденной правого притока р. Камы [176, с. 27; 341, с. 296; 312, № 899].

52. Чудиновское I селище. Л. к., в 400 м к юго-западу от д. Чудиново Добрянского района, правый берег р. Полуденной правого притока р. Камы [58, с. 1—2].

53. Чудиновское II селище. Л. к., в 150 м к юго-западу от I селища, д. Чудиново Добрянского района, правый берег р. Полуденной правого притока р. Камы [58, с. 2—3].

54. Чудиновское III селище. Л. к., в 150 м к северу от д. Чудиново Добрянского района, правый берег р. Полуденной правого притока р. Камы [58, с. 3].

55. Чудиновское IV селище. Л. к., в д. Чудиново Добрянского района, правый берег р. Полуденной правого притока р. Камы [58, с. 3].

56. Полуденский курганный могильник. V—VI вв., д. Полуденная Добрянского района, недалеко от устья р. Черной левого притока р. Полуденной правого притока р. Гаревой правого притока р. Камы [312, № 902; 81, с. 24; 120, с. 58—60, 97—98].

57. Кокорятская (Удепская) находка. VIII—IX вв., д. Кокорята (Удепка) Добрянского района, левый берег р. Удепки левого притока р. Полуденной правого притока р. Гаревой правого притока р. Камы. Близ деревни найдена крупная бусина [302, табл. XXIV—81; 312, № 905].

58. Фекленская находка. Л. к., д. Фекленки (Феклята) Добрянского района, р. Черная, левый приток р. Полуденной правого притока р. Гаревой правого притока р. Камы. Близ деревни найдены бронзовая фигурка и стеклянная бусина [302, табл. IV—3; XXXVI—7; 66; 243, с. 11; 312, № 906].

59. Аверинское I селище. Л. к., в 2 км к югу от д. Аверино Ильинского района, правый берег р. Гаревой правого притока р. Камы [58, с. 7].

60. Аверинское II селище. Л. к., в 1,5 км к юго-востоку от д. Аверино Ильинского района, правый берег р. Гаревой правого притока р. Камы [58, с. 8].

61. Аверинское III селище, Л. к., в 1,5 км к югу от д. Аверино Ильинского района, правый берег р. Гаревой правого притока р. Камы [58, с. 8].

62. Аверинское IV селище. Л. к., в 1,2 км к югу от д. Аверино Ильинского района, правый берег р. Гаревой правого притока р. Камы [58, с. 8—9].

63. Аверинское V селище. Л. к., в 200 м к югу от д. Аверино Ильинского района, левый берег р. Гаревой правого притока р. Камы [58, с. 9].

64. Самковское I селище. Л. к., в 600 м к западу от д. Самково Ильинского района, правый берег р.Гаревой правого притока р. Камы [58, с. 5].

65. Самковское II селище. Л. к., в 500 м к северо-востоку от д. Самково Ильинского района, правый берег р. Гаревой правого притока р. Камы [58, с. 5—6].

66. Самковское III селище. Л. к., в 600 м к северо-востоку от д. Самково Ильинского района, правый берег р. Гаревой правого притока р. Камы [58, с. 9].

67. Филатовское селище. Л. к., в 500 м к северо-западу от с. Филатово Ильинского района, правый берег р. Гаревой правого притока р. Камы [58, с. 7].

68. Медведица (Белошейкинское) городище. Л. к., в 2 км к юго-востоку от с. Филатово Ильинского района, правый берег р. Гаревой правого притока р. Камы

[66; 319, с. 271; 349, № 543, 555, 556; 302, табл. XXIV—29, XXIX—2, XXXVI—26; 243, с. 11; 312, № 917, 919; 81, с. 17, 24].

69. Морочатское (Большухинское) городище. Л. к., на северо-западной окраине д. Большуха (Морочата) Добрянского района, р. Калиновка (Долгуша), приток р. Большухи, левый приток р. Полуденной правого притока р. Гаревой правого притока р. Камы [66; 319, с. 271; 302, табл. XVIII—17, XXIX—13, XXXVI—4; 243, с. 10; 312, № 907; 81, с. 24].

70. Беклемишевский курганный могильник. V—VI вв., д. Беклемишевка Добрянского района, р. Калиновка, левый приток р. Большухи левого притока р. Полуденной правого притока р. Гаревой правого притока р. Камы [66; 319, с. 250; 338, с. 618; 243, с. 10; 302, табл. III—3, 5, 11, 14, 15, 16; XXXVIII—2; 312, № 909; 291, с. 78—79; 120, с. 99].

71. Городище Гарамиха. Л. к., в 700 м к северо-востоку от д. Конина Добрянского района, правый берег р. Гаревой правого притока р. Камы [66; 349, № 532, 538—540, 544, 545, 549, 560, 562, 628, 633, 646, 647, 650, 652, 653, 655, 657—659, 661, 664, 665, 672, 693; 319, с. 254; 302, табл. III—3—4, IV—4, XVIII—19, 27, XXIV—7, 28, 30, XXIX—1; 341; 312, № 921; 291, с. 100].

72. Сосновское селище. Л. к., в 3 км к юго-востоку от д. Логачи Ильинского района, левый берег р. Сосновки правого притока р. Гаревой правого притока р. Камы [58, с. 10—11].

73. Глушихинское селище. Л. к., в 500 м к юго-востоку от д. Глушиха Ильинского района, левый берег р. Гаревой правого притока р. Камы [58, с. 10].

74. Истоминское селище. Л. к., в 400 м юго-восточнее д. Истомино Ильинского района, левый берег р. Гаревой правого притока р. Камы [58, с. 9—10].

75. Семенцовское I селище. Л. к., на южной окраине д. Семенцы Ильинского района, левый берег р. Гаревой правого притока р. Камы [58, с. 3—4].

76. Семенцовское II селище. Л. к., в 600 м к юго-востоку от д. Семенцы Ильинского района, левый берег р. Гаревой правого притока р. Камы [58, с. 4].

77. Гаревское костище. Л. к., в 500 м к западу от д. Старо-Гаревая Добрянского района, левый берег р. Гаревой правого притока р. Камы [66; 313, с. 2—22; 68; 302, табл. I, II—13, 15—23, 25, 30, 31, 33—37, 48, XXIII—8, 25, XXXI—23; 243, с. 10; 341; 343; 312, № 913; 291, с. 94, 176; 84, с. 151].

78. Гаревское городище. Л. к., на восточной окраине д. Старо-Гаревая Добрянского района, левый берег р. Гаревой правого притока р. Камы [66; 176, с. 27; 302, табл. XXVI—26; 312, № 914; 81, с. 17].

79. Трубенские находки. VIII—IX вв. Близ д. Трубенка, Добрянского района, р. Трубенка, левый приток р. Гаревой правого притока р. Камы, найдена серебряная бляшка [66; 302, табл. 11—4; 312, № 915].

80. Концовское селище. Л. к., д. Конец Добрянского района, р. Ломоватовка, левый приток р. Гаревой правого притока р. Камы [81, с. 27].

81. Ломоватовское I селище. Л. к., в 1 км к северо-востоку от д. Гари Ильинского района, правый берег р. Ломоватовки левого притока р. Гаревой правого притока р. Камы [58, с. 13—14].

82. Ломоватовское II селище. Л. к., в 1 км к северо-востоку от д. Гари Ильинского района, в 100 м к югу от I селища, правый берег р. Ломоватовки левого притока р. Гаревой правого притока р. Камы [58, с. 14].

83. Ломоватовское III селище. Л. к., в 700 м к юго-востоку от д. Гари Ильинского района, правый берег р. Ломоватовки левого притока р. Гаревой правого притока р. Камы [58, с. 14—15].

84. Ломоватовское IV селище. Л. к., в 1 км к северо-востоку от д. Гари Ильинского района, правый берег р. Ломоватовки левого притока р. Гаревой правого притока р. Камы (сейчас берег Камского водохранилища) [58, с. 15].

85. Ломоватовское V селище. Л. к., в 1,5 км к юго-востоку от д. Гари Ильинского района, правый берег р. Ломоватовки левого притока р. Гаревой правого притока р. Камы (сейчас берег Камского водохранилища) [58, с. 15—16].

86. Раменское I селище. Л. к., в 300 м к востоку от д. Петрово Ильинского района, левый берег р. Раменки левого притока р. Ломоватовки левого притока р. Гаревой правого притока р. Камы (сейчас на левом берегу р. Раменки при ее впадении в Камское водохранилище) [58, с. 16].

87. Раменское II селище. Л. к., в 1 км к северо-востоку от д. Петрово Ильинского района, на берегу Камского водохранилища [58, с. 17].

88. Макаровский могильник. VIII—IX вв., д. Макарово Ильинского района, р. Ломоватовка, левый приток р. Гаревой правого притока р. Камы [302, табл. III—17, V—12, VI—8; 253, с. 113; 312, № 931].

89. Грудятский могильник. VI—IX вв., близ д. Грудята Ильинского района, р. Ломоватовка, левый приток р. Гаревой правого притока р. Камы [176, с. 21; 302, табл. I—26; III—2, 11; IV—12; V—4, 8, 10, 13; VI—12, 13, 16; VI—18; XX—19; XXIV—3, 42—46, 48—50, 58, 76, 78; XXXI—4; XXXIV—8; XXXVIII—4; XXXIX—1; 253, с. 113; 243, с. 10; 312, № 929; 291, с. 99, 174, 180, 181; 236, с. 15].

90, 91, 92. Зобачевские I, II, III селища. Л. к., в окрестностях д. Зобачево Ильинского района, р. Ломоватовка, левый приток р. Гаревой правого притока р. Камы [81, с. 27; 58, с. 12—13].

93. Зобачевское IV селище. Л. к., на восточной окраине д. Зобачево Ильинского района, правый берег р. Ломоватовки левого притока р. Гаревой правого притока р. Камы [58, с. 13].

94. Долгушинское селище. Л. к., в 100 м к западу от д. Зобачево Ильинского района, левый берег р. Долгуши левого притока р. Ломоватовки левого притока р. Гаревой правого притока р. Камы [58, с. 11].

95. Зобачевский могильник. VI—IX вв., д. Зобачево Ильинского района, левый берег р. Ломоватовки левого притока р. Гаревой правого притока р. Камы [66; 319, с. 270; 253, с. 113; 302, табл. III—7, 8, 12; V—16; XXIII—5; XXIV—70, 72; XXXVI—19; XL—5, 6; 192, с. 44; 243, с. 10; 312, № 930; 291, с. 174, 176; 81, с. 27; 120, с. 118].

96. Борисовское городище. Л. к., д. Борисово Ильинского района, д. Раменка, правый приток р. Кемоль правого притока р. Обвы правого притока р. Камы [243, с. 11; 312, № 936].

97. Чубарковское селище. Л. к., в восточной части д. Чубарково Ильинского района, на правом берегу Камского водохранилища, [58, с. 17].

98. Покровское селище. Л. к., на юго-восточной окраине д. Покровское Ильинского района, правый берег р. Камы [58, с. 18].

99. Тупицынское селище. Л. к., на восточной окраине д. Тупица Ильинского района, правый берег р. Камы [58, с. 18].

100. Слудкинское I селище. Л. к., на юго-восточной окраине с. Слудка Ильинского района, правый берег р. Камы [58, с. 19].

101. Слудкинское II селище. Л. к., с. Слудка, в 100 м к юго-востоку от д. Плотники Ильинского района, правый берег р. Камы [58, с. 19].

102. Слудкинский клад. VI—IX вв., близ с. Слудка Ильинского района, на правом берегу р. Обвы правого притока р. Камы найдены серебряный кувшин и несколько блюд [349, № 604, 607, 615, 617, 622, 667; 304, рис. 7, 11, 16; 298, табл. XLI—79;

XLV—78; LXIII—106; LXXXIV—151; 242, табл. 24, 58; 312, № 932; 144, с. 19—20, табл. 5—4, 35—1—4].

103. Усть-Кемольское селище. Л. к., д. Усть-Кемоль Ильинского района, на правом берегу в устье р. Кемоль правого притока р. Камы [58, с. 19—20].

104. Назаровское городище. Л. к., в 400 м к северу от д. Назарово Ильинского района, правый берег р. Обвы правого притока р. Камы [176, с. 16; 302, табл. XXXII—7; 243, с. 9; 312, № 940; 81, с. 27; 59; 60].

105. Куделинское городище. Л. к., д. Куделина Ильинского района, р. Кемоль, правый приток р. Обвы правого притока р. Камы [176, с. 17; 243, с. 10; 312, № 938].

106. Ромашевское городище. Л. к., близ д. Ромашево Ильинского района, р. Раменка, правый приток р. Кемоль правого притока р. Обвы правого притока р. Камы [177, с. 116; 243, с. 11; 312, № 937].

107. Кемольская находка. VII—VIII вв., Ильинский район, на берегу р. Кемоль, правого притока р. Обвы правого притока р. Камы, найдена основа бронзовой подвески [176, с. 17; 302, табл. XXXII—1; 312, № 939].

108. Деменковский могильник. VII—IX вв., в 300 м западнее д. Деменки Ильинского района, правый берег р. Обвы правого притока р. Камы [253, с. 113—114; 302, табл. XXXIX—12; 312, № 941; 81, с. 17, 27; 84, с. 156; 10; 111; 126, с. 58—67; 236, с. 5, 8, 9, 15—17, 21—23].

109, 110. Ильинское костище и городище. Л. к., с. Ильинское Ильинского района, р. Маслянка, правый приток р. Обвы правого притока р. Камы [163, с. 159 и др.; 176, с. 18; 236, с. 20; 68; 302, табл. 1—3—9, 14, 27—29, 32, 38—47, 49; 192, с. 40; 243, с. 10; 343, с. 9; 291, с. 94, 176, 264; 81, с. 17, 27; 312; № 950].

111. Ильинский клад. Л. к. В окрестностях с. Ильинское Ильинского района, правый берег р. Обвы правого притока р. Камы, найдена серебряная чаша с изображениями [273, с. 88; 312, № 950а].

112. Ильинские находки. VII—IX вв., с. Ильинское. В коллекцию Теплоуховых поступило большое количество вещей из окрестностей села: подвески, меч, наконечник стрелы и др. [176, с. 19; 302, табл. V—19; IX—2; XIV—8, 11; XXV—14; XXVI—18; XXVII—11; XXXVI—9; XXXIX—9; XL—13; 291, с. 181; 312, № 952].

113. Сучкинское (Романов Лог) городище. Л. к., близ д. Сучкина Ильинского района, восточнее Романова лога, левый берег р. Масляны правого притока р. Чолвы правого притока р. Обвы правого притока р. Камы [66; 312, № 954].

114. Манаковская находка. Л. к. В окрестностях д. Манаки Ильинского района, р. Карашор, левый приток р. Обвы правого притока р. Камы, найден идол [302, табл. V—6; 312, № 943].

115. Осташинское городище. Л. к., в окрестностях д. Осташи Ильинского района, р. Сосновка, приток р. Обвы правого притока р. Камы [81, с. 27].

116. Егвинская находка. IV—VI вв. Близ с. Егва Ильинского района, правый берег р. Егвы правого притока р. Обва правого притока р. Камы, найден обломок серьги харинского типа [302, табл. XX—2; 312, № 968; 120, табл. 1—8, с. 118].

117. Идоговская находка. VIII—IX вв. Близ д. Идогово Ильинского района, р. Идогова, приток р. Егвы правого притока р. Обвы правого притока р. Камы, найдена основа бронзовой подвески [176, с. 18; 302, табл. XI—8; 312, № 969].

118. Саргинская находка. Л. к. В окрестностях д. Саргино Ильинского района, р. Егва, правый приток р. Обвы правого притока р. Камы, обнаружена пронизка-медведь [120, с. 118].

119. Филипповская находка. VII—VIII вв. Близ д. Филиппова Карагайского района, левый берег р. Обвы правого притока р. Камы, найдена пронизка [312, № 983].

120. Новоселовская находка. VI—IX вв. Около д. Новоселы Карагайского района, левый берег р. Тюш левого притока р. Язьвы левого притока р. Обвы правого притока р. Камы, найдена бронзовая шумящая подвеска [176, с. 15; 312, № 992].

121. Рождественский могильник. VIII—IX, XIII—XIV вв., в 1 км к юго-западу от с. Рождественское Карагайского района, левый берег р. Обвы правого притока р. Камы [280, с. 75, 78, 81, 82; 154, с. 35; 66; 349, № 697; 164, с. 24; 338, с. 623; 1; 176, с. 67; 286, с. 20; 219, с. 114—117; 302, табл. V—5; VII—3, 9, 23; VIII—13; X—7; 14, 19, 26, 27; XIV—1, 3, 10, 12; XV—10; XVI—1, 4; XVII—1, 11, 19, 25, 31—34, 37—41, 43, 45; XVIII—6, 9, 12, 13, 21; XX—10; XXI—9, 13; XXII—11, 12, 16, 17; XXIII—8, 11, 13, 17, 19, 26; XXIV—4—6, 18, 21, 37, 51, 56, 59, 62; XXV—3; XXVI—2, 31, 33; XXVII—18; XXVIII—2, 4, 15—18, 20, 21, 23, 27, 32; XXIX—23, 28; XXX—1; XXXI—27; XXXII—6, 16, 17, 19, 22, 24, 27; XXXIII—2, 8, 25, 30, 37; XXXIV—6, 17—21, 27, 28, 33, 38, 40, 41; XXXV—13; XXXVI—16; XXXIX—4, 7, 8, 22, 23, 26; KL—15, 6; 192, с. 42; 243, с. 9; 312, № 980; 81, с. 18; 224, с. 161—177].

122, 123. Пастоноговское городище и костище. Л. к., близ д. Пастоногова Карагайского района, р. Корым, левый приток р. Обвы правого притока р. Камы [154, с. 36; 164, с. 24, 35, 36; 312, № 985, 986].

124. Гутовский клад. Л. к., д. Гутово, левый берег р. Обвы правого притока р. Камы. В 1891 г. в окрестностях деревни найдены чаша с ручкой и блюдо [248, с. 70; 298, табл. XLIV—109; XLIX—120; 242, табл. 52; 312, № 1004; 144, с. 21—22, табл. 8—1—4, 25—3, 4].

125. Оношатский клад. Л. к., д. Оношата Верещагинского района, бассейн р. Сепыч левого притока р. Лысьвы правого притока р. Обвы правого притока р. Камы. В 1892 г. близ деревни найдены серебряное сасанидское блюдо и 4 серебряные гривны [245, с. 94; 298, табл. XLIII—105; 242, табл. 33; 312, № 995; 144, с. 20—21, табл. 4—1].

126. Луковский клад. Л. к., д. Луковка Добрянского района, левый берег р. Камы. В 1909 г. близ деревни найдено серебряное блюдо [242, табл. 16; 312, № 875].

127. Селище Еловая Грива. Л. к., д. Посад или д. Королево Добрянского района, левый берег р. Камы [81, с. 28].

128. Борленвенское I селище. Л. к., в 2 км южнее пос. Бор-Ленва Добрянского района, левый берег р. Камы [25, с. 59—60].

129. Борленвенское II селище. Л. к., пос. Бор-Ленва Добрянского района, к востоку от 1-го селища, левый берег р. Камы [25, с. 61].

130. Борленвенское местонахождение керамики. Л. к., пос. Бор-Ленва Добрянского района. На Борленвенском острове найдены 2 фрагмента керамики [25, с. 60].

131, 132. Больше-Висимский курганный и грунтовый могильник. V—VIII вв., пос. Висим Добрянского района, устье р. Б. Висим левого притока р. Камы [22; 25, с. 62; 329, с. 170—176; 126; 120, с. 59—60, 87, 99].

133. Останинское (Косьвинское, Перемское) костище. Л. к., близ д. Останино Добрянского района, правый берег р. Косьвы левого притока р. Камы [66; л. 282; 349, № 578; 164, с. 39; 302, табл. 1—1, 2, 10, 24; XXIV—63; XXXV—23; 291, с. 94; 312, № 1014].

134. Мочелятское городище. Л. к., д. Мочелята Добрянского района, левый берег р. Косьвы левого притока р. Камы [302, табл. XXXVII—40; 243, с. 10; 312, № 1018].

135. Баяновский могильник. VIII—X вв., в 200 м к югу от д. Баяново Добрянского района, левый берег р. Косьвы левого притока р. Камы [223; 225; 236, с. 6—8, 14—17, 21—23, 29; 84, с. 189, 194; 126].

136. Баяновское селище. Л. к., д. Баяново Добрянского района, правый берег р. Вильвы левого притока р. Косьвы левого притока р. Камы [81, с. 22; 84, с. 189, 190; 225, с. 110—111].

137. Лаврятское городище. Л. Р. к., в 1,5 км к юго-востоку от с. Таборы Добрянского района, правый берег р. Вильвы левого притока р. Косьвы левого притока р. Камы [66; 164; 302, табл. XXV—7, 12; XXVI—6, 20; XXVIII—5; 192; с. 38; 312, № 1019; 84, с. 188, 194; 225, с. 107, 108; 236, с. 9, 14, 21, 29; 111, с. 123—124].

138. Усть-Иньвенское городище. Л. к., в окрестностях д. Усть-Иньва Ильинского района, правый берег р. Камы [345, с. 174; 65, с. 11; 312, № 1024; 81, с. 17].

139. Филинское городище. Л. к., в 500 м южнее д. Филина Ильинского района, правый берег р. Иньвы правого притока р. Камы [345, с. 174; 312, № 1026].

140. Майкорский могильник. VI—VII вв., д. Майкор Юсьвинского района, левый берег р. Иньвы правого притока р. Камы [302, табл. XXXVIII—29; 243, с. 9; 65, с. 93; 312, № 1031].

141. Майкорский клад. Л. к., д. Майкор Юсьвинского района, левый берег р. Иньвы правого притока р. Камы. В начале 90-х гг. XIX в. на кладбище Никитинского завода найден кувшинообразный сосуд [248, с. 38; 298, табл. LXXXV—153; 312, № 1032].

142. Федоровщинские находки. VIII—IX вв. Близ д. Федоровщина Юсьвинского района, левый берег р. Иньвы правого притока р. Камы найдена бронзовая пронизка и железное кресало [302, табл. XXXVI—24; XXXIX—25; 312, № 1036].

143. Селище «Степаново Плотбище». Л. к., в 1 км южнее д. Питер Юсьвинского района, правый берег р. Камы [312, № 1152; 81, с. 17].

144. Загарский могильник. VII—XI вв., на территории д. Соболево Юсьвинского района, правый берег ручья Ивашор правого притока р. Иньвы правого притока р. Камы [176, с. 55, 57, 66; 319, с. 250; 248, с. 38; 302, табл. V—14; VII—1, 8, 16, 24; IX—6, 11; X—8, 12, 30; XIV—6; XV—7, 19, 20, 21; XVI—10; XVII—9, 23; XVIII—3, 5; XX—3—6, 14, 17, 18, 25, 26. 30; XXIII—24; XXIV—11, 16, 23; XXV—11, 17, 18, 20; XXVII—1, 4, 6, 10, 19, 20; XXIX—12; XXXI—28, XXXII—9, 10, 21; XXXIII—5, 12, 14, 22, 27, 31; XXXIV—7; XXXVI—14, 28; XXXIX—2, 6, 8, 17, 18; 65, с. 70; 291, с. 187, 267; 312, № 1038; 236, с. 14, 21, 23, 25].

145. Вахрамовское (Ям-гора) городище. Л. к., в 5 км от д. Вахрамово Юсьвинского района, верховья р. Ям правого притока р. Иньвы правого притока р. Камы [65, с. 11; 312, № 1039].

146. Козьминские находки. VIII—IX вв., в д. Козьмина Юсьвинского района, устье р. Пой левого притока р. Иньвы правого притока р. Камы, найдены подвеска-коробочка, бронзовая копоушка и другие предметы [176, с. 55; 302, табл. XXIV—13, 22; XXVI—10; XXXII—4, 11; XXXIV—11; 243, с. 9; 65, с. 75; 312, № 1046].

147. Купросские находки. VIII—IX вв. В окрестностях с. Купрос Юсьвинского района, левый берег р. Иньвы правого притока р. Камы найдены 2 шумящие подвески [248, с. 71; 249, с. 116; 302, табл. XIV—9; XXXIX—16; 312, № 1045].

148. Кырдымское городище. Л. к., в 4—5 км от д. Кырдым Юсьвинского района, правый берег р. Кырдым правого притока р. Иньвы правого притока р. Камы [349, № 745; 176, с. 57; 319, с. 264; 302, табл. XII—3; XV—17; XXIII—27; XXIV—64; XXXI—8; 243, с. 9; 65, с. 10; 312, № 1050; 85, с. 8].

149. Стариковское селище. Л. к., в 2 км выше по реке д. Стариково Юсьвинского района, левый берег р. Кыдзяшор правого притока р. Иньвы правого притока р. Камы [65, д. 20, л. 11, 12; 312, № 1054].

150. Вакинское селище. Л. к., д. Вакина Юсьвинского района, р. Печошора, пра-

вый приток р. Исыл левого притока р. Иньвы правого притока р. Камы [164, с. 25; 189; 302, табл. V—9; VI—15; VII– 2, 12, 17; VIII—4; IX—13; X—6, 24, 25; XIII—4; XVI—8, 11, 13, 16; XVII—14; XX—8; XXI—11, 16, 19, 20; XXII—13, 22; XXIII—2, 6, 15; XXIV—60, 61, 69, 75, 77; XXV—4; XXVI—3, 4, 13, 22, 28, 32, 34, 35; XXVII—2, 7; XXVIII—12, 35; XXIX—20; XXX—2; XXXI—3, 15, 29; XXXII—2, 8, 12; XXXIII—11, 34, 38; XXXV—18, 19; XXXIX—5, 10, 15; XL—9, 11, 17; 298, табл. XXVII, рис. 7, 8; 243, с. 9; 65, д. 20, л. 7; 312, № 1042; 236, с. 9, 14, 18, 22, 26].

151. Баяндинская находка. VII—VIII вв. Возле д. Баяндина (Баландина) недалеко от с. Архангельского, устье р. Истер левого притока р. Иньвы правого притока р. Камы, найдена поясная бляшка [246, с. 22; 302, табл. XXXVIII—8; 192; 243, с. 9; 65, с. 43; 312, № 1064].

152. Воробьевское городище. Л. к., напротив д. Воробьево Юсьвинского района, правый берег р. Истер левого притока р. Иньвы правого притока р. Камы [65, д. 20, л. 14; 312, № 1067].

153. Мащинское (Мосинское) городище. Л. к., в 1 км от д. Мощино Юсьвинского района, р. Истер, левый приток р. Иньвы правого притока р. Камы [65, д. 20, л. 15; 312, № 1068].

154. Ручевское (Стан) городище. Л. к., д. Ручева, в 500 м к северо-востоку от д. Стан Юсьвинского района, р. Сивашер, правый приток р. Юсьвы правого притока р. Иньвы правого притока р. Камы [65, с. 6; 312, № 1072].

155. Ручевский клад. Л. к., д. Ручево Юсьвинского района, р. Сивашер, правый приток р. Иньвы правого притока р. Камы. Найдена серебряная чаша [65, с. 6; 312, № 1078].

156. Архангельский клад. Л. к., с. Архангельское Юсьвинского района, левый берег р. Иньвы правого притока р. Камы. В коллекции Теплоуховых — подвеска VIII—IX вв., в 1859 г. в окрестностях обнаружены сосуд и 6 чашек [262; 338, с. 624; 275, с. 38; 302, табл. XXXIX—11; 312, № 1078].

157. Важгортский могильник. VIII—IX вв., д. Важгорт (Чинагорт) Кудымкарского района, левый берег р. Велвы левого притока р. Иньвы правого притока р. Камы [65, с. 15; 312, № 1080; 9; 119, с. 37—38, 51; 126; 236, с. 5].

158. Мартинское (Карасевское, Кыр-ыв-йыр) городище. Л. к., близ д. Карасева и Мартина Кудымкарского района, левый берег р. Велвы левого притока р. Иньвы правого притока р. Камы [189; 65, д. 20, л. 20; 312, № 1082].

159. Старцевское (Каче-кок-кэрэс) городище. Л. к., близ д. Старцево Кудымкарского района, на горе Каче-кок-кэрэс, правый берег р. Велвы левого притока р. Иньвы правого притока р. Камы [164, с. 25; 65, с. 8; 312, № 1085].

160. Каневский могильник. VIII—IX вв., на восточной окраине д. Канево Кудымкарского района, левый берег, р. Велвы левого притока р. Иньвы правого притока р. Камы [65, д. 20, л. 21; 312, № 1087; 104; 84, с. 190, 194; 119, с. 35—37, 51—54; 126; 236, с. 5, 6, 8, 18, 22, 23].

161. Каневское селище. Л. к., на территории д. Канево Кудымкарского района, левый берег р. Велвы левого притока р. Иньвы правого притока р. Камы [65, д. 20, л. 19; 312, № 1088].

162, 163. Ошибское I, II селища. Л. к., на территории с. Ошиб Кудымкарского района, правый берег р. Велвы левого притока р. Иньвы правого притока р. Камы [65, д. 20, л. 21а; 312, № 1092].

164. Петуховское городище. Л. к., д. Петухово Кудымкарского района, р. Велва, левый приток р. Иньвы правого притока р. Камы [312, № 1097].

165. Галюковское селище. Л. к., в окрестностях д. Галюково Кудымкарского рай-

она, правый берег р. Велвы левого притока р. Иньвы правого притока р. Камы [67; 189; 243, с. 9; 65, д. 20, л. 23; 312, № 1103].

166. Вож-Пальниковская находка. VIII—IX вв. Возле д. Вож-Пальник Кудымкарского района, р. Тызашор, правый приток р. Велвы левого притока р. Иньвы правого притока р. Камы, найдена зооморфная пронизка [302, табл. XXII—4; 312, № 1099].

167. Плотниковский (Вишневский) могильник. VIII—IX вв., д. Плотниково Кудымкарского района, левый берег р. Иньвы правого притока р. Камы [189; 65, с. 14; 312, № 1108; 35, с. 6—7].

168. Климовский клад. IV—V вв., д. Климово Кудымкарского района, левый берег р. Иньвы правого притока р. Камы. В 1907 г. найден клад, состоящий из семи блюд и котелка [255, с. 120—124, рис. 123—126, 167, с. 1, 2, 42; 298; табл. CXXI—306; CXXII—308, 312, 314; CXXVI—313; 192; 243, с. 9; 242, табл. 7, 19, 27, 34; 312, № 1111; 144, с. 23, табл. 12—4, 13—1].

169, 170. Кудымкарское городище и могильник. VII—XII вв., в центре г. Кудымкар, левый берег р. Кувы левого притока р. Иньвы правого притока р. Камы [314; 164, с. 22, 23, 36; 315, 99, с. 11; 1; 207; 190, с. 85; 302, табл. VI—11; VII—10; 14; VIII—3, 12; IX—1; X—1, 13; XI—4; XIII—6; XV—8, 18; XVIII—4, 15, 22, 26, 28; XIX—15, 16; XX—7, 11, 28; XXI—1—8, 10, 12, 14, 15, 17, 18, 21—23; XXII—2, 7, 20; XXIII—4, 22, 28; XXIV—1, 2, 8—10, 24, 31, 32, 66, 67, 73, 79; XXV—6, 10, 19, 22, 23; XXVI—1, 5, 7—9, 12, 14—17, 19, 21, 29, 30; XXVIII—3, 6—11, 14, 22, 24—26, 29, 30, 33, 34, 36; XXIX—3, 4, 6—11, 14—19, 21, 22, 24—27; XXX—10; XXXIII—26; XXXIV—5, 9, 10, 22, 29, 30, 35, 36; XXXV—1, 4, 5, 6, 10, 11, 16, 22; XXXVI—27; XXXIX—13, 29; XL—19; 192; 65, с. 14; 64, с. 166—167; 312, № 1113, 1114; 291, с. 180; 236, с. 9, 13, 15—19, 21, 24; 35, с. 9—10].

171. Першинское городище. Л. к., на краю д. Першино Кудымкарского района левый берег р. Кувы левого притока р. Иньвы правого притока р. Камы [65, с. 5; 312, № 1119; 35, с. 14—15].

172. Мальцевский могильник. VIII—IX вв., на окраине д. Мальцево Кудымкарского района, левый берег р. Кувы левого притока р. Иньвы правого притока р. Камы [317; 176, с. 35; 302, табл. II—10; VI—5; VII—6, 11; IX—14; XI—3; XII—9; XVII—16, 28; XXIV—12; XXXIII—7; XIV—4, 10; 65, с. 13; 64, с. 168; 312, № 1122; 291, с. 181; 236, с. 16—17; 35, с. 15].

173. Мальцевские находки. VIII—IX вв., д. Мальцево Кудымкарского района, левый берег р. Кувы левого притока р. Иньвы правого притока р. Камы. В 1901 г. найдены 3 серебряные серьги, 4 коньковые подвески, 2 браслета, пронизки, бусы [253, с. 168; 312, № 1124].

174, 175. Мальцевские I, II селища. Л. к., близ д. Мальцево, левый берег р. Кувы левого притока р. Иньвы правого притока р. Камы [65, с. 10, 11, 312, № 1125, 1126].

176. Городищенское (Кочкар) городище. Л. к., за д. Городище Кудымкарского района, р. Кочкар, левый приток р. Кувы левого притока р. Иньвы правого притока р. Камы [65, с. 4; 312, № 1129].

177. Тебеньковский клад. Л. к., д. Тебеньково Кудымкарского района, верховья правого притока р. Кувы левого притока р. Иньвы правого притока р. Камы. В 1887 г. близ деревни выпаханы серебряные блюда и кувшин [100; 189; 312, № 1127].

178. Пешнигортский I клад. VIII—IX вв., д. Пешнигорт Кудымкарского района, правый берег р. Иньвы правого притока р. Камы. В 1853 г. при пахоте найден клад серебряных сосудов. От клада сохранилась лишь серебряная ручка одного из сосудов

[87, кн. 7, с. 52—54; 189; 190, с. 111; 302, табл. II—13, 17; 298, табл. LXVIII—125; 312, № 1132; 144, с. 22—23].

179. Пешнигортский II клад. Л. к., д. Пешнигорт Кудымкарского района, правый берег р. Иньвы правого притока р. Камы. Между д. Ивуковой и Пешнигорт в 1913 г. найдено серебряное блюдо [258, с. 214, рис. 263; 242, табл. 29; 312, № 1133].

180. Пешнигортский могильник. Л. Р. к., у д. Пешнигорт и Никулино Кудымкарского района, правый берег р. Иньвы правого притока р. Камы [65, с. 22; 312, № 1134; 57; 35, с. 3—6].

181. Левинское городище. Л. Р. к., в 500 м к западу от д. Левина Кудымкарского района, р. Вежайки левый приток р. Иньвы правого притока р. Камы [164, с. 24; 189, с. 13; 65, д. 20, л. 2; 312, № 1138; 57, с. 6—7].

182. Квать-Пелевский клад. VI—VIII вв., д. Квать-Пелева Кудымкарского района, р. Котыш, правый приток р.Иньвы правого притока р. Камы. Клад найден в 1896 г., состоял из серебряных кувшина и чашки [249, с. 116; 298, табл. XIV—69; XVII—81; 65, д. 20, л. 28—29; 312, № 1143].

183. Подагортская находка. Л. к., д. Подагорт Кудымкарского района, правый берег р. Юсьвы правого притока р. Иньвы правого притока р. Камы. Обломок серебряной гривны [312, № 1074].

184. Острая Грива, городище. Л. Р. к., в 3 км к югу от с. Таман Усольского района, правый берег р. Камы [272, с. 113, 125; 312, № 1156; 48, с. 32—43].

185. Таманское городище. Л. к., севернее с. Таман Усольского района, устье р. Таманки правого притока р. Камы [67; 192, с. 32; 345, с. 171, 172; 312, № 1157; 81, с. 17].

186. Пешковский клад. VI—IX вв., д. Пешково Усольского района, левый берег р. Кондас правого притока р. Камы. В 1899 г. найдена 41 бронзовая плоская пластина [252, с. 120; 219, с. 136; 302, табл. XXXVIII—20; 345, с. 170—171; 291, с. 265; 312, № 1158].

187. Пешковское селище. Л. к., в окрестностях д. Пешково Усольского района, левый берег р. Кондас правого притока р. Камы [81, с. 26].

188. Сметанинское городище. Л. к., в 3 км севернее д. Сметанина Усольского района, р. Калашерка, левый приток р. Яйвы левого притока р. Камы [192, с. 31; 312, № 1163].

189. Селище Володин Камень I. Л. Р. к., в 400 м к югу от д. Володин Камень Усольского района, правый берег р. Яйвы левого притока р. Камы [38, с. 41—43].

190. Селище Володин Камень II. Л. Р. к., в 200 м к западу от д. Володин Камень Усольского района, правый берег р. Яйвы левого притока р. Камы [38, с. 43—48].

191. Семинское городище. Л. Р. к., г. Березники, пос. Семино, левый берег р. Зырянки левого притока р. Камы [259, с. 22; 36, с. 9—10].

192. Запосельское I селище. Л. Р. к., в 1,5 км к югу от д. Чашкино Соликамского района, устье р. Запоселье, оз. Чашкинское, левый берег р. Камы [37, с. 34].

193. Половодовский клад. VI—IX вв., д. Половодово Соликамского района, правый берег р. Усолки левого притока р. Камы. Близ села найдено серебряное блюдо [298, табл. LXII; LXIII, 106; 242, рис. 26; 312, № 1181; 210, с. 22; 144, с. 25, табл. 5—2].

194. Григоровский клад. VI—IX вв., близ д. Григорово Соликамского района, правый берег р. Камы. В 1897 г. найдено серебряное сирийское блюдо [190, с. 61; 251, с. 74; 330; 298, табл. XV—38; 312, № 1182; 144, с. 26—28, табл. 23].

195. Клепиковский клад. VI—IX вв., д. Клепиково Соликамского района, р. Тали-

ца, правый приток р. Мошевой левого притока р. Камы. В 1894 г. близ деревни найдена кувшинообразная чашка [298, табл. LXXVI—154; 243, с. 6; 312, № 1208].

196. Керчевский клад. VIII в., д. Керчево Чердынского района, устье р. Керчевки правого притока р. Камы. В 1893 г. найдено серебряное сасанидское блюдо [248, с. 72; 80, с. 130; 298, табл. XXV—53; 304, рис. 19; 192, с. 113; 191, с. 105; 243, с. 6; 312, № 1291].

197, 198. Омелинские селище и могильник. Л. Р. к., в 1—1,5 км от д. Омелины (Лукияновы) Чердынского района, урочище «Чучково поле», правый берег р. Вишеры левого притока р. Камы [33, с. 82—84, 88].

199. Макаровский могильник. VIII—IX вв., в 300 м к югу от д. Макарово Чердынского района, левый берег р. Камы [322, с. 160; 191, с. 509; 243, с. 7; 312, № 1301; 51].

200. Мелехинское селище. Л. к., в 200 м к югу от д. Мелехина Чердынского района, левый берег р. Камы [51].

201. Мелехинский могильник. VIII—XI вв., в 150 м южнее д. Мелехина Чердынского района, левый берег р. Камы [247, с. 39; 176, с. 80; 219, с. 123; 192, с. 119; 191, с. 110; 243, с. 7; 312, № 1302; 43; 234, с. 26; 236, с. 5—8, 14; 259, с. 41].

202. Селище Кататыб. Л. к., в 2 км севернее д. Амбор Чердынского района, левый берег р. Камы [51].

203. Курганный клад. Л. к. (?), хутор «Пьяный», пос. Курган Чердынского района, правый берег р. Камы. В 1957 г. здесь найдены обломки бронзового сосуда и бронзовая тарелка с четырьмя шаманскими изображениями [34, с. 1—4].

204. Шармотпульский (Мало-Долдинский) клад. VI—IX вв. В 1 км от д. Малые Долды Чердынского района, правый берег р. Камы, найдены серебряная тарелка и кувшин [219, с. 121; 312, № 1311].

205. Урольское селище. Л. к., близ д. Урол Чердынского района, верховьев р. Челвы левого притока р. Камы [89, с. 92—93; 192, с. 137; 191, с. 126; 243, с. 8; 312, № 1314].

206. Городище Гыркош. Л. Р. к., в 5 км к северо-востоку от д. Корнино Чердынского района, левый берег р. Гыркош левого притока р. Камы [39, с. 1—3].

207. Кольчужское селище. Л. Р. к., с. Кольчуг Чердынского района, левый берег р. Камы [64, с. 14; 312, № 1321].

208. Кольчужская находка. Л. к., у с. Кольчуг Чердынского района, левый берег р. Камы, найден бронзовый идол, изображающий две мужские фигуры и головы двух хищных птиц [64, с. 12—13; 312, № 1320].

209. Губинское городище. Л. Р. к., в 4 км от д. Губина (Шомшина) Чердынского района, левый берег р. Камы [280, с. 125—127; 336, с. 408—409; 338, с. 617; 287, с. 33; 192, с. 106; 191, с. 97; 243, с. 6; 64, с. 12—17; 312, № 1323].

210. Губинское I селище. Л. Р. к., д. Губина (Шомшина) Чердынского района, в 100—150 м к востоку от городища, левый берег р. Камы [64, с. 17; 312, № 1324].

211. Губинское II селище. Л. Р. к., д. Губина (Шомшина) Чердынского района, в 500 м от городища, левый берег р. Камы [64, с. 17; 312, № 1325].

212. Губинское (Шомшинское) III селище. Л. к., в д. Губина (Шомшина) Чердынского района, левый берег р. Камы [39, с. 4].

213. Губинское IV селище. Л. к., в 3,5 км к северо-западу от д. Шомшина (Губина) Чердынского района, левый берег р. Камы [51].

214. Редикорское городище. Л. Р. к., в 1 км южнее с. Редикор Чердынского района, правый берег р. Вишеры левого притока р. Камы [247, с. 39; 287, с. 33; 192, с. 131; 191, с. 120; 312, № 1218; 33, с. 2—5; 237, с. 188—189; 259, с. 41].

215. Редикорский могильник. VIII—XI вв., на западной окраине с. Редикор Чердынского района, правый берег р. Вишеры левого притока р. Камы [198, с. 128; 84, с. 190; 236, с. 7, 8, 14, 21—23, 26; 237, с. 188; 259, с. 41].

216. Редикорский II клад. VII—X вв., близ д. Редикор Чердынского района, правый берег р. Вишеры левого притока р. Камы. В 1908 г. найден клад, содержащий серебряные серьги, 2 серебряные и 2 медные ажурные подвески, серебряные поясные пряжки и накладки, 4 медных браслета, 2 гривны, бусы, арабские монеты (679—722 гг.) [168, с. 114; 169, с. 3; 256, с. 228; 192, с. 131; 191, с. 120; 312, № 1220].

217. Редикорский III клад. VI—VIII вв., в 1 км от с. Редикор Чердынского района, правый берег р. Вишеры левого притока р. Камы. В 1929 г. найден клад из 34 шаманских изображений [Фонды Чердынского музея, № 1468—2501].

218. Мало-Аниковский могильник. VIII—XI вв., д. Мало-Аниковка Чердынского района, устье р. Шутор правого притока р. Вишеры левого притока р. Камы [247, с. 39, 74; 248, с. 72; 286, с. 21, 23; 322, с. 158—159, табл. IX, X; 251, с. 74; 252, с. 129; 219, с. 119—120; 168, с. 114; 282, с. 25; 169, с. 127; 209, с. 139; 192, с. 92; 191, с. 84—85; 345, с. 210; 49, № 205; 312, № 1223; 236, с. 8, 14, 23].

219. Чердынские находки. VII—VIII вв., Чердынский район, Несколько случайных находок (подвесок, накладок из Чердынского уезда) имеется в коллекции Теплоуховых [302, табл. VII—25; XVII—7; XX—23; XXIII—18; XXIV—52; XXXI—24; XXXIII—39; XXXV—2; XXXVI—22].

220. Чердынский клад. VII—VIII вв., г. Чердынь. В 1846 г. в окрестностях Чердыни найдены чаша и 11 сасанидских монет [267; 153, с. 134; 286, с. 19; 192, с. 141; 191, с. 130; 243, с. 8; 312, № 1236].

221. Крымкарское селище. Л. к., в 400 м к северо-востоку от д. Крымкар Чердынского района, правый берег р. Колвы правого притока р. Вишеры левого притока р. Камы [296; 64; 312, № 1238; 31, с. 3—4].

222. Лобанихинское городище. Л. к., в 200 м к югу от пос. Лобаниха Чердынского района, правый берег р. Колвы правого притока р. Вишеры левого притока р. Камы [31, с. 4—5].

223. Искорское городище. VIII—XVII вв., в 500 м к северу от мельницы у д. Мысагорт и у с. Искор Чердынского района, левый берег р. Колвы правого притока р. Вишеры левого притока р. Камы [280, с. 115; 89, с. 94—98; 338, с. 617; 248, с. 38; 287, с. 25—29; 322, табл. VII, с. 6—7; 219, с. 118—119; 191, с. 392—393; 64; 312, № 1258; 47, с. 3—31; 259, с. 40].

224. Подбобыкское (Светик-Камень) святилище. Л. к., в 700 м к востоку от бывшей д. Подбобыка Чердынского района, левый берег р. Колвы правого притока р. Вишеры левого притока р. Камы [318, с. 9, 24; 247, с. 39; 248, с. 37—38; 321, с. 131—151; 286, с. 23; 288; 302, табл. XXXVI—2; 304, рис. 142, 143, 166, 174, 178, 180, 182, 184, 195, 196, 315, 360, 365, 392, 394, 396, 399—405, 407, 408; 209, с. 139; 192, с. 127; 131, с. 116; 243, с. 8; 344, с. 10; 64; 312, № 1265; 291, с. 176, 178, 180, 185, 187, 188, 250, 254, 263, 299; 84, с. 152].

225. Поселение Лисья Курья. Л. Р. к., близ впадения р. Еловки в р. Березовку, левый берег р. Березовки, Чусовское озеро, Чердынский район [45; 234, с. 26; 259, с. 40—41].

226. Ванниковские находки. VI—VIII вв. Р. к., д. Ванникова Красновишерского района, правый берег р. Язьвы левого притока р. Вишеры левого притока р. Камы. В окрестностях деревни найдено несколько предметов ломоватовского и родановского времени [312, № 1276].

227. Вишерский клад. VI—IX вв., р. Вишера, левый приток р. Камы. В 1893 г.

в Чердынском уезде найден клад серебряных вещей и 12 монет, из них 2 сасанидские [209, с. 30; 312, № 1287].

228. Сыпучинская находка. VIII—IX вв., с. Сыпучи Красновишерского района, левый берег р. Вишеры левого притока р. Камы. В бывшей Сыпучинской волости найден фрагмент серебряного сосуда [319, с. 254; 302, табл. II—8; 192, с. 134; 191, с. 123; 243, с. 8; 312, № 1282].

229. Пятигорские находки. VI—IX вв. Близ с. Пятигоры Косинского района, правый берег р. Камы, найдено много шумящих подвесок, пряжек, пронизок, серебряное византийское блюдо [258, с. 215; 312, № 1399].

230. Курьинское I селище. Л. Р. к., в окрестностях д. Агафоново (Курья) Гайнского района, р. Курья, правый приток р. Камы [51].

231. Курьинское II селище. Л. Р. к., в 300 м юго-восточнее д. Агафоново (Курья) Гайнского района, р. Курья, правый берег р. Камы [51].

232, 233. Агафоновский курганный и грунтовый I могильник. V—IX вв., в 700 м к северо-востоку от д. Агафоново Гайнского района, р. Курья, правый берег р. Камы [2; 49; 91, с. 88; 191, с. 176; 312, № 1406; 51; 43; 236, с. 8; 125, с. 111—119; 21; 62; 130; 17; 18; 120, с. 116; 131, с. 146; 132, с. 149—150; 259, с. 26—27; 128, с. 41—42; 129, с. 80—88].

234. Модоробские находки. Л. Р. к. В окрестностях д. Модороб Гайнского района, р. Модоробка, правый приток р. Камы, найдены 2 подвески, перстень и другие вещи [302, табл. VIII—5; IX—7; XII—12; XIII—9; XIV—2; XV—3, 5; XVII—47; XIX—17; XX—24; XXII—1; XXVII—15; XXX—14; XXXVI—10; 243, с. 7; 312, № 1409].

235. Михалевские (Златинские) находки. Л. Р. к., д. Михалева Гайнского района, правый берег р. Камы. В. Л. Борисов приобрел в деревне шумящие подвески, накладки, перстень, пронизки, коньковые подвески [302, табл. V—15, 18, 20; VI—2, 3, 9; VII—4, 21; VIII—2; IX—3; X—4, 20; XI—1; XII—6, 10, 13; XIII—5, 8, 10, 12—14; XIV—4, 13; XV—11; XVII—3, 4, 8, 24, 26; XIX—10; XX—1, 9, 12, 29; XXII—5; XXIII—9, 14; XXIV—14; XXVI—25; XXVIII—28; XXXI—26; XXXII—23, 26; XXXIII—21, 23, 29, 35; XXXIV—2; XXXIX—21; XL—14; 191, с. 101; 243, с. 7; 312, № 1407; 291, с. 99, 176, 181, 182, 184, 187, 188, 265, 273; 236, с. 17, 18, 23].

236. Базуевские находки. Л. к. В окрестностях д. Базуева Гайнского района, верховья р. Булач левого притока р. Лолог правого притока р. Камы, находили много «чудских» вещей (железный наконечник стрелы, птицевидный идол и др.) [318, с. 15; 252, с. 89; 302, табл. V—3, VII—19, XXVII—13, XXXIII—1; 191, с. 86; 243, с. 5; 312, № 1357].

237. Елевский могильник. VII—X вв., на окраине д. Елево Гайнского района, в местности Ань-сей-ыб, правый берег р. Камы [176, с. 61; 302, табл. VI—10, 19; VIII—14; X—15, 18, 31; XV—1; XXXIV—15, 24; XXXVIII—6; 291, с. 180, 181; 312, № 1408; 236, с. 5, 18; 259, с. 27].

238, 239. Харинские грунтовый и курганный могильники. Л. Р. к., близ д. Харино Гайнского района, правый берег р. Камы [317, с. 61, 62, 67, 93; 176, с. 61; 252, с. 87; 2; 49; 253, с. 115—116; 302, табл. VI—4; VII—20; VIII—6, 7; IX—4; X—19, 21, 22, 28, 29; XI—2, 7; XII—11; XIII—15; XVI—7; XVII—2; 6, 10, 29; XVIII—2; XIX—14, 19; XXII—14, 19, 23; XXIII—3, 7, 12; XXIV—53, 54; XXVIII—19; XXX—8; XXXI—10, 18, 21, XXXIII—15, 19; XXXIV—14, 31; XXXV—7, 9; XXXVI—3; 191, с. 756; 146, с. 292; 312, № 1412; 291, с. 81, 101, 181, 182, 184; 81, с. 22; 84, с. 145, 147; 236, с. 16, 17; 120, с. 58—62, 116; 259, с. 29].

240. Харинское городище. Л. Р. к., в центре д. Харино Гайнского района, правый берег р. Камы [91, с. 88, 89; 312, № 1410—1411; 259, с. 29].

241. Харинское VI селище. Л. Р. к., вблизи д. Харино Гайнского района, р. Федоровка, правый берег р. Камы [51].

242. Харинское VIII селище. Л. Р. к., вблизи д. Харино Гайнского района, правый берег р. Камы [51].

243. Даниловское II селище Л. Р. к., в окрестностях д. Данилово Гайнского района, р. Гайнашор, правый приток р. Камы [51].

244. Даниловский могильник. VII—VIII вв., в окрестностях д. Данилово Гайнского района, на холме Силен-Мыс, правый берег р. Камы [286, с. 23; 322, с. 157, 160; 302, табл. V—7; VII—13; X—3; XVI—2; XVII—13, 42; XIX—12, 13, 18; XXIII—16; XXIV—17; XXV—8; XXXI—6; XXXII—18; XXXIII—20; XXXIV—12, 23; 191, с. 99; 243, с. 6; 312, № 1415].

245. Федоровские находки. VIII—IX, X—XII вв., д. Федорова Гайнского района, правый берег р. Камы. Близ деревни найдено много предметов древности, среди них две подвески VIII—IX вв. [302, табл. VI—17; VIII—9; XVI—9; XVII—5, 30; XXX—18; XXXIX—19, 24; XL—18; 191, с. 127; 243, с. 8; 312, № 1413].

246. Мазунинское (Даниловское) городище. Л. к., между д. Мазунина, Данилово Гайнского района, р. Захаровка, правый приток р. Камы [91, с. 89; 302, табл. XII—1; XXII—6; XXXV—14; XL—I; 191, с. 127; 243, с. 8; 312, № 1414; 81, с. 22; 259, с. 27].

247. Гайнские находки. VIII—IX вв. В окрестностях с. Гайны, правый берег р. Камы, найдены бронзовая подвеска-ложка и несколько других вещей [286, с. 20; 302, табл. IV—9; X—5; XV—13; XVII—35, 36; XVIII—10; XXX—3, 5; XXXIV—16; 312, № 1419; 49, № 50].

248, 249. Пыштайнские курганный и грунтовый могильники. V—VI, IX—X вв., в 800 м юго-восточнее д. Пыштайн Гайнского района (ныне слилась с Гайнами), правый берег р. Камы [252, с. 88; 302, табл. XXIV—71; 2; 49; 191, с. 118, 647; 312, № 1416; 81, с. 22; 44, с. 3—17; 234, с. 25—26, рис. 2; 120, с. 58—87, 116, 118; 259, с. 28].

250. Селище Пыштайн II. Л. к., в окрестностях д. Пыштайн Гайнского района, р. Даниловка, правый берег р. Камы [51].

251. Селище Нетяйн I. Л. Р. к., в окрестностях д. Пыштайн Гайнского района, правый берег р. Федоровки, правый берег р. Камы [51].

252. Селище Нетяйн II. Л. Р. к., в 60 м от д. Пыштайн Гайнского района, правый берег р. Федоровки, правый берег р. Камы [51].

253. Селище Нетяйн III. Л. Р. к., д. Пыштайн Гайнского района, рядом с селищем Нетяйн II, правый берег р. Федоровки, правый берег р. Камы [51].

254. Бурдаковский курганный I могильник. V—VI вв., д. Бурдаково Гайнского района, левый берег р. Бурдаковки левого притока р. Весы правого притока р. Камы [252, с. 88; 146, с. 292; 312, № 1422; 51; 43; 120, с. 58—87, 118; 259, с. 27; 2; 49].

255. Аннинские находки. VI—VIII вв. Возле д. Усть-Чикурья Гайнского района (бывший центр Аннинской волости), р. Весляна, левый приток р. Камы, найдены подвески, накладки и спиралевидная пронизка ломоватовского облика [302, табл. III—10; VII—15; X—16; XIV—5; XVI—12; XXXIII—32; XXXVII—30; 312, № 1426; 236, с. 21].

256. Усть-Чикурьинское селище. Л. к., в 500 м к юго-западу от д. Усть-Чикурья Гайнского района, левый берег р. Камы [5].

257. Плесинский могильник. VII—X вв., в 100 м к востоку от д. Плесо Гайнского района, левый берег р. Камы [40; 42; 231, с. 97—99; 233, с. 203—206; 236, с. 5—8, 14, 16, 17, 21, 22, 28; 126; 259, с. 28].

258. Плесинские клады. VI—VII вв., в 1 км от д. Плесо Гайнского района, левый берег р. Камы. В 70-е гг. XIX в. здесь найдено 2 клада бронзовых украшений [302, табл. III—6, 20, 22; IV—1, 10, 13, 14; VI—14; XX—16, 22; XXII—10, 21; XXVIII—13;

XXXI—11, 12, 17; XXXII—3, 20; XXXV—21; XXXVI—13; XXXVIII—19, 27; 304, рис. 200; 191, с. 114; 243, с. 7; 291, с. 97—99, 174, 176, 184; 312, № 1428].

259. Городище Карашор. Л. к., Гайнский район, р. Карашор, левый приток р. Лолог левого притока р. Косы правого притока р. Камы [312, № 1360; 14].

260. Кычдезовское городище. Л. к. (?), на западной окраине с. Сосновка Косинского района, устье р. Кычдез правого притока р. Лолог левого притока р. Косы правого притока р. Камы [164, с. 18—19; 252, с. 89; 192, с. 118; 191, с. 109; 243, с. 7; 312, № 1333; 23, с. 8].

261. Косинское (Большереченское) городище. Л. к., в 3,5 км к северо-западу от с. Коса Косинского района, устье р. Ыджид-шор, правый берег р. Лолог левого притока р. Косы правого притока р. Камы [164, с. 18; 252, с. 89; 192, с. 114; 191, с. 105, 454; 312, № 1332; 23, с. 4—6].

262. Красильниковский могильник. VIII—IX вв., в 80 м юго-восточнее д. Красильникова Косинского района, р. Берег-шор, приток р. Кычдез правого притока р. Лолог левого притока р. Косы правого притока р. Камы [302, табл. IX—5; XXXI—14, 22; XXXIII—24; 192, с. 115; 191, с. 107; 312, № 1343].

263. Чазевский I курганный (Шойна-ыб) могильник. V—VI вв., в 1,5 км от с. Чазево Косинского района, р. Шойна-ыб-шор, приток р. Большая Вежайка правого притока р. Лолог левого притока р. Косы правого притока р. Камы [164, с. 17; 252, с. 88; 49, № 4; 243, с. 8; 191, с. 619; 312, № 1346; 11; 120, с. 58—87, 99; 259, с. 29].

264. Чазевский II курганный (Нюр-Медер) могильник. V—VI вв., в 3 км ВСВ от с. Чазево Косинского района, р. Кычдез, правый приток р. Лолог левого притока р. Косы правого притока р. Камы [164, с. 17; 318, с. 26; 302, табл. XXII—9; 191, с. 619; 312, № 1347; 11; 120, с. 58—87, 99, 106, рис. 9—2; 259, с. 29].

265. Чазевская находка. VII—VIII вв., с. Чазево Косинского района, р. Кычдез, правый приток р. Лолог левого притока р. Косы правого притока р. Камы. Близ села найдены литое навершие кинжала VII—VIII вв., изображение животного и ральник [302, табл. III—18; IV—2; XXX—12; XXXVI—11; 312, № 1348].

266. Корчевские находки. Л. к., д. Корчея Косинского района, р. Ключ, приток р. Кычдез правого притока р. Лолог левого притока р. Косы правого притока р. Камы. В коллекции Теплоуховых имеются 2 предмета из окрестностей деревни: кольцевидная подвеска и птицевидный идол [302, табл. III—19; IV—6; 191, с. 103; 312, № 1349].

267. Корчейское городище. Л. к., в центре д. Корчея Косинского района, р. Ключ, приток р. Кычдез правого притока р. Лолог левого притока р. Косы правого притока р. Камы [312, № 1349; 14].

268. Бачмановские (Куль-Поз) находки. VI—VII вв. Р. к., д. Бачманова Косинского района, р. Кычдез, правый приток р. Лолог левого притока р. Косы правого притока р. Камы. В окрестностях деревни найдены бронзовый идол, пронизки, обломок серебряной серьги, бусина [312, № 1338].

269. Пыдосовское городище. Л. к., д. Пыдосова Косинского района, р. Куль-Позья, приток р. Омен притока р. Лолог левого притока р. Косы правого притока р. Камы [192, с. 128; 191, с. 117; 243, с. 7; 312, № 1337; 14].

270. Пеклаыбский I курганный могильник. V—VI вв., в 2 км к юго-западу от д. Пеклаыб Косинского района, р. Усть-Пальник-Шор, приток р. Б. Вежайки правого притока р. Лолог левого притока р. Косы правого притока р. Камы [14; 120, с. 58—87, 106; 269, с. 29].

271, 272. Пеклаыбский II курганный могильник, селище. V—VI вв., в 2,5 км к северо-западу от д. Пеклаыб Косинского района, левый берег р. Усть-Пальник-Шор,

приток р. Б. Вежайки правого притока р. Лолог левого притока р. Косы правого притока р. Камы [14; 120, с. 106, рис. 10—3; 259, с. 29].

273. Бельковский курганный могильник. V—VI вв., в 7 км севернее д. Юксеева Кочевского района, р. Ужья, правый приток р. Лолог левого притока р. Косы правого притока р. Камы [252, с. 88; 191, с. 89; 2; 49; 312, № 1362; 14; 120, с. 58—61, 115—116].

274. Пармайловское I городище. Л. к., в 1,5 км к северо-западу от д. Пармайлово Кочевского района, бассейн р. Лолог левого притока р. Косы правого притока р. Камы [191, с. 113; 312, № 1350; 14].

275. Пармайловское II городище. Л. к., в 2,5 км к западу от д. Пармайлово Кочевского района, бассейн р. Лолог левого притока р. Косы правого притока р. Камы [14].

276. Юксеевская находка. V—VI вв., д. Юксеево Кочевского района, бассейн р. Лолог левого притока р. Косы правого притока р. Камы. Из Юксеевской волости происходит пряжка харинского типа [302, табл. XVI—3; 312, № 1354; 120, с. 118].

277, 278. Митинский курганный могильник и селище. V—VI вв., в 1,5 км к востоку от д. Митино Кочевского района, левый берег р. Кычдез правого притока р. Лолог левого притока р. Косы правого притока р. Камы [312, № 1352; 84, с. 145; 236, с. 8, 15; 120, с. 58—87, 106—115; 259, с. 29].

279. Урьинский клад. Л. к., д. Урья Кочевского района, левый берег р. Онолвы левого притока р. Косы правого притока р. Камы. Клад состоит из сосуда с поддоном, гривны и 18 предметов поясного набора [232, рис. 2—9, 15, 17].

280. Урьинский могильник. VIII—IX вв., в 100 м к юго-востоку от д. Урья Кочевского района, левый берег р. Онолвы левого притока р. Косы правого притока р. Камы [302, табл. XI—6; XVII—20, 44; XXXVII—5; 191, с. 125; 243, с. 8; 312, № 1379; 291, с. 182; 84, с. 159, 161, 190; 119, с. 31—34, 45—50; 126; 236, с. 5—9, 14, 16, 17, 21—23; 259, с. 29—30].

281. Городище Курегкар. Л. к., в 2 км от д. Урья Кочевского района, р. Онолва, левый приток р. Косы правого притока р. Камы [81, с. 29; 259, с. 29].

282. Пуксибские находки. VII—IX вв., в 3 км от д. Пуксиб Косинского района, рр. Лолым, Пан, правые притоки р. Косы правого притока р. Камы. Местные жители выпахивали «чудские» изделия, в том числе круглые подвески VII—IX вв. [302, табл. III—9, 16, 21; VI—20; 191, с. 117, 643—644; 243, с. 7; 312, № 1366].

283. Варышская находка. Л. к., д. Варыш Косинского района, р. Сия, приток р. Лолым правого притока р. Косы правого притока р. Камы. Возле деревни найдено изображение птицы с человеческой личиной [191, с. 249; 340, с. 144; 312, № 1368].

284. Кочевские находки. V—VII вв., д. Большая Коча Кочевского района, левый берег р. Онолвы левого притока р. Косы правого притока р. Камы. В коллекции Теплоуховых хранятся несколько бронзовых украшений (вещи харинского времени, браслет, накладка и др.), происходящие, вероятно, из разрушенного могильника в окрестностях деревни [164, с. 13, 17; 158, с. 85; 159, с. 336; 302, табл. XV—22; XVI—15; XIX—3—5; XXXIV—1; XXIII—10; XXIV—15, 25, 33, 38; XXV—24; XXVII—16; XXXV—3; XL—2; 191, с. 87; 291, с. 99; 312, № 1373].

285. Мартыновский клад. Л. к., д. Мартыново Кочевского района, левый берег р. Вожайки правого притока р. Онолвы левого притока р. Косы правого притока

р. Камы. В 1953 и 1957 гг. у деревни выпаханы серебряные чаши и 2 византийских блюда [32, с. 3—5; 194, с. 51; 197, с. 243, рис. 1, 2; 144, с. 33, табл. 13—3, 21—3].

286. Ошовское городище. Л. Р. к., у д. Ошово Кочевского района, правый берег р. Вожайки правого притока р. Оноливы левого притока р. Косы правого притока р. Камы [32, с. 2—3].

287. Сюльковская (Пон-Видч) находка. VII—VIII вв., д. Сюлькова Кочевского района, р. Сепель, левый приток р. Косы правого притока р. Камы. Колесовидная подвеска из местности Пон-Видч [312, № 1384].

288. Ташкинский клад. VI—IX вв., в 1 км от д. Ташки Кочевского района, левый берег р. Косы правого притока р. Камы. В 1892 г. было найдено 12 сасанидских монет и несколько серебряных предметов [252, с. 89; 302, табл. XII—1; XXII—6; XXXV—14; XL—1; 191, с. 127; 243, с. 8; 312, № 1414; 81, с. 22].

289. Кайгородский клад. VI—IX вв., пос. Кай Верхнекамского района Кировской области[2], левый берег р. Камы. Близ села найдено серебряное блюдо [298, табл. LXII—100; 312, № 1436; 144, с. 33, табл. 21—4, 5].

290. Георгиевский клад. VI—VII вв., в окрестностях с. Георгиево Афанасьевского района, правый берег р. Камы. Находки представлены подвесками, гривнами, пронизками, накладками, бусинами и т. д. [300, с. 83; 302, табл. XXXVIII—1—3, 5, 7, 11, 13—18, 21—26, 30—32; 260, с. 118; 250, с. 60; 337, с. 86; 291, с. 79, 101, 174, 176, 181; 312, № 1441; 66, тетр. 20, л. 682—694; 236, с. 21].

291. Георгиевское (Зуйкар) городище. Л. к., в 400 м к югу от с. Георгиево Афанасьевского района, правый берег р. Камы [164, с. 10; 300, с. 83; 260, с. 118; 261; 250, с. 60; 337, с. 86; 302; 312, № 1441; 29, с. 51].

292. Щукинский могильник. VI—IX вв., в 300 м к западу от д. Щукино Афанасьевского района, правый берег р. Камы [29, с. 2—44; 172, с. 180].

293. Бисеровское II городище. Л. к., на юго-восточной окраине с. Бисерово Афанасьевского района, правый берег р. Камы [30].

294. Васиневский могильник. VIII—IX вв., на южной окраине д. Васинево Афанасьевского района, правый берег р. Зюзьбы правого притока р. Камы [261, с. 145; 337, с. 85; 312, № 1446; 29, с. 52—53].

295. Русиновский могильник. VIII—IX вв., д. Русиново Афанасьевского района, правый берег р. Камы [260, с. 106; 312, № 1450; 29, с. 55—69; 172, с. 180—181; 173, с. 179].

296. Русиновское I селище. VIII—IX вв., в 150 м к югу от д. Русиново Афанасьевского района, правый берег р. Камы [29, с. 69—72; 172, с. 180].

297. Русиновское II селище. V—VI вв., д. Русиново Афанасьевского района, к востоку от I селища, правый берег р. Камы [29, с. 73—74; 172, с. 180; 173, с. 179].

298. Гордкушетское городище. Л. Р. к., в 100 м к северу от д. Гордкушет Афанасьевского района, правый берег р. Колыч правого притока р. Камы [260, с. 104; 337, с. 79; 312, № 1451; 26, с. 8—9; 18, с. 87].

299. Гордкушетский могильник. VII—X вв., на северной окраине д. Гордкушет (Горкуш) Афанасьевского района, правый берег р. Большой Колыч правого притока р. Камы [102; 300, с. 84; 176, с. 33; 261, с. 136—139; 337, с. 80; 302, табл. VII—7;

---

[2] Все памятники Афанасьевского района расположены в Кировской области.

X—17; XII—5; XIII—7; XV—4, 9, 16; XVIII—14, 20; XXIII—20; XXVI—11, 27; XXXIII—3, 9; XXXIV—25; XXXVI—25; 312, № 1452; 26, с. 9].

300. Гордкушетское I селище. Л. к., в 250 м к югу от д. Гордкушет Афанасьевского района, правый берег р. Колыч правого притока р. Камы [26, с. 8].

301. Носковский могильник. VII—VIII вв., близ д. Носкова Афанасьевского района, правый берег р. Большой Колыч правого притока р. Камы [261, с. 152; 337, с. 81; 302, табл. XXXVIII—9, 10, 12; 311, с. 92, № 84; 312, № 1455].

302. Тиминский (Кочевский, Волгиревский) могильник. VIII—XI вв., в 1 км к юго-западу д. Кочевская (Волгиревка) Афанасьевского района, устье р. Култан правого притока р. Колыч правого притока р. Камы [261, с. 149—150; 337, с. 81; 312, № 1457; 18, с. 84—87].

303. Илюшевское поселение. Л. Р. к., в 150 м к ЗЮЗ от д. Илюши Афанасьевского района, правый берег р. Камы [69, с. 3—4].

304. Кытманский клад. VIII в., д. Кытманы, Рагозы Афанасьевского района, правый берег р. Камы. По сведениям Н. Г. Первухина на склоне Рагозского городища в 1873 г. найдено серебряное блюдо [260; 298, табл. XXII—49; 312, № 1465; 144, с. 36—40, табл. 1; 5—1; 13—2; 22—3, 4; 8—5, 6; 11—4; 17—3—8].

305. Рагозское городище. Л. к., в 1 км к востоку от д. Рагозы Афанасьевского района, правый берег р. Камы [260, с. 116; 261, с. 154; 337, с. 78; 312, № 1463; 81, с. 22; 240, с. 202, 203, 210; 26, с. 6—7; 18, с. 91].

306. Рагозское селище. Л. Р. к., д. Рагозы Афанасьевского района, в 150 м от могильника, правый берег р. Камы [26, с. 7—8].

307. Рагозский могильник. VI—IX вв., к западу от д. Рагозы Афанасьевского района, правый берег р. Камы [261, с. 154—155; 337, с. 78; 312, № 1464; 240, с. 203; 26, с. 78].

308. Грибановский могильник. VI—IX вв., на западной окраине д. Грибанова Афанасьевского района, правый берег р. Камы [261, с. 143; 312, № 1467; 240, с. 201—202; 28, с. 54].

309. Ваулинское (Грибановское) городище. Л. к., в 150 м к югу от д. Грибанова (д. Ваулино) Афанасьевского района, правый берег р. Камы [260, с. 116; 261, с. 142; 312, № 1466, 1470; 81, с. 22; 240, с. 200—201, 210; 28, с. 53].

310. Афанасьевские находки. VIII—XIV вв., с. Афанасьево Кировской области, правый берег р. Камы. Близ села выпаханы коньковые подвески, браслет, изображение человека [312, № 1469].

311. Афанасьевский клад. VIII—1 половина IX вв., с. Афанасьево Кировской области. В 1932 г. в 7 км от села найден клад из 7 серебряных сосудов [145; 144, с. 33—36, табл. 14—3, 6, 15; 16—1—3, 5—7; 19—1, 3, 4].

312—320. Харинские II—X селища. Л. Р. к., в окрестностях д. Харино Афанасьевского района, правый берег р. Камы [27, с. 25—27].

321. Аверинский II могильник. VI—IX вв., д. Аверины, Харино Афанасьевского района, правый берег р. Камы [18; 132, с. 149; 19, с. 5—74; 20, с. 41—73; 133, с. 170—171; 128, с. 42—43; 173, с. 178—179].

322. Городище Шудьякар. VI—XIV вв. Л. Р. к., в 280 м к юго-востоку от д. Харино Афанасьевского района, правый берег р. Камы [260, с. 115; 261, с. 150; 337, с. 77; 312, № 1471; 26, с. 3—4; 28, с. 1—52; 18, с. 1—32; 19, с. 273—309; 132, с. 149; 133, с. 170; 128, с. 42—43; 174, с. 92—100].

323. Аверинское IX селище. Л. Р. к., в 120 м к северо-западу от д. Аверины Афанасьевского района, правый берег р. Камы [28, с. 54—55].

324. Макаровское селище. Л. Р. к., севернее д. Макаровы Афанасьевского района, правый берег р. Камы [261, с. 134—136; 312, № 1473].

325. Городище Ором (Меркучевское). Л. к., на северной окраине д. Меркучи Афанасьевского района, правый берег р. Камы [260, с. 107—108; 312, № 1477; 26, с. 4—5].

326. Буждог (Ромашевское) городище. Л. Р. к., в 800 м к западу от д. Ромашн Афанасьевского района, правый берег р. Камы [260, с. 115; 261, с. 130—132; 312, № 1478; 26, с. 5—6; 18, с. 97].

327. Ужеговское селище. Л. Р. к., в 300 м западнее д. Ужеговцы Афанасьевского района, правый берег р. Камы [26, с. 6; 18, с. 97].

328. Томызский клад. VII—IX вв., д. Томыз Афанасьевского района, р. Томыз, левый приток р. Камы. В 1893 г. близ починка найден клад из 5 серебряных блюд [246, с. 40; 298, табл. XXI—48; LXI—103; LXII—105; LXIII—108; LXV—110, 112, 113; LXVII; LXIX—121; CXXVI—311; 242; 311, с. 92, № 89; 312, № 1474; 144, с. 36—40, табл. 1; 5—1; 8—5, 6; 11—4; 13—2; 17—3—8; 22—3, 4].

ТАБЛИЦЫ

Таблица I. Могильники ломоватовской культуры. Височные подвески

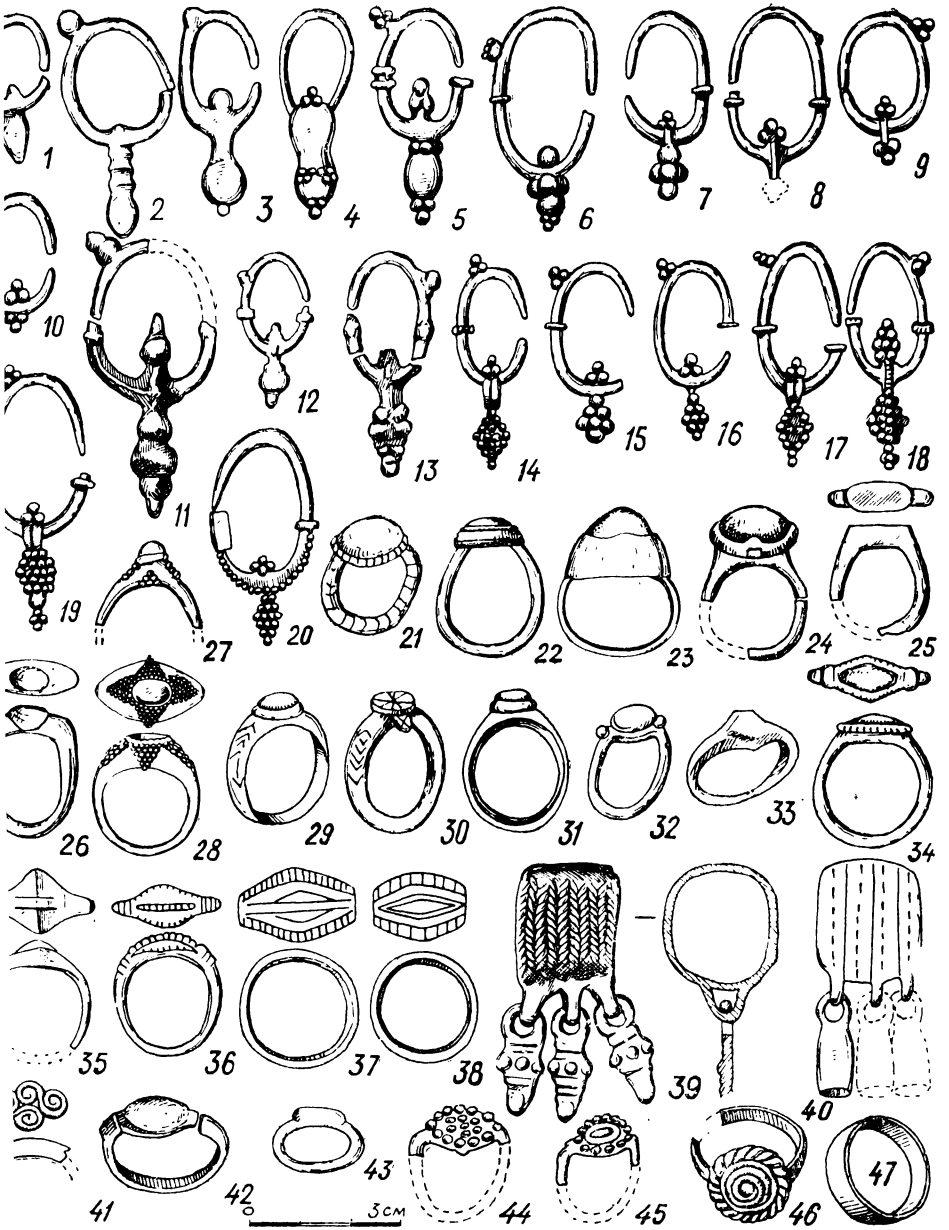

Таблица II. Могильники ломоватовской культуры. Височные подвески и перстни

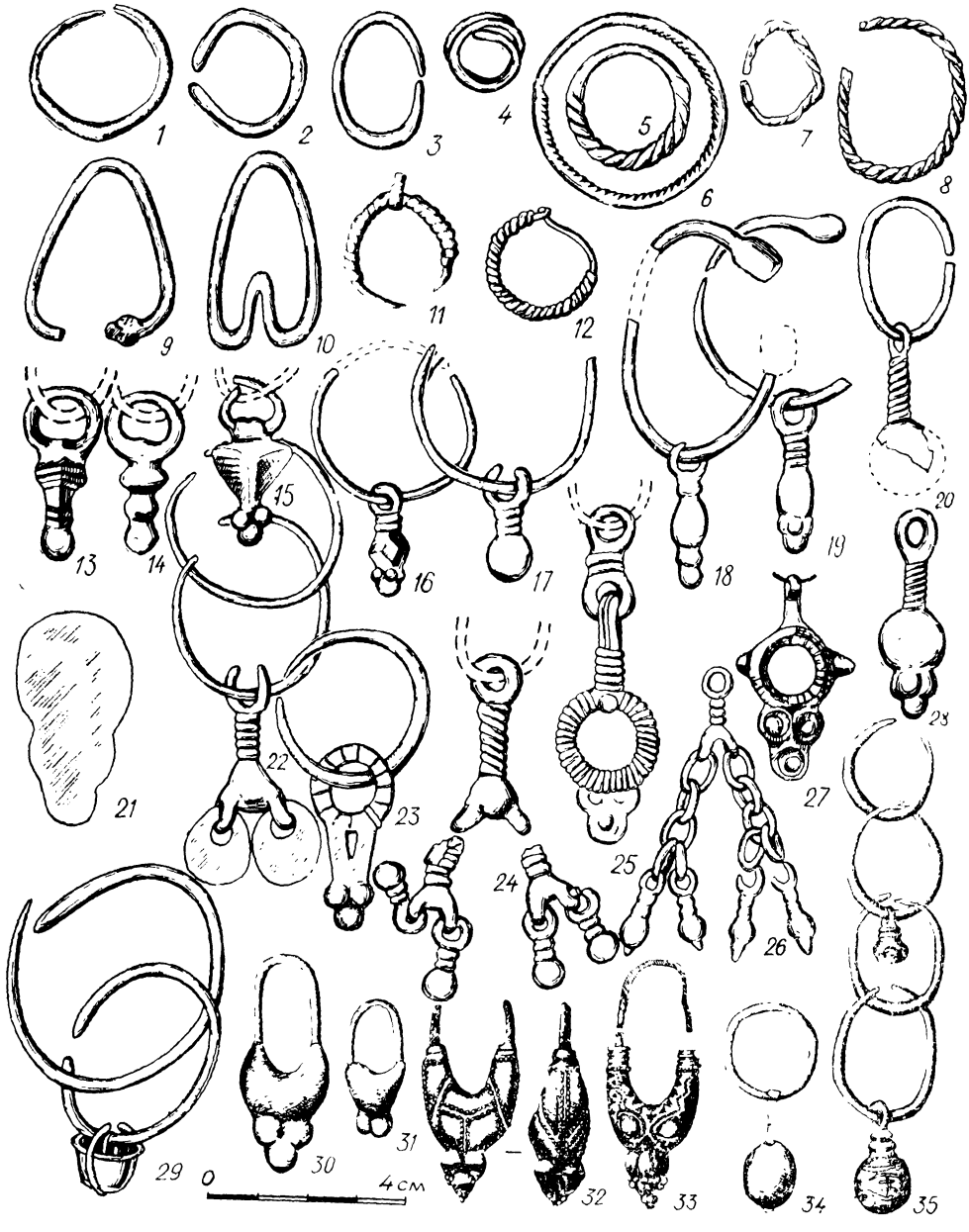

Таблица III. Могильники ломоватовской культуры. Височные подвески

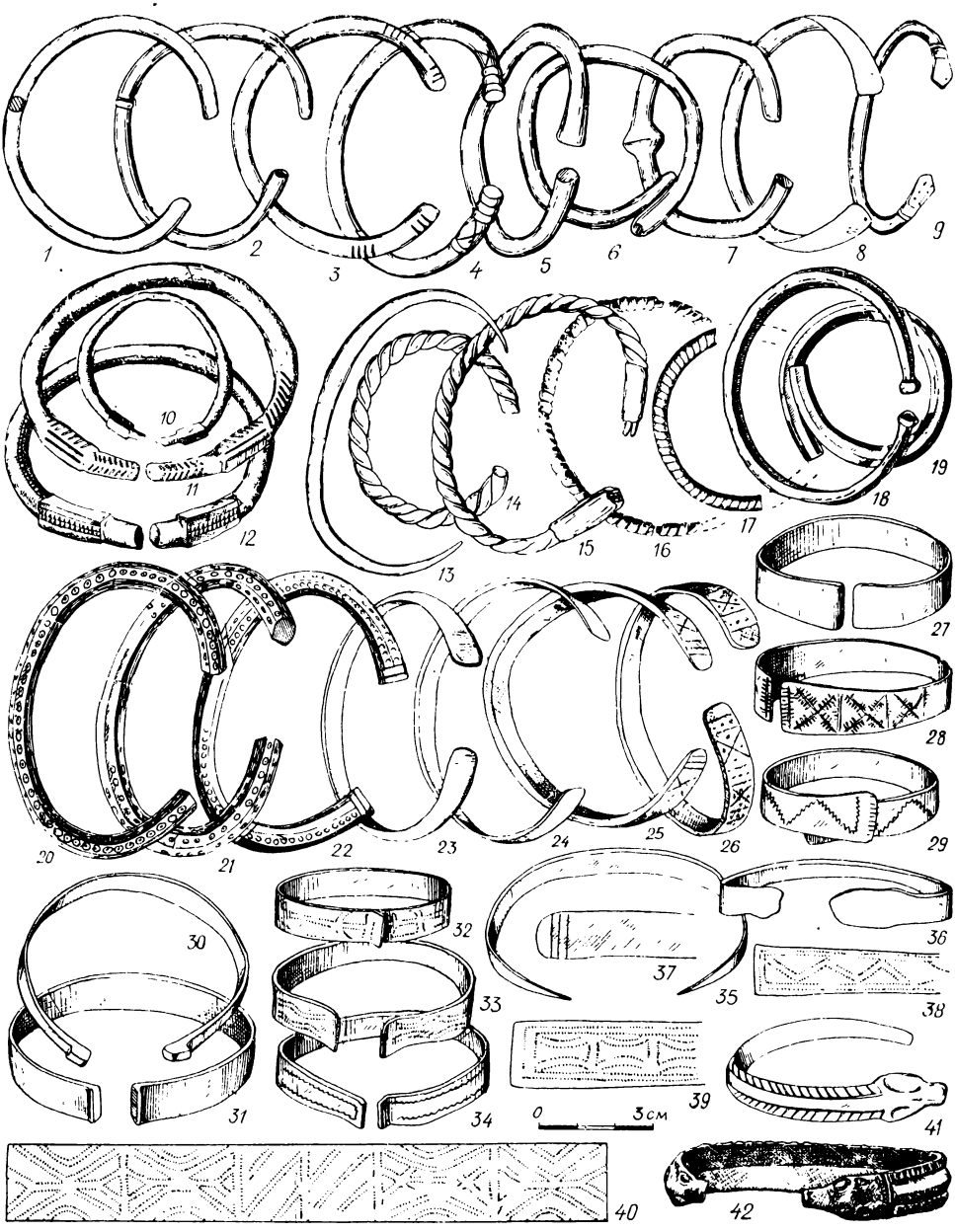

Таблица IV. Могильники ломоватовской культуры. Браслеты

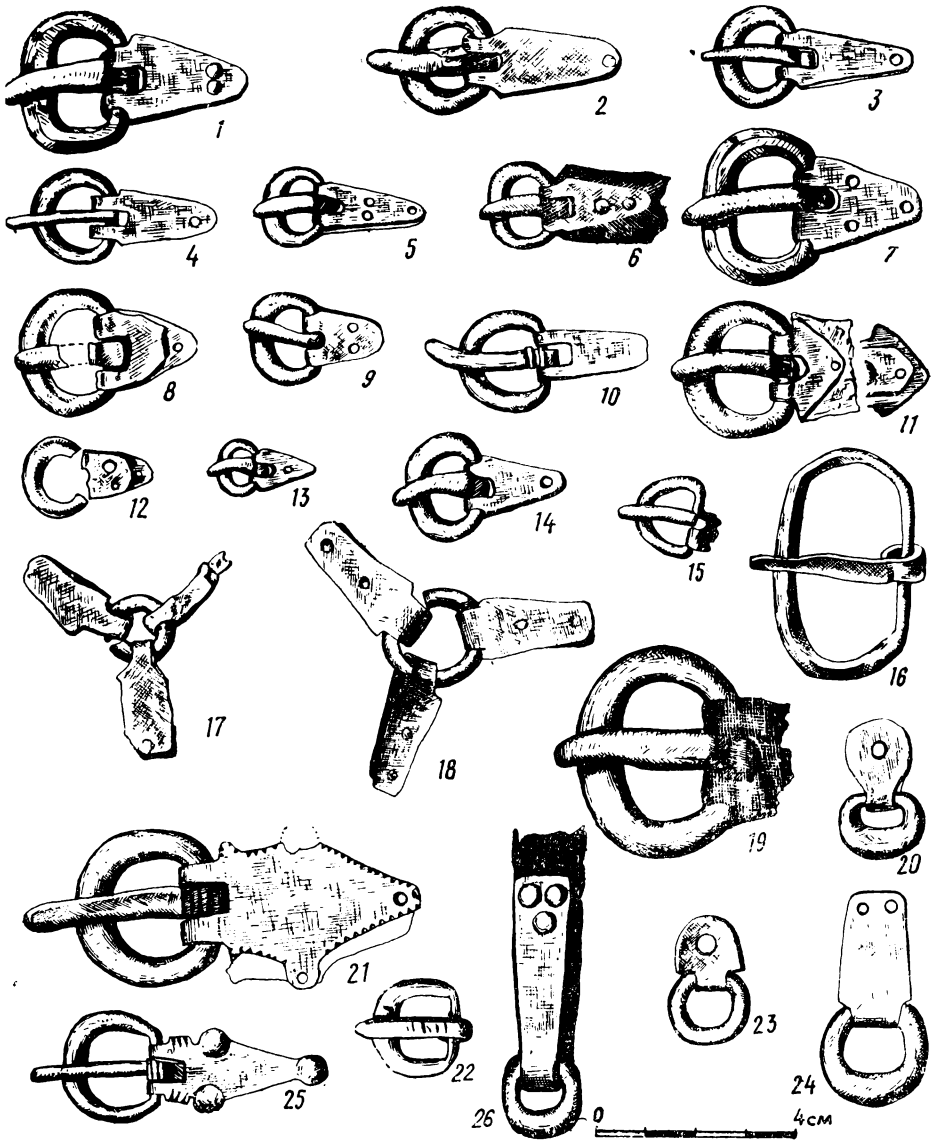

Таблица V. Могильники ломоватовской культуры Пряжки и принадлежности конской сбруи

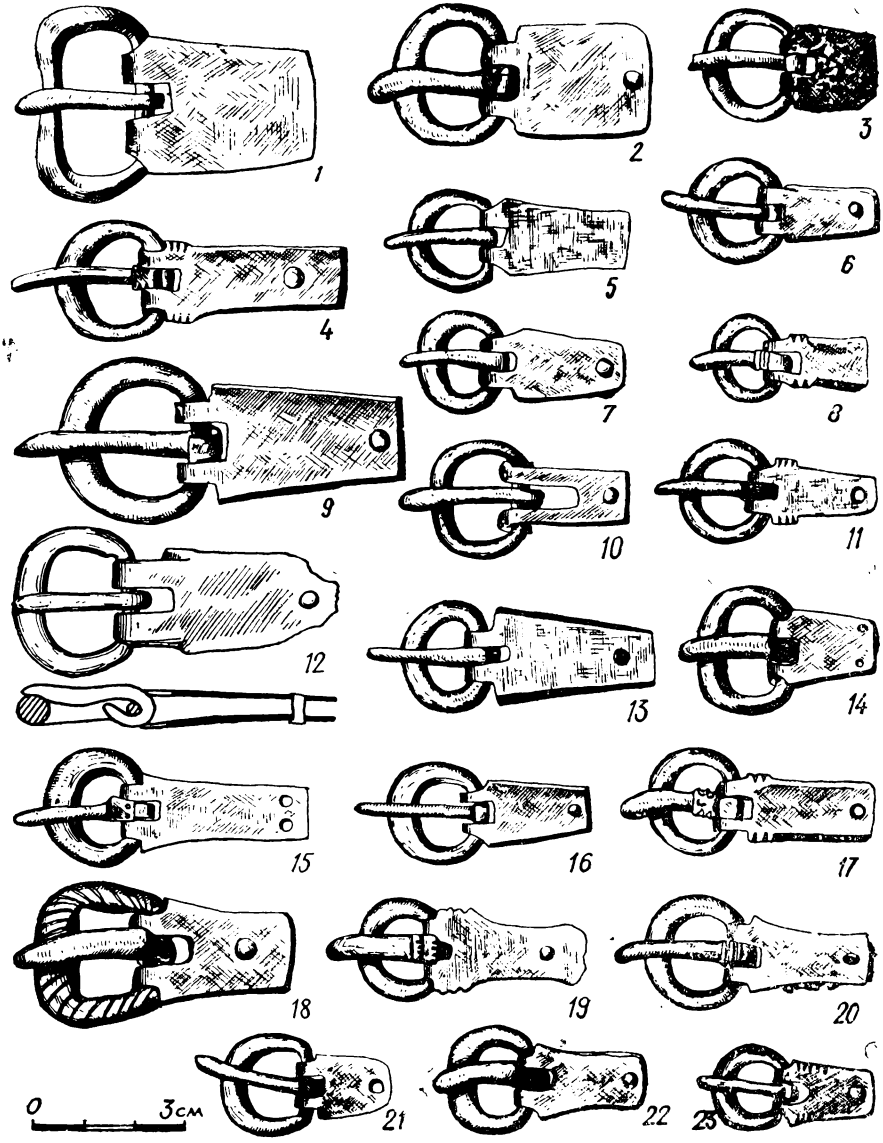

Таблица VI. Могильники ломоватовской культуры. Пряжки

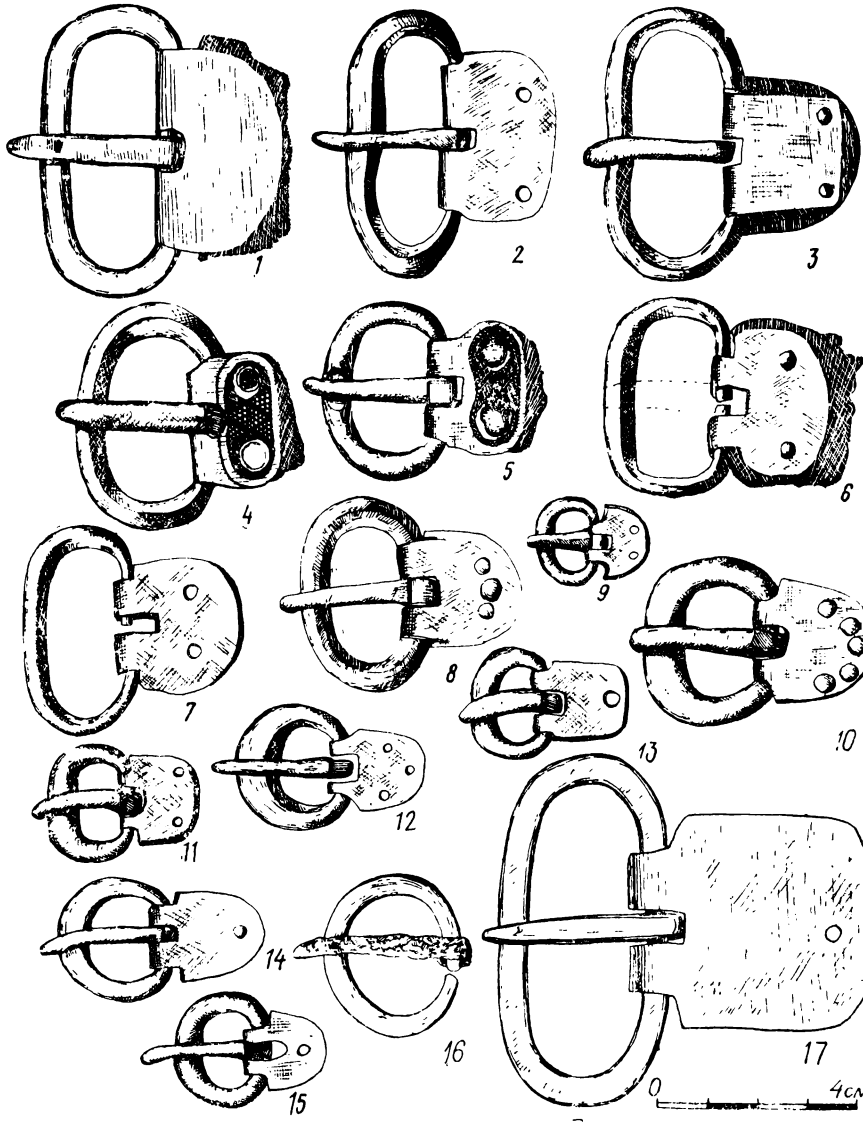

Таблица VII. Могильники ломоватовской культуры. Пряжки

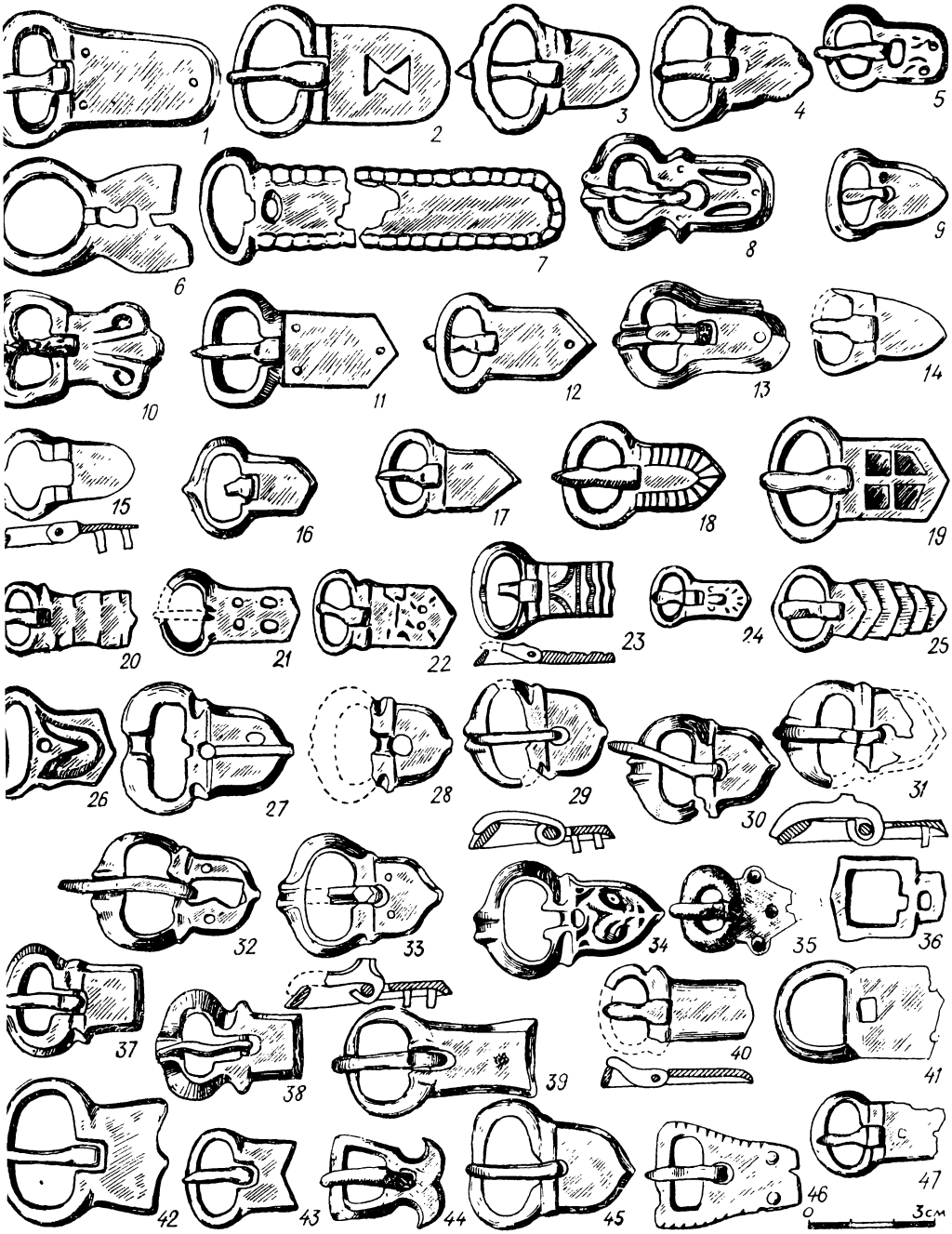

Таблица VIII. Могильники ломоватовской культуры. Пряжки

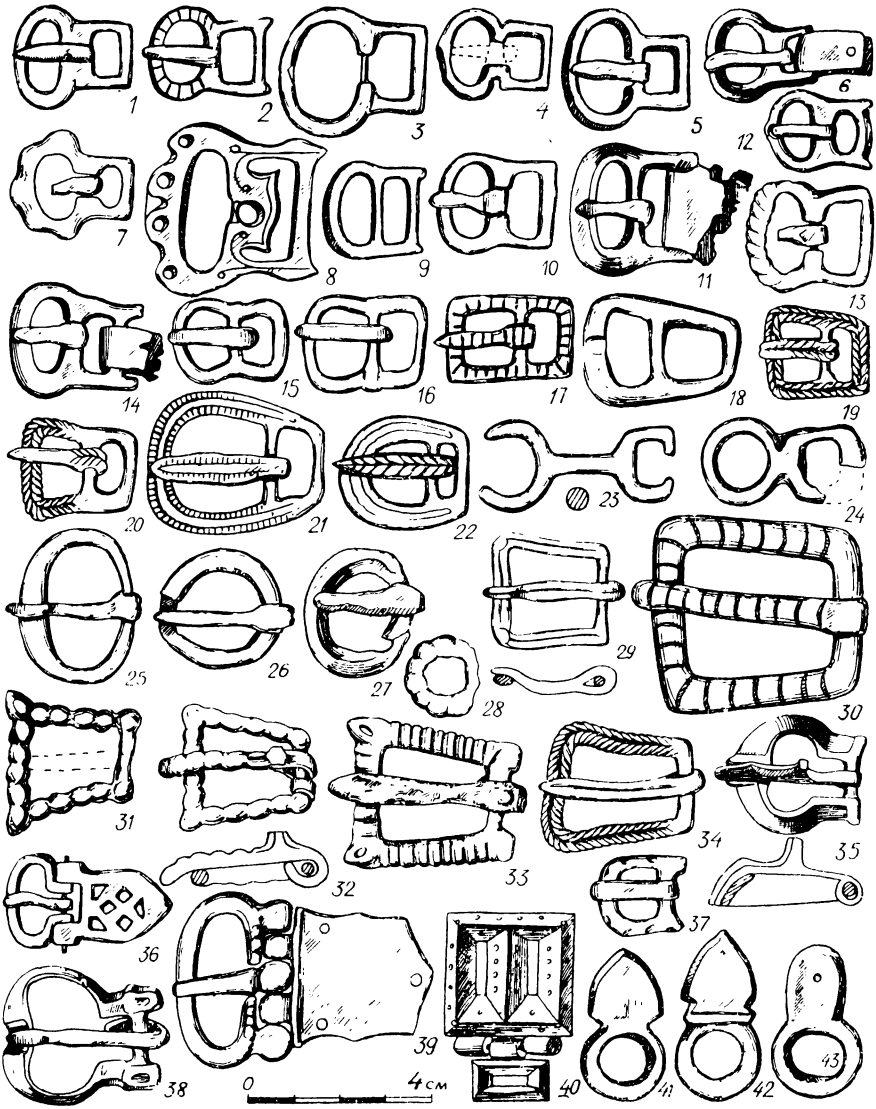

Таблица IX. Могильники ломоватовской культуры. Пряжки

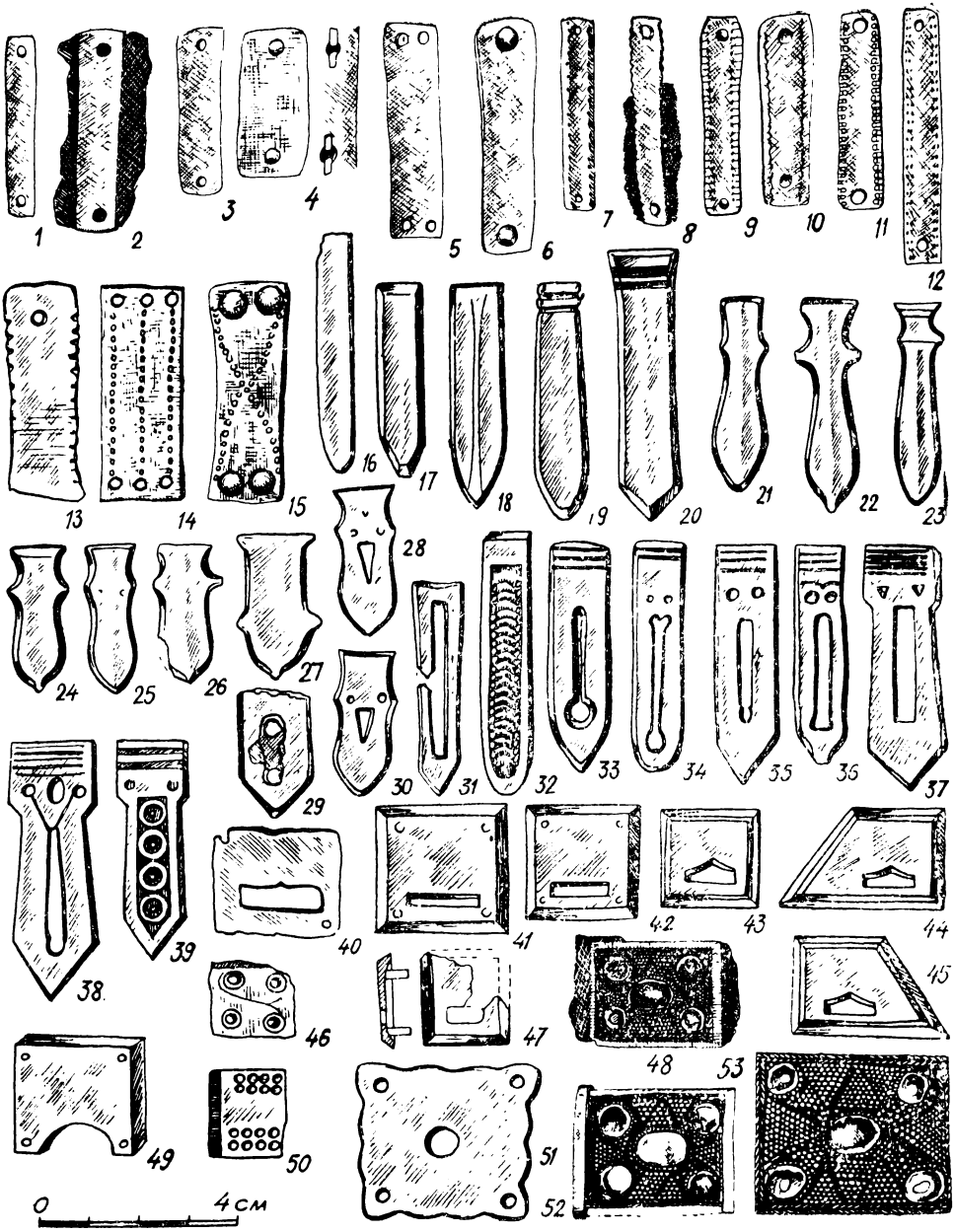

Таблица X. Могильники ломоватовской культуры. Ременные накладки

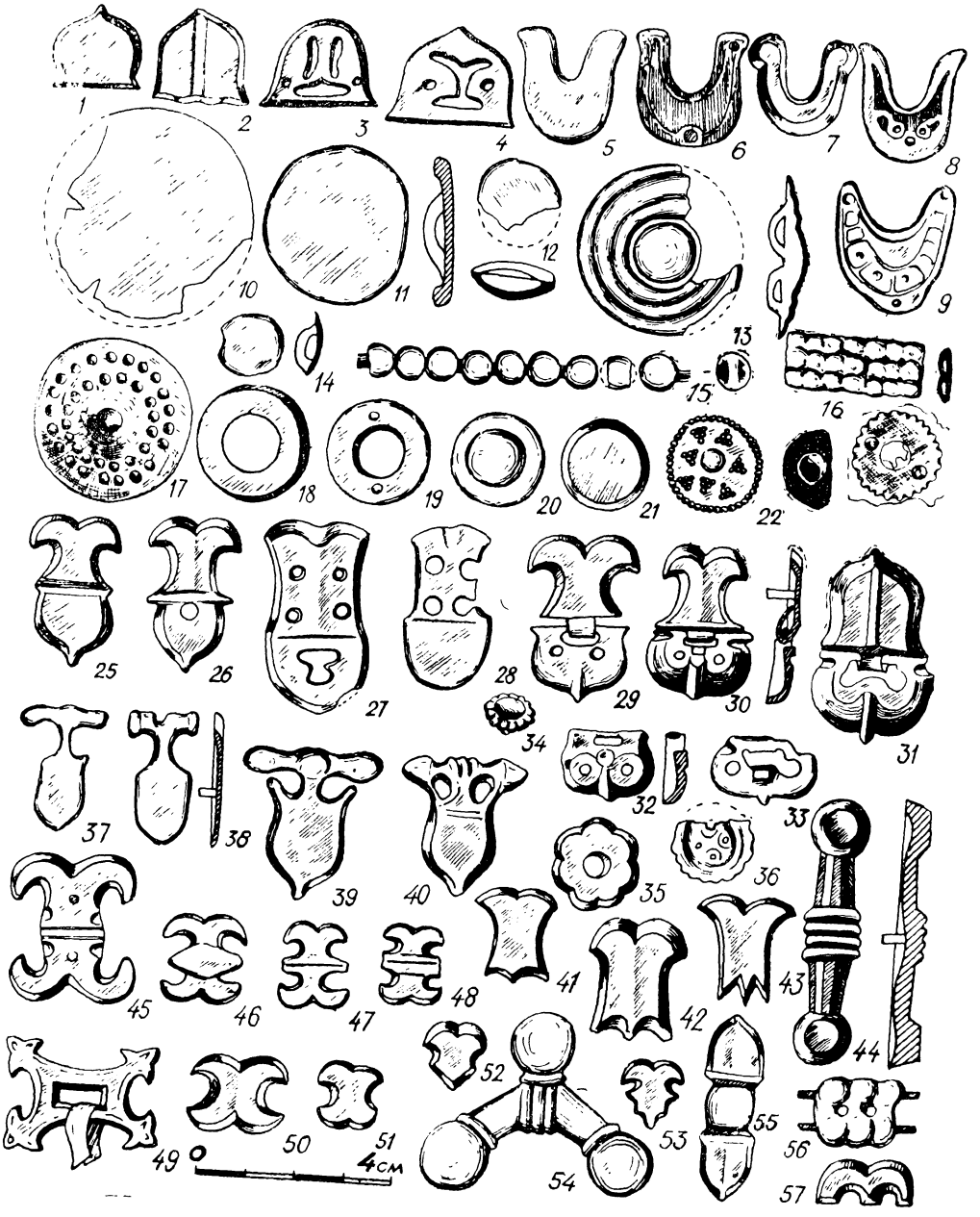

Таблица XI. Могильники ломоватовской культуры. Ременные накладки

Таблица XII. Могильники ломоватовской культуры. Ременные накладки

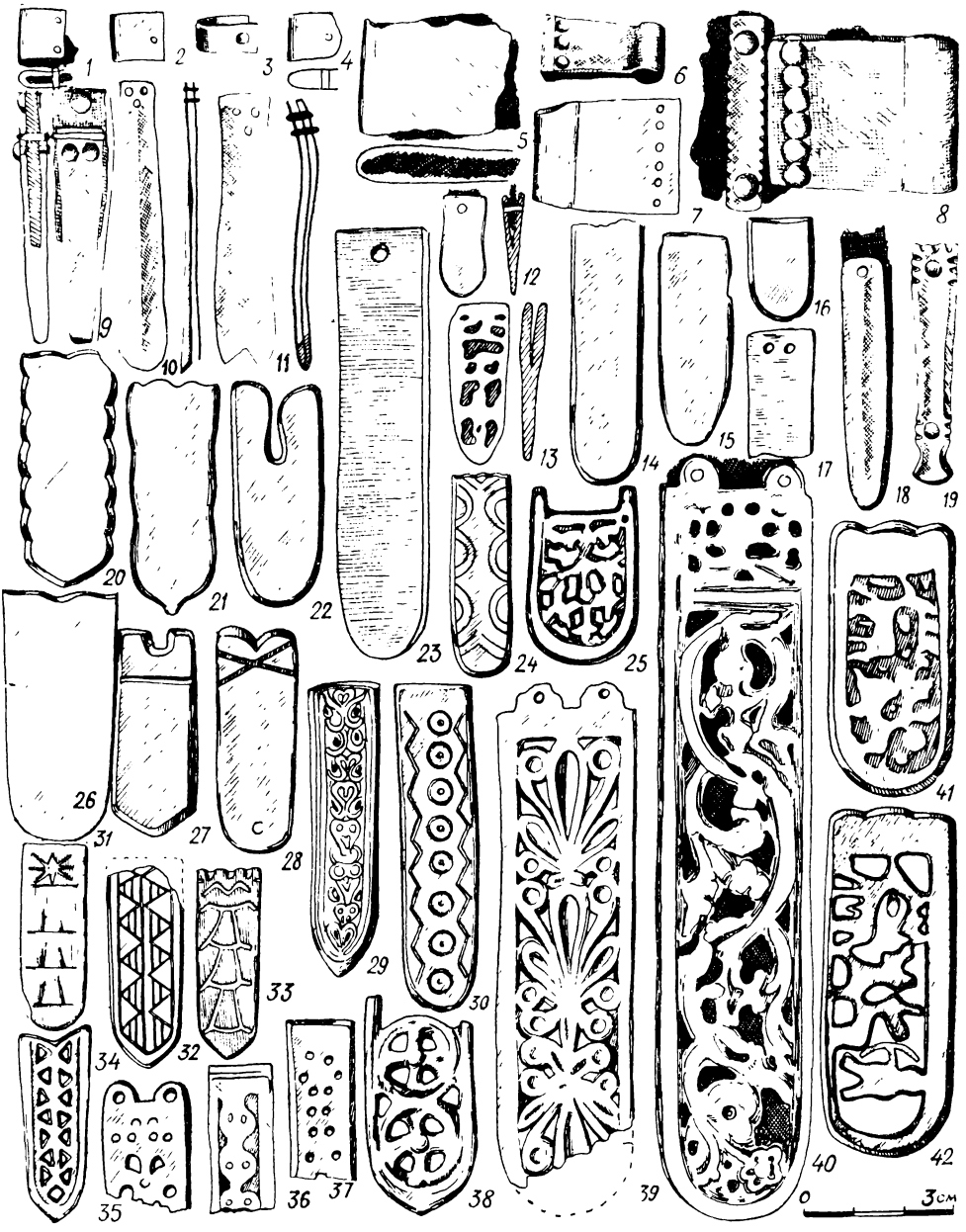

Таблица XIII. Могильники ломоватовской культуры. Наконечники ремней

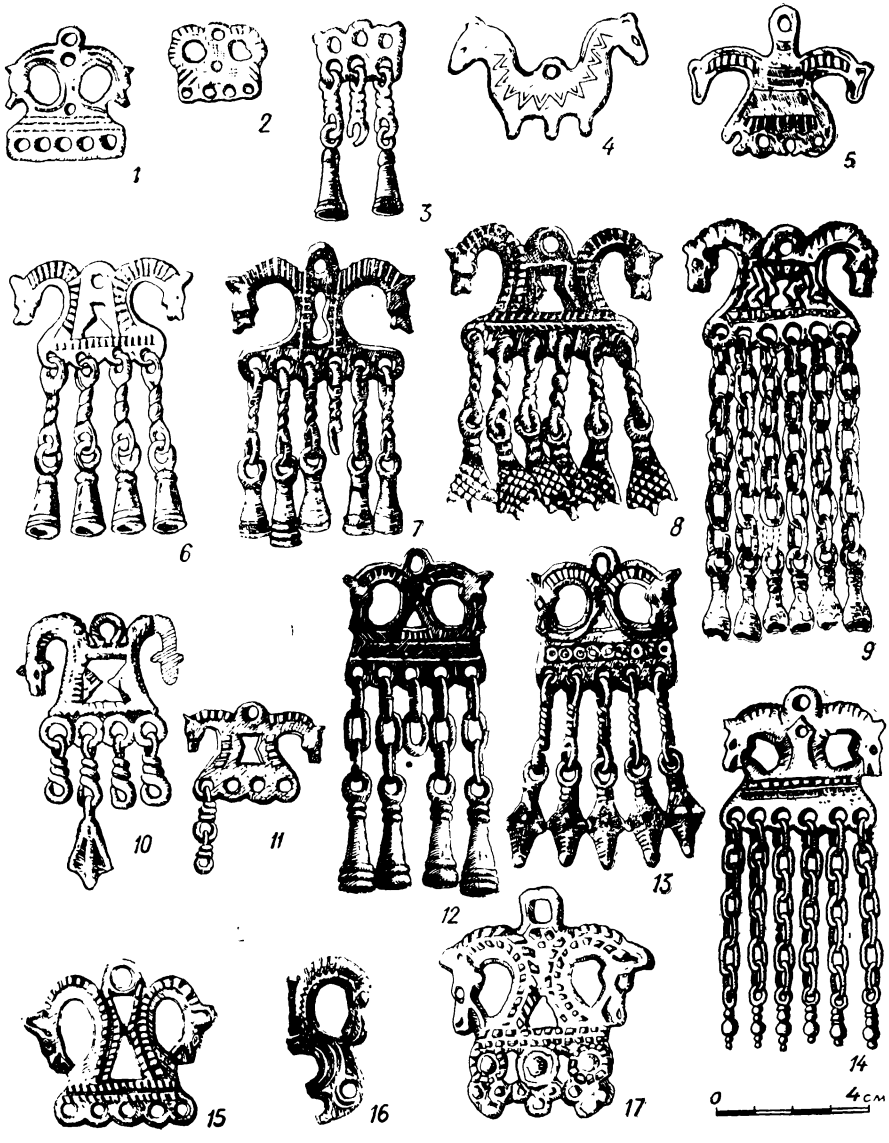

Таблица XIV. Могильники ломоватовской культуры. Коньковые подвески

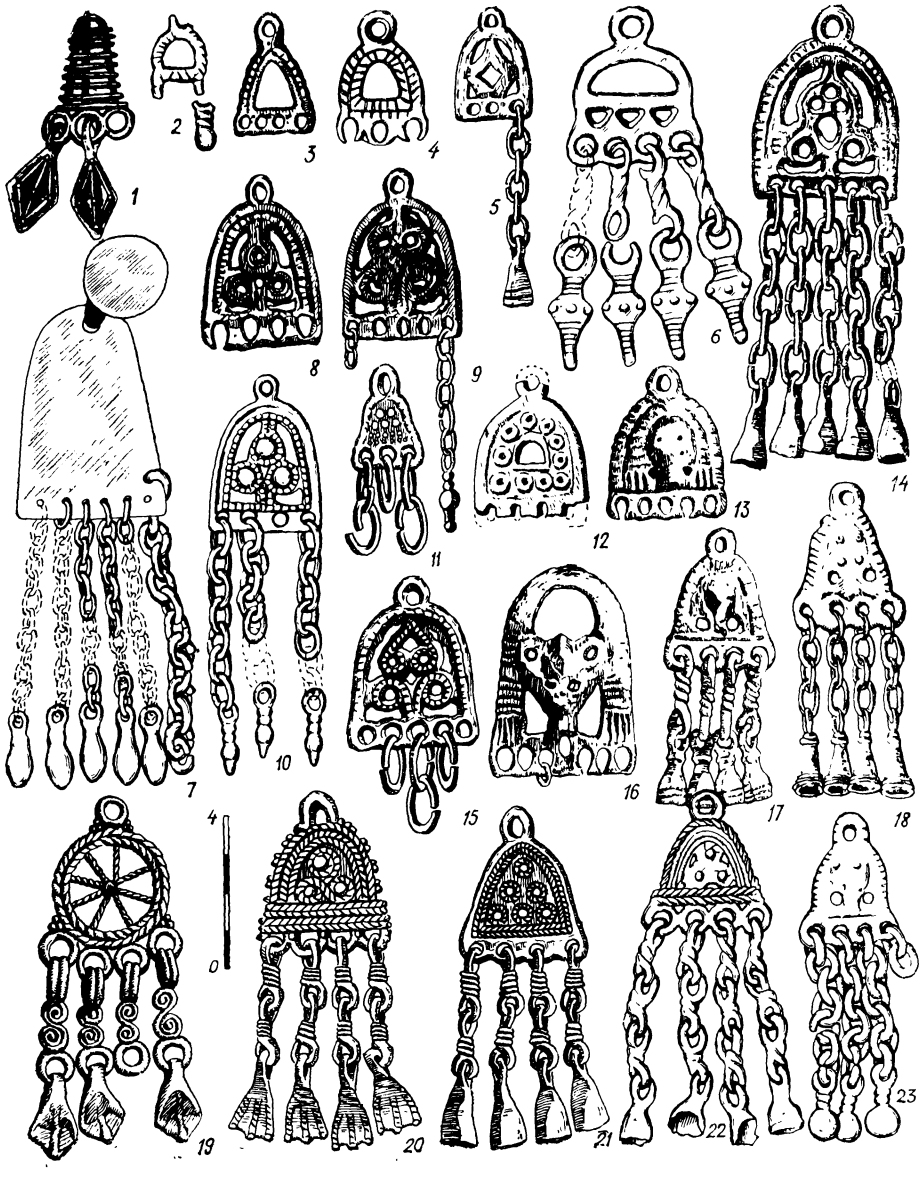

Таблица XV. Могильники ломоватовской культуры. Шумящие подвески

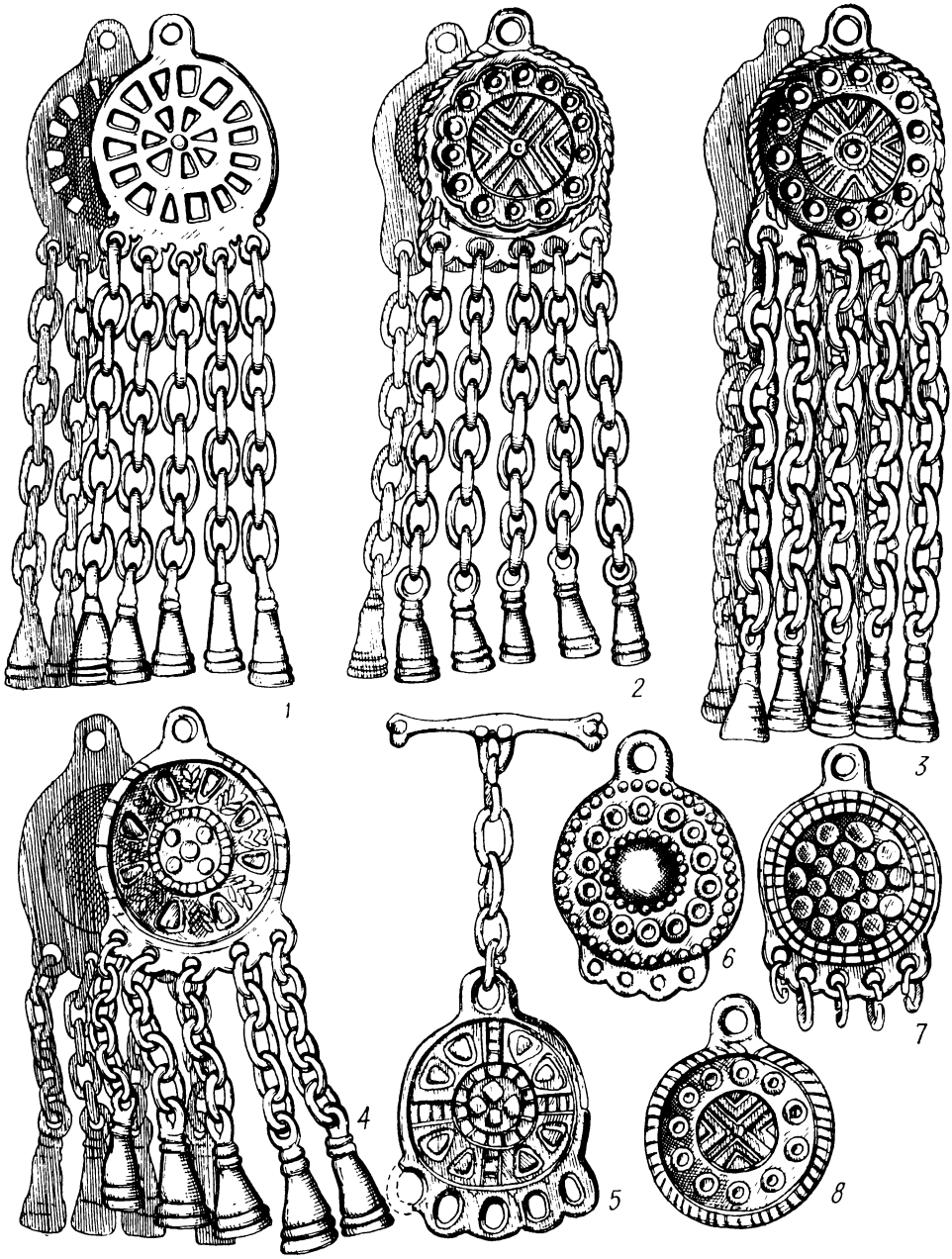

Таблица XVI. Могильники ломоватовской культуры. Подвески-коробочки

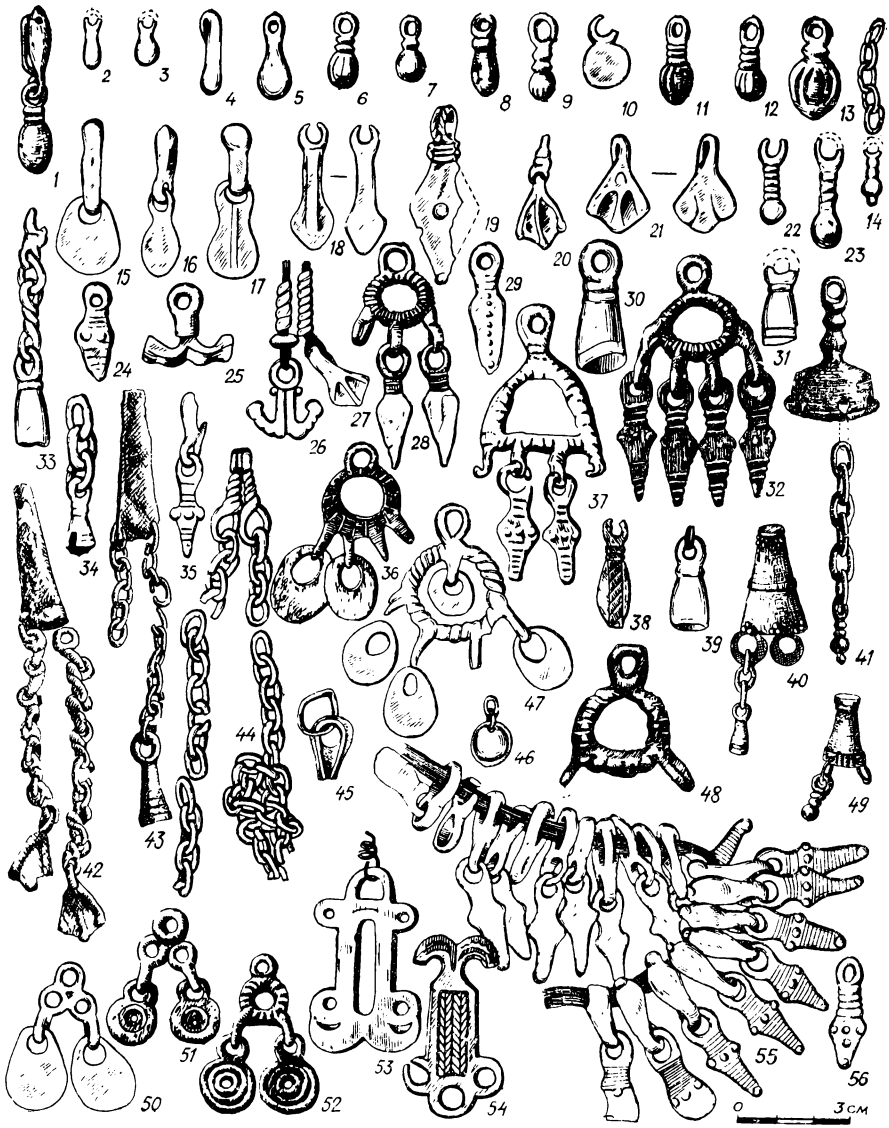

Таблица XVII. Могильники ломоватовской культуры. Шумящие подвески

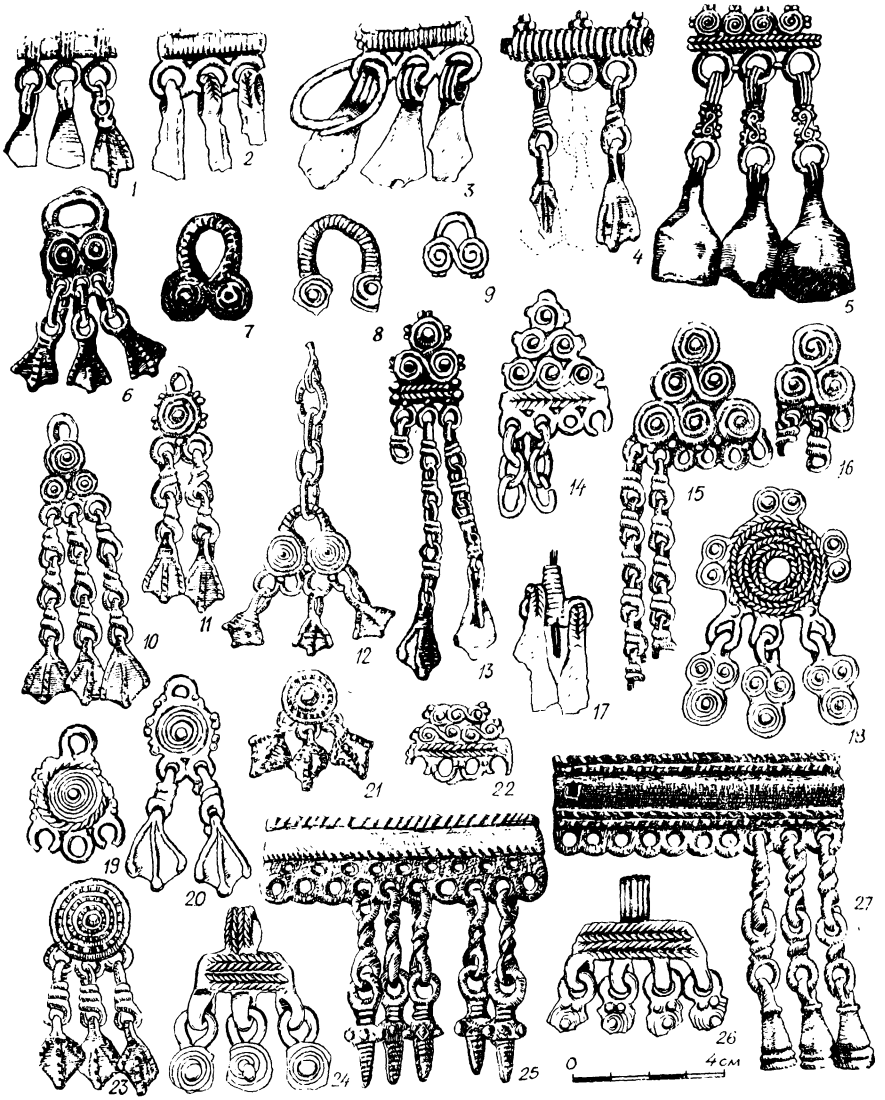

Таблица XVIII. Могильники ломоватовской культуры. Шумящие подвески

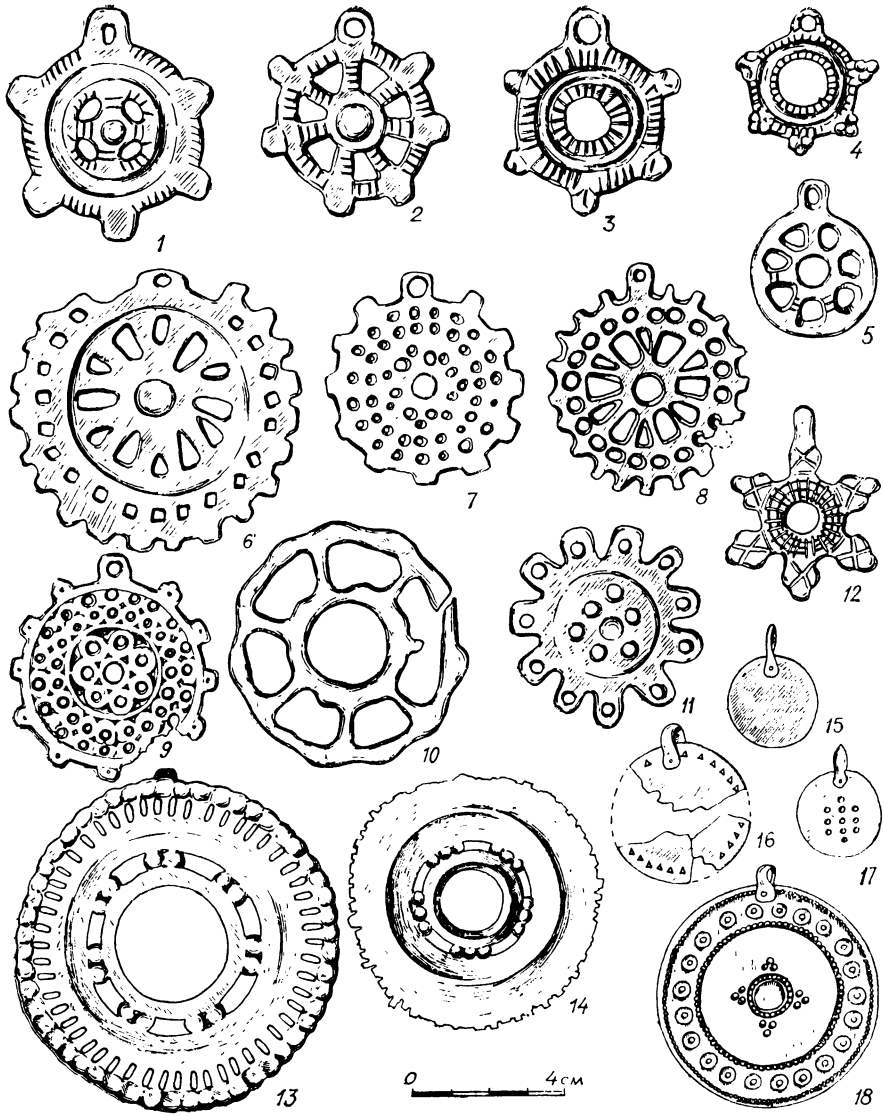

Таблица XIX. Могильники ломоватовской культуры. Колесовидные подвески

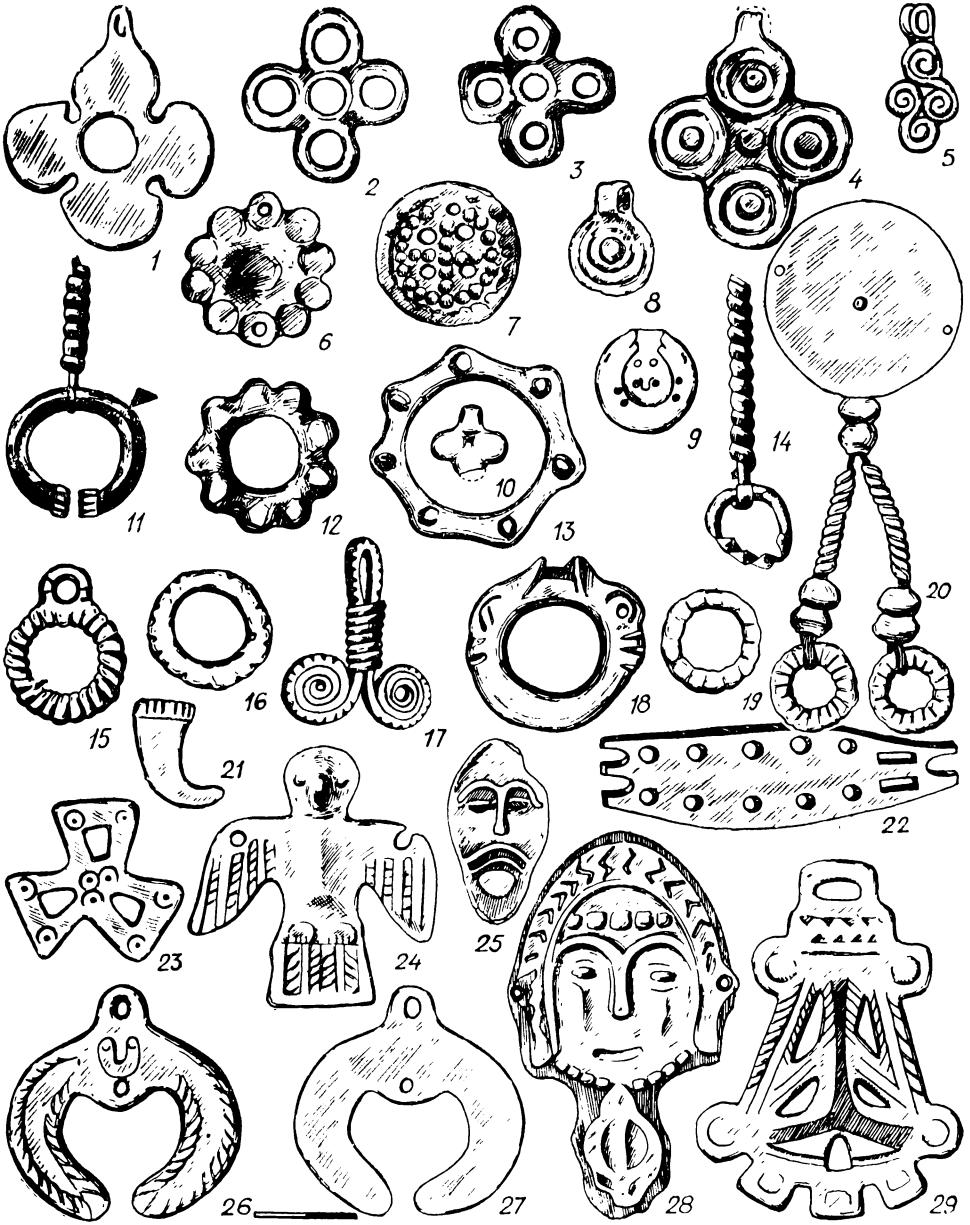

Таблица XX. Могильники ломоватовской культуры. Подвески и изображения личин

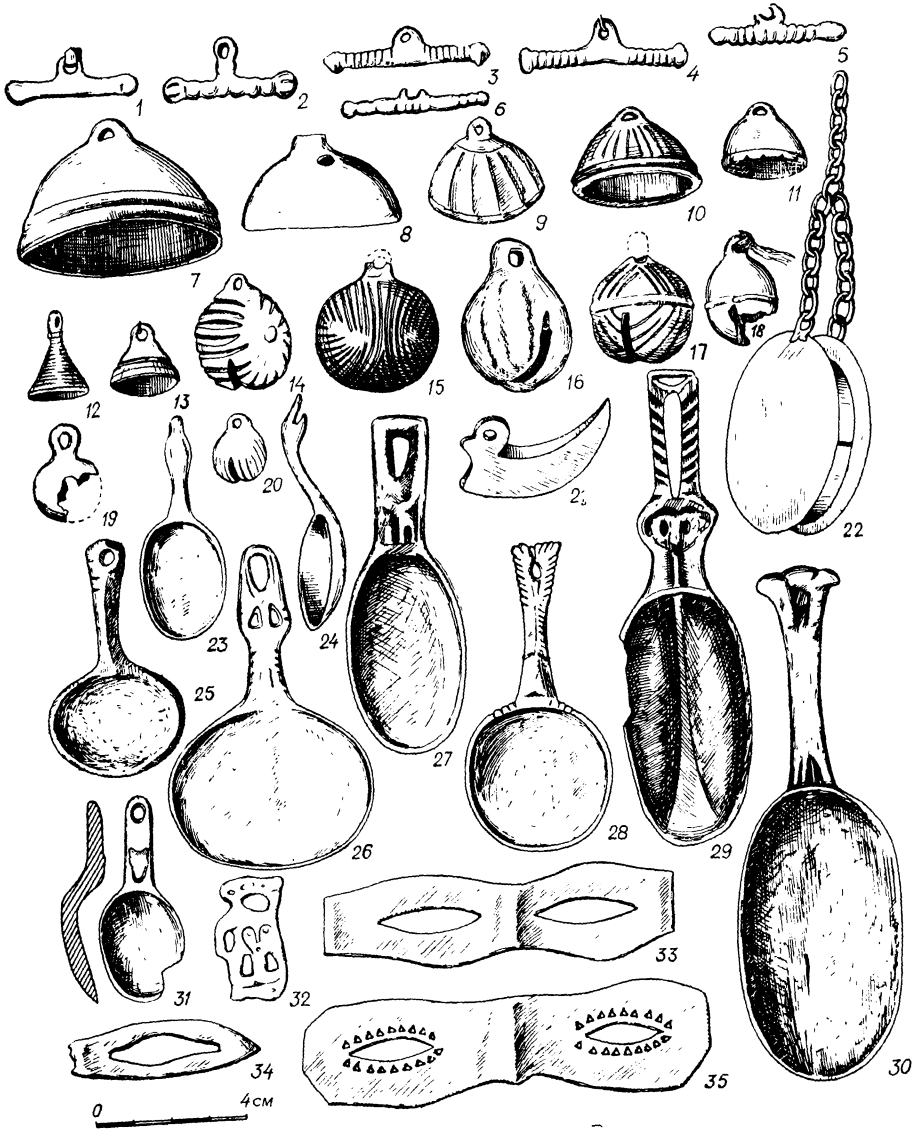

Таблица XXI. Могильники ломоватовской культуры. Подвески и маски

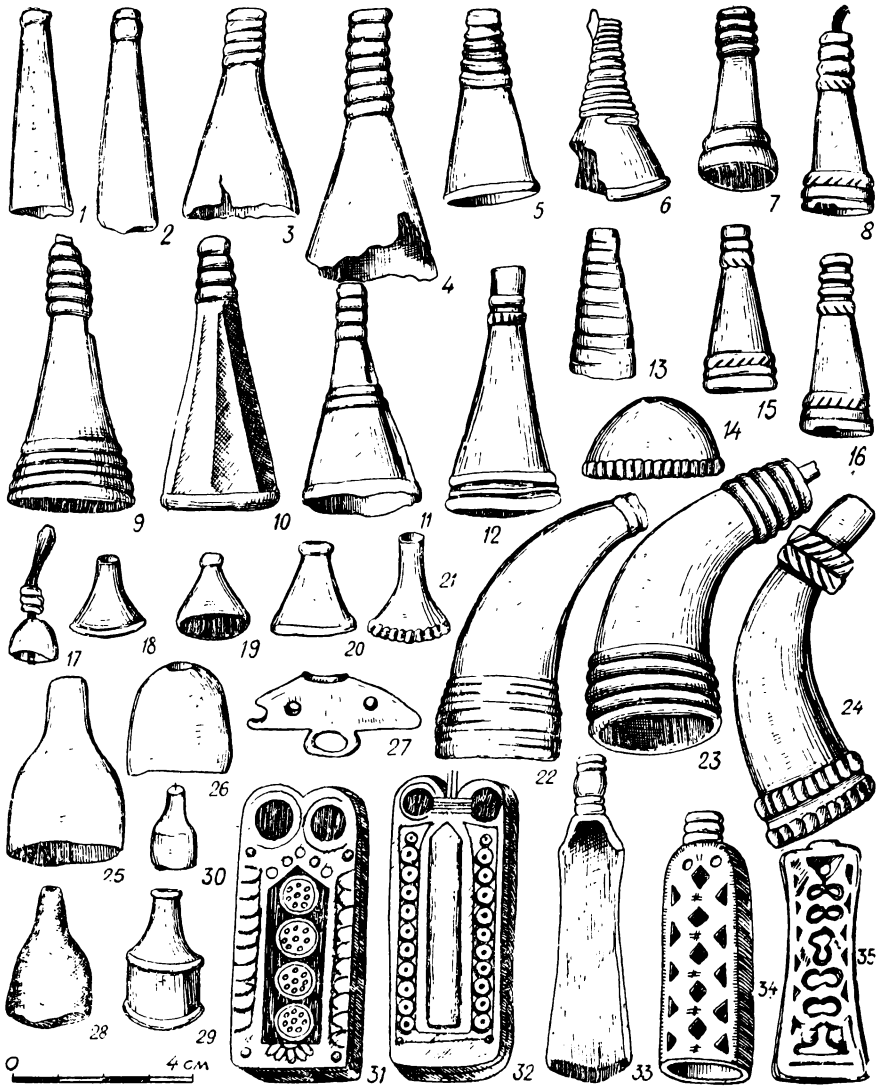

Таблица XXII. Могильники ломоватовской культуры. Пронизки

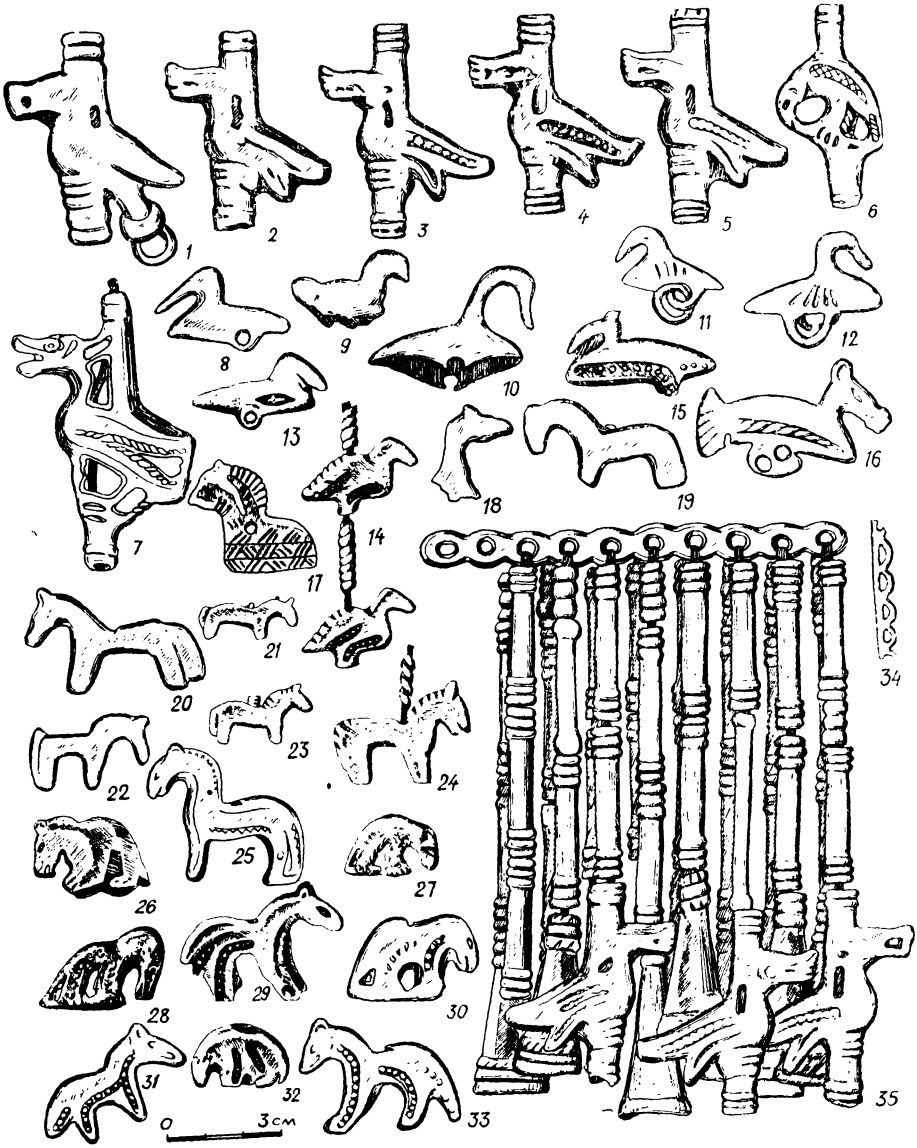

Таблица XXIII. Могильники ломоватовской культуры. Зооморфные пронизки

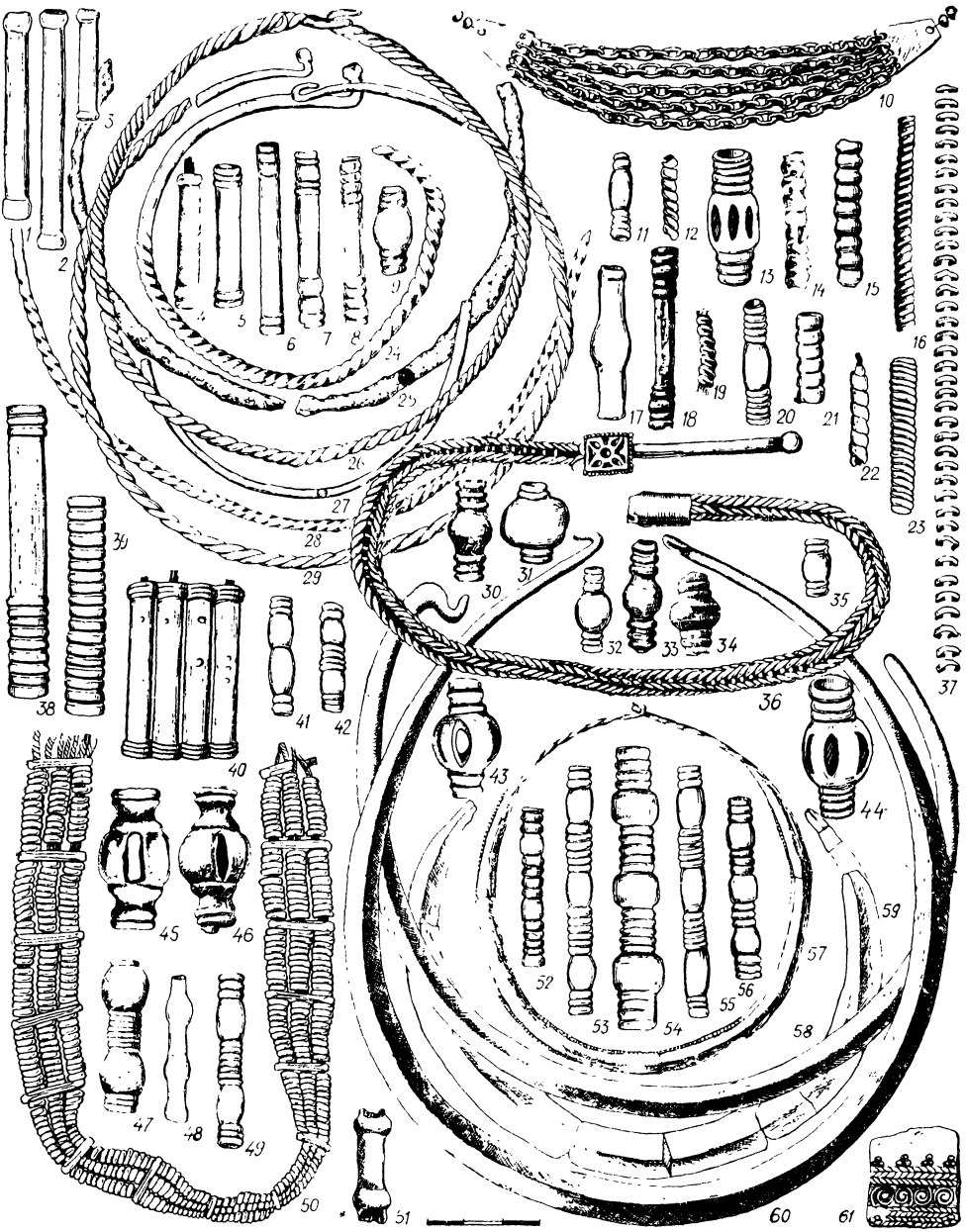
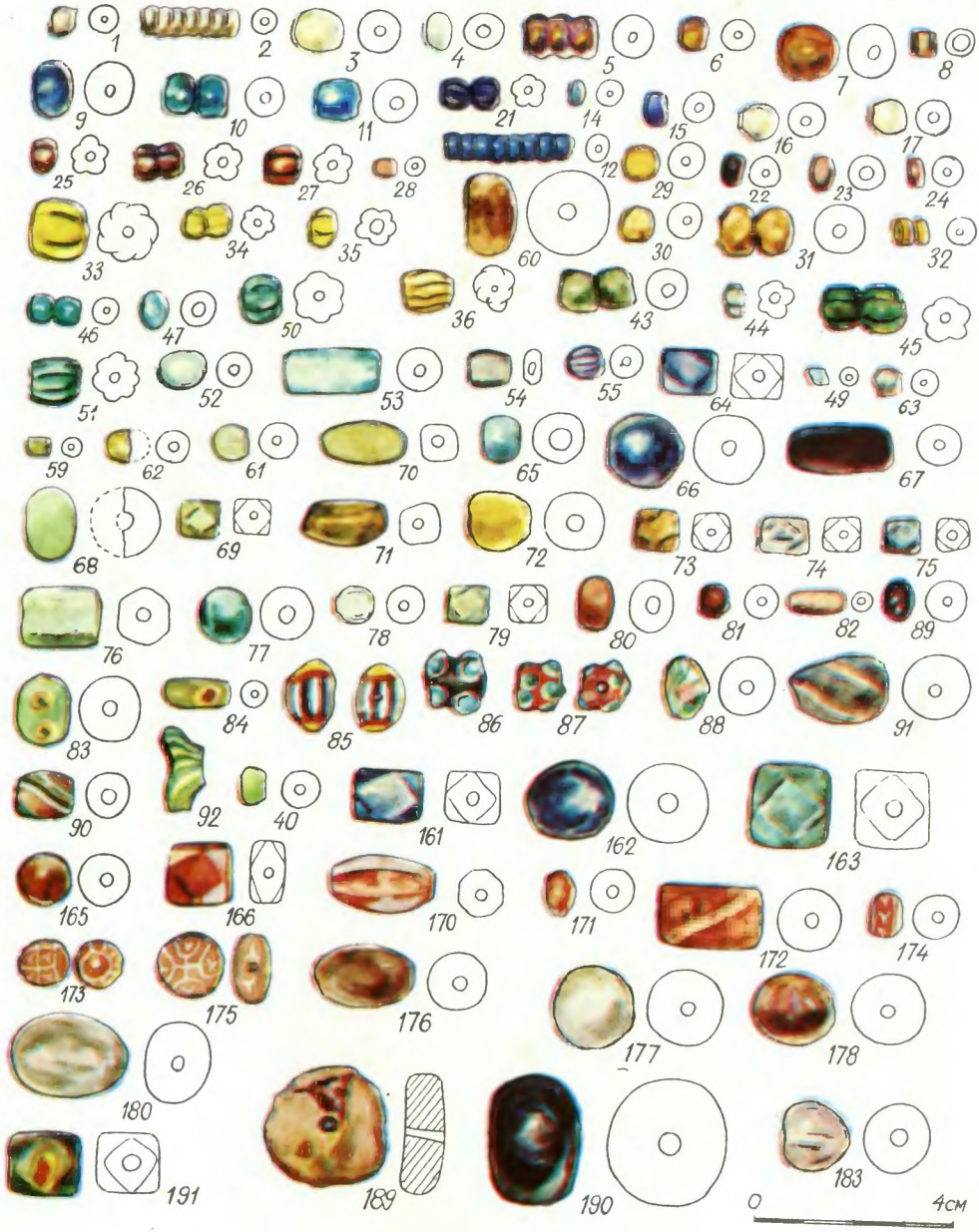

Таблица XXIV. Могильники ломоватовской культуры. Пронизки и шейные украшения

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
21
14
15
16
17
25
26
27
28
12
29
22
23
24
33
34
35
60
30
31
32
46
47
50
36
43
44
45
51
52
53
54
55
64
49
63
59
62
61
70
65
66
67
68
69
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
89
83
84
85
86
87
88
91
90
92
40
161
162
163
165
166
170
171
172
174
173
175
176
177
178
180
191
189
190
183
0
4см

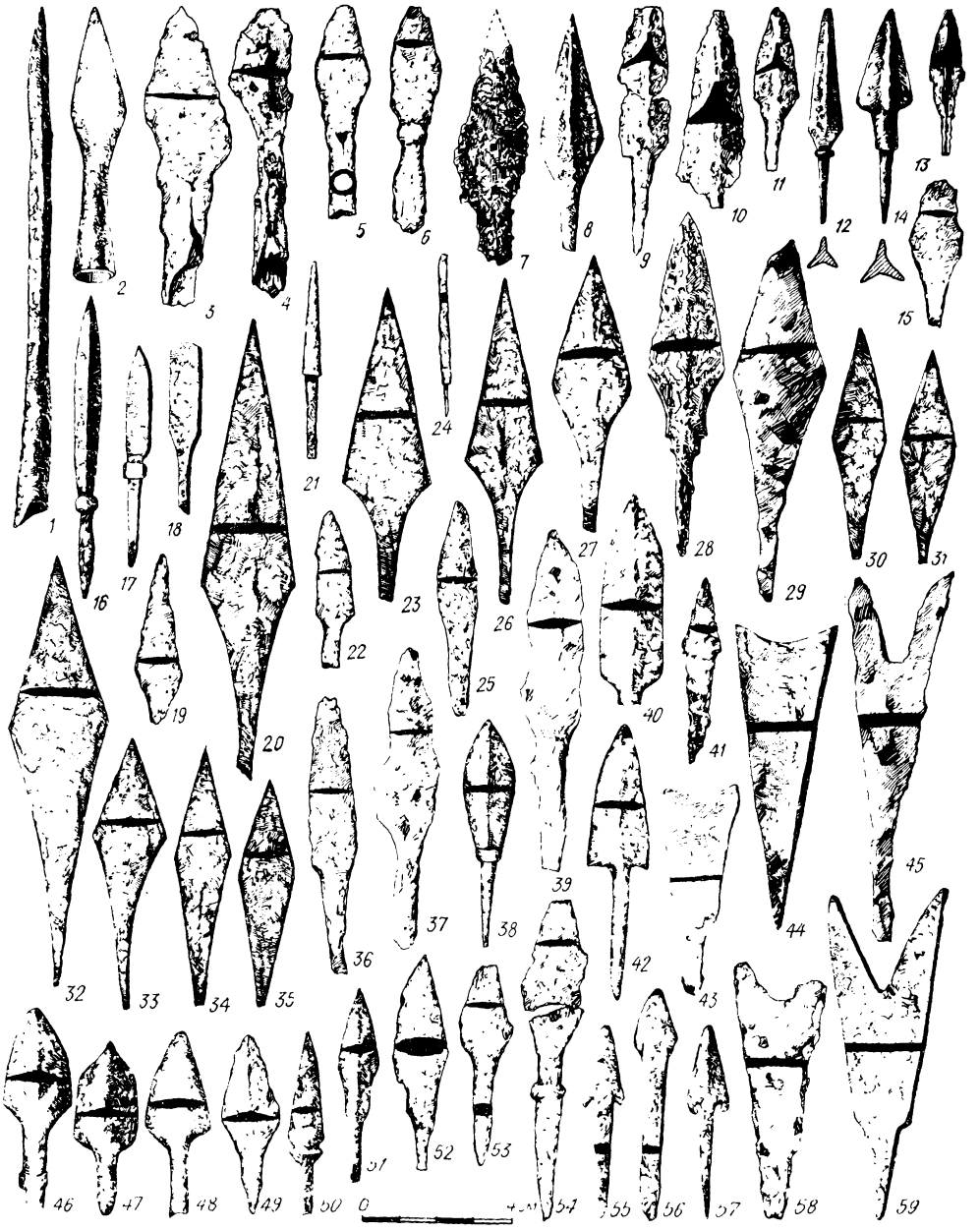

Таблица XXVI. Могильники ломоватовской культуры. Железные наконечники стрел

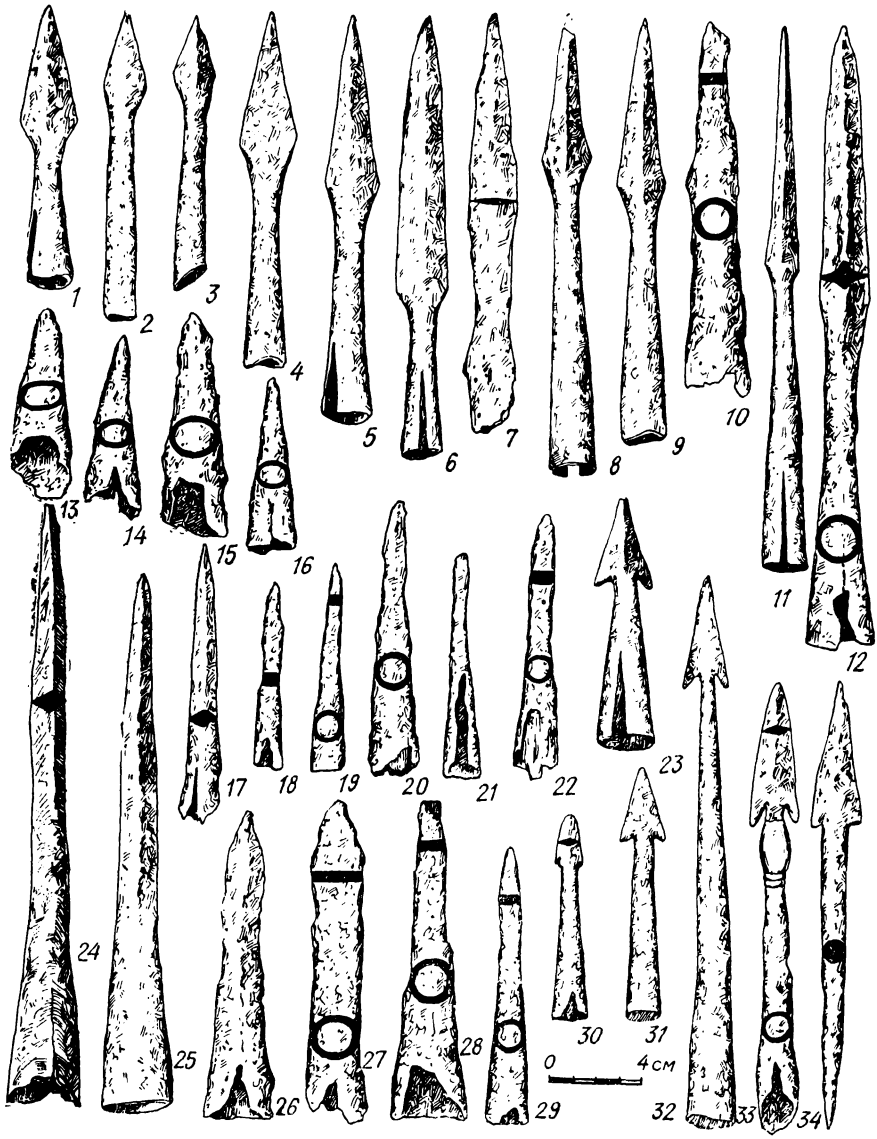

Таблица XXVII. Могильники ломоватовской культуры. Железные наконечники копий

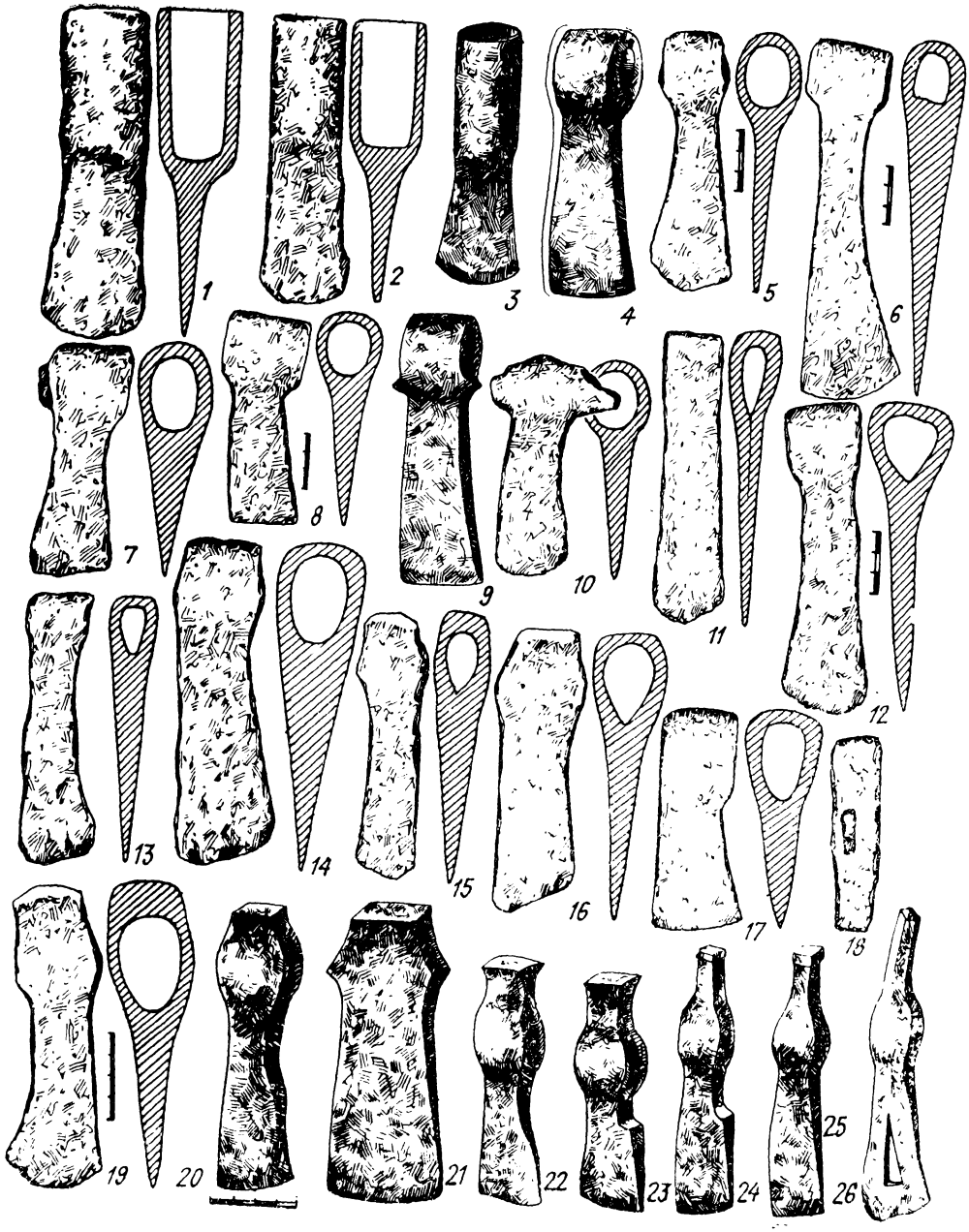

Таблица XXVIII. Могильники ломоватовской культуры. Железные топоры

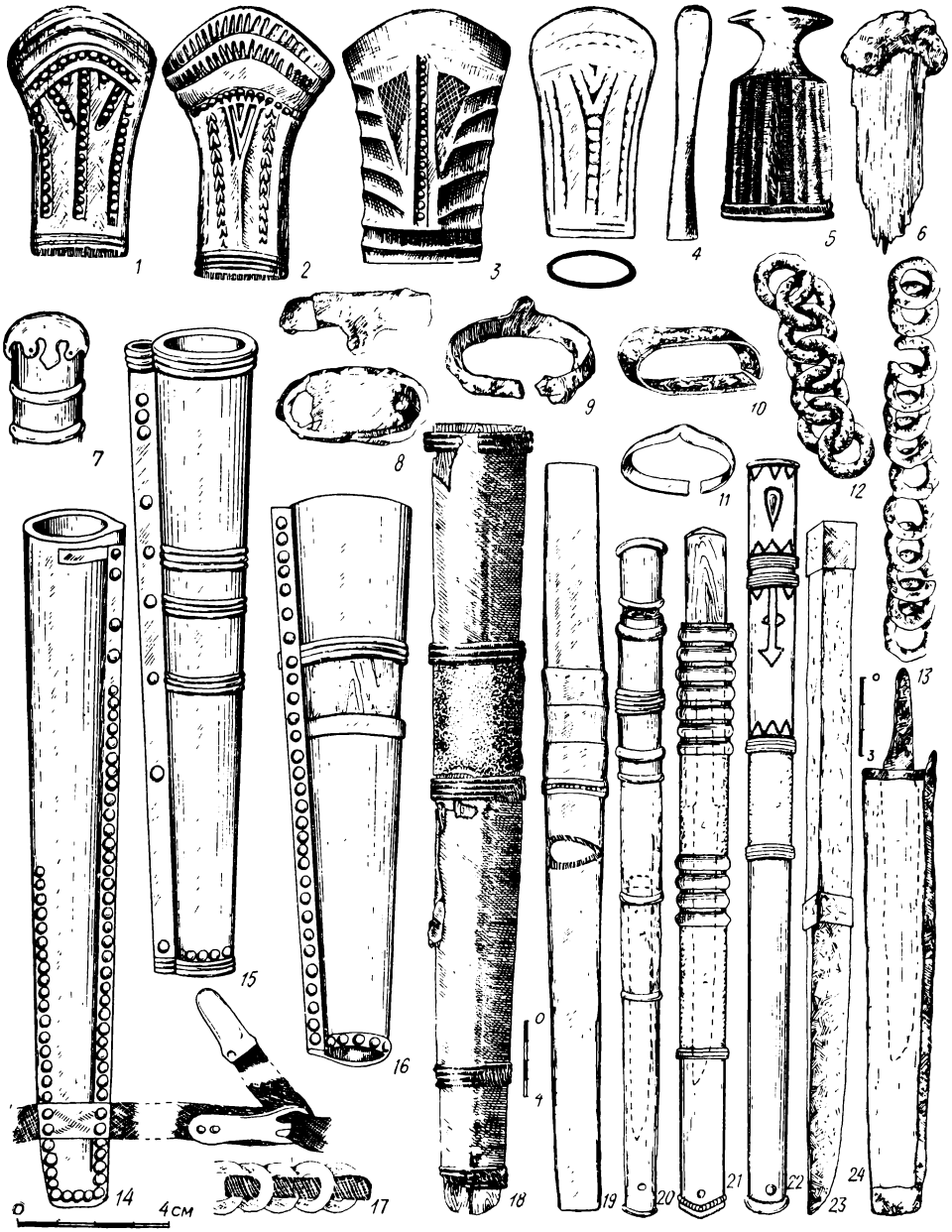

Таблица XXIX. Могильники ломоватовской культуры. Навершия, детали ножен и ножны кинжалов

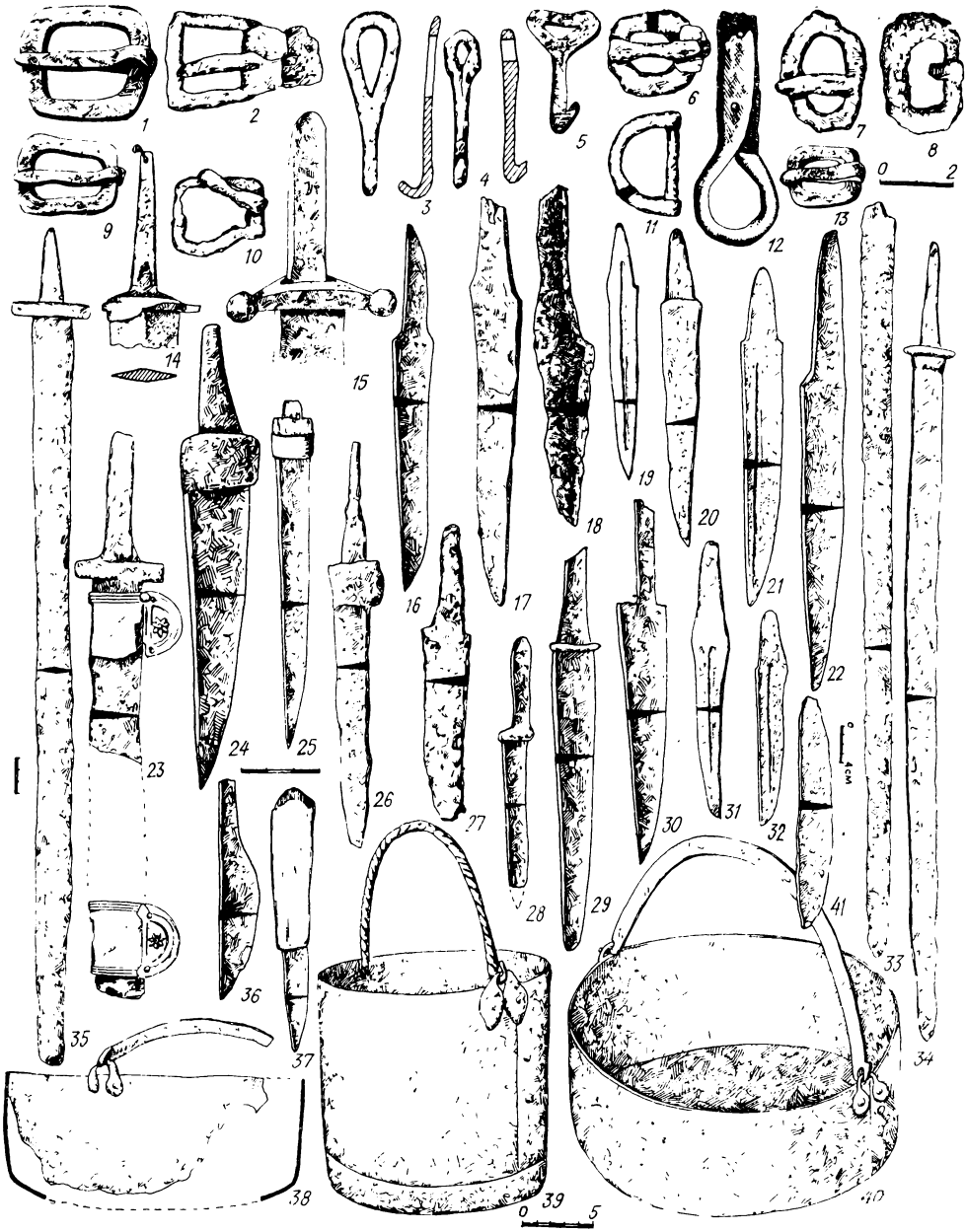

Таблица XXX. Могильники ломоватовской культуры. Железные предметы

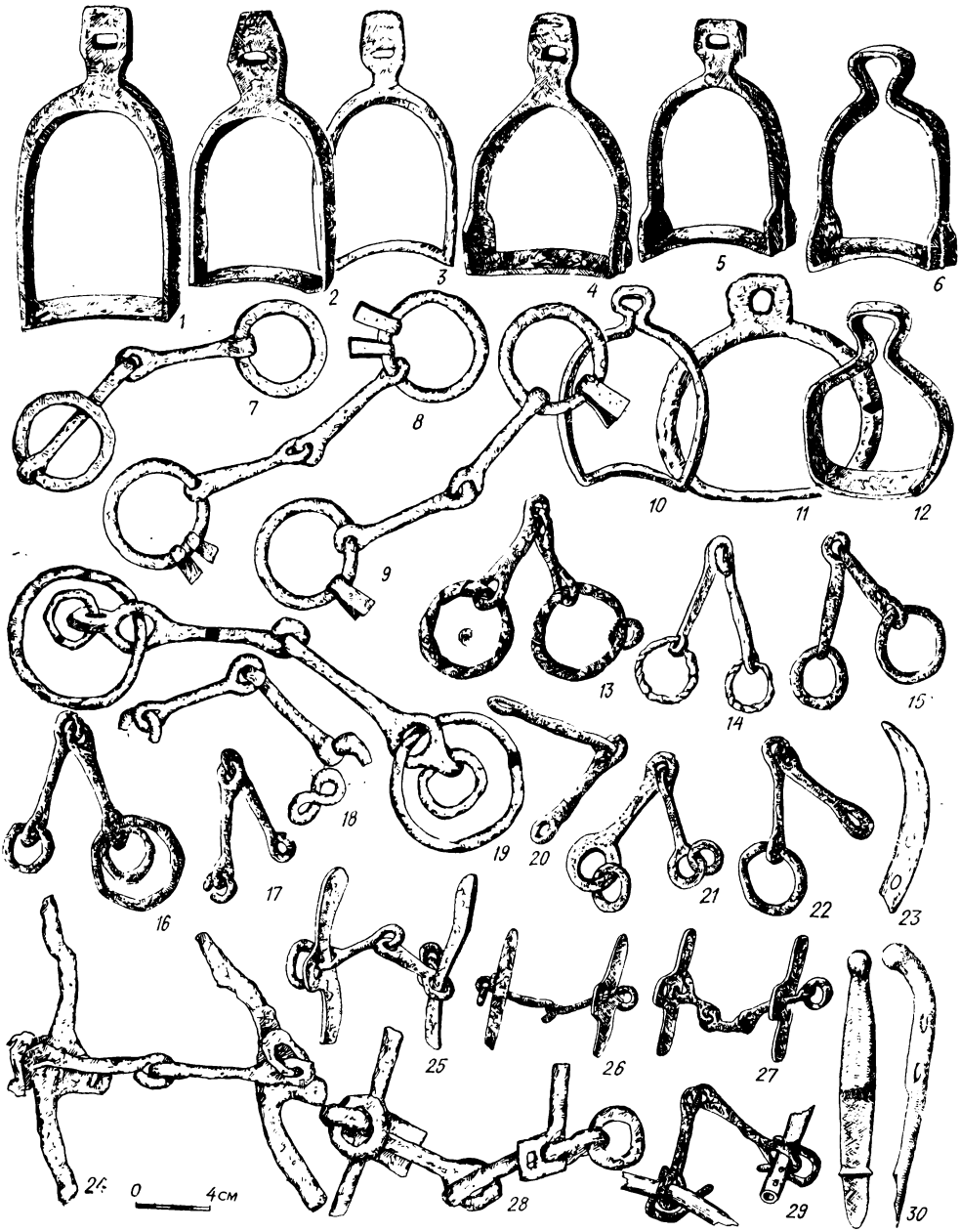

Таблица XXXI. Могильники ломоватовской культуры. Стремена и удила

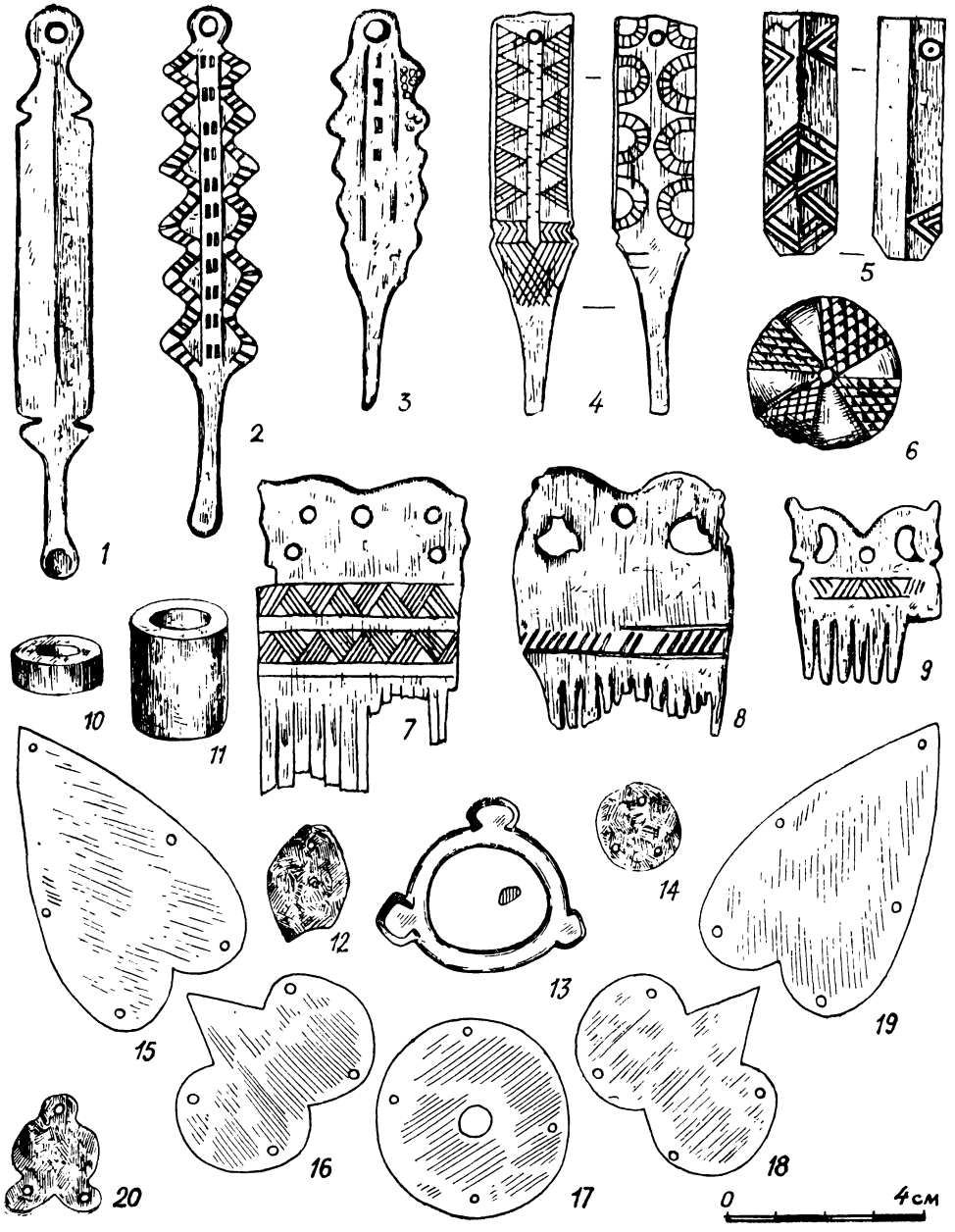

Таблица XXXII. Могильники ломоватовской культуры. Украшения сбруи и предметы быта

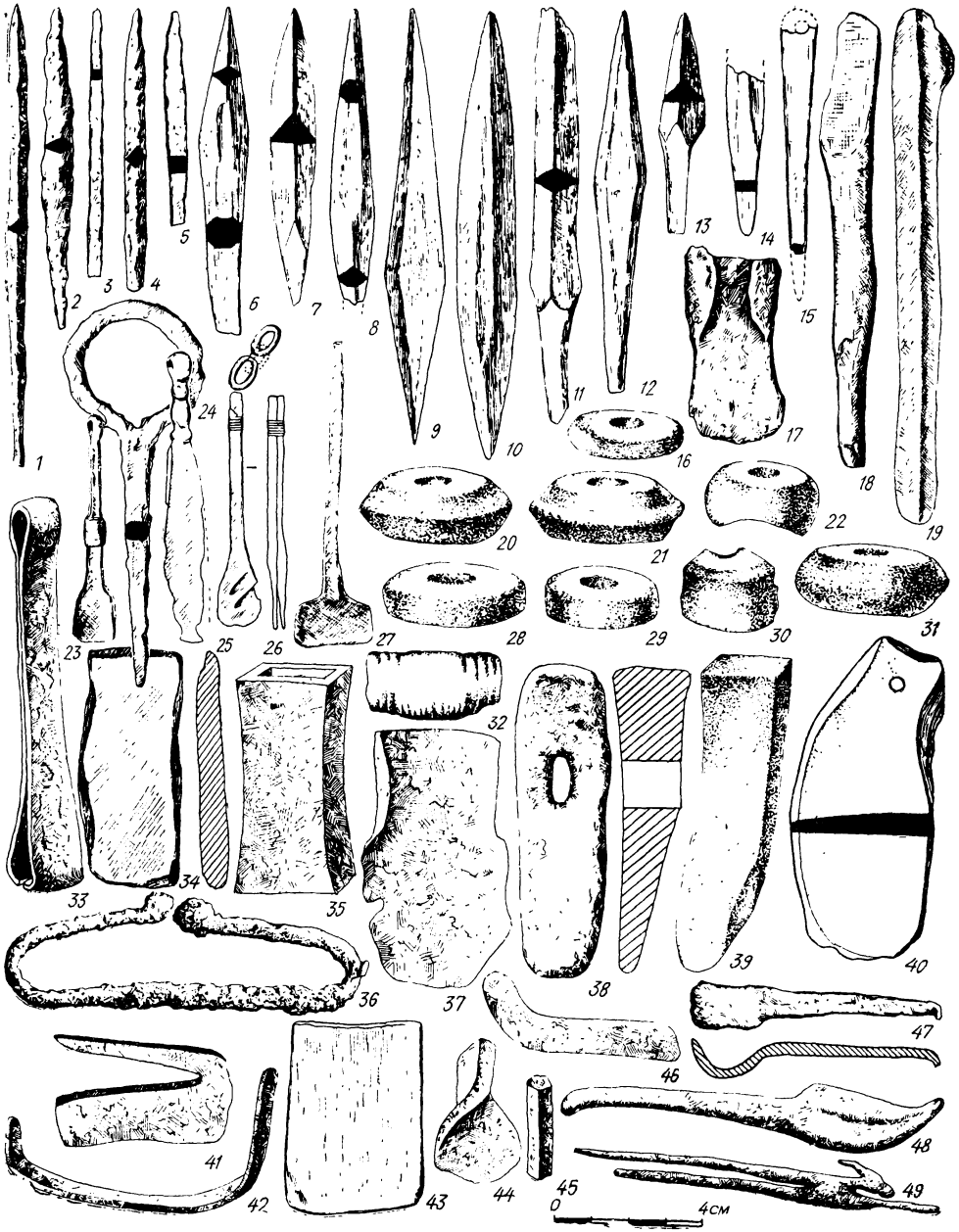

Таблица XXXIII. Могильники ломоватовской культуры. Наконечники стрел и орудия труда

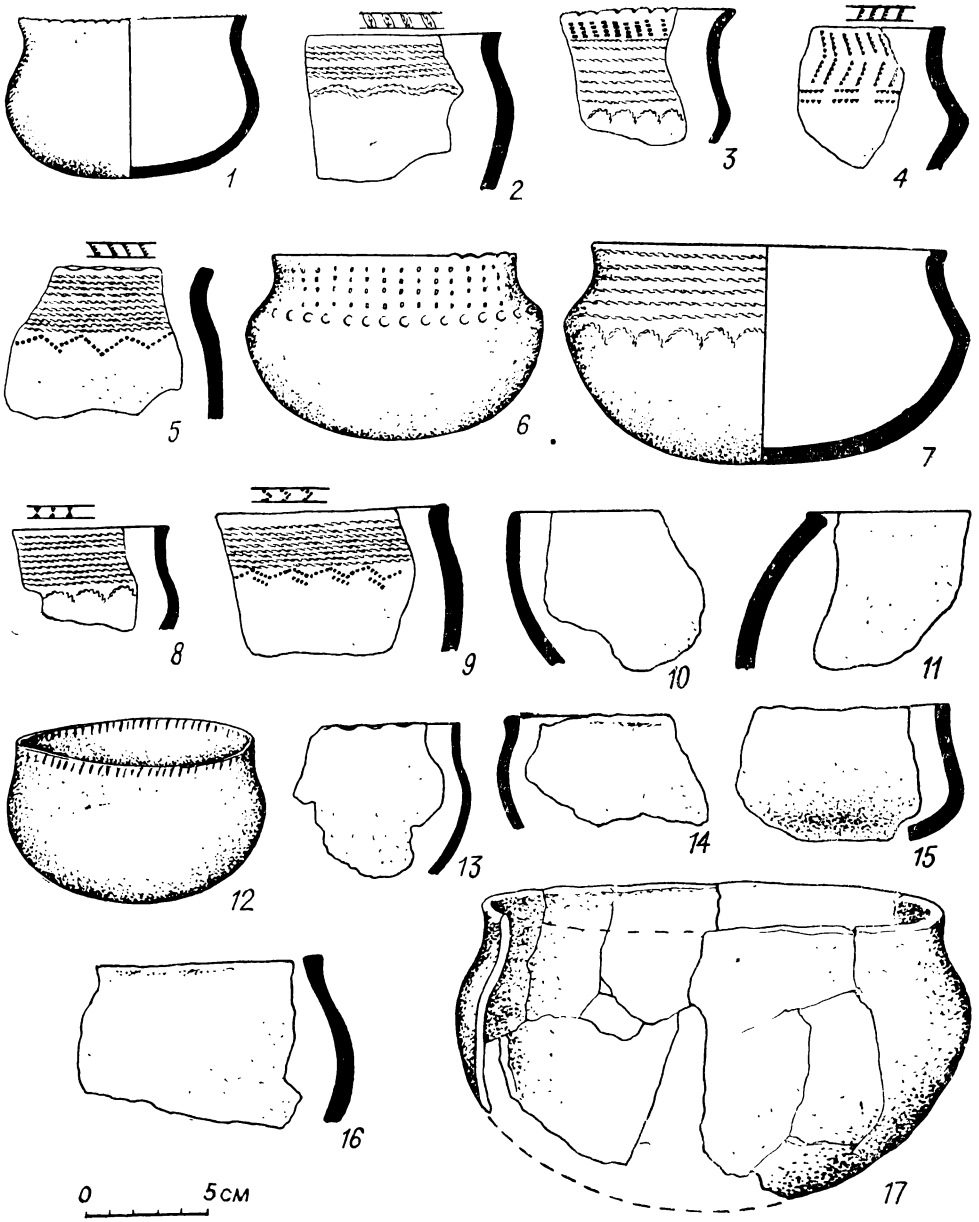

Таблица XXXIV. Курганные могильники ломоватовской культуры. Глиняная посуда

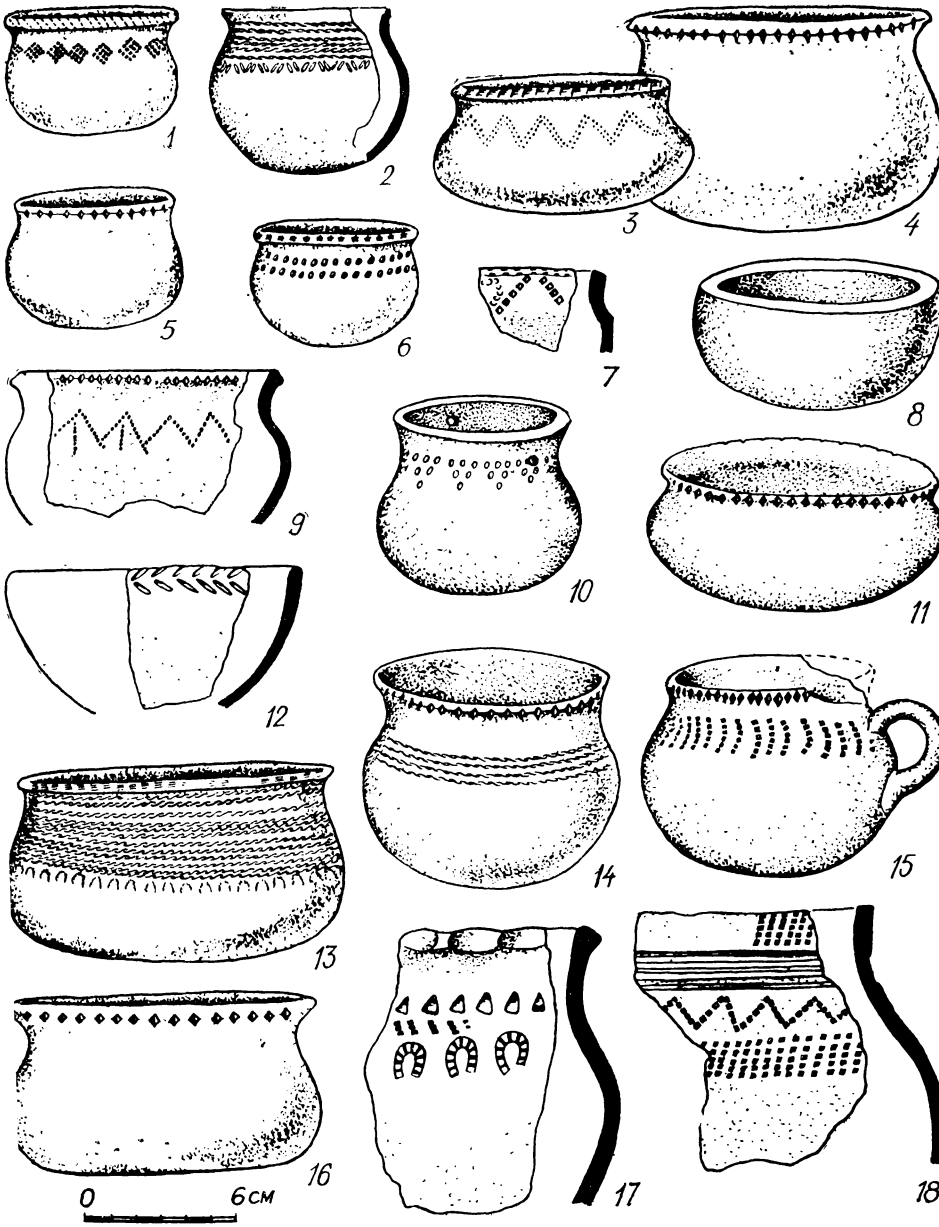

Таблица XXXV. Деменковский, Каневский и Урьинский могильники. Глиняная по-
(а

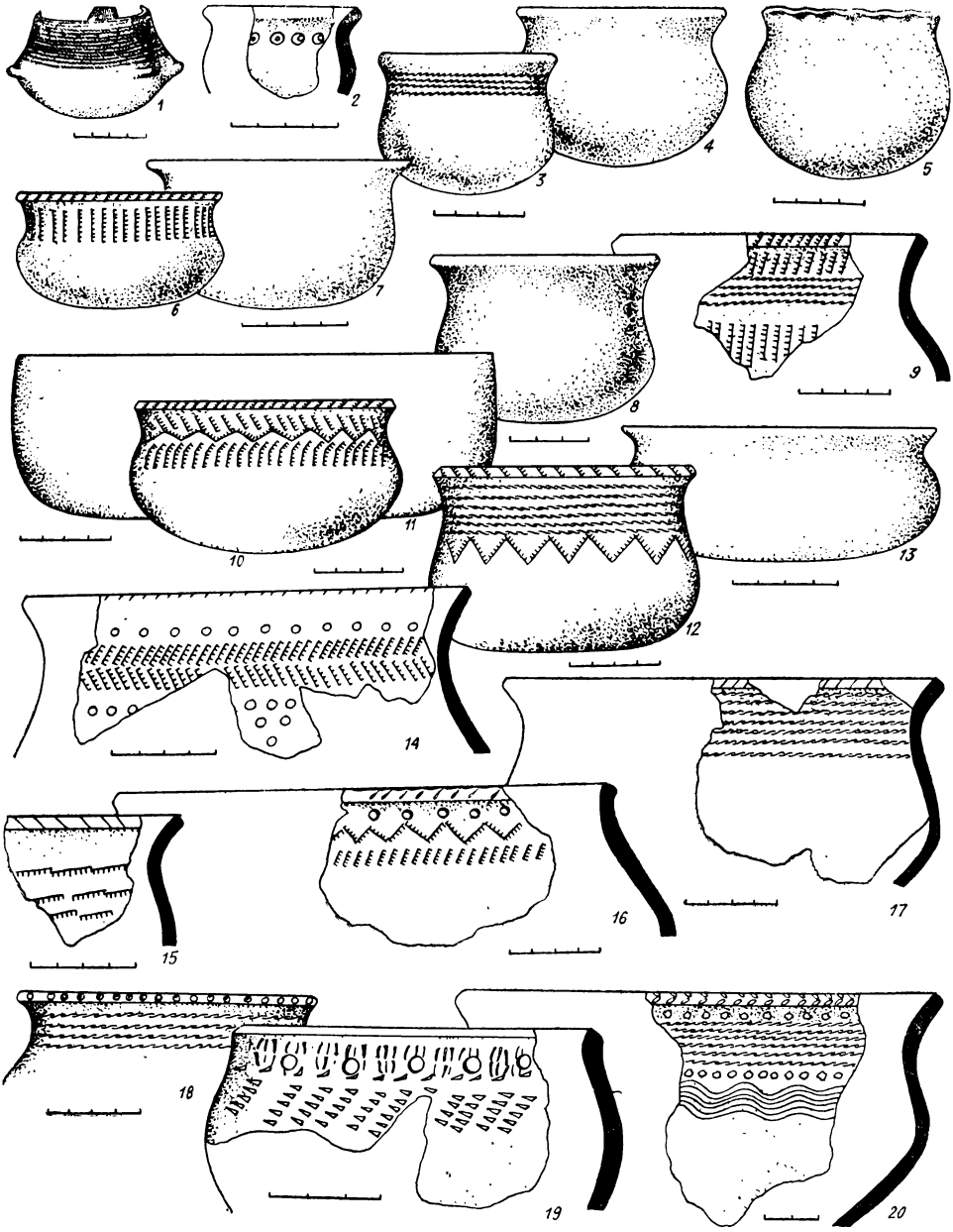

Таблица XXXVI. Агафоновский I могильник. Глиняная посуда

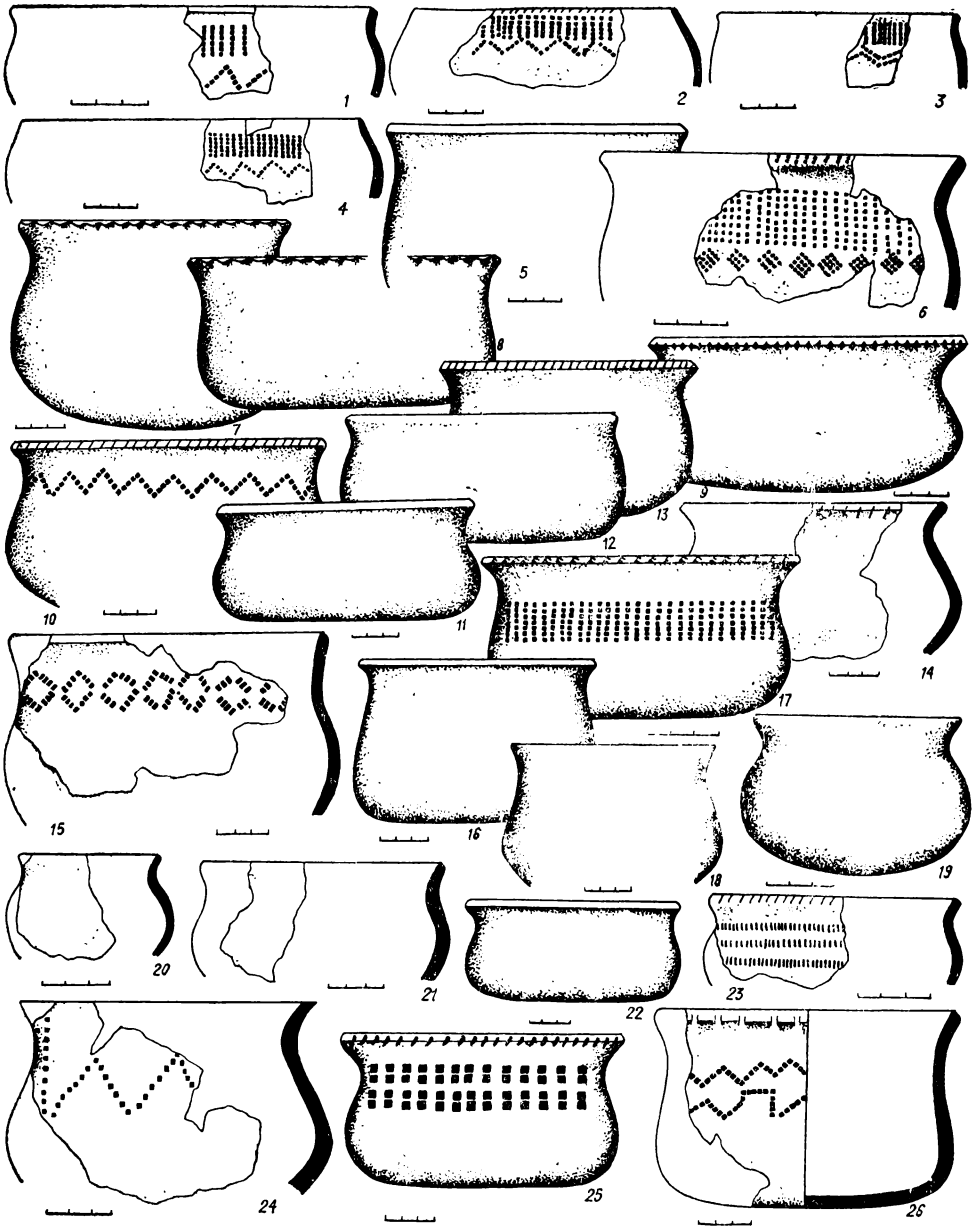

Таблица XXXVII. Аверинский II могильник. Глиняная посуда

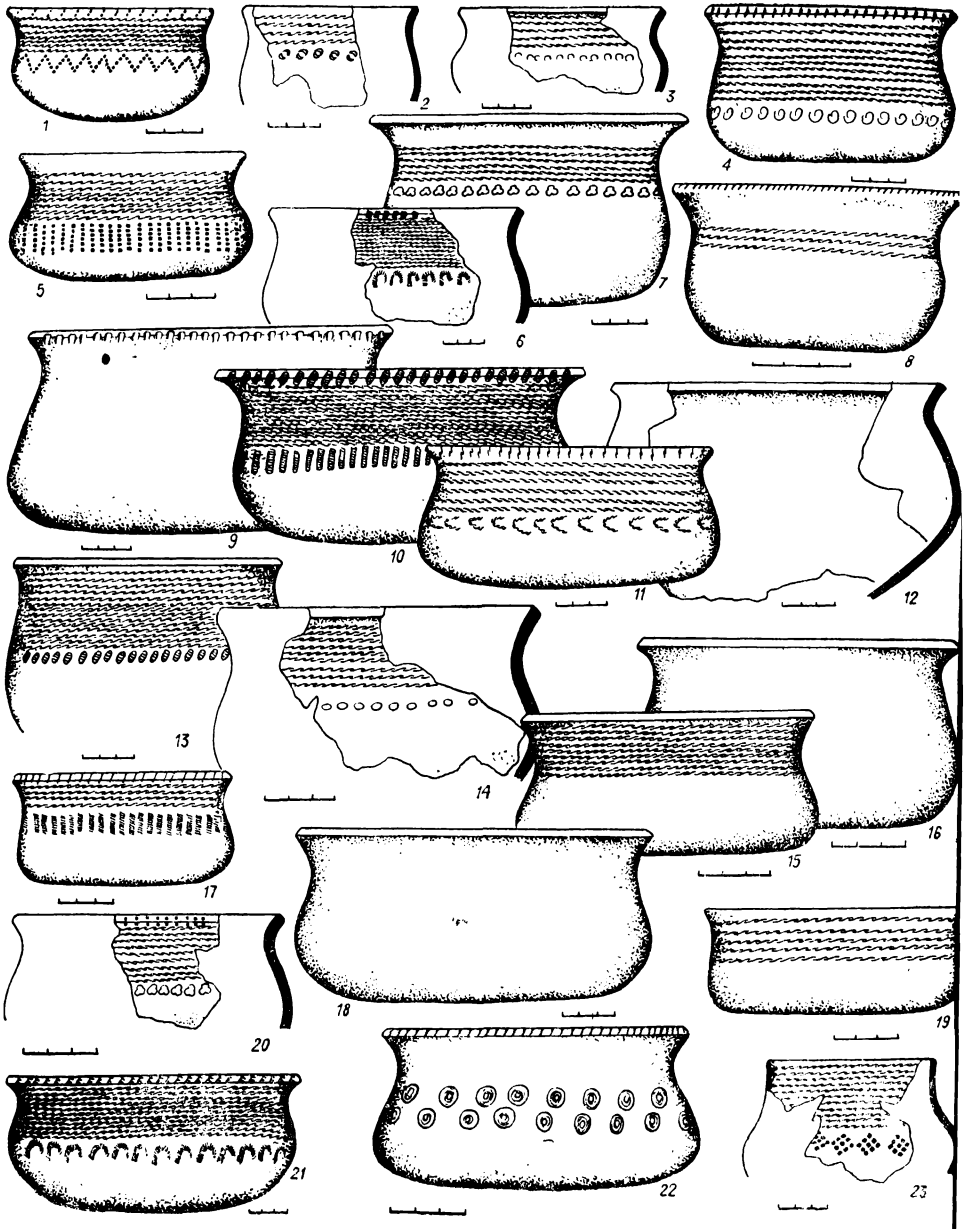

Таблица XXXVIII. Аверинский II могильник. Глиняная посуда

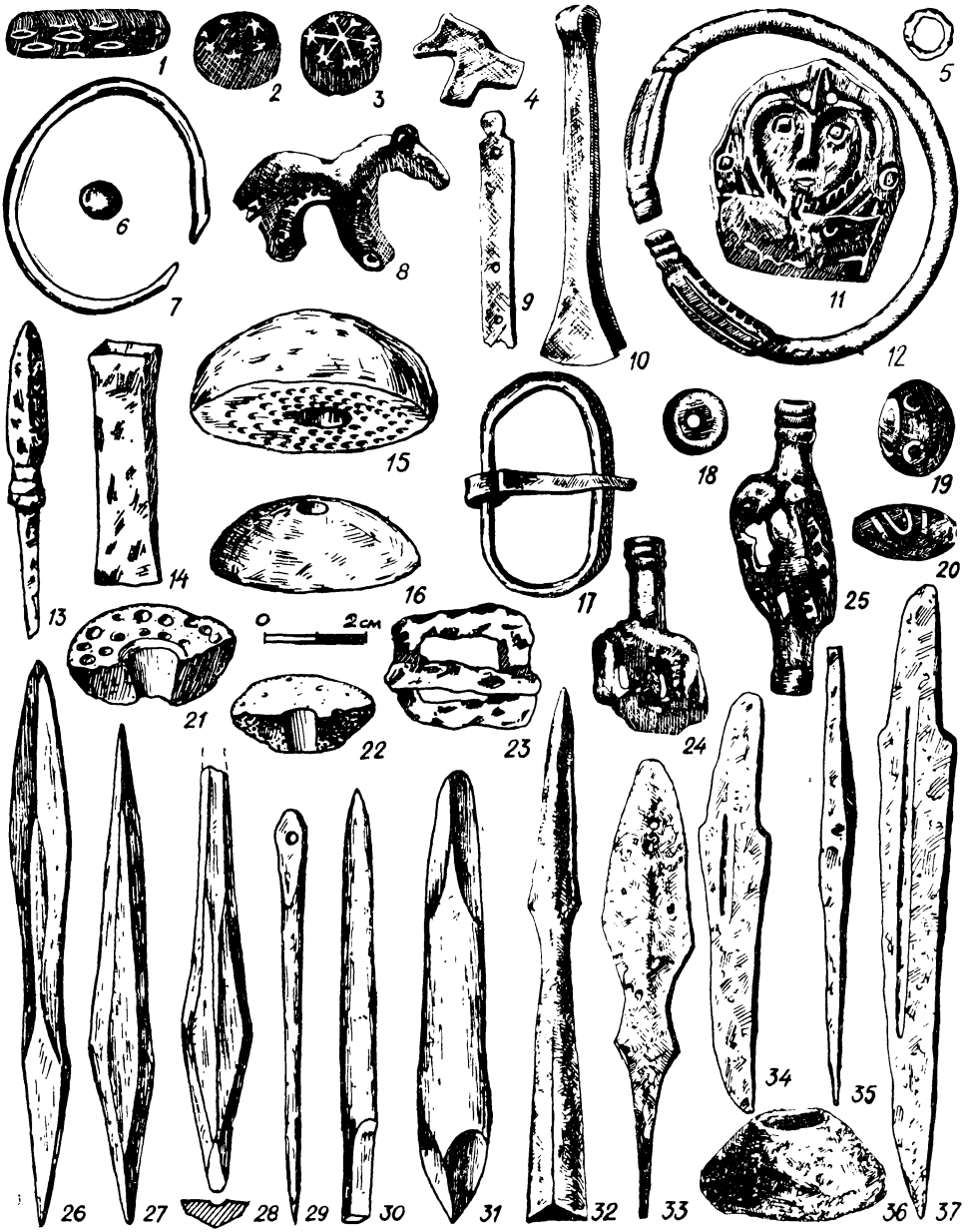

Таблица XXXIX. Городища ломоватовской культуры. Вещи

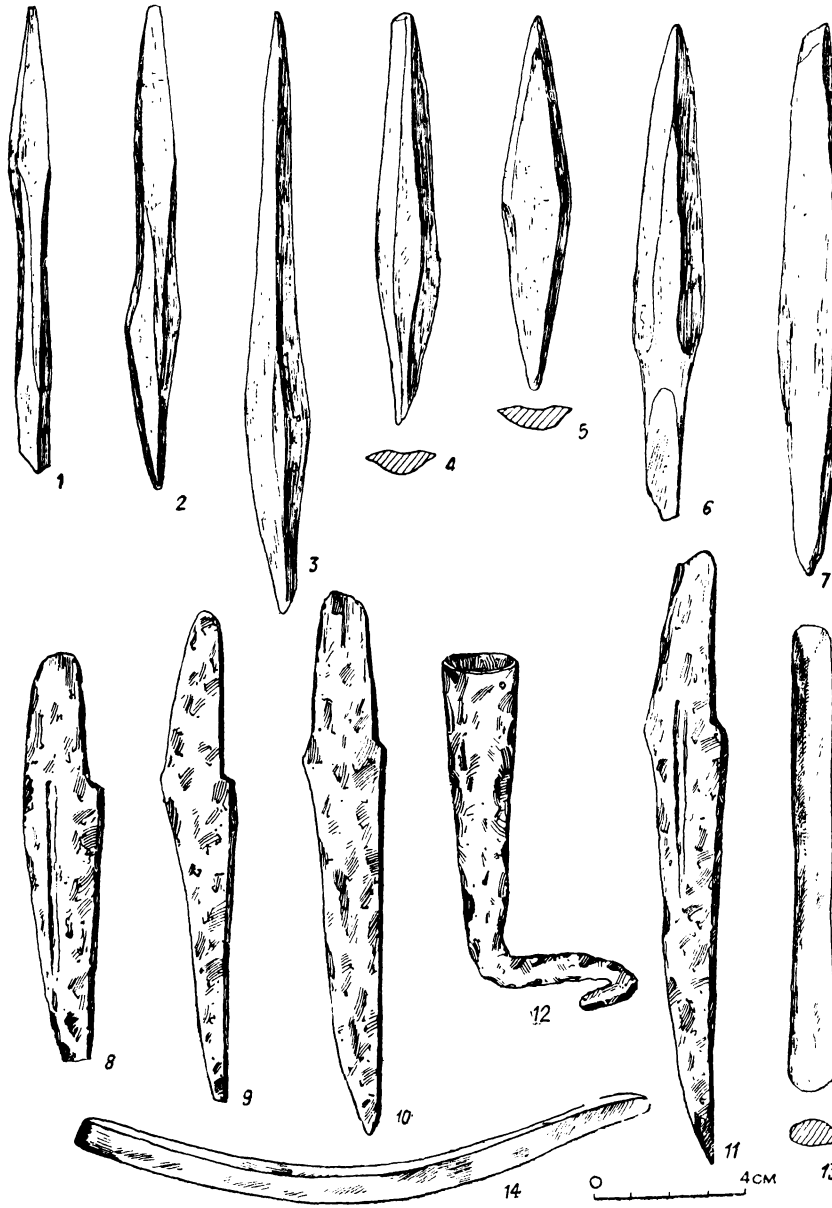

Таблица XL. Опутятское городище. Вещи

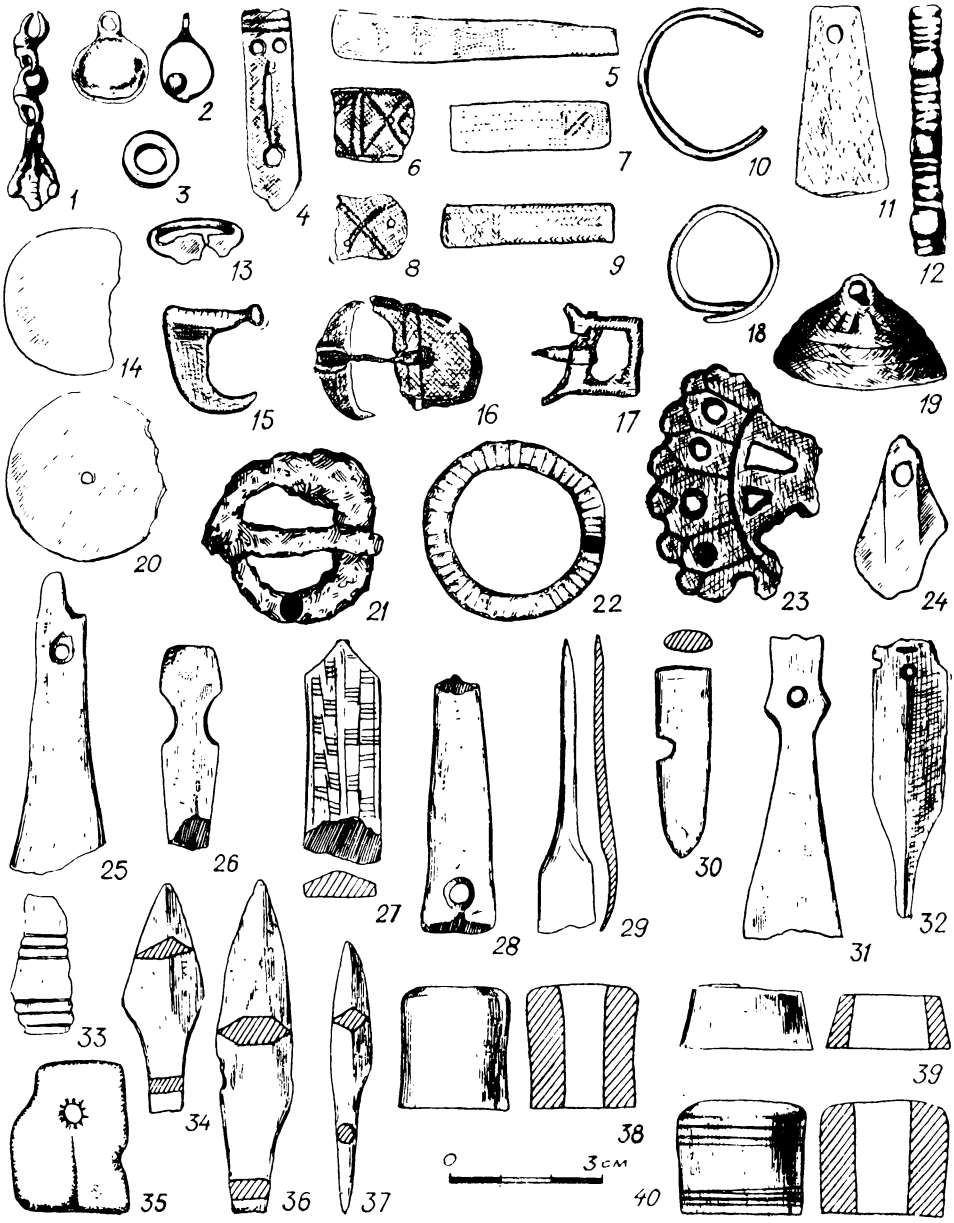

Таблица XLI. Городища ломоватовской культуры. Вещи: 17, 19—23, 25—40 — Шудьякар; 18 — Ором; 24 — Бисеровское II

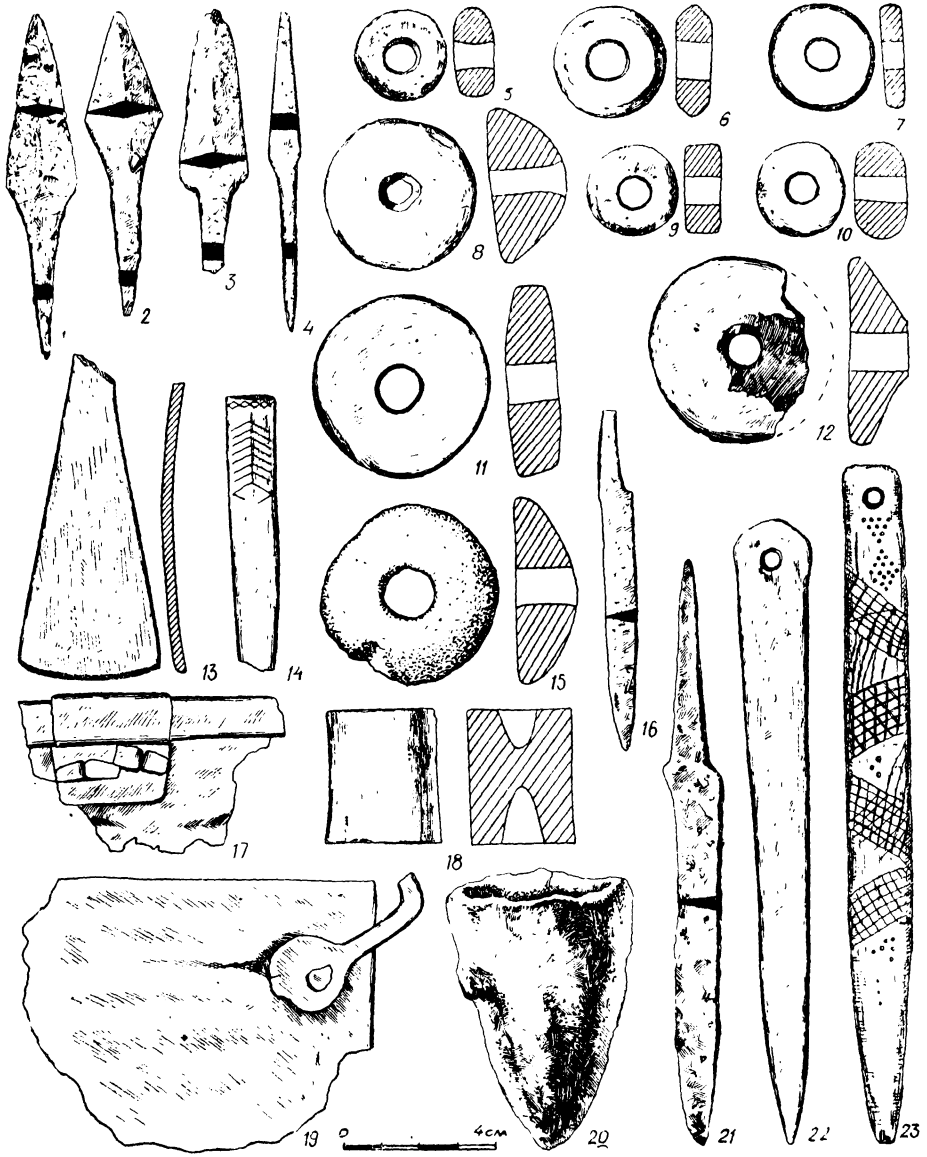

Таблица XLII. Городище Шудьякар. Оружие, орудия труда и предметы быта

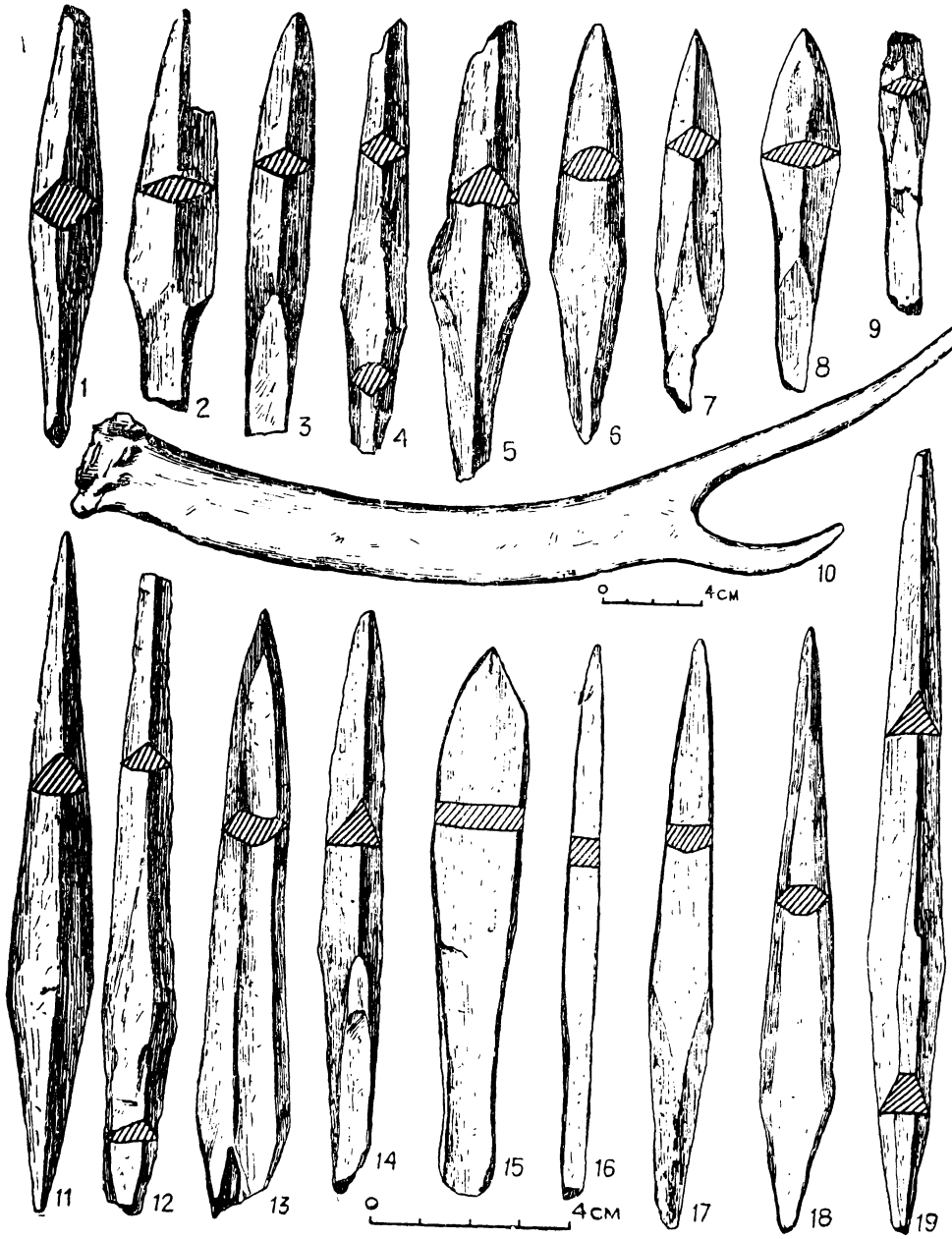

Таблица XLIII. Городище Шудьякар. Костяные наконечники стрел, их заготовки

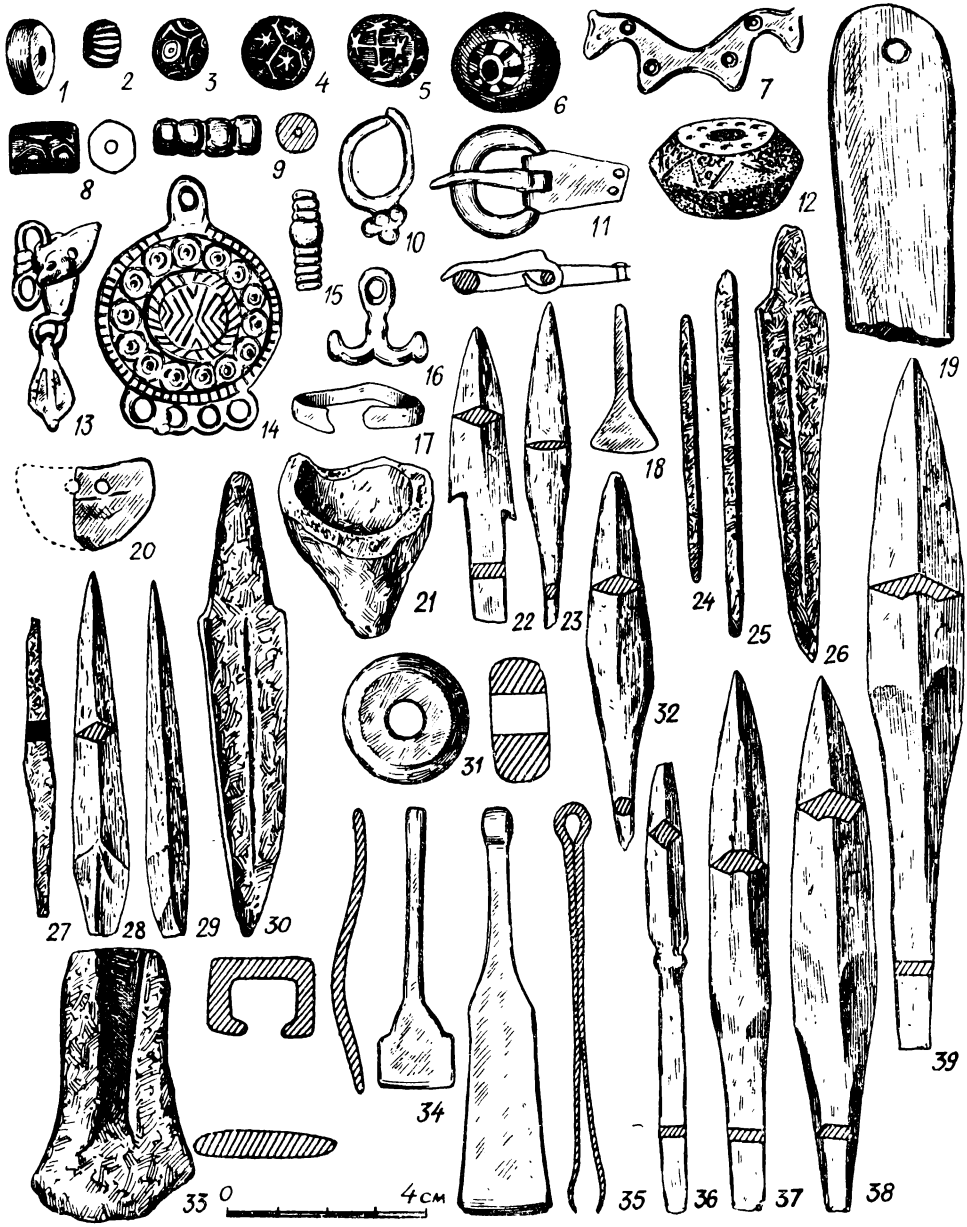

Таблица XLIV. Селища ломоватовской культуры. Вещи: 1—7, 12, 19 — Патраковское; 8, 9, 16 — Русиновское I; 10, 15, 17, 21—23, 31, 32, 35—39 — Горткушетское I, 11 — Русиновское II; 13, 14 — Макаровское; 18, 24—26 — Лисья курья; 20, 27—30, 33 34 — Коновалятское

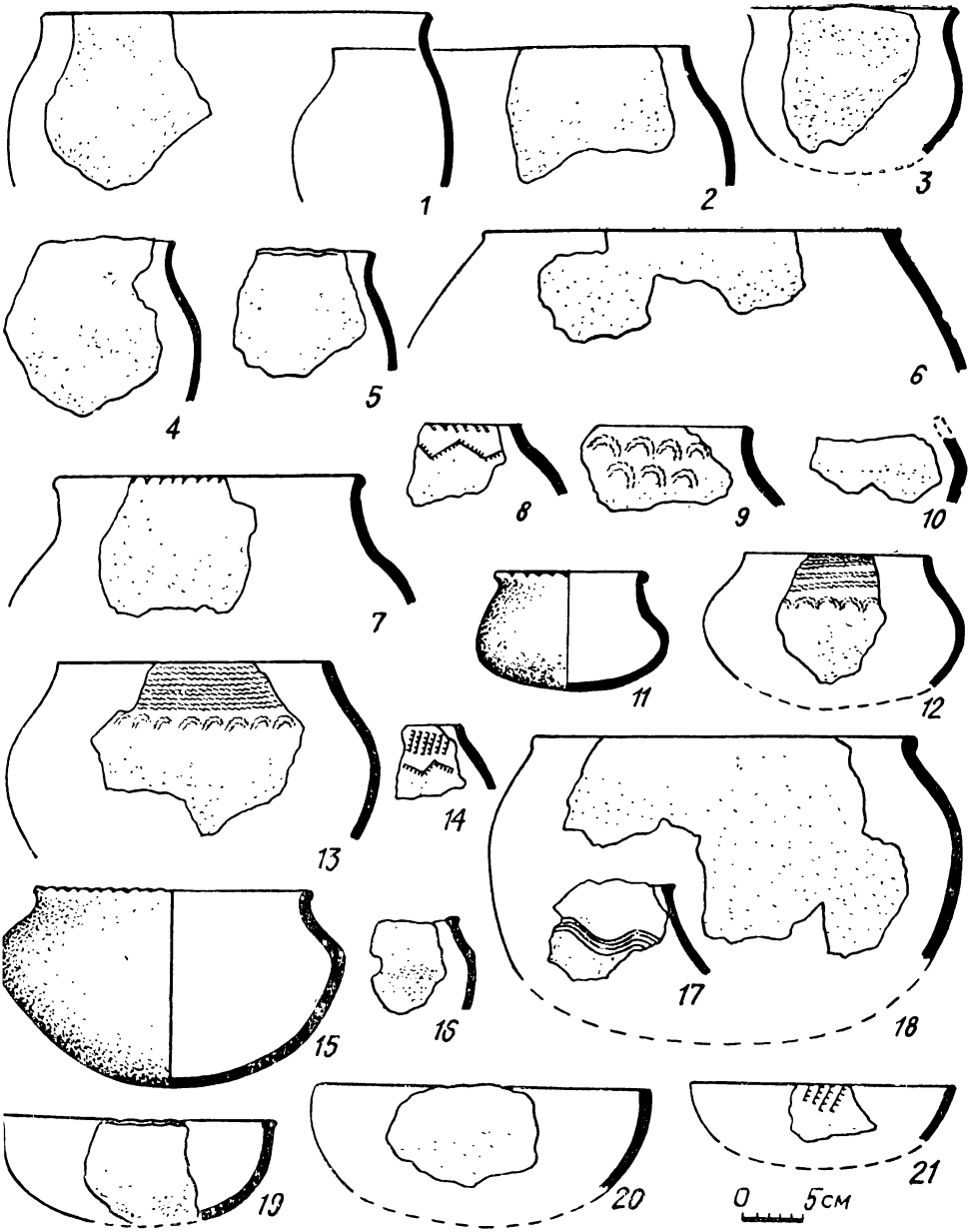

Таблица XLV. Опутятское городище. Глиняная посуда

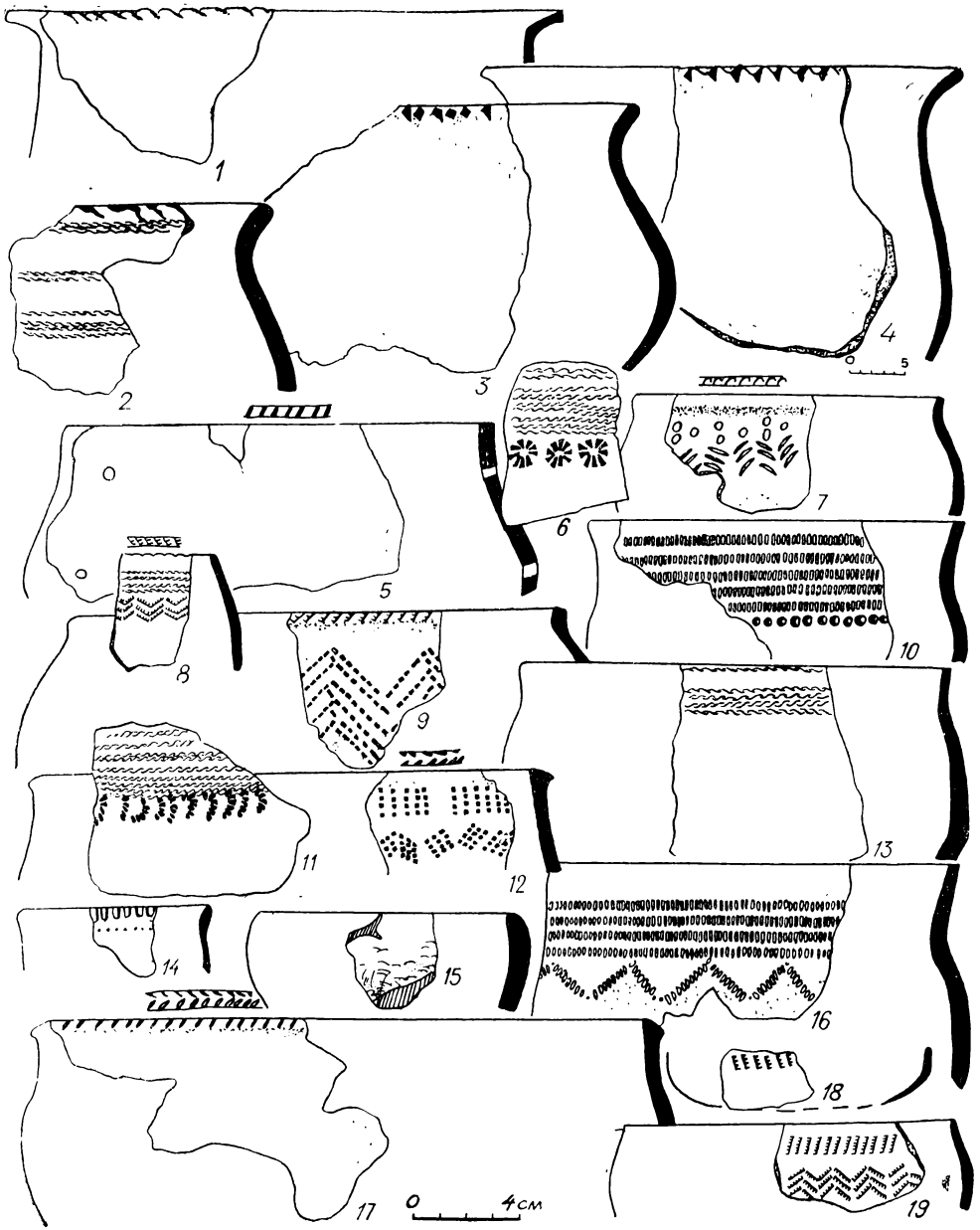

Таблица XLVI. Поселения ломоватовской культуры. Глиняная посуда: 1, 4 — Русиновское I селище; 2, 6, 11, 13 — Горткушетское I селище; 3 — Макаровское селище; 5, 12, 17—19 — Русиновское II селище; 7 — Аверинское IX селище; 8 — городище Шудьякар; 9, 10, 14—16 — городище Ором

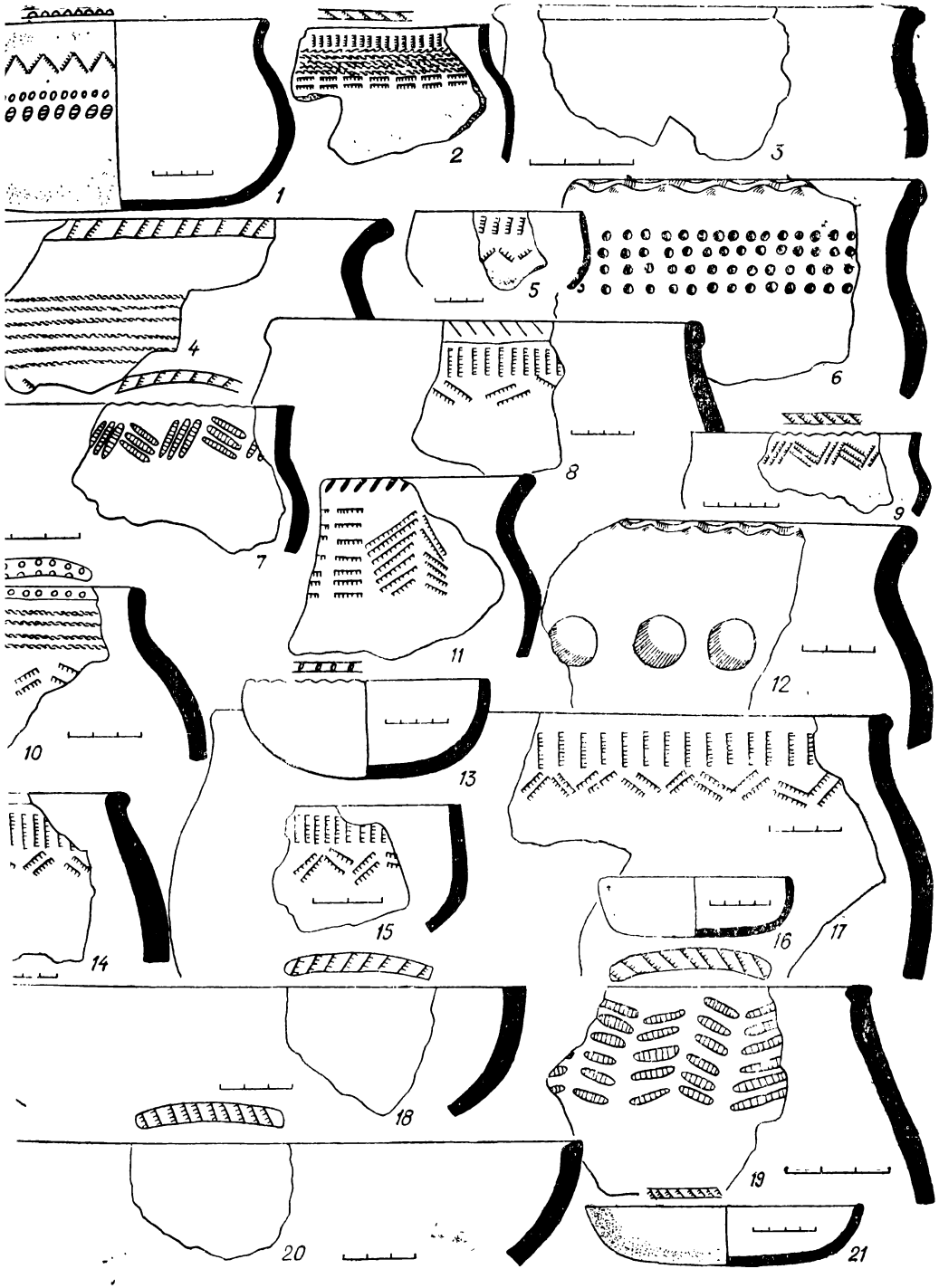

Таблица XLVII. Городище Шудьякар. Глиняная посуда

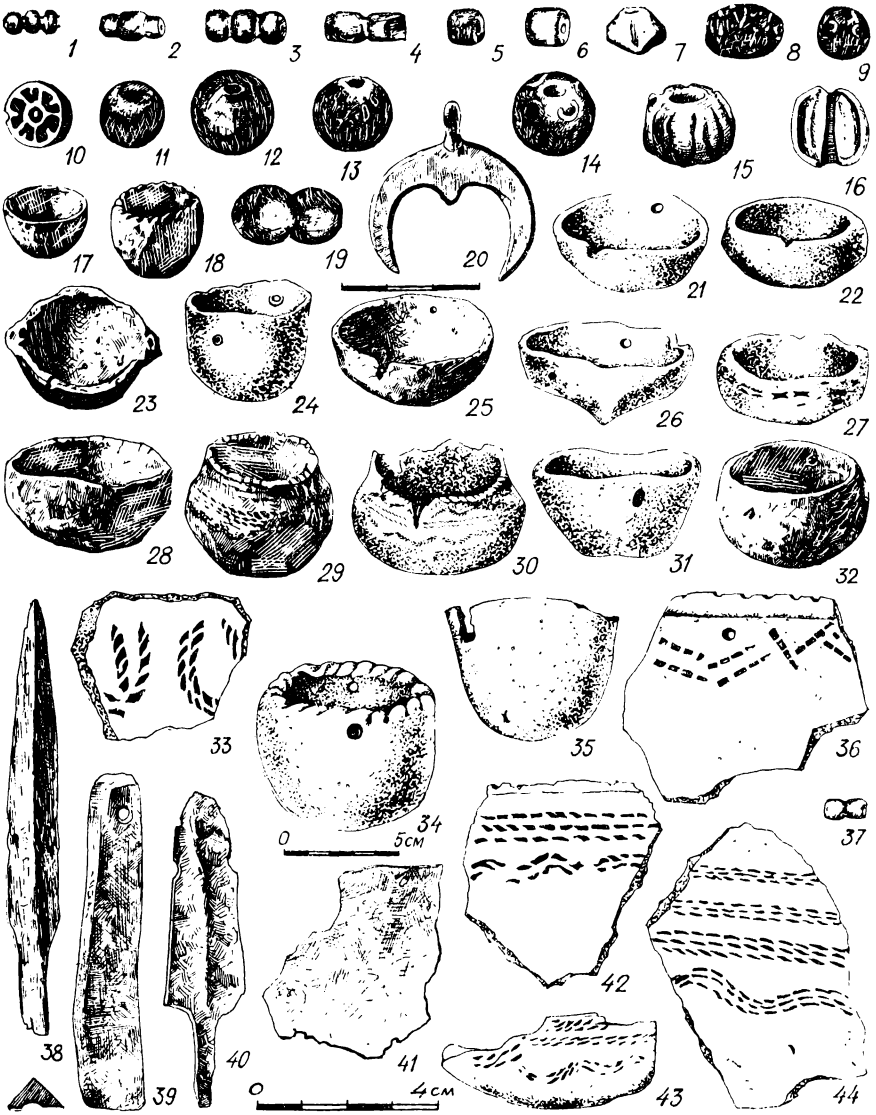

Таблица XLVIII. Гаревское костище. Вещи

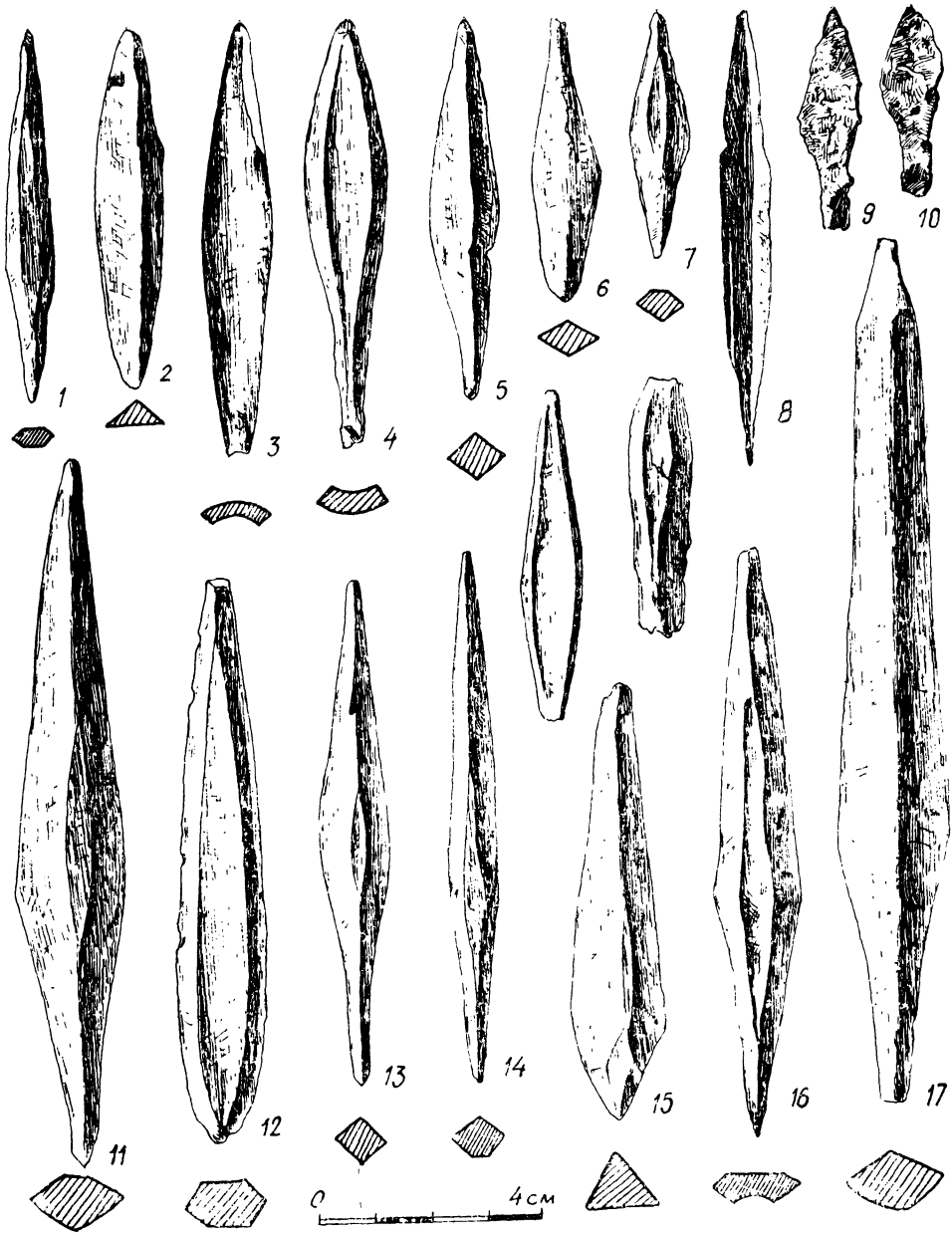

Таблица XLIX. Гаревское костище. Костяные и железные наконечники стрел

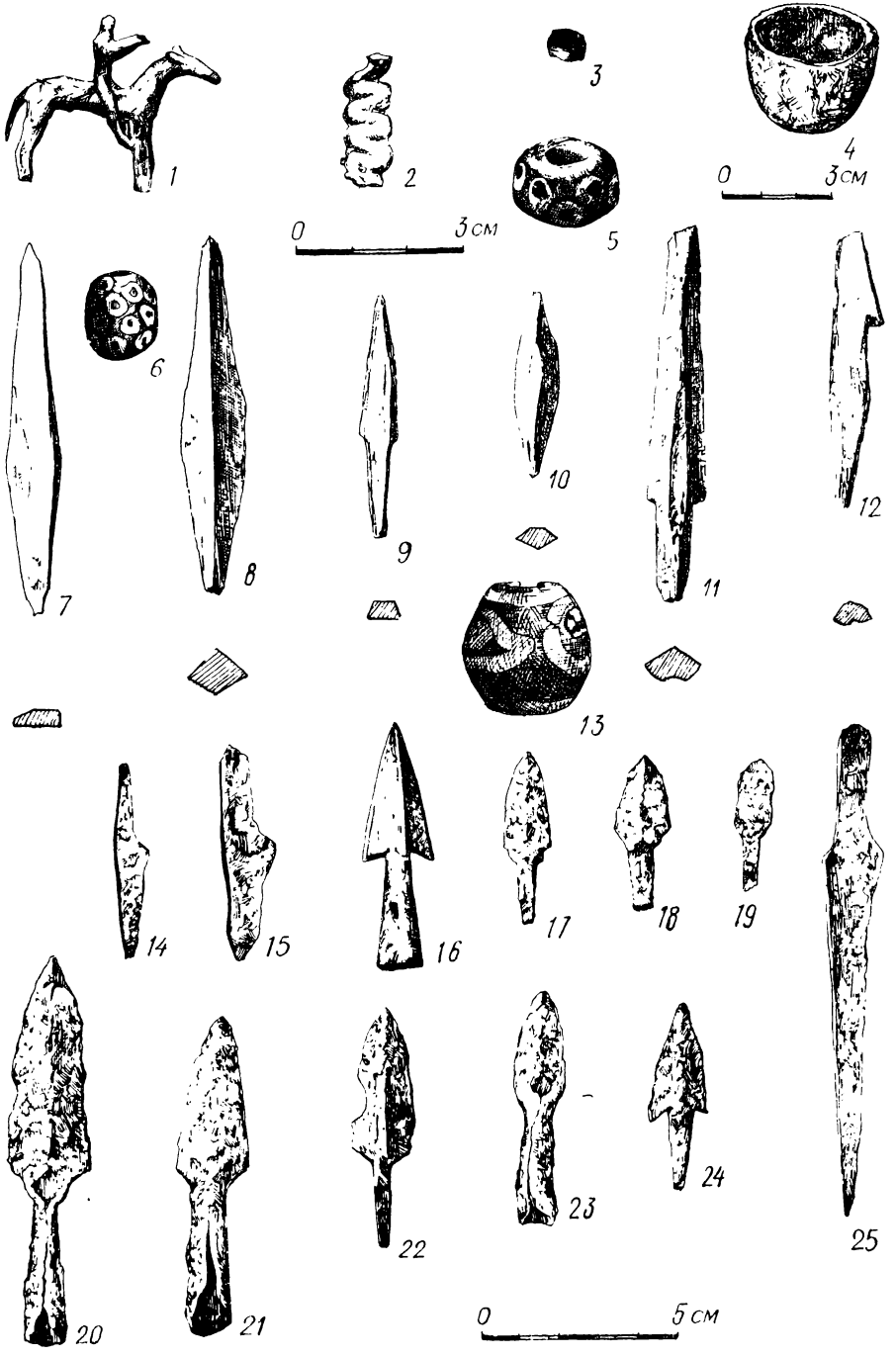

Таблица L. Костница. Вещи: 1—4, 7—12 — Ильинское; 5, 13 — Останинское; 6 — Панкрашинское

Таблица LI. Подбобыкское святилище. Вещи

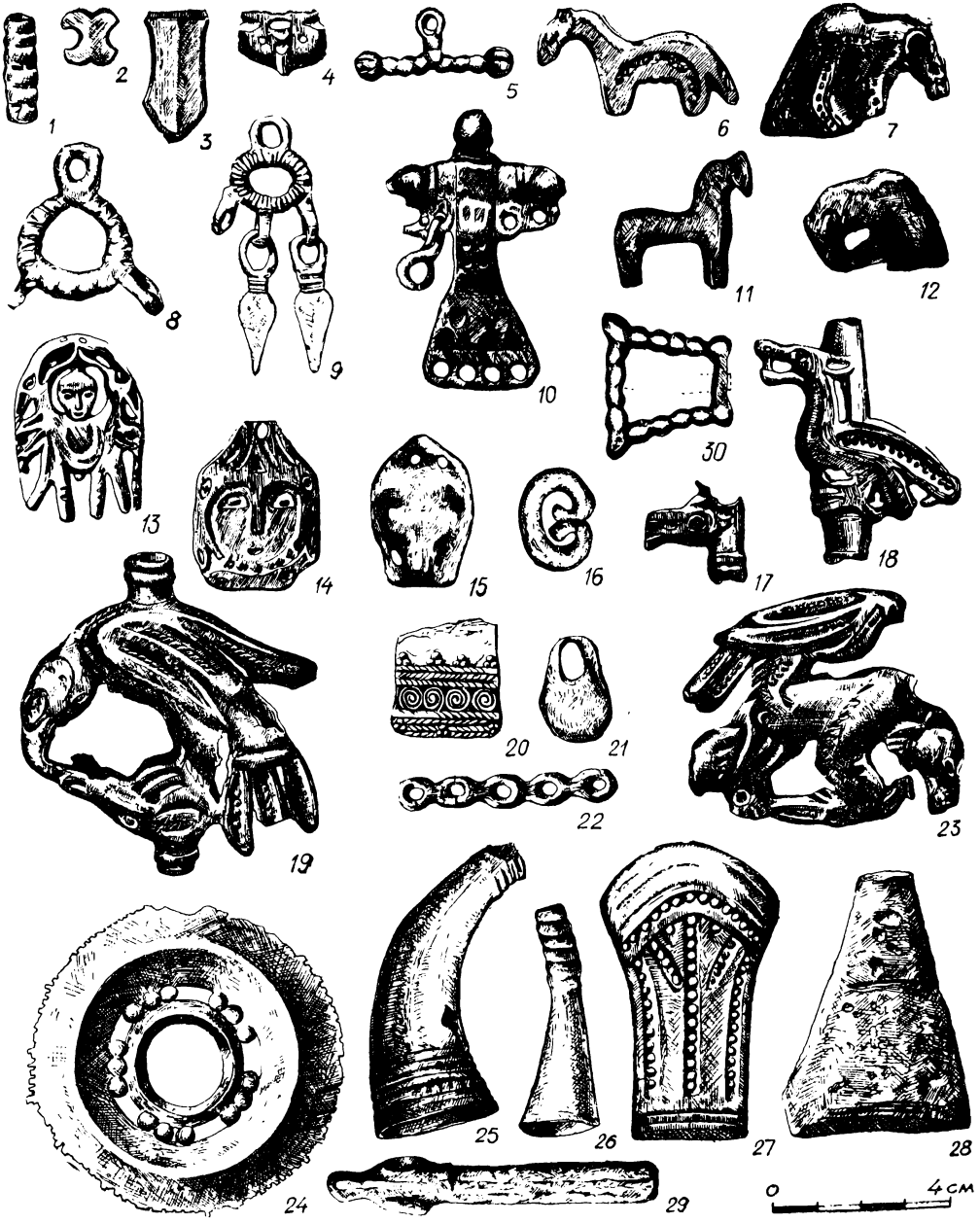

Таблица LII. Плесинские клады

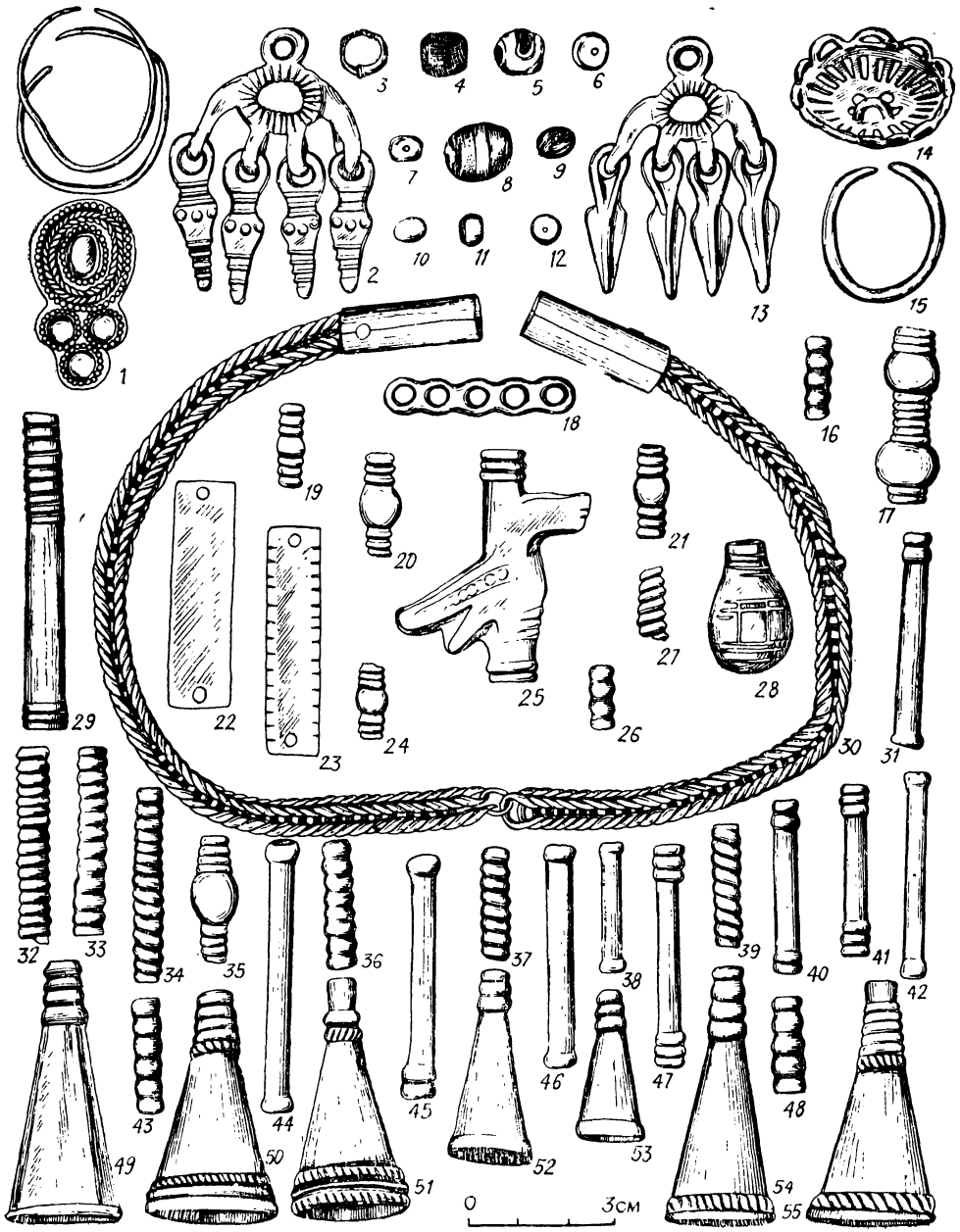

Таблица LIII. Георгиевский клад

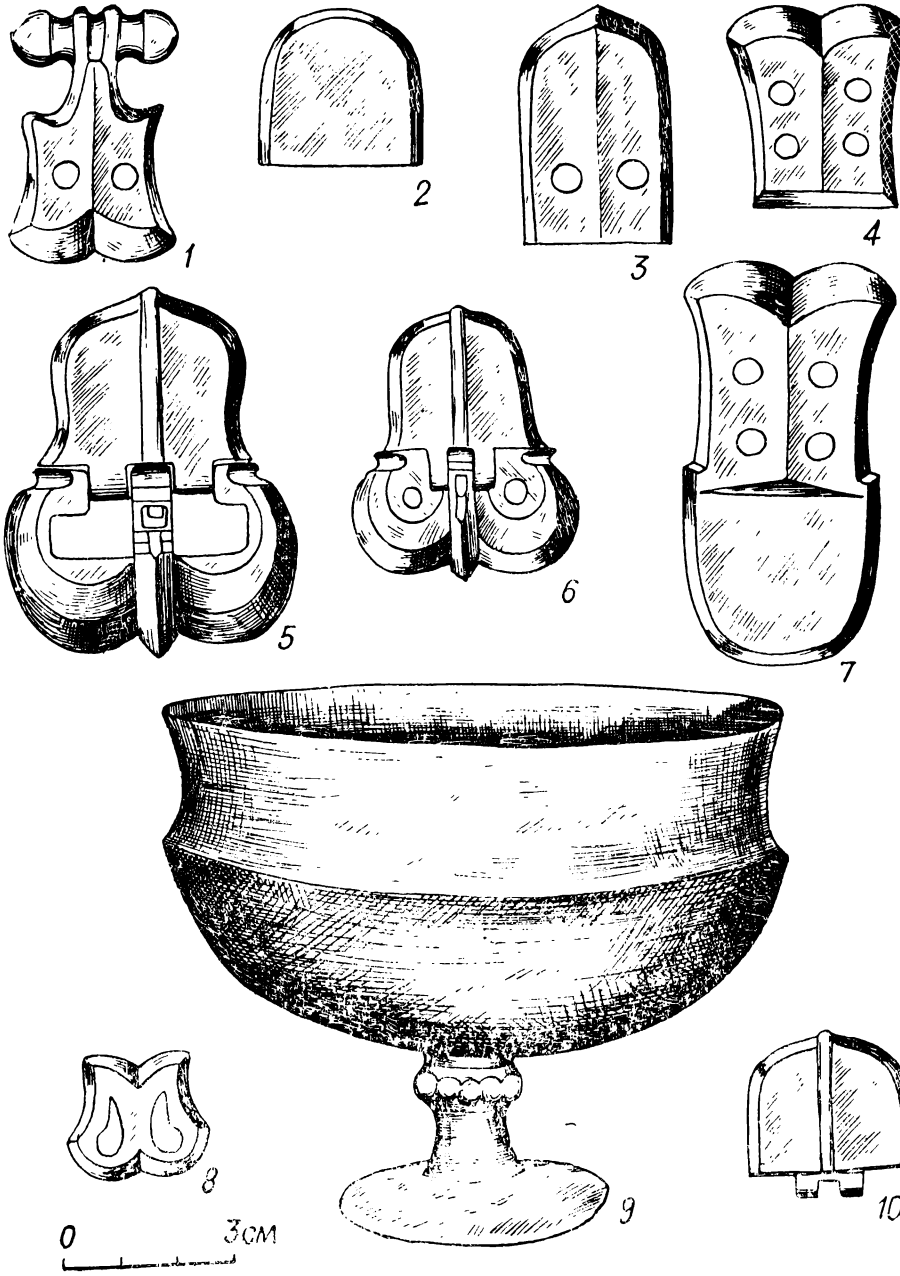

Таблица LIV. Урьинский клад

Таблица LV. Пешковский клад

УКАЗАТЕЛЬ К ТАБЛИЦАМ

Таблица	Рисунок	Памятник Номер погребения
1	2	3
I	1	63, 118, 131 Д *; 19 У; 47 П; 303 Аг
	2	106 Ав
	3	189 Ав
	4	210 Ав
	5	94 Ав; 368 Аг
	6	53 Ав
	7	37 Д; 2 Важ
	8	37 Д; 2 Вис
	9	46 П
	10	46 П; 368 Аг
	11	10 У
	12	уч. Р
	13	106 Ав
	14	20 У
	15	10 У
	16	112 Д
	17	34, 37 Д; 96 Аг
	18	63 Д
	19	215 Ав
	20	Баян, Загарье
	21	6 К
	22	139 Д; 15 Баян
	23	Рождественское
II	1	24 К
	2	уч. Р
	3	10 К
	4	5 Ред
	5	19 У
	6	138 Ав; Баян
	7	22 П; 212 Ав; 36 Щ
	8	172 Ав; 30 Щ; уч. В; Баян; Горт-Кушет
	9	4 Ред; Загарье
	10	98 Д
	11	Мальцева
	12	30 Щ
	13	103, 202 Ав; Мальцева
	14	1, 8, 10, 26 К; 21 П; 83 Ав
	15	13 К
	16	28 К
	17	45 П; 188 Ав; 12 Щ; У; Р
	18	90 Ав
	19	5 К; 18 Ав
	20	30 П
	21	7, 13а, 66, 119 Д; 27 К; 2 Важ
	22	15 П
	23	45 Ав
	24	32 Щ; 37, 136, яма Ав; Баян
	25	49 П
	26	1 Вис
	27	37 П; Загарье
	28	52 Ав
	29	124 Д; 6 К
	30	67 Д; Кудымкар
	31	7 К; 66 Щ
	32	86 Д
	33	63, 86, 112 Д; 45 Ав; Горт-Кушет
	34	11 К
	35	187 Ав
	36	28 К
	37	37 П
	38	37 П
	39	306 Аг
	40	1 Вис
	41	168 Ав
	42	Модороб
	43	118а Д
	44	131 Д
	45	131 Д
	46	187 Ав; Горт-Кушет
	47	29 У

* Здесь и далее в этой графе цифра означает номер погребения, а буква — название памятника: Ав — Аверинский П, Аг — Агафоновский I, Б — Бурковский, Баян — Баяновский, Бурд — Бурдаковский I, В — Васиневский, Важ — Важгортский, Вис — Висимский, Д — Деменковский, К — Каневский, М — Митинский, П — Плесинский, Р — Русиновский, Ред — Редикарский, У — Урьинский, Х — Харинский, Щ — Щукинский могильники. Если цифра отсутствует, значит, предмет происходит из случайных сборов и название места находки приводится полностью.

1	2	3
III	1	1, 11, 26, 39, 40 М; к. 1 погр. 3, 31, 42, 78, 91, 98, 136, 166, 203, 84 Аг; 122 Ав, 184, 200 Ав
	2	38 Д; Вис; 103 Ав
	3	43, 130, 188 Ав; 11 Щ, 330 Аг,
	4	уч. М/З Ав
	5	УП Р
	6	6 Аг (1962 г.)
	7	14 Ав
	8	37 П
	9	Горт-Кушет
	10	Баян
	11	к. 1 погр. 3, 116 Аг
	12	уч. Ав
	13	21, 162 Аг; Грудята
	14	65 Аг
	15	66 Аг
	16	140 Аг
	17	140 Аг
	18	135 Ав
	19	135 Ав
	20	62 Ав
	21	42, 81, 91 Аг
	22	50, 966, 122, 135, 140, 206 Ав; 136 Аг
	23	1 Вис
	24	175 Аг
	25	135 Ав
	26	47, 83 Ав
	27	10 К; Модороб
	28	50, 54, 72, 206, 202 Ав
	29	51 Д
	30	к. 33 погр. 1 Х; 9, 40 М; к. 1 погр. 4 Аг; к. 2 погр. 1, 6 Бурд; Егвинское; Пыштайн
	31	11 М
	32	к. 14 погр. 1 Б
	33	к. 17 погр. 5 Х
	34	21 М; Пыштайн
	35	54 Б
IV	1	129, 237, 231, 215 Аг; 122, 144 Ав
	2	10 У; 6 К; Вис; Баян; Горт-Кушет
	3	73 Ав
	4	91 Аг
	5	63 Д
	6	29 К
	7	1 Вис
	8	5 Ред; Баян
	9	28 Аг
	10	11 М
	11	54 Б
	12	54 Б
	13	32, 44 Щ
	14	Баян
	15	145 Аг; Загарье
	16	268 Аг
	17	318 Аг
	18	38 П; Горт-Кушет
	19	14 Щ
	20	17 К; 107 Аг; Баян; Коча
	21	45 П; 212 Ав; 32, 71 Щ
	22	188 Ав
	23	81 Аг
	24	18 Ав
	25	215 Аг
	26	183 Аг
	27	26 У; 38 П
	28	Горт-Кушет
	29	10 К
	30	32 Щ
	31	26 У; 28 К; уч. Р; Важгорт
	32	10 К
	33	98, 141 Д
	34	53, 139 Д
	35	176, 209 Ав
	36	145 Аг; Загарье?
	37	Загарье
	38	21, 37 П; Баян?
	39	15 П
	40	6 Важ
	41	81 Аг
	42	271 Аг
V	1	21, 75 Б
	2	Коча
	3	27 М; к. 1 погр. 1 Нюр-Медер
	4	89 М
	5	12, 19 Б
	6	3, 21, 45, 67, 73 Б
	7	к. 13 погр. 4 Б
	8	к. 6 погр. 1, к. 4 погр. 1, к. 2 погр. 2, 72 Б
	9	к. 2 погр. 2, к. 2 погр. 5 Б
	10	18 М
	11	к. 2 погр. 4, к. 2 погр. 2 Б
	12	к. 2 погр. 2 Б
	13	к. 5 погр. 3, к. 2 погр. 10, 6 Б
	14	к. 2 погр. 4, к. 2 погр. 7, к. 5 погр. 3, к. 6 погр. 1, 56, 65, 66, к. 13 погр. 3 Б

1	2	3
	15	36 М
	16	40 М
	17	Коча
	18	к. 22 погр. 1 Х; Х
	19	18 Б
	20	17 Б
	21	Вис, Харино
	22	45 Аг
	23	к. 1 погр. 1 Нюр-Медер
	24	к. 3 погр. 1 Нюр-Медер
	25	26 М
	26	21 Б
VI	1	21 М
	2	56 Б
	3	12 М; 135 Ав
	4	10 М
	5	11 М
	6	18 М; 56 Щ
	7	4, 10 М
	8	4 М
	9	23 М
	10	к. 1 погр. 2 Аг
	11	24 М
	12	190 Ав
	13	2 М; 106 Аг
	14	21, к. 5 погр. 3 Б
	15	22 М
	16	к. 6 погр. 6—7, к. 19 погр. 1, к. 35 погр. 3, к. 17 погр. 3, к. 21 погр. 1, к. 23 погр. 1, к. 39 погр. 1, к. 16 погр. 3, к. 19 погр. 2, к. 16 погр. 1, к. 2 погр. 1, к. 5 погр. 1, к. 6 погр. 3 Х; 17, 28 М; к. 1 погр. 2, к. 2 погр. 1 Аг; к. 2 погр. 1 Бурд; Х
	17	23 М; Вис
	18	6 Б
	19	к. 19 погр. 1 Х; Вис
	20	к. 10 погр. 1, к. 13 погр. 21, к. 21 погр. 1, к. 33 погр. 8, к. 36 погр. 1, к. 47 погр. 1 Х; к. 6 погр. 1 Бурд; Вис
	21	24 М
	22	18, 21, 49, 54, 56, 68 Б; 80 Щ
	23	10 М
VII	1	к. 1 погр. 3 Аг
	2	9 М
	3	к. 33 погр. 7 Х; 26 М
	4	1 М
	5	к. 16 погр. 7 Х; Юксеевская волость
	6	5, 16 Б
	7	4 М
	8	к. 33 погр. 3 Х, к. 2 погр. 2 Бурд I
	9	Х
	10	8 Б, 32 Б
	11	к. 5 погр. 3, к. 8 погр. 1, к. 13 погр. 3, 58 Б
	12	к. 2 погр. 1 Нюр-Медер
	13	к. 2 погр. 11, к. 5 погр. 3 Б
	14	19 М
	15	23 М
	16	89 Аг
	17	78 Аг
VIII	1	26, 63 Д; 90, 117, 304, 344 Аг; 1 Ав; 14 Щ; IV Р
	2	47 П
	3	27 К
	4	У
	5	Х
	6	48 П
	7	Загарье
	8	26 Д
	9	279 Аг
	10	1, 9 Неволино
	11	46 П
	12	IV Р; Баян
	13	104 Аг
	14	48 Ав
	15	уч. Ав
	16	141 Д; 50 Ав
	17	28 П
	18, 19	Баян
	20	23 К
	21	88, 118 Ав; 10 Щ; Загарье
	22	1 У; 12 Щ
	23	53, 107 Ав; уч. Ав
	24	65 Ав
	25	26 К
	26	45 П
	27	47 Аг
	28	163 Ав
	29	161, 159 Ав
	30	43 Аг
	31	96а Ав
	32	5 Аг
	33	149 Ав
	34	67 Ав

1	2	3
	35	X
	36	Аг
	37	уч. 3—12 Д; 4 Аг
	38	19 Д
	39	2 Аг
	40	яма на уч. РС/9—10 Ав
	41	132 Ав
	42	Баян
	43	24 П
	44	3 Б
	45	52 Аг
	46	92 Аг
	47	43 Ав
IX	1	20 К; 175 Ав
	2	13 К
	3	Баян
	4	Мальцева
	5	22 П; 204, 222б Ав; 52 Щ; 4 Телячий Брод
	6	93 Д; уч. Ав
	7	уч. Р/3 Д; уч. Р
	8	Баян
	9	1 К
	10	10 К; уч. Ав; 53 Щ; уч. Р
	11	Загарье
	12	24, 30 Щ; 168 Ав
	13	уч. Р
	14	12 К
	15	уч. Р
	16	Ш Р
	17	19 У
	18	96а Ав
	19	213, уч. Ав
	20	22 Ав
	21	Усть-Вочь
	22	18, 30 П
	23	108 Ав
	24	175 Аг
	25	18 Д; 105 Аг; 96а Ав; 56 Щ; уч. Р
	26	5 К
	27	X
	28	87 Ав
	29	18 Ав
	30	5 Ред
	31	10, 126 Аг; уч. Ав; П
	32	яма на уч. ТУ/11 Ав
	33	10 Ав
	34	46 Ав
	35	134 Ав
	36	15 П
	37	80 Щ
	38	41 Аг
	39	107 Аг
	40	14 Д
	41	У
	42	19 Д
	43	62 Д
X	1	26 М
	2	2, 39 М; 68 Ав
	3	26 М; 2 Пыштайн
	4	20 М
	5	9 М
	6	к. 53 погр. 1 X; 9 М
	7	24 М
	8	39 М
	9	39 М; 68, 135 Ав
	10	26 М
	11	к. 13 погр. 2, с площади могильника X; к. 1 погр. 2, 49, 78, уч. Н/18 Аг
	12	39 М
	13	133 Аг
	14	11 Б
	15	21 Б
	16	107 Ав
	17	134 Ав; Вис; Яма Ав
	18	91 Аг
	19	13, 42, 167 Аг уч. Н/18 Аг
	20	54 Ав; 2 Аг (1962 г.)
	21	126 Аг
	22	48, 92, 130, 170, 192 Аг
	23	174 Аг
	24	69 Ав; 43 Аг
	25	81, 91, 97 Аг
	26	54 Ав
	27	2, 4, 13, 126, 166, 170 Аг; 70, 134, яма Ав
	28	149 Ав
	29	168 Аг
	30	149 Ав
	31	уч. Р
	32	4 Аг (1962 г.)
	33	102 Аг
	34	4 Аг
	35	9 Д; 4, 197 Аг
	36	45 П; Вис, Чердынский уезд
	37	9 Д
	38	19 Д; Вис, У, Коча
	39	1, 2 Вис
	40	82 Аг
	41	7, 17 Д; 194, 195, 200 Аг; Ванниково

1	2	3
	42	13, 26, 115 Д; 38 П; 210, 349 Аг; 29 Ав; уч Р
	43	8, 33, 45, 63, 70 Д; 14 Щ
	44, 45	8, 18, 63, 70, уч. И/2 Д; 14 Щ; 282 Аг; уч. Ав; уч Р; Мазунино
	46	19 У
	47	29 Ав.
	48	к. 16 погр. 6 Х
	49	4, 37 Д
	50	19 У
	51	5 Ред
	52	1 М
	53	Беклемишева
XI	1	69, 79, 134 Ав; 4, 3, 13, 42, 47, 73, 75, 168 Аг
	2	73, 96а Ав
	3	Вис
	4	19 Д; У
	5	42 Д
	6	Вис, Баландино
	7	14 Щ
	8	14 Д; Ванниково
	9	107 Аг
	10	1 Ав
	11	7 Ав
	12	76, 158 Ав
	13	135 Ав
	14	яма Ав; 18 Щ; У Р
	15	31, 81, 145 Аг; VIII Р
	16	188, 190 Ав; 48, 91, 326 Аг
	17	39 М
	18	Загарье
	19	18, 26 Д; 41 Аг; уч. Р; 1 Ав; Вис, Ванниково
	20	62 Д
	21	19, 87 Д; 47, 48, 64, 92, 102, 130, 167, 197, 204, 279, уч. 3/6, уч. Ж/8, 356 Аг; 43, 69, 67, 134, 159, 199 Ав; уч. Р; уч. В; 4 Телячий брод; Вис, Аг
	22	Баян
	23	М; Сартакова
	24	к. 37 погр. 3 Х, Харино; 54 Б
	25	1, 4, 42, 47, 48, 50, 73, 76, 91, 92, 105, 156, 164 Аг; 54, 69, 134, яма Ав
	26	134 Ав
	27	100 Ав
	28	73, 84, 96а Ав
	29	1, 13, 41, 42, 47, 50, 80, 97, 105, 125, 126, 169 Аг; 70 Ав; Вис; П
	30	134 Ав
	31	47 Аг
	32	139, яма Ав
	33	96а Ав
	34	2 Телячий брод
	35	4 Телячий брод
	36	126 Аг
	37	73 Ав
	38	73 Ав
	39	2 Аг
	40	4, 50 Аг; 69 Ав
	41	130 Аг
	42	43, 122 Аг
	43	Вис
	44	149 Ав
	45	72, 78 Ав
	46	9 Д; 45 П; 181 Аг; уч. Р; Вис; Носково; Мазунино
	47	162 Ав
	48	102, 174 Аг
	49	Д
	50	154, 163 Ав
	51	4, 13, 43 Аг; бывш. Аннинская волость
	52	192 Аг
	53	1 Аг
	54	19 Д; 45 П; 279 Аг; 2 Вис; Михалево
	55	167 Аг
	56	39 Д
	57	19 Д; Вис
XII	1	13 Д; уч. 144 Ав; уч. Р
	2	102 Д
	3	13 Д
	4	8, 18 Д
	5	63 Д; 95 Ав; 167 Аг
	6	4 Телячий брод
	7	93 Д
	8	8, 63, 68, 70 Д; 47 П
	9	43 П
	10	Загарье
	11	Вис
	12	7, 17, 69 Д; 321 Аг; Вис
	13	Вис

1	2	3
	14	10а Д; 1 Телячий брод, Вис, Михалево
	15	1 Ав
	16	17 Д
	17	17 Д; 4 Телячий брод
	18	356 Аг
	19	21, 65, 74, 84, 85, уч. Ав
	20	Носково
	21	Баян
	22	Баян
	23	19 У; 10 К
	24	6 К
	25	15, 18 П
	26	12 Щ
	27	53 Ав
	28	218, 219 Ав
	29	65, 83, 84, 105, уч. Ав; 10, 11, 23, 31, 54 Щ; уч. В; Баян
	30	Носково
	31	43, 45, 48 Ав
	32	6 К
	33	1 У
	34	23 К
	35	54 Щ
	36	84 Ав
	37	43, 48 Ав
	38	1, 23 Щ
	39	Баян
	40	Баян
	41	48, 53, 65, 74, 83, 84, 85, 87, 218, 219, уч. Ав; 12, 13 Щ; уч. Р; уч. В; Горт-Кушет
	42	1 В; 1, 3 Щ
	43	уч. В; 220 Ав
	44	18, 46 П
	45	1 Щ; Баян; 105 Ав
	46	Баян
	47	уч. В
	48	Мальцева
49, 50, 52		Баян
	51	Елево
	53	119 Д; уч. Р
	54	87, 109 Д
	55	138 Д; 10 К
	56	29 П
	57	19 У; 11 К; 16 Щ; уч. Р
	58	104 Аг
	59	3 Аг
	60	107 Аг
	61	360, 377 Аг
	62	47 П, 54 Ав; 210 Аг
	63	40 М
	64	13, 76 Аг; 54 Ав
	65	356 Аг
	66	3, 12, 23, 31, 54 Щ; уч. В
	67	65, уч. Ав
	68	312 Аг
	69	107 Аг
	70	23 К
	71	Аг
	72	134 Ав
XIII	1	120 Ав
	2	182 Ав
	3	24 М
	4	37 Ав; 3 Щ
	5	уч. В; 2, 4 Аг
	6	к. 2 погр. 11, к. 11 погр. 1, к. 13 погр. 3, 18 Б
	7	68, 135 Ав
	8	10, к. 37 погр. 5, к. 53 погр. 1 Х; 4, 9, 26, 39, к. 13 погр. 2 М; к. 13 погр. 2, 16 Б; к. 1 погр. 2 Аг
	9	24 М
	10	к. 1 погр. 1 Нюр-Медер
	11	2 М
	12	3 Щ
	13	15 П
	14	уч. Ав
	15	5, 54, 73 Аг
	16	32 Щ
	17	17 К
	18	к. 13 погр. 3, 21, 48, 68, 72 Б
	19	Бельково
	20	29 Ав; 57 Щ
	21	63 Д; 33 Ав
	22	70, 72 Д; 14 Щ
	23	13 К
	24	31 Щ; 105 Ав; уч. В
	25	Загарье
	26	1 Ав
	27	11 К
	28	уч. Р/2 Д
	29	7 Д; 137, 321 Аг; 96а Ав
	30	9 Д
	31	2, 43 Ав
	32	175 Ав
	33	84 Ав
	34	54 Щ
	35	10 К
	36	321 Аг

1	2	3
	37	19, 62 Д
	38	Рождественское
	39	330 Аг
	40	107 Аг
	41	15 Д
	42	Вис
XIV	1	Михалево
	2	54 Б
	3	87 Д
	4	120 Аг
	5	63 Д; 4 Телячий брод
	6	127 Д; Вис
	7	Купрос
	8	10 У; М-Аниково
	9	Мальцева
	10	Х
	11	37 П
	12	Ильинское
	13	У
	14	15 П; Баян
	15	Идогово
	16, 17	Х
XV	1	39 М
	2	205 Аг
	3	5 У
	4	85 Ав
	5	30 Щ; Баян
	6	78 Ав
	7	149 Ав
	8	Назарова
	9	Плотникова; Баян; У
	10	114, уч. РС/9—10, 214 Ав
	11	Рождественское
	12	34а Д
	13	3 К
	14	Мальцева
	15	15 П; 83 Ав; М-Аниково; Кемоль
	16	19 У
	17	5 У; 16 Щ
	18	139 Д
	19	20 К
	20	Горт-Кушет
	21	Баян
	22	94 Ав
	23	48 Ав
XVI	1	18 П
	2	Ильинское; Баян; Чердынский уезд
	3	Баян
	4	20 К
	5	Козьмино
	6	4,5 Ред
	7	М-Аниково; Харино
	8	10 У

1	2	3
XVII	1	55, 87 Д
	2	180 Ав
	3	163, 180 Ав
	4	48 Аг
	5	306 Аг
	6	40 Д
	7	4, 37, 63 Д; 5 У; Вис
	8	59 Д; 5 У; Вис
	9	74 Д
	10	уч. Р
	11	74 Д
	12	59 Д
	13	55 Д
	14	74, 105, 110 Ав
	15	122 Ав; 48 Аг
	16	20 Ав
	17	122 Ав
	18	21 Ав
	19	уч. Р
	20	УП, уч. Р
	21	30 Аг
	22	34 Ав
	23	367 Аг
	24	45 Ав; 73 Аг
	25	7 К; уч. Р
	26	71 Ав
	27	71 Ав
	28, 48	бывш. Аннинская волость
	29	297 Аг
	30	91 Ав
	31	62 Ав; 277, 306 Аг
	32	51 Ав; Георгиевское
	33	160, 223 Аг
	34	3 Щ; уч. Р
	35	20, 163 Ав; уч. Р
	36	Вис
	37	45 П; Чердынский уезд
	38	22, 25 Д
	39	37 Ав; 81, 169, 297 Аг
	40	20 К
	41	Ильинское
	42, 43	уч. К/1 У
	44	уч. В
	45	39 М
	46	31 Аг
	47	91 Аг
	49	45 П
	50	51, 135 Ав
	51	45 П; 158 Ав
	52	45 П; 223 Аг;
	53	182 Ав; Чердынский уезд
	54	10 К Архангельское

1	2	3
	55	76 Ав
	56	73 Аг
XVIII	1	29 У; 48 П
	2, 3	20 Щ
	4	68 Щ; Рождественское
	5	5 У
	6	Х, Федорово
	7, 12, 16, 21	Михалево
	8	191 Ав
	9	уч. Ав
	10	29 П
	11	29 П; 222а Ав
	13	1 У
	14	уч. Р
	15	Ильинское
	17	20 Щ
	18	VIII Р
	19	53, 175 Ав
	20	уч. Р
	22	уч. Ав
	23	Баян
	24	137 Ав
	25	Х
	26	40 Щ
	27	Вис; Михалево
XIX	1	13а, 55, 118 Д; 26 К; 44 П; 306 Аг; 212 Ав; Сюльково; Вис; Кудымкар
	2	20, 118а Д; 318, 374 Аг; 60 Щ; уч. Ав; Загарье; Вис
	3	20 Д; 33 Ав; Михалево
	4	273; 306 Аг; Вис; Данилово
	5	19 Д; Кудымкар
	6	64 Д; Вис
	7	76 Ав
	8	258 Аг; Ильинское
	9	40 Щ
	10	Х
	11	57, 64 Д
	12	29 У
	13	306 Аг
	14	П
	15	6, 13 К; 18, 46 П
	16	37 Д
	17	6 К
	18	уч. Е/5 Д
XX	1	71 Д
	2	76, 129 Аг; 184 Ав; Вис
	3	Грудята
	4	Федорово
	5	133 Д
	6, 7	Х
	8	Михалево
	9	Аг
	10	214 Ав
	11	21 М
	12	206 Ав; Зародята
	13	44 П; 78, 94 Аг; 51, 68, 206 Ав; Вис; Корчея
	14	20 М
	15	21 Аг
	16	11 Щ
	17	к. 1 погр. 1 Пеклыб 1
	18	Пуксиб
	19	56 Ав; уч. Р
	20	30 Щ
	21	163 Ав
	22	Баян
	23	76 Ав
	24	13 Ав
	25	108 Ав
	26	20 Д
	27	Вис
	28	Аг
	29	34, 37, 63 Д; Михалево
XXI	1	10 У
	2	175 Ав; П
	3	139 Д
	4	19 У; 68 Щ
	5	87, 112 Д; 26 К; 371 Аг; уч. Ав; уч. Р
	6	121 Аг
	7	13а Д; Зобачево
	8	287 Аг
	9	Чердынский уезд
	10	37, 61 Д; 262, 263, 276, 297 Аг; 49 Щ; Демино
	11	55 Д; 50, 51 Ав; Баян
	12	Вакина
	13	1 У; 2, 30 Щ
	14	118, уч. 3/12 Д
	15	Чердынский уезд
	16	24 К; Вис; Грудята
	17, 18	Загарье
	19	IV Р
	20	13а, 34а Д; 175 Аг; IV, уч. Р
	21	2 К; Баян
	22	63 Д
	23	79 Щ
	24	уч. Г/3 Д; Вис; Загарье

1	2	3
	25	299 Аг; Загарье
	26	VIII Р
	27	18 У; 39 П; 83 Ав; 37, 66 Щ; Гайны
	28	100 Аг
	29	29 П
	30	10 У
	31	49 П
	32	79 Щ
	33	26, 48а Д; 43 П
	34	45 П
	35	141 Д
XXII	1	2, 76, 135 Ав
	2	уч. Н/15 Аг
	3	68 Ав
	4	68 Ав
	5	50 Ав
	6	37, уч. Г/3 Д; 19, 29 У
	7	149 Ав; 112 Д; 5 У; Баян
	8	200 Ав; 81 Аг
	9	112 Д; 29 У; 164, 312 Аг; 49 Щ; 50, 51, 54 Ав; 113; 122, 146, 163 Ав; 1 Вис; Зобачево
	10	Георгиевское
	11	49 Щ
	12	94 Аг; 79 Щ; Георгиевское
	13	135 Ав
	14	40 П
	15	122 Ав
	16	122 Ав
	17	145 Аг
	18	15 П; 188 Ав; Баян
	19	Загарье
	20	12 Щ
	21	15 П; 30 Щ
	22	81 Аг
	23	57, 63, 64 Д; 91 Аг; 122 Ав; П
	24	19 Д; 45 П
	25	10 К; 15, 21 П; Баян
	26	15 П
	27	19 У
	28	26 М
	29	6 К
	30	6 Важ
	31	55 Д
	32	13а Д
	33	18 У
	34	87, 139 Д; М-Аниково; Баян; Загарье
	35	19 У

1	2	3
XXIII	1	20 К; 49, 79 Щ; 91 Ав; 257 Аг; 1 Вис
	2	44 Аг; 163 Ав
	3	45, 81 Аг; 91 Аг
	4	3 Аг
	5	122, 149, 158, 163 Ав; 95; 106 Аг
	6	287 Аг
	7	81 Аг
	8	29 У
	9	5 Аг
	10	21 П
	11	10 У; Вис
	12	21 П
	13	40 М
	14	1 М
	15	54 Б
	16	44 Аг; 15 П
	17	29 П
	18	45 П
	19	86 Ав
	20	28 Аг
	21	4 М
	22	190 Ав
	23	4 М
	24	9 М; 8 Пыштайн
	25	81 Аг
	26	54 Б
	27	Х
	28	к. 41 погр. 1 Х
	29	Вис; Опутята
	30	122 Ав
	31	91 Аг
	32	Саргина
	33	81 Аг
	34	122 Ав
	35	13, 42, 91 Аг
XXIV	1	5 У; 73, 81, 91, 105, 164 Аг; 33, 113, 163, 212 Ав
	2	1, 51, 78, 122, 206 Ав; 60, 79 Щ; уч. Р; Георгиевское
	3	12 У; 26 К; 78, 81, 167 Аг; 50, 54, 68, 149, 190 Ав; VIII Р; 1 Вис; Георгиевское
	4	257 Аг
	5	21 П; 51, 68, 122 Ав; Гарамиха
	6	54, 135, 155 Ав; Георгиевское
	7	48, 164 Аг; Вис
	8	81 Аг
	9	81, 159 Аг
	10	54 Б; Пыштайн

1	2	3
	11	87 Д; 29, 37, 40 П; 273 Аг; 47 Ав; 3, 79 Щ
	12	37, 40, 87, 103, 116, 129 Д; 1, 5, 10, 19, 29 У; 6, 8, 10, 24 К; 18, 21, 22, 28, 29, 30, 37, 46 П; 76, 271 Аг; 3, 45 Ав; 30 Щ; Баян
	13	13а, 55, 125 уч. Г/4 Д; 1 Телячий брод; Баян
	14	257 Аг; 129, 138 Ав
	15	51 Ав; Георгиевское
	16	83, 135, 219 Ав; Х
	17	Грудята
	18	13 Аг
	19	28 Аг
	20	87, 124 Д; 21, 37, 40 П; 84, 91 Аг
	21	42, 81, 91, 97, 262, 287 Аг; 33, 35, 51, 55, 78, 96а, 113, 122, 135, 149, 159, 163, 212 Ав; 54 Щ; Аннинская волость
	22	83, 135, 180 Ав
	23	112, уч. А/1 Д; 19, 29 У; 20 К; 49 П; 122, 149 Ав; 38 Щ; У, уч. Р; уч. Н/20, 81, 100, 190, 262 Аг
	24	170 Ав
	25	50 Ав
	26	81, 168 Аг; 96б Ав
	27	88 Аг
	28	96а, 122 Ав; 149, яма Ав
	29	45 П; 54 Ав
	30	51, 122 Ав
	31	79 Щ; Вис
	32	20 К; 18, 24, 29, 44 П; IV, уч. Р; 91 Аг; Вис
	33	50, 51, 122, 163 Ав; 79 Щ; уч. В; VIII Р; Георгиевское
	34	13, 23, 44, 105 Аг
	35	10 У; 48, 51, 78, 159 Ав; Георгиевское
	36	13 Аг
	37	95, 129 Аг
	38	51 Ав
	39	51, 122 Ав
	40	19 У; Загарье
	41	124 Д
	42	13а, 87 Д; 42 Аг; 55, 96а Ав; Баян
	43	76, 178 Ав
	44	13а, 20, 37, 57, 63, 64 Д; 40 П; 265 Аг; Вис; У; Михалево
	45	319 Аг; 49, 53 Щ
	46	262, 287 Аг
	47	72 Аг
	48	Баян
	49	37, 112 Д; 5 У; 18, 21, 29, 37 П; 68 Щ; 55, 76, 188 Ав 3 Телячий брод
	50	81 Аг; 54 Б; 2 Пыштайн
	51	167 Аг
	52	Зобачево
	53	262 Аг; 11 Щ; 55, 199 Ав; Зобачево
	54	9 Д; 29 У; 105, 271 Аг; Х; Вис
	55	102 Д; 5 У; уч. Р; 5 Баян; М-Аниково; У
	56	5 У; 6 К; 18, 21, 24 П; 319 Аг; 28 Ав; уч. Р
	57	к. 2 погр. 1, к. 6 погр. 2 Х
	58	4, 28 М
	59	133 Ав
	60	9 М
	61	П
XXVI	1	2 Аг (1962 г.)
	2	8 К; 4 Аг
	3	18 Ав
	4	87 Аг
	5	73, 97, 145, 206, 213 Ав
	6	76 Ав
	7	4, 80 Аг
	8	18 Д
	9	89, 134 Ав
	10	67 Аг
	11	132, 134, 142 Ав
	12	Козьмино
	13	58 Аг
	14	Баян
	15	105, 149, 209 Ав
	16	43 П
	17	12 К
	18	87 Д
	19	89, 96а, уч. Ав
	20	45 П
	21	22 М
	22	199 Ав

1	2	3
	23	43, 46, 47 П; 47 Ав; 290 Аг; 80 Щ; уч. Р
	24	171 Ав
	25	73, 107 Аг; 83 Ав
	26	43 П; 98, 349, 353 Аг; 8, 67 Щ; 40, 142, 149, 172 Ав
	27	299, 360, 344, 366 Аг; 5 К; 189 Ав; 7 Щ; Х Р
	28	8 Аг
	29	145 Аг; 63 Щ
	30	102 Аг
	31	8 Д; 44 Щ
	32	28 П; У Р
	33	22 П; 246 Аг; 3; 43, 120, 139 Ав
	34	260 Аг; 35 У; 29 Ав
	35	8 Д; 93, 107 Аг; 32, 108 Ав
	36	18 Ав
	37	332 Аг
	38	12 К
	39	10, 40, 145 Ав; 246, 260 Аг; 2 Щ
	40	1 К; 1 Баян
	41	93 Аг
	42	8, 23 К; 40, 43 П
	43	344 Аг
	44	47 П
	45	145 Аг
	46	7 К
	47	141 Д
	48	7 К
	49	32, 62, 90, 108, 171 Ав
	50	140 Д
	51	124 Д
	52	5 Щ; 129 Аг
	53	45, 209, 213, яма Ав; уч. Р
	54	43 Ав
	55	35 У; 24 П; уч. Р
	56	35 У
	57	87 Д
	58	106, 366, 369 Аг
	59	40 П
XXVII	1	139 Д
	2	36 У; 129, 199 Ав; 38 Щ
	3	к. 4 погр. 1 Нюр-Медер
	4	Баян
	5	48а Д
	6	Баян; 161 Ав
	7	32 Щ
	8	уч. М; 12 Б
	9	Загарье
	10	3 Щ
	11	18 Б; 29 Ав; Баян
	12	67 Ав
	13	133 Ав
	14	42 Щ
	15	63 Щ; 96а Ав
	16	1, 158 Ав
	17	93 Аг
	18	20 Ав
	19	171 Ав
	20	29 Ав
	21	1 Ав
	22	32, 157 Ав
	23	19 Б
	24	Аг
	25	Вис; Телячий брод; 255 Аг; 13 Щ
	26	уч. Р
	27	32 Щ
	28	47 Щ
	29	172 Ав
	30	356 Аг
	31	54, уч. В/3 Д; 1, 31 Ав
	32	Х Р; Антоновцы
	33	36 Ав
	34	У Р
XXVIII	1	29, 85 Ав; уч. Р
	2	45 Ав
	3	Баян
	4	26 Д; 94 Аг; 7 К
	5	129 Ав; уч. Р
	6	172, 222 Ав; 37 Щ
	7	14 Щ; 213 Ав
	8	171 Ав
	9	23 К
	10	107 Аг; 89 Ав
	11	уч. Р
	12	1 Ав
	13	203 Ав
	14	16 Щ; 189 Ав
	15	330, 356 Аг
	16	209 Ав
	17	126 Аг
	18	129 Аг
	19	10, 62 Ав
	20	17 Д; 27 К; Вис; Баян
	21	8 К
	22	141 Д; 145 Аг
	23	140 Д; 4, 35 У; 4, 35 Баян
	24	125 Д
	25	1 К; 222б Ав; Баян
	26	18 Д
XXIX	1	П
	2	Чазево

1	2	3
	3	40 П
	4	68 Ав
	5	Пыштайн
	6	37 Д
	7	16, 41, 119 Д
	8	327 Аг
	9	360 Аг
	10	24 М
	11	133 Ав
	12	257 Аг
	13	287, 306 Аг
	14	21 Б
	15	68 Ав; 9, 39, 40 М; 53, 54Б
	16	к. 1 погр. 5 Аг; к. 17 погр. 4 Х; к. 2 погр. 3 Бурд; 4, 24, 26 М
	17	39 М
	18	13 Аг
	19	45 Ав
	20	19 У
	21	10 У
	22	6 К; 6 Важ
	23	54, у. В/4 Д
	24	287 Аг
XXX	1	15, 18, 36, 65 Д; 40 П; 23, 47, 63 Щ; Х Р; 356 Аг; 11, 14, 24, 37, 41, 172, 205, 218 Ав
	2	170 Ав
	3	171 Ав
	4	167 Аг; 85 Ав
	5	89 Д
	6	85, 93; 111, 149, яма Ав
	7	87, 120, 160 Ав
	8	161 Аг; 68 Ав
	9	34, 87, 94, 109 Д; 20 У; 40 П; УП Р; 312 Аг; 29, 32, 40, 43, 121, 123, 130, 144, 149, 192 Ав; 13, 38, 42 Щ
	10	118 Аг; 107, 148 Ав
	11	149 Ав
	12	к. 2 погр. 6, к. 14 погр. 1 Б
	13	10, 16, 33, 65, 66, 72, 92, уч. Е/1 Д; 17, 27 К; 4 Телячий брод, 203 Аг; 32, 90, 170, 171, 172, 199, 220 Ав
	14	23 М
	15	124 Д
	16	8, 12, 34, 57, 63, 72, 83, 89, 96, 115 Д; 22, 24, 44, 45, 48 П; 4 Ред; 29, 97, 222б Ав; 4, 9, 18, 19, 26, 28, 40, 41 М; к. 4 погр. 1, к. 13 погр. 3, к. 5 погр. 3, 16, 21, к. 9 погр. 1, к. 11 погр. 1 к. 11 погр. 2, 4, 7 Б
	17	95, 102, 117, 120, 145, 213, 269 Аг; 93, 170 Ав
	18	13, 162 Аг; 200, 202 Ав
	19	24 М
	20	к. 5 погр. 1, к. 5 погр. 3 М
	21	23 М
	22	98, 109, 139 Д; 7 К; 47 П; 47 Важ; 8, 13, 76, 86, 93, Аг; 50, 67, 115, 89, 128, 207 Ав; 4, 67 Щ; 93, 209, 222а Ав
	23	92 Аг
	24	27 К; 39, 42, 46, 50 П; 39, 42, 46, 50 Баян; 45, 94 Аг; 18, 20, 106, 149, 160, 163, 168, 170, 171, 172 Ав
	25	к. 15 погр. 2, 21, 32, 33, 48 Б
	26	326 Аг; 85, 172 Ав
	27	70 Аг
	28	94, 138 Д
	29	18, 106, 140 Д; 1, 5, 10 К; 37 П; Баян; 11 Щ; 46, 57, 121, 205 Ав
	30	8, 13 К; 18 П; 70 Аг; 9, 66, 94 Ав
	31	1, 13, 22, к. 5 погр. 2 М
	32	17 М; 2, 7, к. 7 погр. 1 Б
	33	107, 191 Аг
	34	158 Ав
	35	142 Ав
	36	15 П
	37	12 М
	38	107 Аг
	39	90 Ав
	40	199 Ав

1	2	3
	41	**1, 2,** 10, 14, 18, 21, 51, 33, 54, 65, 107, 108, 135, 137, 144, 158, 189, 190, 199, 203, 216 Ав; 61, 72 Щ; уч. Р· 87, 91, 94, 106, 165, 330, 341, 349 Аг
XXXI	1	**37, 222в** Ав; 47 Щ; 5 Ред; 4 Телячий брод
	2	**32** Ав; Загарье
	3	**85** Ав
	4	**107** Аг; 109 Д
	5	**15,** уч. А/1 Д; 4 У; 337 Аг
	6	**10,** 11 Д; 171 Ав; Баян
	7	**181,** 199, 210, 232, 270, 319, 337, 356, 360 Аг; 10, 149 Ав; уч. Р; 4 Ред; 10, 19, 20, 29, 40, 50, 54Д
	8	23 М
	9	к. 2 погр. 6, к. 4 погр. 1, 21 Б
	10	149 Ав
	11	158 Ав; 210 Аг
	12	36 Д
	13	46 П; Важ; Телячий брод
	14	300 Аг, 330 Аг
	15	40 П
	16	4, 15, 72 Д; 172 Ав; Х Р
	17	66 Д; Ав
	18	к. 5 погр. 3, к. 2 погр. 2 Б
	19	19, 29, 93, 171 Ав
	20	уч. У/5; 67, 200, 205 Аг; 132 Ав; 26, 59 Д; 40 П; 40 Вис; 31, 72, 81 Щ; уч. Р
	21	Баян
	22	18, 64, 65, 109 Д; 337, 356, 360 Аг; 11, 149, 67, 108, 158 Ав; Загарье, 42 Щ; Х Р
	23	14 Пыштайн
	24	87, 107, 145 Аг
	25	11, 58, 121 Д; 5 К; 32 Ав
	26	4 У; 107 Ав; Загарье, Ильинское
	27	141 Д; 199 Ав
	28	36 Ав

1	2	3
	29	16 Д
	30	5 Аг (1962 г.)
XXXII	1	Горт-Кушет
	2	Баян
	3	Козьмино
	4, 6	2 К
	5	42 П
	7	20 К
	8	6 К
	9	19 У
	10	24 П
	11	5 К
	12, 14, 20	Загарье
	13	36 Ав
	15—19	217 Ав
XXXIII	1	43, 47 П; 35 У; уч. С/18, 71 Аг
	2	V Р; 46 Ав
	3	23, 171, 172 Ав
	4	29, 199 Ав
	5	61, 142, 172 Ав
	6	27 М
	7	43 П
	8	27 М
	9	14 Пыштайн
	10	27 М
	11	1 К
	12	24 М
	13	131 Д; Горт-Кушет
	14	27 М
	15	3М, 18 П
	16	уч. Е/5 Д; 33, 120 Ав
	17	121 Ав
	18	21 Б
	19	24 М
	20	6 Важ
	21	13 а, 100 Д
	22	10 а Д; 76, 180 Ав
	23	к. 47/1 Х
	24	247 Аг
	25	32 Ав
	26	62 Ав
	27	Зобачево
	28	2 Важ; 56, 87 Ав
	29	91, 112 Д; 19 У; 191 Ав
	30	20 У
	31	2 К; 29 П; 175 Ав
	32	р. П У
	33	Вис
	34	57 Ав
	35	2 Важ
	36	41 Аг
	37	4 У
	38	5 Ред
	39	28 П
	40	161 Аг

1	2	3
	41	27 К; 24 П; 28 П; 61, 157 Ав
	42	45 П; 65, 111, 120, 157, 171 Ав
	43	70 Щ
	44	65 Д
	45	65 Д
	46	5, 7 К
	47	66 Ав, 222г Ав
	48	17 К
	49	5 Ред
XXXIV	1	35 М
	2, 4, 5, 9	Харино
	3, 8	Бурд 1
	6	6 М
	7	к. 18 погр. 1 Харино
	10	уч. 3/10—11 Б
	11	к. 6 Б
	12	к. 11 Б
	13	погр. 7 Б
	14	уч. 3/10 Б
	15	уч. П/10—11 Б
	16	Б
	17	к. 4 Б
XXXV	1	К
	2	102 Д
	3	1 Важ
	4	5 К
	5	4 Важ
	6	19 К
	7	20 Д
	8	57 Д
	9	уч. 3/7 Д
	10	49 Д
	11	133 Д
	12	55 Д
	13	17 К; 1, 4 У
	14	133 Д
	15	129 Д
	16	5, 11, 18 К; 1 У
	17	уч. В/4 Д
	18	уч. В/3 Д
XXXVI	1	107 Аг
	2	374 Аг
	3	84 Аг
	4	371 Аг
	5	70 Аг
	6	65 Аг
	7	248 Аг
	8	уч. е/6 Аг
	9	124 Аг
	10	353 Аг
	11	77 Аг
	12	356 Аг
	13	254 Аг
	14	110 Аг
	15	338 Аг
	16	124 Аг
	17	260 Аг
	18	316 Аг
	19	44 Аг
	20	203 Аг
XXXVII	1	21 Ав
	2	67 Ав
	3	9 Ав
	4	68 Ав
	5	180 Ав
	6	94 Ав
	7	107 Ав
	8	222в Ав
	9	38 Ав
	10	157 Ав
	11	188 Ав
	12	185 Ав
	13	224 Ав
	14	105 Ав
	15	129 Ав
	16	216 Ав
	17	56 Ав
	18	115 Ав
	19	84 Ав
	20	яма на уч. РС/9—10 Ав
	21	199 Ав
	22	32 Ав
	23	146 Ав
	24	40 Ав
	25	55 Ав
	26	121 Ав
XXXVIII	1	149 Ав
	2	104 Ав
	3	117 Ав
	4	37 Ав
	5	76 Ав
	6	85 Ав
	7	120 Ав
	8	54 Ав
	9	18 Ав
	10	165 Ав
	11	яма на уч. РС/9—10 Ав
	12	65 Ав
	13	182 Ав
	14	81 Ав
	15	144 Ав
	16	214 Ав
	17	222а Ав
	18	144 Ав
	19	143 Ав
	20	78 Ав
	21	222г Ав
	22	175 Ав
	23	76 Ав
XXXIX	1—3	Опутята
	4—7	Опутятское городище

1	2	3
	8	Опутята
	9—10	Опутятское городище
	11, 12	Опутята
	13—16	Опутятское городище
	17, 18	Медведица
	19, 20, 25	Антоновцы
	21—23	Опутятское городище
	24	Морочата
	26—31	Опутятское городище
	32, 33	Антоновцы
	34, 35, 37	Опутятское городище
	36	Антоновцы
XL	1—13	Опутятское городище
XLI	1—17, 19—23, 25—40	Городище Шудьякар
	18	Городище Ором
	24	Бисеровское II городище
XLII	1—23	Городище Шудьякар
XLIII	1—19	Городище Шудьякар
XLIV	1—7	Патраковское селище
	8, 9	Русиновское I селище
	10	Горткушетское I селище
	11	Русиновское II селище
	12	Патраковское селище
	13—14	Макаровское селище
	15	Горткушетское I селище
	16	Русиновское I селище
	17	Горткушетское I селище
	18	Лисья Курья селище
	19	Патраковское селище
	20	Коновалята
	21—23	Горткушетское I селище
	24—26	Лисья Курья селище
	27—30	Коновалятское селище
XLIV	31, 32	Горткушетское I селище
	33, 34	Коновалятское селище
	35—39	Горткушетское I селище
XLV	1—21	Опутятское городище
XLVI	1	Русиновское I селище
	2	Горткушетское I селище
	3	Макаровское селище
	4	Русиновское I селище
	5	Русиновское II селище
	6	Горткушетское I селище
	7	Аверинское IX селище
	8	Городище Шудьякар
	9, 10	Городище Ором
	11	Горткушетское I селище
	12	Русиновское II селище
	13	Горткушетское I селище
	14—16	Городище Ором
	17—19	Русиновское II селище
XLVII	1—21	Городище Шудьякар
XLVIII	1—44	Гаревское костище
XLIX	1—17	Гаревское костище
L	1—4	Ильинское костище
	5	Останинское костище
	6	Панкрашинское костище
	7—12	Ильинское костище
	13	Останинское костище
	14—25	Ильинское костище
LI	1—35	Подбобыкское святилище
LII	1—29	Плесинские клады
LIII	1—55	Георгиевский клад
LIV	1—10	Урьинский клад
LV	1—28	Пешковский клад

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВ

Аверинские I—V селища 59—63 *
Аверинский II могильник 321
Аверинское IX селище 323
Агафоновский курганный могильник 232
Агафоновский бескурганный I могильник 233
Аннинские находки 255
Антоновцы, городище 36
Афанасьевский клад 311
Афанасьевские находки 310
Архангельский клад 156
Базуевские находки 236
Бачмановские (Куль-Поз) находки 268
Баяновский могильник 135
Баяновское селище 136
Баяндинская находка 151
Беклемишевский курганный могильник 70
Бельковский курганный могильник 273
Бисеровское II городище 293
Бовинские I—II (Маруша I—II) городища 8—9
Бовинское селище 10
Б. Висимский курганный могильник 131
Б. Висимский грунтовый могильник 132
Борисовское городище 96
Борленвенские I—II селища 128—129
Борленвенское местонахождение керамики 130
Буждог (Ромашевское) городище 326
Бурдаковский курганный I могильник 254
Бурковский курганный могильник 32
Бутырское городище 31
Важгортский могильник 157
Вакинское селище 150
Ванейское селище 18
Ванниковские находки 226
Варышская находка 283
Васиневский могильник 294
Ваулинское (Грибановское) городище 309
Вахрамовское (Ям-гора) городище 145
Вереинские I, II городища 12—13
Вереинский II клад 14
Вереинское селище 15
Вож-Пальниковская находка 166
Володин Камень I, II селища 189—190
Воробьевское городище 152
Вишерский клад 227
Гайнские находки 247
Галюковское селище 165
Гарамиха, городище 71
Гаревское городище 78
Гаревское костище 77
Георгиевское (Зуйкар) городище 291
Георгиевский клад 290
Гилевское городище 37
Глушихинское селище 73
Горд-Кушетский могильник 299
Гордкушетское городище 298
Гордкушетское I селище 300
Городищенское (Городецкий городок) городище 51
Городищенское (Кочкар) городище 176
Грибановский могильник 308
Григоровский клад 194
Грудятский могильник 89
Губинское городище 209
Губинские I, II селища 210—211
Губинское (Шомшинское) III селище 212
Губинское IV селище 213
Гутовский клад 124
Гыркош, городище 206
Даниловский могильник 244
Даниловское II селище 243
Деменковский могильник 108
Долгушинское селище 94
Евинская находка 116
Елевский могильник 237
Еловая Грива, селище 127
Загарский могильник 144
Запосельское I селище 192
Зародятское селище 47
Зобачевский могильник 95
Зобачевские I—IV селища 90—93
Идоговская находка 117
Ильинское городище 110
Ильинское костище 109
Ильинский клад 111
Ильинские находки 112
Илюшевское поселение 303
Искорское городище 223
Истоминское селище 74
Кайгородский клад 289
Каневский могильник 160
Каневское селище 161
Карашор, городище 259
Катаевские I—III городища 39—41
Кататыб, селище 202
Квать-Пелевский клад 182

* Номер памятника на карте (см. рис. 1).

Кемольская находка 107
Керчевский клад 196
Клепиковский клад 195
Климовский клад 168
Ковинский клад 48
Козьминские находки 146
Кокорятская (Узепская) находка 57
Кольчужное селище 207
Кольчужская находка 208
Концовское селище 80
Коновалятское селище 44
Кононовское селище 28
Корчевские находки 266
Корчейское городище 267
Косинское (Большереченское) городище 261
Кочевские находки 284
Красильниковский могильник 262
Крымкарское селище 221
Куделинское городище 105
Кудымкарский могильник 170
Кудымкарское городище 169
Купросские находки 147
Курганный клад 203
Курегкар, городище 281
Курьинские I, II селища 230—231
Кырдымское городище 148
Кытмановский клад 304
Кычдезовское городище 260
Лаврятское городище 137
Левинское городище 181
Лисья Курья, поселение 225
Лобанихинское городище 222
Ломоватовские I—V селища 81—85
Луковский клад 126
Мазунинское (Даниловское) городище 246
Майкорский могильник 140
Майкорский клад 141
Макаровский могильник в Чердынском районе 199
Макаровское селище 324
Макаровский могильник в Ильинском районе 88
Мало-Аниковский могильник 218
Малый Вакшур, пещера 22
Мальцевский могильник 172
Мальцевские I, II селища 174—175
Мальцевские находки 173
Марковское городище 17
Мартинское (Карасевское, Кырывйыр), городище 158
Мартыновский клад 285
Медведевское I селище 4
Медведица (Белошейкинское) городище 68
Мелехинский могильник 201
Мелехинское селище 200
Меркушевское (Сенькинское II) городище 30
Митинский курганный могильник 277
Митинское селище 278
Михалевские (Златинские) находки 235
Модоробские находки 234
Монаковская находка 114
Мочелятское городище 134
Морочатское (Большеухинское) городище 69
Мощинское (Мосинское) городище 153
Назаровское городище 104
Нетяйн I—III селища 251—253
Новоселовская находка 120
Носковский могильник 301
Озеро Грязное I—II селища 2—3
Омелинское селище 197
Омелинский могильник 198
Оношатский клад 125
Опутятское городище 49
Ором (Меркучевское) городище 325
Осташинское городище 115
Останинское (Косьвинское, Перемское) костище 133
Острая Грива, городище 184
Ошибские I, II селища 162—163
Ошовское городище 286
Панкрашинское костище 35
Пармайловские I, II городища 274—275
Пастоноговское городище 122
Пастоноговское костище 123
Патраковское селище 46
Патраковские находки 45
Пеклаыбские I, II курганные могильники 270—271
Пеклаыбское селище 272
Пеньковское II селище 5
Першинское городище 171
Петуховское городище 164
Пешковское селище 187
Пешковский клад 186
Пешнигортский могильник 180
Пешнигортские I, II клады 178—179
Плесинский могильник 257
Плесинские клады 258
Плесовское селище 7
Плесовское (Тюринское) городище 6
Плотниковский (Вишневский) могильник 167
Подагортская находка 183
Подбобыкское (Светик-камень) святилище 224
Покровское селище 98
Половодовский клад 193
Полуденский курганный могильник 56
Поповское городище 16
Пуксибские находки 282
Пыдосовское городище 269
Пыштайский курганный могильник 248
Пыштайский грунтовый могильник 249
Пыштайское селище 250
Пятигорские находки 229
Рагозский могильник 307
Рагозское городище 305

Рагозское селище 306
Раменские I, II селища 86—87
Редикорский могильник 215
Редикорское городище 214
Редикорские II, III клады 216—217
Родниковское (Чудиково поле) селище 11
Рождественский могильник 121
Ромашевские находки 38
Ромашевское городище 106
Русиновский могильник 295
Русиновское I, II селища 296—297
Ручевское (Стан) городище 154
Ручевский клад 155
Саламатовское II городище 21
Самковские I—III селища 64—66
Саргинская находка 118
Семенцовские I, II селища 75—76
Сёминское городище 191
Сенькинское I городище 29
Сибирские I, II городища 26—27
Сибирские I—III селища 23—25
Слудкинские, I, II селища 100—101
Слудкинский клад 102
Сметанинское городище 188
Сосновское селище 72
Стариковское селище 149
Старцевское (Коча-кок-кэрэс) городище 159
«Степаново Плотбище», селище 143
Сучкинское (Романов лог) городище 113
Сыпучинская находка 228
Сюльковская (Пон-Видч) находка 287
Таманское городище 185
Ташкинский клад 288
Тебеньковский клад 177
Телячий брод, могильник 20
Тиминский (Кочевской, Волгиревский) могильник 302
Томызский клад 328
Трубенковская находка 79
Тупицынское селище 99
Ужеговское селище 327
Урольское селище 205
Урьинский могильник 280
Урьинский клад 279
Усть-Гайвинское селище 1
Усть-Туйское костище 50
Усть-Кемольское селище 103
Усть-Иньвенское городище 138
Усть-Чикурьинское селище 256
Федоровские находки 245
Федоровщинские находки 142
Фекленская находка 58
Филатовское селище 67
Филинское городище 139
Филипповская находка 119
Харинский курганный могильник 238
Харинский грунтовый могильник 239
Харинское городище 240
Харинское VI селище в Гайнском районе 241
Харинское VIII селище в Гайнском районе 242
Харинское II—X селища Афанасьевского района 312—320
Чазевские I, II курганные могильники 263—264
Чазевская находка 265
Чердынский клад 220
Чердынские находки 219
Чубарковское селище 97
Чудихинские I, II городища 33—34
Чудиновские I—IV селища 52—55
Шармотпульский (Мало-Долдинский) клад 204
Шудьякар городище 322
Шушпанское (Красные Села) селище 19
Шукинский могильник 292
Юксеевская находка 276
Ямское городище 42
Ямской (Верхне-Березовский) клад 43

2 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИРКУТСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА